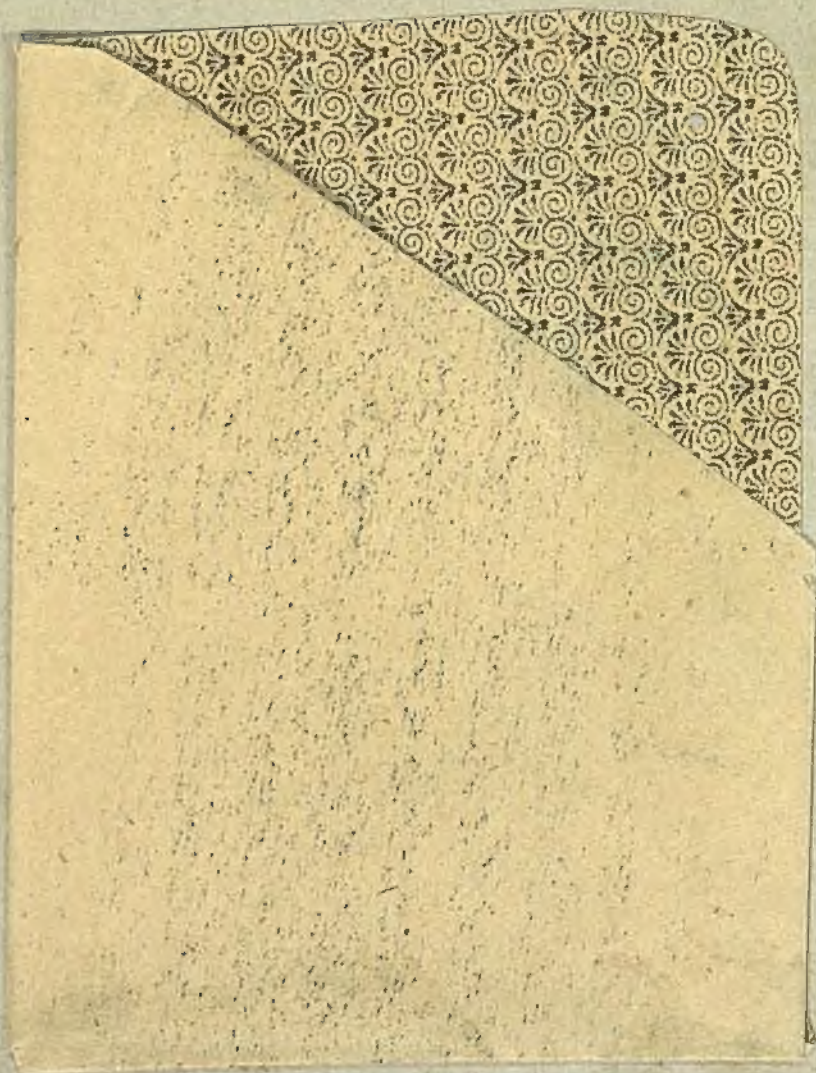

A 183
690

т. 32. 2.

A 183
690

ЭБ

690 СЛАВЯНЕ
ИХЪ ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ
И СВЯЗИ.

СОЧИНЕНІЕ

ЮСИФА ПЕРВОЛЬФА

(† 21 дек. 1891 г.).

съ портретомъ автора и указателемъ ко всѣмъ тремъ томамъ.

ТОМЪ III.

Славянская идея въ политическихъ и культурныхъ сношеніяхъ
Славянъ до конца XVIII вѣка.

Часть II.

Славяне западные и восточные
въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ.

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА,
Королевская улица № 13.

1893.

7/183
690

СЛАВЯНЕ, ИХЪ ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ И СВЯЗИ.

СОЧИНЕНІЕ

ЮСИФА ПЕРВОЛЬФА

(† 21 дек. 1891 г.).

съ портретомъ автора и указателемъ ко всемъ тремъ томамъ.

ТОМЪ III.

Славянская идея въ политическихъ и культурныхъ сношеніяхъ
Славянъ до конца XVIII вѣка.

Часть II.

Славяне западные и восточные
въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ.

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА,
Королевская улица № 13.

1893.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго
Университета.

Ректоръ *И. Щелковъ.*

По опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета издается нынѣ оставшаяся въ рукописи и не вполне оконченная *вторая* часть III-го тома многолѣтняго труда покойнаго профессора І. І. Первольфа. Смерть застигла нашего товарища въ самомъ разгарѣ окончательной обработки къ печати этого выпуска. Съ лихорадочной поспѣшностью онъ работалъ надъ нею, какъ будто подталкиваемый какимъ-то смутнымъ предчувствіемъ... Но судьба однакожъ не дала ему закончить даже III-й томъ „Славянъ“, тогда какъ имѣвшійся въ виду IV-ый — о возрожденіи Славянъ и о развитіи славянской идеи за послѣднее столѣтіе ¹⁾—остался совсѣмъ ненаписаннымъ; для него былъ собранъ лишь сырой матеріалъ въ видѣ массы выписокъ, справокъ, вырѣзокъ и т. п.

По плану автора III-й томъ посвященъ разсмотрѣнію *взаимныхъ сношеній Славянъ въ области политической и культурной* „насколько въ этихъ сношеніяхъ проявляется славянское сознаніе народовъ, и насколько въ нихъ замѣчается вліяніе одного народа на другой въ разныхъ сторонахъ народной жизни, напр. вліяніе одного языка славянскаго на другой, воздѣйствіе одной литературы на другую и вообще распространеніе культуры одного народа къ другому“ ²⁾. Въ *первой* части этого тома (изд. въ

¹⁾ См. Предисловіе къ I тому, стр. VIII.

²⁾ См. Предисловіе къ I части III-го тома, стр. I.

1890 г.) разсматриваются такія сношенія западныхъ Славянъ, преимущественно Чеховъ и Поляковъ.

Предлагаемый нынѣ вниманію читателей посмертный II-ой и послѣдній выпускъ III-го тома заключаетъ въ себѣ обзорѣніе *взаимныхъ сношеній Славянъ западныхъ и восточныхъ*. Къ сожалѣнію авторъ не успѣлъ довести его до конца, а равно обработать окончательно тѣ части послѣднихъ его отдѣловъ, которыя уже были написаны или набросаны.

Большую часть настоящаго выпуска занимаютъ сношенія *руско-польскія*, и на нихъ сосредоточивается весь его интересъ ¹⁾. Но и этотъ отдѣлъ остался не вполне обработаннымъ (см. напр. пропускъ на стр. 221) и недописаннымъ, и изъ заключительной главы (о церковной уніи), куда долженъ былъ войти и обзоръ политическихъ сношеній польско-русскихъ въ позднѣйшій періодъ до конца XVIII в. — согласно общему плану книги, нашелся лишь небольшой отрывокъ.

Въ видѣ отрывковъ же, хотя и болѣе обширныхъ, являются и другіе два отдѣла книги, изъ которыхъ одинъ посвященъ *сношеніямъ Чеховъ съ православными Славянами (Русскими и Югославянами)*, а другой — по всему видно — долженъ былъ обнять *сношенія южныхъ Славянъ между собой и съ остальнымъ славянствомъ*. Первый изъ нихъ остался не конченнымъ и не обработаннымъ, — имѣющееся было очевидно написано гораздо раньше и должно было быть дополнено по новѣйшимъ изысканіямъ; а изъ второго написана лишь одна глава: „Югославяне католики и Славяне православные, патарены и гуситы“.

Послѣдній трудъ I. I. Первольфа печатается копечно совер-

¹⁾ Первоначально очерки эти — лишь отчасти и притомъ въ нѣсколько иной формѣ (какъ извлеченіе изъ подготавлиаемаго большого труда)—появились по-чешски въ журн. *Osvěta* за 1881 г. („*Polaci a Rusini*“), изданіи мало доступномъ русскимъ читателямъ.

шенно въ томъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ-подъ пера автора. Самыя незначительныя измѣненія текста, нами допущенныя, касаются исключительно внѣшней формы: языка и стиля. Впрочемъ и въ этомъ случаѣ мы вездѣ руководствовались только необходимостью. Такое точное воспроизведеніе рукописи возможно было лишь потому, что большая часть книги (до 7 главы польско-русскаго отд., стр. 175) была вполне готова къ печати. Остальное — особенно послѣднія написанныя страницы этого главнаго отдѣла и отрывочныя части прочихъ — нося вообще характеръ неоконченности, не было еще въ такой же мѣрѣ подготовлено къ печатанью, не говоря уже объ отсутствіи внѣшней отдѣлки: не доставало кое-гдѣ ссылокъ и выносокъ, нѣкоторыя изъ нихъ нуждались въ провѣркѣ и дополненіи, не доставало заголовковъ и проч. Всѣ эти, впрочемъ незначительныя пробѣлы нами посильно пополнены.

Кромѣ того мы рѣшились составить и присоединить къ этому заключительному тому почтеннаго труда покойнаго слависта — *указатель личныхъ именъ* ко всѣмъ тремъ томамъ, дабы облегчить каждому пользованіе этимъ богатымъ и интереснымъ сводомъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній изъ исторіи всего славянства, особенно нуждающимся — по самому характеру изложенія и группировкѣ матеріала — въ такомъ пособіи.

Принявъ на себя трудъ по редактированью и печатанью этой послѣдней книги Іосифа Іосифовича, мы счастливы, что имѣемъ случай тѣмъ самымъ принести посильную дань нашего глубокаго уваженія и сочувствія — памяти незабвеннаго товарища.

Считаемъ пріятнымъ долгомъ высказать нашу искреннюю признательность профессору И. П. Филевичу за помощь при чтеніи корректуръ.

Константинъ Гротъ.

Варшава, 12 апр. 1893.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отъ редактора.	Стр. I
------------------------	-----------

III. Поляки и Русскіе.

1. Славянскія племена по Вислѣ, въ Карпатахъ, по Днѣстру, Днѣпру, Двинѣ. Ляхи и Русь, ихъ этнографическая граница. Государства польское (лядское) и русское; польскій католицизмъ и русское православіе, ихъ борьба изъ-за первенства на славянскомъ востокѣ. Стремленіе Поляковъ на русскій востокъ. Присоединеніе Руси карпатской и поднѣпровской къ Польшѣ. Побѣда польской культуры въ юго-западной Руси.	1
---	---

2. Раздѣленіе славянскаго праязыка. Словѣнскій языкъ церковный и литературный всей Руси, юго-западной и сѣверо-восточной. Языки западно-русскій и польскій, ихъ вліяніе другъ на друга. Вліяніе языка польскаго на западно-русскій. Книжный языкъ западно-русскій	23
---	----

A) Русь польская (коронная).

3. Католицизмъ—вѣра польская, православіе—вѣра русская. Преслѣдованіе православія. Католицизмъ и унія—орудія ополяченія Руси.	45
---	----

4. Польскіе порядки въ коронной Руси. Бояре, земляне, шляхта, паны. Русь и Поляки. Ополяченіе	
---	--

русской шляхты. Верещинскій, Орѣховскій, Гербуртъ. Польское право на Руси и его русскій переводъ. Города-мѣста на Руси, ихъ ополяченіе, мѣщане польскіе и русскіе. Селяне-кметы 58

5. Русскій языкъ и русская письменность въ карпатской Руси въ XVI—XVII вв. Польскій языкъ въ карпатской Руси; вліяніе русскаго языка на польскій, польскаго на русскій. Польская литература въ карпатской Руси 128

Б) Русь литовская.

6. Литва и присоединеніе къ ней югозападной Руси по Двиѣ и по Днѣпру. Великое княжество литовско-русское. Русскій языкъ и русская вѣра въ Литвѣ. Гедиминовичи. Литва и литовская Русь и Польша, столкновеніе католицизма и православія, католическая Литва и православная Русь. Русскій языкъ — официальный и литературный языкъ литовско-русскаго государства, католической Литвы и православной Руси. Русское устройство литовско-русскаго государства; князья и бояре, города, селяне. . . 148

7. Соединеніе Литвы съ Польшей и его послѣдствія для Литовской Руси. Распространеніе польскихъ порядковъ и польскаго языка въ Литвѣ и отстаиванье Литвою своей отдѣльности. Статутъ Литовскій. Антагонизмъ Литвы и Польши, переходящій въ явную вражду. Литовское „Подляшье“, особое его положеніе и быстрое ополяченье 175

8. Люблинская унія и ея вліяніе на отношенія литовско-русскаго вел. княжества къ Польшѣ. Укорененіе польскихъ порядковъ въ Литвѣ и югозападной Руси. Распространеніе польскаго элемента и вліяніе польскаго языка въ ущербъ русскому элементу и языку. Культурное значеніе польскаго вліянія въ литературѣ и просвѣщеніи; вѣроисповѣдное движеніе (распространеніе протестантизма). Польскій языкъ въ западной Руси 200

Отрывокъ изъ главы о церковной уніи 237

	<i>Стр.</i>
IV. Чехи и православные Славяне	243
V. Югославяне въ сношеніяхъ между собой и съ прочими Славянами (отрывокъ).	
Югославяне католики и Славяне православные, патарены и гуситы	261
Содержаніе предыдущихъ томовъ	I
Указатель личныхъ именъ во всѣхъ трехъ томахъ. . .	I

СЛАВЯНСКАЯ ИДЕЯ

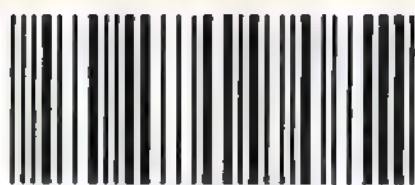
ВЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И КУЛЬТУРНЫХЪ СНОШЕНІЯХЪ СЛАВЯНЪ

ДО КОНЦА XVIII ВѢКА.

III. ПОЛЯКИ И РУССКІЕ.

„Cóż wżdy za pożytek ma król Jegomość z tak wielu kłopotów, które zażył z narodem ruskim? Ten pożytek ma, że jest nas sławiańskich narodów różnych osmnaście; ci wszyscy kładli swobody swéj ratunek na królach polskich; ci wszyscy rozumieli, że naród polski miał ich z ciężkiego pogańskiego jarzma wyswobodzić, ci wszyscy na każdą potrzebę króla i narodu polskiego garła swe gotowi dać byli. A teraz jako krzywdę poczęto czynić narodowi ruskiemu, są nam głównemi nieprzyjaciółami. Teraz wolą pomrzeć na wojnie sami, żony i dzieci swe popalić, jako to w Smoleńsku uczynili, niżby mieli do zgody jakiej przyjść z nami krwią swoją“.

(Zdanie o narodzie ruskim pana Szczęsnego Herburta, 1613, см. ниже стр. 78).

2007051276

III.

ПОЛЯКИ И РУССКІЕ.

1. *Славянскія племена по Висль, въ Карпатахъ, по Днѣстру, Днѣпру, Двинѣ. Ляхи и Русь, ихъ этнографическая граница. Государства польское (лядское) и русское: польскій католицизмъ и русское православіе, ихъ борьба изъ-за первенства на славянскомъ востокъ. Стремленіе Поляковъ на русскій востокъ. Присоединеніе Руси карпатской и поддѣпровской къ Польшѣ, Побѣда польской культуры въ юго-западной Руси.*

Земли на сѣверъ карпатскихъ горъ, орошаемая Вислою и Днѣпромъ, некогда заселены славянскими племенами, которыя въ послѣдствіи стали означаться двумя главными названіями *Ляхи* и *Русь*. Многія изъ этихъ племенъ были въ своихъ земляхъ автохтоны, другія производили себя — по крайней мѣрѣ по древнимъ преданіямъ русскимъ и польскимъ — изъ южныхъ подкарпатскихъ и подунайскихъ странъ ¹⁾. Нельзя опредѣлить, когда въ закарпатскихъ и повислянскихъ земляхъ состоялось раздѣленіе тамошнихъ Славянъ на двѣ группы, *Ляхи* и *Русь*, принимая послѣднее названіе вообще въ смыслъ восточныхъ Славянъ ²⁾. Это раздѣле-

¹⁾ См. „Славяне“ II, стр. 100 и сл. и 420 и сл., о лѣтующихъ русскихъ и польскихъ.

²⁾ Русскій народъ назывался некогда *Русь* (собирает.), единств. *Русинъ* (серв. Литва Литвинъ, Чудь—Чудинъ, Мазовше Мазовичинъ, Сербинъ, Болгаринъ, Угринъ, Волошинъ и пр.), позже на гре-

ніе случилось во всякомъ случаѣ въ донесторическія времена; несомнѣнно, что русское полногласіе и недостатокъ ринезма съ одной стороны, а лянскій ринезмъ и недостатокъ полногласія съ другой стороны установились уже въ тѣ времена, и что уже тог-

ческій ладъ *Rossia*, *Rossianinъ*, о чемъ см. „Славяне“ II, 435. Форма „Русинъ“ означала каждого Русскаго въ Галичѣ, Кіевѣ, Полоцкѣ, Повгородѣ, Москвѣ, въ противоположность Гречину, Словенину, Варягу, Нѣмчину, Латинину, Литвинну, Татарину, Ляху и пр. Въ сѣверовосточной Руси (Москвѣ) позже вмѣсто „Русинъ“ стали употреблять прилаг. „Русскій“ (т. е. человѣкъ). Такъ напр. въ договорѣ польскаго короля Сигизмунда съ московскими боярами, писанномъ подъ Смоленскомъ (Акты западной Россіи IV, № 180), говорится о „господарствѣ рускомъ московскомъ, о Руси (т. е. московскомъ государствѣ)“, о томъ, что „Русину (въ москов. госуд.) руская, а польскимъ и литовскимъ людямъ людская вѣра вольна быти масть“ и пр.; еще въ концѣ XVIII в. Поляки называли жителей русской имперіи *Rusin* (см. „Славяне“ II. 196). Латинская форма *Ruteni*, *Rutheni*, *Ruthenia* употреблялась рядомъ съ *Russi*, *Russia* безразлично въ значеніи Руси югозападной и сѣверовосточной; форма *Ruteni*, основываясь на формѣ Русинъ, опиралась тоже на воспоминанія книжниковъ, наткнувшихся у латинскихъ классиковъ на народъ въ Галии *Ruteni*; они и стали означать Русь, какъ и *Teutēi* — Турокъ, *Daci* — Датчанъ, *Roxolani* — Русскихъ, *Triballi* — Сербовъ, *Syretes* — Хорватовъ и пр. Такъ назывались король галичско-русскій *Danilъ—rex Russiae*, *Ruthenorum*, Гедиминъ — *rex multorum Ruthenorum*, царь русскій Василий Ивановичъ — *imperator Ruthenorum* и пр. Гнѣзненскій архіепископъ І. Маскій называетъ Русскихъ въ московскомъ государствѣ — *Rutheni albi*, а въ Польшѣ и Литвѣ — *Rutheni rubei*. Матвій изъ Мѣхова, въ описаніи Сарматіи, говоритъ, что „in Moscovia unam linguam et unum sermonem esse, scilicet rutenicum sen slavonicum“; Герберштейнъ — *Russi gentiliter*, *Rutheni latine*, и пр. Греческую форму „Россія“, „Россіяне“, полюбили въ концѣ XVI и въ XVII вв. особенно львовскіе и кіевскіе книжники въ значеніи южной Руси, и такъ писали тоже нѣкоторые Поляки (см. ниже). Названія Русь (Россія) Малая, Великая, Бѣлая, Черная, Червоная — формы книжныя отчасти греческо-византійскаго происхожденія, о чемъ срв. нашу статью въ *Archiv für slav. Philologie* VIII. 21. Прилагательное отъ Русь, Русинъ, было и можетъ быть только — русьскій (древнее), русскій (этимолог.), рускій (фонетич.), какъ и отъ Литвинъ — литов-

да восточныя племена говорили Судомирь, Володимирь, Ляхи — лядскій, а западныя — Сѣдомирь (Sandomierz), Влодимирь (Włodzimierz), и вѣроятно Ляхи ¹⁾.

Нѣкоторые одинаковыя названія племенъ лядскихъ и русскихъ могли бы указывать на одно происхожденіе, на переселенія ихъ съ востока (Руси) на западъ (къ Ляхамъ) и наоборотъ; за цѣнѣннѣемъ однако другихъ болѣе положительныхъ свидѣтельствъ нельзя еще настаивать на такомъ фактѣ и отчасти можно его объяснить просто случайностью, духомъ славянскаго языка вообще, по которому у всѣхъ Славянъ жители полей (равнинъ) названы — Поляне, жители лѣсовъ (деревъ) — Деревляне, и пр. Такъ напр. встрѣчаются Поляне по Днѣпру и по Вартѣ, Деревляне (Древляне) по Припяти (въ Полѣсьѣ) и по нижней Лабѣ, Сѣверяне по Деснѣ и по Вислѣ, Волыняне по Бугу и на Балтійскомъ морѣ, и пр. Въ началѣ XII вѣка восточно-русскія племена Радимичи и Вятичи производили себя отъ Ляховъ, отъ двухъ братьевъ Радима и Вятка, хотя только названіе Радимичей можно производить отъ Радима, а Вятичей — скорѣе отъ Ватовъ (Veneti, Venedi, Antae)²⁾. Тогда-же, въ началѣ XII вѣка, въ кievской землѣ въ Поросьѣ, по рѣкѣ Рось (Рѣса), въ числѣ Поросьянъ, Норшанъ жили еще потомки плѣнныхъ Ляховъ, которыхъ тамъ поселилъ Ярославъ Владимировичъ. Такихъ поселенцевъ плѣнниковъ лядскихъ (польскихъ) на Руси, а русскихъ въ Польсѣ, было вообще много, но они, подобно другимъ переселенцамъ, живя среди соплеменниковъ, скоро прижились къ господствующему народу. Жители карпатскихъ горъ и земель по верхней Вислѣ, по Сану и по верхнему Днѣстру — Хорваты, вѣроятно уже рано раздѣлились на двѣ по-

скій (поль. *litewski*, а не *litwiński*), Словенинъ — словенскій, Болгаринъ — болгарскій. Если же нѣкоторые поляки и ихъ русскіе ученики въ Галиціи отличаютъ *ruski* (даже *rusiński*), русскій, рускій (это-де малорусскій и белорусскій, и *russki*, *rossyjski*, русскій, російскій (а это-де великорусскій, московскій), то здѣсь играетъ роль, конечно, не наука, а какая-то особая наивная славянская политика.

¹⁾ См. *Archiv für slavische Philologie* IV. 68.

²⁾ Срв. „Славяне“ I. 93, 105.

ловины, такъ что западные Хорваты по верхней Вислѣ въ землѣ краковской примкнули къ Ляхамъ, а восточные Хорваты по Саву и верхнему Дибетру къ Русси ¹⁾. Такіе же Хорваты жили и дальше на западъ въ Чехіи подъ крѣконошескими горами и между полабскими Сербами, на югѣ же въ Далмаціи ²⁾.

¹⁾ Ляшское происхождение всѣхъ карпатскихъ Хорватовъ („Chrobatów“, срв. Archiv für slav. Philologie VII. 626), на чемъ настаиваетъ изъ новейшихъ историковъ Ст. Смолька (Rok 1386, p. 51), сомнительно. Что было въ доисторическія времена, неизвѣстно; въ историческое время восточные Хорваты были не Ляхи, а Русь, и говорили: Перемысль, Тереховль, Звенигородъ, Городекъ, Дулѣбы, Холмъ, Володимерь, Володаръ, Володиславъ, Судиславъ, Святополкъ, а не: Przemyśl, Trzebow', Zwenigrod, Grodek, Dudlebi, Chelm, Włodzimierz, Włodarz, Włodzisław, Sędzisław, Świętopelk; имена карпатско-русскихъ бояръ въ родѣ Судиславъ (а не: Sędzisław) или Володиславъ (а не: Włodzisław) вовсе не „lechickie“ (ляшскія, по латин. формѣ Lechitae, а тоже русскія и общеславянскія. Подобно тому нечего искать слѣдовъ Ляховъ въ земляхъ русскихъ Радимичей и Вятичей, т. е. если признать преданіе русской лѣтописи о происхожденіи обоихъ племенъ отъ Ляховъ; въ историческое время Радимичи и Вятичи (а не: Вѣтичи—Vetici) были Русь и говорили: Воробейна, Городецъ, Радимль, Дѣдославль, и пр. О переселеніи разныхъ славянскихъ племенъ см. нашу статью Slavische Völkernamen (Archiv. f. slav. Philologie VII. VIII).

²⁾ Разсказъ Константина Багрянороднаго о переселеніи южныхъ Хорватовъ изъ карпатской Хорватіи „бѣлой“ или „великой“ встрѣтился съ сильнымъ сомнѣніемъ со стороны Рачкаго (Rad jugoslav. akagemije, kn. 52). Срв. тоже наши замѣтки въ Archiv für slav. Philologie, VII. 625, VIII. 2—5. „Хорваты“ въ учредительной грамотѣ пражской епископіи (973, 1086) это — Хорваты въ Чехіи въ двухъ областяхъ подъ крѣконошескими горами, а не Хорваты карпатскіе. Въ польскихъ лѣтописяхъ Хорваты — хорошо извѣстные русской лѣтописи — почти неизвѣстны, и только Викентій Кадлубекъ знаетъ, что Болеславъ Храбрый „Hunnos seu Hungaros, Cravatos (вѣроятно краковскихъ, повислянскихъ) et Mardos gentem validam (Моравяны съ Словаками) spo mancipavit imperio. Если Карны или Каріаны греческихъ и римскихъ писателей первыхъ столѣтій Р. Х., воевавшіе въ подунайскихъ странахъ, — Хорваты, то можно принять отчасти разсказъ Константина Багрянороднаго, но только въ смыслѣ дви-

Какія были первоначально границы между Ляхами (Хорваты около Кракова, Вислеане около Вислицы, Мазовшане по средней Вислѣ) и Русью (Хорваты по Сану и Днѣстру, около Перемышля и Тересовли, Дулѣбы - Бужане - Волиняне на верхнемъ Бугѣ около Червена, Воляня, Володимирия, Бужска и Белза, Дреговичи на среднемъ Бугѣ)—неизвѣстно, вѣроятно средняя Висла; позже, въ XII—XIII вѣкахъ, составляютъ эту границу водораздѣлъ рѣкъ Вислоки и Вислока, Санъ (Сянь), Быстрица, Веня, Кросна, Пу-рець, верхняя Паровъ (Nagew'), Бобря (Biebrza); здѣсь на сѣверѣ Ляхи и Русь граничили съ литовскими племенами, именно съ Ятвягами (польск. Jādźwingi — Jacevęgi), которые истреблены соединенными силами Ляховъ и Руси. Пограничные польскіе города были здѣсь, въ XII — XIII и XIV вв. Сандецъ, Тарновъ, Сандомѣрь, Люблинъ, Луковъ, Пуръ, Визна, а русскіе—Кросно (Коросно), Решовъ, Ярославъ, дальше въ „украинѣ“ по Веню Щекаревъ, Холмъ, Верещинъ, наконецъ Берестье, Мельникъ, Дорогичинъ, Каменецъ, Бѣльскъ ¹⁾.

женія карпатско-подунайскихъ Хорватовъ на югъ въ Далмацію, равнымъ образомъ какъ и движеніе карпатско-подунайскихъ Сарматовъ—Сербовъ на югъ въ Мезію и Далмацію. Греки и Римляне знали горы Карпаты (хребты) и ихъ части Пенины и Бескиды (серб. племена Piengitae, Biessi), племена Арсіеты (Решовъ?) и Сабоки (по Сану), городъ Асапка (Сандецъ—Санчъ или Санокъ?).

¹⁾ Подробное изслѣдованіе вопроса объ этнографическомъ польско-русскомъ рубежѣ во всѣхъ его историческихъ фазахъ ждетъ еще своего историка. См. П. Барсова Очерки русской исторической географіи (Варшава, 1885), Д. Зубрицкаго Granice między ruskim i polskim narodem w Galicyi (Lwów 1849), А. Добрянскаго О западныхъ границахъ подкарпатской Руси (Ж. М. П. П. 1880, кн. 208), Андріяшева. Очеркъ исторіи волынской земли до конца XIV в. (Кіевъ 1887), Петрушевича, Краткое извѣстіе о введеніи христіанства въ предкарпатскихъ странахъ во время свв. Кирилла и Меодія, (Львовъ 1882) и Краткое извѣстіе о холмской епархіи (1867), И. Липиченка Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV в. (Кіевъ 1884), Филевича Борьба Польши и Литвы - Руси за галицко-владимирское наслѣдіе (СП. 1890), Е. Крыжановскаго Забужная (т. е. Забужская) Русь (Собраніе сочиненій, Кіевъ 1890, II), Лонгинова Чер-

Вѣѣ эти сѣверныя славянскія племена по Вислѣ и по Двѣиру долго жили въ раздробленіи, не думая о болѣе прочномъ и продолжительномъ союзѣ; нѣкоторыя новиселанскія и карпатскія племена, Висляне и Хорваты, вошли въ составъ велико-моравскаго

венскіе города (Варшава 1885), Сборникъ Батюшкова Холмская Русь (Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, VII, VIII СП. 1885), Алекс. Будиловича, Истор. очеркъ милесевской церкви въ связи съ обзоромъ окатоличенія и ополяченія австрийской Руси до р. Быстрицы (Варшава, 1890), О. Кольберга Mazowsze, t. V (Kraków 1890), и др. Среднее Побужье съ Дорогичиномъ было некою русскою, а не ятвяжскою, о чемъ срв. статью С. Кулаковского въ Этнограф. Сборникъ III. 47, Барсова Очерки 39, 231, ср. Авенариуса въ сб. Древности сѣверо-западнаго края (СП. 1890, I); ср. Крыжановскаго о забужской Руси; о Ятвягахъ срв. тоже Sjögren: Über die Wohnsitze u. die Verhältnisse der Jatwägen (SP. 1858), Sembrzycki (Altpreuss. Monatschrift 1891, I. 76). Что касается люблинской земли, то возможно, что она первоначально была русская, но въ XII—XIII вв. она принадлежала уже Польнѣ (въ галичско-волинской лѣтописи упоминаются часто люблинскіе Ляхи), но галичско-волинскіе князья постоянно ея добивались. Во всякомъ случаѣ люблинская земля скоро ополячилась, только по Веню и по Быстрицѣ отчасти сохранилась православная, потомъ униатская Русь, а въ городѣ Люблинѣ она имѣла свою церковь и свое церковное братство, о чемъ срв. соч. Ал. Будиловича о милесевской церкви, Донгипова Памятники русской старины въ г. Люблинѣ (Холмская Русь, Памятники VIII. 229) и Червенецкіе города, 79. Въ городѣ Казимирѣ на Вислѣ была еще въ XV в. православная русская церковь (Востокова, Опис. рукописей Румянцева стр. 185, срв. „Славяне“ II. 550, примѣч. 3, гдѣ однако вмѣсто „католическая церковь“ надо читать „православная“). Что касается русскаго населенія на лѣвомъ берегу Вислы въ землѣ сандомирской (судомирской), то можемъ указать только на присутствіе русскихъ жителей въ Чмелѣвѣ (Ćmielów) около Опатова; по крайней мѣрѣ въ 1505 г. король Александръ, жалую селенію Чмелѣву (Sezmielowo) нѣмецкое право, уничтожаетъ въ новомъ городѣ вѣѣ права польскія и русскія—removentes omnia jura polonica et ruthenica (Metryka koronna XXI, 211; грамоту знали Baliński i Lipiński, Starożytna Polska II. 316), т. е. если послѣднихъ словъ не считать обыкновенною формулою, встрѣчающеюся часто въ тогдашнихъ жалованныхъ грамотахъ на нѣмецкое право вообще. Миѣніе о русскомъ на-

государства, а позже въ составъ чешскаго государства. Въ IX—X вѣкахъ возникаютъ однако два государства, въ которыхъ со временемъ соединились Ляхи и Русь. Ляхи по Вартѣ, около озера Гопла и по средней Вислѣ, Поляне, Куявяне, Мазовшане, являются около половины X в. соединенными подъ сильною рукою князя польскаго (Полянъ) Мѣшка, который могъ подумать уже о борьбѣ съ Пѣйцами, Лютичами, Чехами и Русью, и о распростра-

селеніи около Опатова (изъ соч. Петрушевича вошло и въ Исторію Россіи Плювайскаго I. 2. стр. 28, 40, и въ соч. Ант. Будиловича: Общеславянскій языкъ (Варшава 1892, II. 103)—просто недоразумѣніе; аббать католическаго опатовскаго монастыря и его преемники, епископы любушскіе были въ XIII в. не епископы русскіе (*Ruthenorum episcopi*), а епископы для сосѣднихъ Русскихъ, которыхъ эти епископы должны были сдѣлать католиками; срв. K. Reifenkugel: Die Gründung der römisch-katholischen Bisthümer in den Territorien von Halicz u. Wladimir (Archiv für österreich. Geschichte, Bd. 52, p. 406), Н. Даникевичъ: Первая унія югозападной Руси съ католичествомъ, стр. 6 (Кіев. Университ. извѣстія 1884). Въ городѣ Сандомирѣ могла существовать и православная русская церковь, хотя объ этомъ упоминаетъ только писатель XVIII в., доминиканецъ Сейковскій (*Dni roczne ś. zakonu kaznodziejskiego, Kraków 1743*), который утверждаетъ, что доминиканскій „kościół św. Jakoba w Sandomierzu był przed oddaniem Dominikanom ruskiej religii, w którym odprawiała Rusь swoje nabożeństwo“. Угровскій монахъ Рикардъ (около 1227 — 1241 г., *Rerum hungaricarum monumenta Arpadiana*, ed. Endlicher 1849, p. 254) рассказываетъ, что язычники „Мордваны“ (*regnum Morduanorum* около заволжской *Ungaria Magna*), желая принять христіанство, послали „ad ducem magne Sondemerie, que est terra Ruthenorum illis vicina“, а этотъ дукъ указалъ имъ на папу; очевидно, здѣсь говорится о какомъ-то русскомъ князѣ около Мордвы; поэтому думаемъ, что тутъ вмѣсто *Sondemerie* надо читать *Londemerie* (*Ladomerie*) т. е. Володимерь. Считать нѣкоторыя церкви даже въ краковской епархіи, въ которыхъ въ началѣ XIV в. въ 1326 г. (Theiner: *Monimenta Poloniae* I, № 358) встрѣчается по два священника, на половину латинскою и словѣнскою — какъ это дѣлаетъ Петрушевичъ—слишкомъ фантастическое предположеніе. Наконецъ замѣтимъ еще, что нѣкоторые историки (напр. Петрушевичъ, Лонгиновъ), не выпикая въ языкъ русской лѣтописи, по однимъ ся словамъ „епископы, игумены, поны, черноризцы, церкви, монастыри“ въ смы

неніи границъ своего княжества. Восточныхъ Славянъ по Ильмену, Двинѣ, Дибирю и Дибстру соединили князья русскихъ кievскихъ Полянъ, и власть этихъ князей въ X вѣкѣ доходила на западъ за Санъ и Бугъ въ земли Хорватовъ, Дулѣбовъ и Дреговичей, гдѣ Русь сосѣдила съ государствами чешскимъ и польскимъ, и тоже съ литовскими племенами, именно съ Ятьвягами. Зачатки христiанства проникли къ карпатскимъ Ляхамъ изъ Моравiи, имен-

ель католическихъ польскихъ — впадаютъ въ большое заблужденіе, считая всѣхъ тѣхъ—словѣнскими или прямо русскими. Между тѣмъ древніе русскіе лѣтописцы называютъ и католическихъ польскихъ и православныхъ русскихъ іереевъ „ениеконами, понами“, и православные и католическіе храмы „церквами“ и „божницами“; а слова *церковь* и *попъ* тоже древнепольскія, срв. „Славяне“ Ш. 213. Равнымъ образомъ русскіе лѣтописцы говорятъ тоже о польскихъ „князьяхъ, боярахъ, челяди“; такъ напр. въ 1030 г.: „бысть мятежь великъ въ лядской земли, и вѣставше людье избѣиша ениеконы и поны и бояры своя“; въ 1261 г. (т. е. 1260), въ разсказѣ о разгромѣ Сандомира Татарами: „церкви погорѣ.. игумени съ поны и съ дьяконы, бояре, боярыни, слуги боярьскии (погибли)“; эти игумени, попы, дьяконы—доминиканскіе монахи, которые тогда перебиты въ Сандомирѣ; въ 1286 г. (т. е. 1288) по смерти краковского князя Лестька „ениеконъ, игумени и поповъ и дьякони... положиша тѣло его во Краковѣ городѣ, во церкви св. Троицѣ, и плакашася по немъ вси людье, боярѣ и простии“, и пр. Непростителесть промахъ Лонгинова (Грамоты малорусскаго князя Юрія II. стр. 13 въ москов. Чтеніяхъ 1887, II), который говоритъ даже о православной церкви св. Юрія въ Варшавѣ въ XIV в., ссылаясь на Балинскаго и Липинскаго *Starożytna Polska* I. 411, гдѣ однако говорится о католической церкви св. Юрія въ Варшавѣ. Введеніе православныхъ русскихъ церковныхъ терминовъ въ польскій и латинскій языки (*władca — władyka, pop, bayt-ko — batko, archymandryt, ihumen, czerniec, cerkiew, monaster, krest* и пр.), а католическихъ польскихъ — въ русскій языкъ (бискупъ, князь—кѣндзь, патеръ, костелъ, кляшторъ, крыжъ и пр.) принадлежитъ уже позднѣйшему времени; срв. тоже „Славяне“ II. 552. Еще инычаръ Константиновичъ, Хвальчевскій, Бѣльскій говорятъ о православныхъ болгарскихъ, сербскихъ и русскихъ *biskupach, zakonnikach, kościołach, klasztorach, krzyżu* и пр., между тѣмъ какъ Стрыйковскій говоритъ о русскихъ *władkach, archymandrytach, popach, czernieach, cerkwiach, monasterach* и пр. Съ другой стороны выраже-

но изъ епархіи Меѳодія, и словенское богослуженіе сохранилось у нихъ отчасти и впоследствии до XI вѣка, когда съ X в. католическая латинская церковь сдѣлалась въ Чехіи и Польшѣ господствующею ¹⁾. Русь примкнула къ церкви восточной, право-

нія: крѣзь латинскій или лянкій (а *крестъ* православія), костель сирѣчь церковь, костель, бискупъ и пр. встрѣчаются въ русскихъ памятникахъ уже въ XV вѣкѣ.

¹⁾ О словѣнскомъ богослуженіи въ Польшѣ знаемъ, по достовѣрнымъ источникамъ, очень мало; срв. „Славяне“ II. 520, III. 170, 213, и Wł. Abraham, Organizacya kościoła w Polsce do połowy w. XII. (Lwów, 1890, p. 104—111). Устарѣвшія сочиненія В. Мацеѣвскаго: Pierwotne dzieje chrześcijaństwa u Słowian obojga obrządku (Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie, prawodawstwie Słowian, Petersburg, 1839, I. 61, русскій переводъ въ Варшавѣ 1840, срв. тоже „Славяне“ II. 520, примѣчаніе), и Инокентія Борисова: О началѣ христіанства въ Польшѣ (Ж. М. Н. II. 1842, перепечатано особою брошюрою въ Кіевѣ 1886)—не выдерживаютъ критики. Также и нѣкоторыя мнѣнія о словѣнской церкви въ Польшѣ А. Петрушевича (см. выше) и Апт. Будиловича (Общеславянскій языкъ II, 95—100) требуютъ болѣе вѣскихъ доказательствъ. Греко-византійская архитектура, скульптура, живопись могли переходить въ Польшу съ начала черезъ Моравію и позже черезъ Русь; о такихъ греческихъ памятникахъ часто говоритъ Длугошъ, по словамъ котораго (IV. 536) еще король Владиславъ Ягайло украсилъ церкви въ Гнѣзнѣ, Сандомирѣ и Вислицѣ *sculptura graeca*, предпочитая ее латинской; а Дамалевичу казалась еще въ XVII в. живопись въ церкви гнѣзенской — *pictura ruthenica et moscovitica*. Длугошъ (*Liber beneficiorum dioec. Cracov.* III. 229), говоря о польскомъ монастырѣ св. Креста на Лысой Горѣ, вспоминаетъ о его *opere graeco, pictura graeca*. Православные греко-византійскіе и русскіе образа переходили и въ Польшу; такъ напр. образъ богородицы въ Ченстоховѣ — происхожденія православнаго и переданъ туда во второй пол. XIV в. изъ Львова, срв. Zimorowicz, *Historya m. Lwowa*, przeloż. Piwockiego, p. 81, и срв. М. Baliński, *Pielgrzymka do Jasnej Góry w Częstochowie*, Warszawa, 1846, тоже книжку: Ченстоховская чудотворная икона Богородицы (Вильна, 1881). О греческихъ образахъ съ словѣнскими надписями въ нѣкоторыхъ катол. церквахъ краковской епархіи въ началѣ XVII в. вспоминаетъ Копыстенскій, Палинодія, стр. 995—996. До сихъ поръ въ краковскомъ соборѣ есть одна часовня, Ягайлов-

славной греческой съ богослуженіемъ на словѣнскомъ языкѣ. Это религіозное и культурное раздвоеніе сѣвернаго Славянства дало его дальнѣйшему историческому развитію рѣшительный оборотъ, и повліяло на взаимныя отношенія Ляховъ и Руси. Еслибъ лядскія племена, подобно Руси, приняли православіе съ церковнымъ языкомъ словѣнскимъ, или еслибъ католическое вѣроисповѣданіе съ латинскимъ языкомъ распространилось и укрѣпилось на Руси, то племена лядскія и русскія слились бы въ одно политическое и народное цѣлое, и между Краковомъ и Кіевомъ образовалась бы вѣроятно только такая разница, какъ между Кіевомъ и Володимиремъ-Москвою. Но католицизмъ „лядская (польская) вѣра“ и православіе „русская вѣра“ и связанный съ ними вѣроисповѣданный и культурный дуализмъ и антагонизмъ воздвигли между Поляками и Русскими такую преграду, которая придала всей ихъ исторіи особый характеръ: на славянскомъ востокѣ начинается борьба изъ-за первенства не только между обоими славянскими народами Ляхами и Русью, — какъ это было напр. между Русью южною (Кіевомъ) и Русью сѣвornoю (Суздалемъ, Володимиремъ, Москвою)—а тоже между Ляхами-католиками „латинами, латинянами, римлянами, кривовѣрными, полувѣрными, еретиками“, и между Русью—православными „греками, схизматиками, невѣрными, погаными“ ¹⁾. Оба вѣроисповѣданія сдѣлались существенно при-

ская, украшенная въ концѣ XV в. русскою живописью и надписью, о чемъ см. Н. Дашкевича, Замѣтки по исторіи литовско-русскаго государства (Кіевъ, 1885, стр. 107). Основаніе католическаго словѣнскаго монастыря въ Краковѣ съ монахами глаголяшами въ концѣ XIV в. не имѣетъ никакой связи съ православно-словѣнскими преданіями въ Польшѣ; см. „Славяне“ II. 546 — 547. О чествованіи св. Кирилла и Меѳодія въ Польшѣ см. тамъ же II. 606.

¹⁾ Приводимыя у Петрушевича (О введеніи христіанства, 59) слова Длугоша объ „идололатріи“ Русскаго Теодорика (*Theodorici genere Rutheni*) читаются въ новомъ изданіи Длугоша (II. 409, ad a. 1268): *Tenentarius castri Bydgoszcz in Cuyav. ducatu Theodoricus genere Pruthenus, qui idololatria relicta, fidem rectam professus est.*—Католическая вѣра называлась на Руси тоже „фряжскою (Франговъ, Франковъ), пѣмецкою, варяжскою“. По византійскому примѣру и

надлежностью народностей польской и русской, и поддерживали и разжигали еще болѣе давнишній политическій и народный антагонизмъ Поляковъ и Русскихъ, тѣмъ болѣе, что Поляки охотно приняли на себя роль, указанную имъ Римомъ: быть католическими миссіонерами на славянскомъ востокѣ и пособниками всевозможныхъ притязаній римскихъ папъ относительно распространенія католицизма среди огромной Руси ¹⁾.

Ляхи (Польша) и Русь, два сосѣдніе государства и народы, спосились и сталкивались издавна. Польскіе князья, со времени образованія польскаго государства по Вартѣ и по средней Вислѣ, обращали свое вниманіе не только на западъ, а тоже на востокъ, гдѣ на юго-востокѣ отъ Кракова (съ 999 г. польскаго) по Вислокѣ до источниковъ Дунайца начиналась Русь ²⁾. По мѣрѣ того, какъ Польша была тѣснима Пѣмцами съ запада на востокъ, теряла славянскія земли по Одрѣ и балтійскому морю, она стремилась все

православные Славяне раздѣляли языки (народы) на правовѣрные — православные, полувѣрные (еретики, въ томъ числѣ и Ляхи, Чехи, Хорваты) и невѣрные, какъ это встрѣчается напр. въ одномъ памятникѣ болгарскомъ (Шафарика Слав. Древности, последнее приложеніе) и сербскомъ (Тихонравовъ, Памятники отреченной литературы II. 441). Такъ и въ русскихъ памятникахъ часто латиняне, полувѣрцы, еретики, безбожные, поганые, о чемъ срв. А. Попова: Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ (XI—XV в.), Москва, 1875. Сборники разныхъ такихъ полемическихъ статей противъ латинянъ (см. Макарія Исторія русской церкви, V. 329) часто списывались на Руси „на посрамленіе Ляховомъ и Латынамъ“. (А. Поповъ, 155). Русскіе лѣтописцы называютъ православіе просто „христіанская вѣра“ (правая, православная), а католицизмъ „вѣра латинская, нѣмецкая, лядская“, срв. лѣтописи литовско-русскія, новгородскую, софійскую.

¹⁾ См. „Славяне“ II, 80.

²⁾ Жидъ Ибрагимъ 965 г. (Извѣстія Ал-Бекри о Руси и Славянахъ, 49), говоритъ, что въ Прагу приходятъ изъ города Кракова Русы; въ одной запискѣ (послѣ 999 г.), впрочемъ довольно темной (Bielowski, Monumenta Poloniae histor. I. 148, Zeissberg въ Archiv für österreich. Geschichte, Bd. 38, p. 109): fines Russo extendente (!) usque in Cracooa.

больше на востокъ, и русскія земли должны были ей замѣнить утраченныя западно-славянскія земли, Лужицы, Поморье, Слезію. Ляхи вмѣшивались въ дѣла Руси карпатской, волинской, кіевской, присоединили значительную часть этой южной Руси къ своей державѣ, вступали вмѣстѣ съ Литвою и въ Русь западную, наконецъ стремились завладѣть Русью восточною. Съ другой стороны, и русскіе князья вмѣшивались въ дѣла Польши и помогали польскимъ князьямъ Пястовичамъ въ ихъ междоусобицахъ. Польскія войска часто стояли подъ Червенецъ, Володимиремъ, Галичемъ, Кіевомъ, Полоцкомъ, Смоленскомъ, Москвою, а русскія войска стояли подъ Люблиномъ, Сандомѣремъ, Краковомъ, Калишемъ, Варшавою; въ славянскихъ земляхъ по Вислѣ, Днѣстру, Днѣпру, Двинѣ, Волгѣ лилась кровь потоками въ братоубійственной борьбѣ обоихъ славянскихъ народовъ, Ляховъ и Руси; долго не рѣшался ихъ споръ изъ-за политическаго первенства въ восточной Европѣ, пока наконецъ не водружено русское знамя надъ Варшавою. Эта упорная и кровавая борьба все разжигала политическую, народную и вѣроисповѣдную вражду обоихъ славянскихъ народовъ до безконечности; равнымъ образомъ какъ кіевскій лѣтописецъ представлялъ себѣ „бѣса въ образѣ Ляха“, а галичско-волинскій лѣтописецъ называлъ Ляховъ „безбожными“, такъ и для польскаго лѣтописца Викентія Русскіе—заклятые враги Поляковъ, которые при каждомъ случаѣ утоляютъ вражеское бѣшенство ненависти и старинную жажду зависти въ крови Поляковъ ¹⁾. Но не смотря на эту страшную борьбу Поляки и Русскіе не забывали о своемъ славянскомъ родствѣ, о томъ, что Чехія, Польша и Русь—огромная славянская страна, что Русь—какъ бы другой міръ, а русскій народъ своимъ безчисленнымъ множествомъ равняется звѣздамъ, какъ выражаются въ половинѣ XII вѣка краковскій епископъ Матѣй и кметъ Петръ Власть въ письмѣ Бернарду, аббату клервоскому; но они вмѣстѣ съ тѣмъ не нахо-

¹⁾ Русскія лѣтописи къ 1074 и 1143 гг. Слова Викентія: *Rutheni, quos nulla occasio, nulla remoratur difficultas, non ut amico morem gerant, sed ut hostilem odii rabiem, ut antiquam invidiae sitim cruore Polonorum expleant.* (*Monumenta Poloniae histor.* II. 286).

дять словъ чтобъ выругать соплеменный народъ русскій, только „по имени христіанскій“, за его „безбожныя обряды“, „заблужденія“, „ереси“, которыя слѣдуетъ истребить, вѣроятно, тоже такимъ крестовымъ походомъ, какой затѣялъ тогда аббатъ Бернардъ на дальшій востокъ и какой предприняли тоже одновременно сѣверные Пѣмцы противъ балтійскихъ Славянъ ¹⁾. Но не смотря на все взаимное озлобленіе обоихъ славянскихъ народовъ, все-таки раздавались изъ рядовъ Ляховъ такіе возгласы, обращенные къ Руси: „яко дьяволъ есть вовергль вражду сію межи нами“, „братья моя милая Русь, потяните за одно сердце“, а послѣ борьбы „умиришася Ляхове съ Русью и начаша быти въ любви велицѣ“, собирались „снемы рускимъ княземъ и лядьскимъ, и положиша рядъ межи собою о землю рускую и лядьску, утвердившеся крестомъ честнымъ“, и „створиша межи собою клятву Русь и Ляхове: аще посемъ коли будетъ межи ими усобица, не воевати Ляхомъ руское челяди, ни Руси лядьской“ ²⁾.

Сношенія Поляковъ съ южною и западною Русью были, конечно, болѣе близки и тѣсны, чѣмъ съ Русью сѣверовосточною; а самыя тѣсныя сношенія завязались у Польши съ Русью кievскою, и особенно съ Русью карпатскою (княжествами перемышльскимъ, теребовльскимъ, галицкимъ) и волинскою (княжествомъ володимиро-волинскимъ). Польскіе Пястовичи и русскіе Рюриковичи не только сталкивались и боролись то другъ съ другомъ, то какъ союзники противъ борющихся между собою князей польскихъ и князей русскихъ; они и ихъ народы сносились тоже мирнымъ путемъ, посредствомъ браковъ, посольствъ, пребываніемъ Ляховъ на Руси, а Русскихъ въ Польшѣ, купцовъ (гостей), вои-

¹⁾ Monumenta Poloniae historica II. 15; срв. „Славяне“ III. 5. Петръ Власть играетъ извѣстную роль и въ исторіи карпатской Руси, см. упомянутое сочиненіе Линиченка, стр. 217.

²⁾ См. рассказъ галицко-волинской лѣтописи 1202, 1229, 1262, 1268, 1281 гг. Лѣтопись издана, по ипатьевскому списку, въ полномъ собраніи русск. лѣтописей, II, особо археограф. комиссіею СП. 1871; и Петрушевичемъ во Львовѣ 1871 — 1872, срв. монографію Шараневича Die Cypatioschronik (Lemberg, 1872).

повѣ, лѣтисниковѣ, и пр. ¹⁾). Такимъ образомъ Ляхи познакомились съ русскимъ языкомъ, а Русь съ лядскимъ. Ляхи на своемъ языкѣ не писали, а русская грамота была для Ляховъ „грамота“ (поль. *gramota* — каракули), которую знали очень не многіе изъ нихъ. Въ началѣ XIII в. находилась у одного каноника въ Плоцкѣ русская лѣтописецъ, которая однако не могла оказать вліяніе на польскихъ лѣтописцевъ XIII—XIV вѣковъ, писавшихъ на латинскомъ языкѣ ²⁾). Только впослѣдствіи, когда русскія земли стали входить въ составъ польскаго государства, польскіе историки, вводя въ польскую исторію тоже исторію Литвы и Руси, почувствовали необходимость знанія русскаго языка и русскихъ лѣтописей. Такъ І. Длугошъ, желая пользоваться русскими лѣтописями, учился уже въ старости русскому языку; русскими лѣтописями пользовался тоже М. Стрыйковскій въ своей исторіи Литвы и Руси ³⁾).

Борьба между Ляхами и Русью изъ-за первенства на славянскомъ востокѣ началась очень рано, уже въ то время, когда племена Ляховъ по Вислѣ, а Русскихъ по Днѣпру соединялись Пястовичами и Рюриковичами въ два государства. Польскій князь Мѣшко, стремясь, съ начала второй половины X вѣка, къ распространенію предѣловъ своего государства, и натолкнувшись на западѣ на сильное сопротивленіе своимъ завоевательнымъ планамъ со стороны Пѣмцевъ, Лютичей и Чеховъ — послѣдніе владѣли краковскою Хорватіею и Слезіею — бросился на востокъ, на сосѣднюю Русь, именно на земли карпатскихъ Хорватовъ и побужскихъ Дулѣбовъ или Бужаць (позд. Воляныя), гдѣ были горо-

¹⁾ См. выше упомянутое соч. И. Линниченка.

²⁾ Wiszniewski: *Historja literatury polskiéj*, II. 108, Biblioteka Warszawska 1853, III. 23; срв. „Славяне“ II. 105.

³⁾ См. „Славяне“ II. 110, 122. Длугошъ говоритъ: *Sano jam capite ad perdiscendas litteras rutenas me ipsum appuleram*; какъ онъ воспользовался русскими лѣтописями, о томъ срв. Вестужева-Рюмина: О составѣ русскихъ лѣтописей (приложенія, 64). По словамъ Длугоша, краковскій епископъ Збыгнѣвъ Оленицкій зналъ русскій языкъ, чѣмъ спскалъ себѣ расположеніе великаго князя литовско-русскаго Александра Витовта.

да Перемышль и Червень, и занялъ ихъ на время. Но скоро русскій князь Володимиръ отвоевалъ эти „червенскіе города“ и присоединилъ ихъ опять къ Руси ¹⁾. Эта русская область, — гдѣ потомъ являются княжества волинское, перемышльское, тербовельское, галичское, — осталась и впослѣдствіи яблокомъ раздора между Польшею и Русью и представляла ближайшую цѣль завоевательныхъ стремлений Польши на востокъ, куда она старалась распространить свое вліяніе и свое господство. Такъ это было уже въ XI вѣкѣ при Болеславахъ I и II, доходившихъ до Кіева для поддержки русскихъ князей, своихъ родственниковъ; Болеславъ I присоединилъ червенскіе города на нѣсколько лѣтъ къ Польшѣ, а Болеславъ II сдѣлалъ такую же попытку, хотя вѣроятно безъ успѣха. Въ концѣ XI в. засѣли въ червенскихъ городахъ, Перемышлѣ и Тербовлѣ (и Галичѣ) Ростиславичи, которые

¹⁾ Слова русской лѣтописи (981 г., по скорѣе 979 г.): „Иде Володимеръ къ Ляхомъ, и зал грады ихъ Перемышль, Червень и ины города“ — слишкомъ ясны, чтобъ можно было сомнѣваться въ достовѣрности этого факта, какъ это дѣлаютъ Крыжановскій и Лопгиновъ. Мѣшко былъ сильный князь завоеватель; равнымъ образомъ, какъ онъ до 990 г. отнялъ у чешскаго князя Болеслава какое-то герцогство (вѣроятно Слезію), такъ онъ могъ занять на время и русскія области. Слова лѣтописи, конечно, нельзя понимать въ такомъ смыслѣ, будто Хорваты по Сану и Дулѣбѣ (у Арабовъ Дулабы, а не Дудлебы, какъ они бы назывались попольски, какъ и чешскіе Дудлебы) по верхнему Бугу были Ляхи; лѣтопись называетъ оба племени Русью, а не Ляхами, и вся исторія „червенскихъ городовъ“ указываетъ на ихъ русское происхожденіе. Разсказъ лѣтописи опровергается тоже слова учредительной грамоты пражской епископіи (973, 1086 гг.), по которой восточныя границы этой епископіи были рѣки Бугъ и Стырь, т. е. именно въ области Дулѣбовъ Волинянъ; границы Руси начинались въ X в. уже педалеко отъ Кракова (см. выше). По словамъ русской лѣтописи, тогда, въ концѣ X вѣка (ок. 980—999 гг.), „Володимиръ бѣ живъ съ князи околными его миромъ, съ Болеславомъ лядьскимъ, и съ Стефаномъ угорьскимъ, и съ Андрихомъ (Ондриномъ, т. е. собственно Болеславомъ, отцомъ князя Ольдриха) чешьскимъ, и бѣ миръ межн има и любы“. По городу Червеню карпатская Русь называлась позже Червоною, что однако встрѣчается не раньше XVI вѣка.

относились къ Польшѣ враждебно; князь теребовельскій Василько, желая отомстить Ляхамъ за землю русскую, мечталъ прямо о завоеваніи Польши ¹⁾. Враждебныя дѣйствія противъ Польши продолжали галичскіе Ростиславичи и въ XII в., а ихъ преемники въ Галичѣ въ XIII в., Романъ волинскій и его потомки Романовичи. Казалось, что въ началѣ XIII в. Польша удастся осуществленіе завѣтной ея мысли, что она распространить свое господство въ волинскую землю; здѣсь распоряжался тогда Лещко князь краковскій, между тѣмъ какъ галичская земля сдѣлалась добычею Угровъ, отчасти и Поляковъ. Но скоро посредствомъ сѣвернаго князя новгородскаго Мстислава Удалаго „спасъ Богъ рускую землю отъ иноплеменикъ: вси бо Угре и Ляхове убьени быша“, и Данилъ Романовичъ соединилъ свою волинско-галичскую отчину, Татарамъ страшно опустошенную, и поднялъ ее къ небывалой славы; онъ, подобно отцу своему, оспаривалъ у Польши Люблинъ, вмѣшивался въ дѣла польскія, дохода до западныхъ предѣловъ

¹⁾ По одному посланію кіевскаго митрополита Никифора (1104—1121) о Латинахъ „къ неизвѣстному князю“ (см. митр. Макарія Исторія русской церкви II. 352): „ижеже земля лядская въ *судьхъ* у тебе есть“—казалось бы, что въ началѣ XII в. какая-то лядская земля находилась подъ властью русскаго князя; но оказывается, что въ этомъ посланіи *волинскому* князю Ярославу Святополковичу надо читать: „земля лядская въ *судьдахъ* у тебе есть“. (А. Поповъ: Историко-литерат. обзоръ древнорусскихъ полемическихъ сочиненій противъ Латинянъ, 109). Митрополитъ Никифоръ пишетъ между прочимъ, что Латины „молвятъ, яко не достоинъ шѣмъ языкомъ хвалити Бога, но токмо тремя языки, жидовьскимъ языкомъ, еллиньскимъ и римскимъ. Блудутъ бо въ томъ: Христосъ же за вся умре, и пророци вся языци научають. Глаголетъ бо Давидъ: вси языци въсплещѣте руками, вси языци прїидутъ и поклонятся предъ тобою Господи. Всяко дыханіе да хвалитъ Господа, яко всякомъ языкомъ достоинъ хвалити Господа, ни единого бо не отгонитъ Господь отъ хваленія и отъ иѣнія его“. Никифоръ, самъ Грекъ и писавшій по гречески, возстае здѣсь противъ той „триязычной ереси“, которую столь блестящимъ образомъ поразилъ и посрамилъ еще въ 867 г. св. Константинъ въ спорѣ съ латинскимъ духовенствомъ въ Венеціи, срв. „Славяне“ II 613.

Польши, до Калиша: „никий князь не входилъ бѣ въ землю лядскую толь глубоко, проче Володимера великаго“; да онъ, какъ союзникъ угорскаго короля и польскаго князя, проникъ въ сѣверную Моравію: „не бѣ бо никоторый князь рускій воевалъ землѣ чешское, не бѣ бо въ землѣ рускій первее, иже бѣ воевалъ землю чешскую, ни Святославъ хоробры, ни Володимеръ святой“¹⁾. Романовичи галичскіе и волынскіе вообще дѣйательно вмѣшивались въ польскія дѣла; Левъ Даниловичъ въ концѣ XIII в. мечталъ о занятіи краковскаго стола, хотя напрасно; но ему удалось занять Люблинъ, который однако уже въ началѣ XIV в. взяли вновь Поляки.

Стремленія Польши распространить свое господство или вліяніе на Русь галицкую и волынскую не удавались, не удавались тоже планы папской куріи о водвореніи католицизма, уніи православной церкви съ Римомъ въ галицко-волынскомъ княжествѣ, ни при Романѣ²⁾, ни при королѣ Данилѣ, при чемъ польское духовенство и монахи думали играть роль папскихъ слугъ на Руси не только въ пользу католицизма, а также и Польши. По положеніе дѣлъ перемѣнилось послѣ прекращенія галицко-волынскихъ Рюриковичей-Романовичей (1321 — 1322), когда на княжескій столъ галичскій и володимирскій вступилъ Пястовичъ, мазовскій князь Болеславъ Тройденевичъ (1325 — 1340), сынъ Маріи, сестры послѣднихъ двухъ Романовичей, жены мазовско-черскаго князя Тройдена. Болеславъ принялъ православіе и имя Юрія II; но вскорѣ послѣ занятія галичскаго стола возвратился къ католи-

¹⁾ Эти слова галицко-волынскаго лѣтописца не вѣрны: по его же словамъ, уже въ 1076 г. „ходи Володимеръ сынъ Всеволожъ (Мономахъ) и Олегъ Святославль Ляхомъ въ помощь на Чехы“; а князь Володимеръ ходилъ „за Глоговы до чешскаго лѣса“, какъ князь самъ написалъ въ своемъ поученіи.

²⁾ Неизвѣстно, откуда Длугосъ (II. 173) почерпнулъ свое свѣдѣніе, что князь Романъ, собиравшійся въ походъ противъ Польши, *intendit se non solum Poloniae regnum vastaturum, sed et paginam divinam Latinorum exterminaturum*. Въ галицко-волынской лѣтописи какъ разъ недостаетъ разсказа о княженіи князя Романа Метиславича.

цизму и сталъ преслѣдовать православіе ¹⁾. Болеславъ-Юрій попла-
тился за это жизнью — онъ былъ отравленъ галичскими боярами; по
анти-православную и анти-русскую дѣятельность этого мазовска-
го Пастовича продолжалъ его преемникъ въ галичской Руси, дру-
гой Пастовичъ, польскій король Казимиръ; онъ занялъ се — послѣ
неудачной попытки въ 1340 г. — въ 1349 г. и удержалъ ее про-
тивъ Литвы, которая тогда завершала собираніе югозападной
Руси и отразила Польшу по крайней мѣрѣ отъ Володимира, Луц-
ка, Белза, Холма, Берестя. Съ половины XIV в. югозападная
Русь стала раздѣляться на „Русь што Литвы слушаеть“ и на „Русь
што польского короля слушаеть“. Къ послѣдней скоро присоеди-
нены были Холмъ и Белзъ (1396 — 1462 принадлежавшій мазов-
скимъ князьямъ), и — послѣ долголѣтней борьбы съ Литвою — Подо-
лье; между тѣмъ Волинь Литвѣ удалось отстоять отъ всеѣхъ притя-
заній Польши ²⁾. Такимъ образомъ въ половинѣ XIV в. и оконча-

¹⁾ Тождество Болеслава Тройденевича и Юрія II доказалъ осо-
бенно Режабекъ (*Časopis Česk. Musea* 1883), срв. тоже замѣтки Бѣ-
лѣвскаго (*Monumenta Poloniae histor.* II. 620), Рейфенкугеля (*Archiv
für österreich. Geschichte*, Bd. 52, p. 422), Лонгинова (Москов. Чтенія
1887, II). Монеты съ русскою надписью „Болеславъ“ (т. е. польскій
Б. Храбрый, см. „Славяне“ II. 520) не могутъ принадлежать Боле-
славу Тройденевичу, какъ предполагаетъ Болсуповскій (*Solidy Bole-
sława z sławiańskim napisem, Kijów* 1887); Болеславъ, какъ русскій
князь, назывался не Болеславъ, а Юрій.

²⁾ П. Филевичъ: Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-
воладимирское наслѣдіе (СП. 1890), И. Линиценко: Критическій об-
зоръ новѣйшей литературы по исторіи галицкой Руси (Ж. М. II. II.
1891, май, іюнь, іюль). Нѣкоторые свѣдѣнія о галичскихъ дѣлахъ
сообщаетъ современный чешскій лѣтописецъ Францискъ (*Fontes re-
rum bohém.* IV. 430); онъ, подобно польскимъ лѣтописцамъ, тоже го-
воритъ о „*scismaticus error Ruthenorum*“ (а „*christiani*“ у него толь-
ко *catholici*). О Подольѣ см. Н. Молчановскій: Очеркъ извѣстій о
подольской землѣ до 1434 г. (Кіевъ 1886, срв. Варшав. Атенейм
1887, I.), Батюшковъ: Подолія, историческое описаніе (СП. 1891). —
Потѣшныя рѣчи короля Казимира и пана Снытка изъ Мельштына
помѣщаетъ Зиморовичъ въ хроникѣ Львова (XVII в., изд. въ поль-
скомъ переводѣ 1835). Мельштынскій, какъ истый Катонъ, кончаетъ

тельно въ 1387 г. Польша достигла своей завѣтной цѣли, стала крѣпко и на продолжительное время на русской почвѣ, сдѣлала первый болѣе успѣшный и прочный шагъ въ своемъ дальнѣйшемъ походѣ на славянскій востокъ, на Русь. Это стремленіе Польши на востокъ означало рѣшительный поворотъ въ исторіи польскаго народа, именно его поворотъ съ запада на востокъ; оно сопровождалось все усиливающимися успѣхами, указывало какъ бы на блестящую роль польской народности въ восточномъ Славянствѣ, но сдѣлалось въ концѣ концовъ для Польши роковымъ: Польша не устояла противъ окрѣпшей Руси и пала подъ ея напоромъ и стремленіемъ на западъ. Это движеніе и стремленіе Польши на востокъ вполне естественно и понятно; роль ея на западъ была—во время короля Казимира—уже сыграна: Польша вынуждена была сложить оружіе передъ все наступающими на западныхъ Славянъ Нѣмцами, лишилась почти половины своихъ земель на западѣ, и безъ соединенія съ силами Литвы и Руси не могла и подумать объ успѣшной борьбѣ съ страшнымъ врагомъ Славянства, съ нѣмецкими крестоносцами, которые стремились прямо къ истребленію польскаго народа ¹⁾. Соединеніе Польши и Литвы состоялось во второй половинѣ XIV в., хотя эта связь обоихъ государствъ съ начала была только династическая; литовская династія Гедимина заняла въ лицѣ Ягайла Ольгердовича также и польскій престолъ. Но эта внѣшняя политическая связь Польши и Литвы была для Польши не столь еще важна, сколько связь внутренняя, религіозно-культурная. Литва

свою рѣчь противъ ненавистной Руси такъ: (стр. 50). „Tego od nas ojezyzua, potomki, patronowie i opiekunowie duchy milezac wymagaja, abyśmy las wyciąwszy i wilków, także ich wolności wyplenili, że tylko zguba nienawistnego narodu końcem nieszczęścia a początkiem ich będzie wolności. Upadkiem niegdyś zawistnego miasta (Kartaginy) Rzym wzniósł się najwyżej, ani my, jak długo Rusini zostają, bezpiecznie zostawać będziemy mogli, jeżeli ich niezgladziemy, sami zginiemy!“

¹⁾ *Temerarii fratres et rabidi cruciferi temere contra deum et iusticiam terram suam (Wladislai Loketkonis) occupare volentes, conantes exterminare idioma polonicum*—говоритъ одинъ лѣтописецъ къ 1331 г. (*Monumenta Poloniae historica* II, 815).

одна, т. е. земля литовско-жемонтскаго (жмудскаго) народа по Нѣману, не могла бы придать особыя силы Польшѣ; Литва сдѣлалась великою державою только вслѣдствіе присоединенія къ ней югозападной Руси по Двинѣ и по Днѣпру. Эта литовская Русь сдѣлалась для Польши важнѣе, чѣмъ поцѣманская Литва.

Вслѣдствіе присоединенія всей югозападной Руси къ двумъ чужимъ государствамъ, къ Польшѣ и къ Литвѣ, русскій народъ въ Карпатахъ, по Днѣпру и по Двинѣ очутился въ близкихъ отношеніяхъ къ двумъ народамъ, чужому литовскому и соплеменному польскому. Результатъ этой связи Руси съ Польшею и съ Литвою не былъ однако тотъ же самый. Воинственныя, но необразованныя князья и вельможи литовскіе вскорѣ подчинились вліянію своихъ подданныхъ, болѣе многочисленныхъ и образованныхъ Русскихъ, которые дали своимъ повелителямъ свои учрежденія, языкъ, литературу, вѣру и вообще культуру. Литва между морями балтійскимъ и Чернымъ, хотя основанная и управляемая литовскими князьями, стала собственно государствомъ русскимъ, и ея государи не только назывались, но и были великими князьями литовскими и русскими; офиціальнымъ и вообще литературнымъ языкомъ этого государства былъ языкъ русскій, учрежденія по большей части — русскія, и многіе литовскіе князья и вельможи, если не остались вѣрны своей національной вѣрѣ, приняли отъ Руси тоже вѣру православную, русскую и русскую образованность. Иначе было на Руси польской. Здѣсь польскій элементъ, господствующій и вмѣстѣ съ тѣмъ представитель западно-европейской культуры, не подчинился болѣе многочисленному, но менѣе культурному элементу русскому; напротивъ, онъ дѣйствовалъ на него все сильнѣе, проникалъ въ него все глубже, и наконецъ втянулъ въ себя вполнѣ его высшіе, господствующие и образованные классы, которые со временемъ приняли порядки, языкъ, вѣру, культуру своихъ повелителей, стали Ляхами—Поляками.

Польша въ своемъ стремленіи на востокъ, на Русь, не остановилась однако на Карпатахъ и на Бугѣ: она стремилась дальше на юговостокъ и на востокъ. Это стремленіе Польши къ устьямъ Дуная, къ Днѣпру и Двинѣ увѣячалось тоже успѣхомъ. Съ одной стороны православные молдавскіе князья съ своимъ народомъ, во-

лошскимъ и русскимъ, должны были признать верховную власть польскаго короля, хотя они часто разбивали своихъ повелителей, стремившихся все дальше на юговостокъ къ Черному морю. Съ другой стороны въ 1386 г. великій князь литовскій и русскій Ягайло избранъ въ польскіе короли, принявъ католицизмъ и имя Владислава. Такимъ образомъ Литва съ своею Русью и Польша соединены подъ одною династіей, и польскій элементъ сталъ дѣйствовать на подиѣпровскую и подвинскую Русь и на Литву настоящую и обрусѣвшую съ такимъ же успѣхомъ, какъ на Русь карпатскую: Ягайловичи, литовскіе и русскіе вельможи и бояре со временемъ окатоличились и ополячились и сдѣлались такими же Ляхами, какою была шляхта въ „коронѣ“ (Польшѣ) и какими давно сдѣлались и русскіе бояре въ коронной (польской) Руси. Одинъ только простой народъ во всей Руси не пошелъ по слѣдамъ своихъ князей и бояръ, остался вѣренъ своей народности, отстоялъ ее отъ окончательнаго ополяченія, приготавливалъ свое соединеніе съ Русью сѣверовосточною, и наконецъ прекратилъ дальнѣйшее существованіе польскаго государства въ той формѣ, какую оно приняло со времени присоединенія всей югозападной Руси къ Польшѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ прекратился тотъ постепенный процессъ ассимиляціи югозападной Руси съ господствующею надъ нею Польшею и прививки той Руси польскихъ порядковъ и нравовъ.

Съ водвореніемъ польскаго господства въ югозападной Руси завѣтныя желанія краковскаго епископа Матеія о пріобрѣтеніи католическою церковью „схизматическихъ“ Русскихъ приняли болѣе осязательную форму и стали осуществляться, тѣмъ болѣе, что Поляки, давно уже усмотрѣвши въ католической церкви важное орудіе въ дѣлѣ усиленія и умноженія своей народности, стали дѣйствовать въ такомъ духѣ; и дѣйствительно, тамъ, гдѣ на Руси стали латинскіе-„лядскіе“ (польскіе) крестъ, церковь, монастырь, тамъ, гдѣ появились латинскіе-польскіе епископы, священники, монахи, — тамъ и водворялось не только католичество — „вѣра лядская“, а также господство или притязанія на такое господство Ляховъ съ ихъ культурою, которая тоже заявляла свои притязанія на православную Русь. Этотъ тѣсный союзъ латин-

ства и „лядства“, или вѣриѣ тождество этихъ двухъ факторовъ, религіозно-культурнаго и политическо-національнаго, объясняетъ лучше всего громадные успѣхи польской народности въ русскихъ земляхъ, отъ Перемышля и Львова до Кіева, отъ Полоцка, Чернигова до Смоленска. Малый польскій народъ, лишенный поддержки католичества, не могъ бы никогда пріобрѣсти себѣ такого значенія и такой силы на Руси ¹⁾.

¹⁾ Срв. „Славяне“ II. 77 и далыше. Поляки, справедливо отождествляя католицизмъ съ „польскою“ вѣрою, а православіе или „схизму“ съ „русскою“ вѣрою, смотрѣли на свое стремленіе на востокъ очень просто. Уже завоеватель карпатской Руси, король Казимиръ, въ письмѣ (1370 г.) царьградскому патриарху—у котораго онъ хлопочетъ объ учрежденіи особой галичской митрополіи (противъ кіевско-московской) — высказываетъ такую мысль, что „если у Русскихъ не будетъ митрополита, то намъ нужно будетъ крестить ихъ на латинскую вѣру (Русская истор. библіотека, СП. 1880, VI, приложенія, стр. 128, и срв. Smolka: Rok 1386, p. 133). Митрополита не стало въ концѣ XIV в., и латинская польская вѣра на Руси восторжествовала. Въ 1406 г. католическій епископъ перемышльскій Матвѣй объясняетъ введеніе извѣстной платы католическому духовенству вмѣсто десятины просто — „ut ad partes Russie populus catholicus liberius conflueret Ruthenosque et alios scismaticos easdem partes inhabitantes potencius extirperet“. (Akta grodzkie i ziemskie IV. № 12). Въ XVI в. Станиславъ Орѣховскій, шляхтичъ Червоной Руси, замѣтилъ: „In hanc postea gentem (Graecorum-Ruthenorum in Roxolania), maiorum nostrorum memoria, Polonorum victoria latinum nomen invexit, tanto rerum successu, ut latinus pro graeco princeps habeatur nunc in Roxolania ritus, quod maximam partem nobilitas ipsa ritus sit latini, colonis et infimae plebi ritu derelicto graeco“ (автобіографія Орѣховскаго 1564 г., изд. краков. 1891, p. 6, и срв. Orichoviana, p. 587). Еще въ концѣ XVI в. польскій поэтъ-философъ Сев. Клѣновичъ восхваляетъ короля Казимира: „Rex Casimirus аbusus otio non est, sed eo tempore Leopolim et alias primarias civitates et arces Ruthenorum subjugavit et in fide societateque Polonorum ita continuit, ut jam Russia sacrorum ritu, moribus, artibus, lingua, legibus, commerciis, consanguinitatibus omnino polonizet“. (Стихотвореніе Gorais ок. 1590, wyd. Okęcki, w Warszawie 1875, p. 19). Отъ людей старыхъ временъ нельзя, конечно, ожидать вѣротерпимости, и Поляки не бы-

2. *Раздѣленіе славянскаго праязыка. Словѣнскій языкъ церковный и литературный всей Руси, юго-западной и сѣверо-восточной. Языки западно-русскій и польскій, ихъ вліяніе другъ на друга. Вліяніе языка польскаго на западно-русскій. Книжный языкъ западно-русскій.*

Раздѣленіе славянскаго праязыка на нѣсколько языковъ съ ихъ фонетическими особенностями состоялось еще въ доисторическія времена. Подунайскіе Словѣне говорили: градъ, блато, межда, поштъ, штуждъ, свѣтъ, мѣжъ, рало; подиѣнровскіе Русскіе—город(ъ), болото, межа, поч(ь), чуж(ь) свѣт(ъ), муж(ь), рало; повислянскіе Ляхи — грод (гард), блото, медза, поц, цудз, свѣт, мѣж, радло и пр. Ближайшіе соплеменники и сосѣди восточныхъ Славянъ (Литовъ-Руси), подунайскіе Славяне (Словѣне), стали—первые среди Славянъ вообще—писать на своемъ языкѣ, который сдѣлался у Руси языкомъ церковнымъ, литературнымъ, оказывая свое вліяніе и на русскій языкъ. Съ политическимъ могуществомъ Польши на славянскомъ востокѣ и вмѣстѣ съ культурнымъ преобладаніемъ польскаго элемента въ юго-западной Руси, началось вліяніе польскаго языка на языкъ этой Руси ¹⁾.

Словѣнскій языкъ сдѣлался на Руси, послѣ принятія христіанства, языкомъ церковнымъ и вообще письменнымъ, литературнымъ, хотя онъ не сохранился на Руси въ первобытной своей чистотѣ: большее или меньшее вліяніе домашняго русскаго языка на этотъ принятый изъ Болгаріи и вообще изъ подунайскихъ земель церковный и литературный языкъ Руси создало словѣнско-русскій изводъ, который употреблялся въ книгахъ церковныхъ, но заявилъ свою силу отчасти и въ литературѣ свѣтской; и въ послѣдней, именно въ лѣтописяхъ, писанныхъ преимущественно монахами на болѣе чистомъ народномъ языкѣ русскомъ, все-таки

ли ни лучше, ни хуже другихъ народовъ; еще хорошо, если въ тѣ мрачныя времена пробивались хоть нѣкоторые болѣе гуманные голоса въ пользу повѣрцевъ, въ Польшѣ напр. голоса Орѣховскаго, Сенявскаго, Гербурга, Санеги, Пясецкаго, о которыхъ см. ниже.

¹⁾ Срв. „Славяне“ I. 197, II. 530.

не могли обойтись безъ церковно-словѣнскихъ словъ въ родѣ — градъ, глава, злато, дщерь, дръжати, потврѣженіе и пр. Менѣе всего поддаѣся вліянію церковнаго словѣнскаго языка русскій языкъ юридическихъ памятниковъ, законовъ, грамотъ и пр. ¹⁾. Такъ это было во всей Руси, въ юго-западной и въ сѣверо-восточной; обѣ эти половины Руси участвовали соединенными силами въ разработкѣ литературы: произведенія южной Руси дѣлались достояніемъ сѣверной Руси, и наоборотъ ²⁾. Связующимъ ихъ звеномъ былъ именно книжный церковный языкъ словѣнскій въ своемъ русскомъ изводѣ. „Если языкъ этой письменности“ — замѣчаетъ одинъ изъ лучшихъ ея знатоковъ — „не былъ народный, а церковно-славянскій, слегка видоизмѣняемый вліяніями народной рѣчи, то онъ былъ совершенно одинаково доступенъ на югѣ и на сѣверѣ. Кромѣ того, были совершенно одинаковы тамъ и здѣсь культурныя условія, создавшія эту письменность. Главнымъ источникомъ письменной дѣятельности была одна и та же церковь, приносящая на югъ и сѣверъ одни и тѣ же сначала въ особенностяхи южно-славянскіе памятники въ видѣ переводовъ священнаго писанія, богослужебныхъ книгъ, твореній святыхъ отецъ и иныхъ церковныхъ писателей, житій и поученій, византийскихъ хронографовъ, повѣстей, апокрифическихъ легендъ и т. д. Усвоеніе этихъ произведеній, являвшихся въ большомъ числѣ въ готовыхъ южно-славянскихъ переводахъ, очевидно, не могло быть приписано специально ни сѣверной, ни южной письменности: это чужое содержаніе, дававшее пищу возникавшей образовательной дѣятельности и направлявшее извѣстнымъ образомъ домашнія литературныя силы, воспринималось одинаково на югѣ и на сѣверѣ. Первые результаты этого просвѣтительнаго вліянія выразились

¹⁾ Обширно см. „Славяне“ II, послѣднюю главу.

²⁾ Подробныя указанія на древнѣйшія рукописи и старопечатныя книги, именно южно-русскаго происхожденія, см. между прочимъ А. Архангельскаго: Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вв. (Москва 1888, стр. 51 и слѣд.), тоже у П. Владимірова: Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст. (Кіевъ 1890).

появленіемъ русскихъ учительныхъ сочиненій и русской лѣтописи; то и другое являлось опять одинаково на сѣверѣ и югѣ, и для старыхъ книжныхъ людей видимо не представляло никакого различія то, исходили-ли они отъ писателей сѣверныхъ или южныхъ: это была одна и та же школа, одно и то же содержаніе. Правда, бывали отѣнки: влѣдствіе того, что на югѣ сосредоточивались въ первое время великія княженія, шла болѣе оживленная политическая жизнь, собирались бóльшія образовательныя средства, въ южныхъ произведеніяхъ сказывалось болѣе оживленія, напр. въ лѣтописи, тогда какъ на сѣверѣ эта лѣтопись была болѣе сухою; на югѣ, по видимому, письменная производительность была въ первое время сильнѣе, но это не измѣняло общихъ условій литературы, и доказательствомъ ея цѣльности въ этомъ періодѣ можетъ служить то легко наблюдаемое обстоятельство, что произведенія письменности — безразлично сѣверной и южной—обращались одинаково тамъ и здѣсь. Такъ, южная лѣтопись перешла на сѣверъ и служила обыкновенно началомъ для мѣстныхъ лѣтописей, которыя въ дальнѣйшемъ продолженіи посвящались уже только мѣстнымъ событіямъ, какъ. съ другой стороны, извѣстно, что лѣтописный сводъ, носящій имя Нестора, въ свою очередь заключалъ въ себѣ данныя, почерпнутыя изъ чужихъ мѣстныхъ лѣтописей. Словомъ, если Русь удѣльнаго періода, при всемъ ея дѣленіи на земли съ ихъ мѣстною жизнью и интересами, была объединена одною вѣрою, династіею и общимъ племеннымъ инстинктомъ, то она была также объединена и одною письменностью. Очевидно, что выдѣлять изъ этой письменности тѣ или другія произведенія, писанныя на югѣ, и механически сопоставить ихъ, какъ историческое явленіе, это будетъ значить насильственно вырвать факты изъ ихъ естественной связи и поставить ихъ въ чисто искусственную и потому фальшивую систему. Правда, много памятниковъ древней письменности, и особливо южно-русской, погибло въ позднѣйшихъ нашествіяхъ и военныхъ погромахъ, и многое, вѣроятно, безслѣдно, но внимательный историкъ не могъ бы тѣмъ не менѣе забыть того знаменательнаго факта, что большинство этихъ произведеній сохранилось до нашего времени въ спискахъ сѣверно-русскихъ... Можно признать (и это вѣроятно

справедливо), что именно южная Русь въ древнемъ періодѣ проявляла наиболѣе оживленную умственную дѣятельность; по результату ея, быть можетъ, стали бы тѣмъ цѣннѣе, что дѣлался достояніемъ обще-русскимъ. Историческая картина довершается еще слѣдующимъ важнымъ явленіемъ. Когда миновалъ древній періодъ и произошло политическое раздробленіе Руси на сѣверную (новгородскую и суздальско-московскую), западную (малорусско-бѣлорусскую въ литовскомъ великомъ княжествѣ) и юго-западную (галицко-русскую въ составѣ Польши), то литературная традиція чрезвычайно ослабѣла, частью прерывалась даже совсѣмъ въ двухъ послѣднихъ и сохранилась только въ первой. Здѣсь въ письменности сѣверной Руси не только собирались произведенія стараго періода, но и послужили исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго развитія. Такъ развивалось обширнымъ образомъ лѣтописаніе, причемъ основою оставалась Песторова лѣтопись, и здѣсь же создались потомъ первые опыты историческихъ сводовъ, т. е. цѣльныхъ изложеній русской исторіи. Конечно, въ томъ духѣ, какъ въ тѣ вѣка понималась исторіографія. Первые житія святыхъ, явившіяся на югѣ (житія Бориса и Глѣба, Печерскій Патерикъ), развились на сѣверѣ въ цѣлую обширную литературу житій, первые древнія поученія—въ обширную литературу подобныхъ произведеній. Самое Слово о полку Игоревѣ нашло отзвукъ на сѣверѣ у писателя, прославлявшаго побѣду Дмитрія Донского надъ Татарами. Обширное собраніе древней повѣсти византийска-южнославянскаго происхожденія и апокрифической легенды, какъ надо думать, впервые появлявшееся на югѣ, разрослось по преимуществу въ сѣверной письменности, получивши здѣсь распространеніе въ народной массѣ и разнообразно отразившіеся въ самой народной поэзіи, и т. д. Однимъ словомъ, наблюдая ходъ старой русской письменности отъ древнѣйшихъ временъ до самаго XVIII вѣка, мы находимъ *непрерывающуюся* нить развитія, составившую цѣльное историческое преданіе. Наконецъ, даже народно-эпическая память о древнемъ Кіевѣ и князѣ Владимирѣ сохранилась только въ сѣверной былинѣ: въ настоящее время Илья Муромецъ несравненно популярнѣе на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ, въ Кіевѣ, гдѣ преданіе указываетъ мѣсто его погребенія.

Все это было естественно. Въ древнемъ періодѣ, до Татаръ и до политическаго раздробленія Руси, не было никакой специально южно-русской литературы: была общая литература русскаго или русско-славянскаго письменнаго языка, распространявшаяся одинаково по всеѣмъ областямъ тогдашняго русскаго племени. Для той поры современные филологи только съ нѣкоторымъ усиленіемъ отыскиваютъ въ памятникахъ слѣды мѣстныхъ нарѣчій, во всякомъ случаѣ столь незначительные, что строить на нихъ какую-либо отдѣльную литературу нѣтъ никакой возможности“ ¹⁾.

¹⁾ А. Пыпинъ: Особая исторія русской литературы (Вѣстникъ Европы 1890, сентябрь, 262, нѣмецкій переводъ въ Archiv. für slavische Philologie XIII, 434 и сл.), т. е. отзывъ о странной исторіи „русской“ литературы Омелия Огоновскаго (Львовъ 1887), которая свидѣтельствуетъ о низкомъ уровнѣ историко-филологическихъ наукъ въ современной Галиціи. Литература „русская“ должна быть что-то другое, чѣмъ „русская, російская, московская“ (срв. выше стр. 3, пр.) равнымъ образомъ какъ „Исторія Руси“ А. Барвинскаго (Львовъ 1890)—исторія Руси юго-западной (съ портретами напр. Володимира св., Данила галичскаго, князя К. Острожекаго, гетмана Хмѣльницкаго и др., и нѣмецкихъ государей Маріи Терезіи, Іосифа II, Франца-Іосифа, кронпринца Рудольфа). Въ исторіи „русской“ литературы являются на сцену, ни къ селу, ни къ городу, „московскіе панслависты“, къ которымъ причисляется— въ отвѣтъ Огоновскаго Пыпину—также и послѣдній. О воображаемой роли этихъ ужасныхъ русскихъ „панславистовъ“ (скорѣе петербургскихъ, чѣмъ московскихъ) въ мірѣ русскомъ и вообще славянскомъ можно, конечно, думать, говорить, писать, фантазировать сколько угодно, что и дѣлается особенно въ Галиціи; но едва-ли можно серьезно думать, что забитымъ карпатскимъ Русскимъ, Лемкамъ, Бойкамъ, Гуцуламъ помогутъ Нѣмцы съ своими союзниками; такая своеобразная „помощь“ оказывалась для Славянъ всегда роковою, и едва-ли на карпатской Руси оправдается южно-русская пословица: „Мова не полова, ніякій вѣтеръ еѣ не вывѣ“. Что касается языка книги Огоновскаго и другихъ галичско-русскихъ ученыхъ, какой-то смѣси русско-польской, то уже въ половинѣ нашего столѣтія одинъ изъ лучшихъ представителей галичской Руси, Д. Зубричскій (Исторія древняго галичско-русскаго княжества, Львовъ 1852, II. 47) высказался о необходимости одного литературнаго языка въ научныхъ книгахъ для всей Руси довольно рѣзко:

Культурнолитературная связь между Русью югозападною и сѣверовосточною не порвалась и впоследствии, когда югозападная Русь подпала господству и вліянію Польши; эту связь поддерживало православное вѣроисповѣданіе и церковный языкъ словѣнскій (славянскій) или скорѣе словѣнско-русскій (славено-россійскій), на который переводились въ Москвѣ книги „бѣлорусскія (бѣлороссійскія)“; а между писателями и дѣятелями сѣверовосточ-

„Есть мрачные изступленники или скорѣе низкіе невѣжды, въ лѣтні доселѣ проживавшіе, пренебрегавшіе всякую науку собственнаго языка, употреблявшіе чуждое нарѣчіе, прислушивавшіеся только простонародному разговору своихъ слугъ и работниковъ, и желавшіе теперь, чтобъ мы писали свою исторію на областномъ нарѣчій галичской черни. Странное и смѣшное требованіе! Исторіи пишутся для образованнаго и образующагося класса народа. Для простолюдина довольно молитвенника, катехизиса и псалтыри. Где-же то пишутся исторіи на нарѣчій простого земледѣльца?“ Читая книгу Огоновскаго и его *Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache*, убѣждаешься все болѣе въ той великой благодати, какую представляетъ одинъ общій литературный языкъ для всей Руси, и въ глубокой истинѣ словъ Я. Гримма: „Alle Mundarten und Dialekte liefen Gefahr sich ins unendliche zu splintern und zu verwirren, wäre dem nicht eine weise Schranke gestellt durch das Uebergewicht der sich niedersetzenden grösseren Schriftsprachen, wie die Herrschaft grosser Völker dem Zerfahren der Stämme steuert und die im kleinen unvermögenden Kräfte zu einem mächtigen Ziele sammelt. Herrschende Sprachen verzehren schonungslos, aber wohlthätig, eine Masse von Eigenheiten, günstigen und nachtheiligen, deren Schalten der grossen Wirkung des Ganzen nicht zu gute kommen würde. Wie es den Bäumen des Waldes versagt ist, alle Aeste, dem Ast alle Zweige in gleicher Reihe zu treiben, so werden auch Sprachen, Dialekte, Mundarten neben und durcheinander gehindert und zugleich gefördert: zwischen zurückbleibenden ragen erblühende desto herrlicher vor.“ (Geschichte der deutschen Sprache, II. Ausg. p. 578). Вопросъ объ одномъ обще-литературномъ языкѣ русскомъ рѣшается въ нѣкоторыхъ южно-русскихъ кружкахъ болѣе лирическо-эпическимъ тономъ козацкихъ бандуристовъ, чѣмъ въ практическомъ смыслѣ стремленій славянскихъ философовъ и политиковъ въ родѣ Крижанича или Петра Великаго. „Между тѣмъ это обще-русское единство, понятое серьезно“ — замѣчаетъ А. Пыпинъ (Споръ между южанами и сѣверянами, Вѣстникъ Европы 1886, апрѣль) — „могло бы

ной Руси XVII — XVIII вв. является значительное число югозападных Русских, которые писали на славяно-русскомъ и со времени Петра Великаго на общелитературномъ русскомъ языкѣ¹⁾.

Фонетика языковъ русскаго и польскаго строго опредѣлена; такъ напр. полногласіе, отсутствіе носовыхъ звуковъ — характеристическая черта русскихъ нарѣчій, а носовые звуки, отсутствіе полногласія — характеристическая черта ляшскихъ (польскихъ) нарѣчій. Нарѣчія русскія и польскія на этнографическомъ рубежѣ народностей русской и польской стоятъ другъ къ другу ближе, чѣмъ нарѣчія болѣе отдаленныя. Вслѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ, вліяніе польскаго языка на болѣе близкія русскія нарѣчія оказалось болѣе сильнымъ, чѣмъ вліяніе языка русскаго на польскій. Нѣкоторыя одинаковыя явленія фонетики польской и русской не нужно непременно считать вліяніемъ тѣхъ или другихъ нарѣчій, а можно ихъ объяснить — какъ общеславянскія черты²⁾. Такъ напр. произношеніе *ь* (тоже *e*) какъ *ja*, *ьa* (вѣра — вѣара, гнѣздо — гнѣаздо) свойственное языку польскому и нарѣчію бѣлорусскому, встрѣчается тоже отчасти въ говорахъ мало-

быть дѣйствительно сильною опорою для мѣстной русской жизни Галиціи, могла бы доставить ей поддержку той великой уметвенной и нравственной силы, какую, при всѣхъ трудностяхъ и бѣдствіяхъ своего развитія, успѣла собрать русская литература въ своемъ новомъ періодѣ... Что же касается до того, что русскій языкъ „не есть еще всемірный“, то во всякомъ случаѣ его литература есть самая обширная по объему и богатая по содержанію славянская литература; и если ея поэтическія произведенія получаютъ въ послѣднее время такое широкое распространеніе въ Европѣ и если русская наука даетъ уже свои самостоятельныя вклады въ содержаніе науки европейской, то, думаемъ, они бы могли съ пользою послужить и для Галичанъ: имъ естественнѣе было бы примкнуть къ этому родственному движенію, чѣмъ нуждаться во „всемирной литературѣ“ чужого языка, которая огромному большинству будетъ все-таки недоступна, а вмѣстѣ будетъ имѣть на слабую народность подавляющее вліяніе.“

1) Срв. „Славяне“ II. 465, 472.

2) Въ подробности не входимъ, о нихъ см. сочиненія по исторіи языковъ русскаго и польскаго, и по ихъ діалектологіи.

русскихъ и великорусскихъ, и въ языкѣ болгарскомъ. Переменная долгота *о* въ *уо* (уа, уе), *у* въ некоторыхъ малорусскихъ говорахъ (копъ — куопъ, кунъ, Польша — Пуольша) встрѣчается и встрѣчалась въ говорахъ бѣлорусскихъ, чешско-словенскихъ, польскихъ и сербскихъ ¹⁾. Такъ какъ носовыхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ не было — въ историческое время — и нѣтъ, то употребляемая въ русскихъ нарѣчіяхъ слова въ родѣ Венгрія, вензель, заценты, ксѣндзь, дзенковаць (-ати) уже этимъ самымъ указываютъ на свое нерусское происхожденіе, — срв. русскія Угрія, узель, утятый, князь, дякувати (передѣланное на русскій ладъ польское *dziękować*). Съ другой стороны если Поляки говорятъ *łuk* (вмѣсто *łak*, *łek*) или *zubr* (неправильно *żubr*, вм. *ząbr*), то отсутствіе въ такихъ словахъ носовой гласной указываетъ на ихъ русское происхожденіе ²⁾. Полногласныя формы *город*(ъ), *голова* — свойственны издавна русскимъ нарѣчіямъ, а формы *грод*, *глова* — польскимъ ³⁾; поэтому, если въ русскихъ нарѣчіяхъ встрѣчаются слова: грод, кроль (круль), хлоп, хлопец (хлопецъ и хлопецъ), то это заимствованія изъ польскаго; если же въ польскомъ языкѣ встрѣчаются слова *drożka*, *czereďa*, *czerep*, *dereń*, *hałas*, то это заимствованія изъ русскаго, какъ и слова *sobor* (тоже *sbor*, *zbor*, *concilium*, но позже только *sobor*, а *zbor* — протестантская церковь), *sojusz* (союзъ). Смягченіе зубныхъ *д* и *т* въ *дзь* и *цъ* (*dź*, *ć*), свойственное польскому языку (нарѣчіямъ Ляховъ восточныхъ, но не западныхъ) ⁴⁾ и нарѣчію бѣлорусскому (дзень, дзевяць, жици — жиць) можетъ быть общесъ этимъ нарѣчіямъ явленіе, а не непременно польское вліяніе на бѣлорусское нарѣчіе. Это дзеканье и цеканье въ бѣлорусскомъ во всякомъ случаѣ — явленіе болѣе новое (первые его слѣды можно отыскать только во второй пол. XII в.); оно встрѣчается спорадически и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, напр. въ некоторыхъ малорусскихъ говорахъ на рубежѣ бѣлорусскомъ и польско-

¹⁾ Срв. „Славяне“ III. 200.

²⁾ Срв. тоже „Славяне“ III. 200.

³⁾ Срв. тоже „Славяне“ III. 204.

⁴⁾ Срв. „Славяне“ III. 195. 203.

карпатскомъ, и въ одномъ говорѣ великорусскомъ (Ситкарей). Горганное *z*, произносимое у Ляховъ, Словѣнъ и восточныхъ Русскихъ (Великорусовъ) какъ *g*, произносится у всѣхъ западныхъ Русскихъ (Малорусовъ, Бѣлорусовъ и въ нѣкоторыхъ говорахъ западно-великорусскихъ) какъ *h*; поэтому, если въ западно-русскихъ нарѣчіяхъ встрѣчается *g* (здѣсь писалось *hz*, въ отличіе отъ *z=h*), то такіа слова указываютъ на свое польское происхожденіе, напр. *kródz*, *kwaltz*, *kruntz*. Съ другой стороны въ польскій языкъ перешло нѣсколько западно-русскихъ словъ съ *h*, напр. *hulać*, *hultaj*, *hołota*, *hruby*, *rubacha*—*rubaszny* (вѣроятно вмѣсто *hrubacha*), *bohater* (*bohater*), *hreczka* (и *gryka*, „греческое“ *paćenie*), *hospodar*, *hody* (годі, довольно), *hubka* (*gąbka*), *druh*, *rozhowor*, *hołoble*, *buhaj* (*bugaj*), *hajdamak*, *hałas*, *hornostaj* (*gronostaj*), *hoży*, *czerha* и др. ¹⁾.

Польскія (и вообще западно-славянскія) *radło*, *sedło* соотвѣтствуютъ русскимъ *рало*, *село*; если въ западно-русскомъ нарѣчій употребляется слово *быдło* (скотъ), то оно уже по суффиксу *дło* указываетъ на свое польское происхожденіе помимо польскаго значенія этого слова (скотъ). Равнымъ образомъ польское *sielanka* взято изъ русскаго (село-селянка); по польски было бы *siedlaczka* (*siedło*, *siedlec*—*siedlaczka*, срв. *wieś*—*wieśniaczka*). Замѣна мягкаго *p* (*rz*) твердымъ (*r*) въ нѣкоторыхъ польскихъ словахъ *śrebro*, *środek*, *źródło*, *źrebie*, *źrenica*, конечно, не русское вліяніе, а повѣйшее правописаніе старопольскихъ *szrebro*, *szrodek*, *źródło*, *źrzebie*, *źrenica*. По суффиксу — *icz*, — *owicz* (*panicz*, *królewicz*) вѣроятно русскій, такъ какъ польскій — *ic*, — *owic*: *królewic*, (дрполь.), *panic* (другое значеніе чѣмъ *panicz*), *oćcie* (*ojczyc*, *ojcowic*), *dziezic*, *rodzie*, *księżyc*, *wojewodzie*, *staroście*, *Prawdzie*, *Wojslawic* (*Wojslawice*), *Wlostowic* (*Wlostowice*) и др. ²⁾. Нѣкоторыя слова съ начальными группами *kn*

¹⁾ Срв. еще „Славяне“ III. 202.

²⁾ Формы именъ *Kłonowicz*, *Szymonowicz*, *Zimorowicz* надо слѣдовательно считать русскими вмѣсто польскихъ *Kłonowic*, *Szymonowic*, и пр.

(кшити, кріє изъ нѣмецкаго), *ис* (исувати), *кв* (квѣтъ рядомъ съ цвѣтъ) и др. указываютъ на польское ихъ происхожденіе.

Формы русскія и польскія — своеобразны, хотя въ нихъ, какъ вообще во всѣхъ славянскихъ формахъ, замѣчаются и сходства. Такъ простые прошедшія времена (аористъ, имперфектъ) исчезли, уже въ историческое время, изъ обоихъ славянскихъ языковъ, и прошедшее время выражается формулою *ходилъ если*, что въ польскомъ языкѣ съ XIV—XV вв. сокращается: изъ *chodzil jeśm, jeś, jest, jeśmy, jeście, są*, въ *chodzileśm, chodzilem* и пр., но въ русскихъ нарѣчіяхъ сохранилось съ разными измѣненіями до сихъ поръ; если же кое-гдѣ въ русскихъ нарѣчіяхъ слышны напр. форма *ходиламъ, ходилась*, то это по всей вѣроятности вліяніе польское. Форма *буду ходили* не непременно польская, такъ какъ она встрѣчается также въ древнерусскихъ памятникахъ и въ юго-славянскихъ нарѣчіяхъ ¹⁾.

Польское вліяніе на русскія нарѣчія и говоры сказалось особенно сильно на этнографическомъ рубежѣ Ляховъ и Русн по Сяну, Вепрю, Пурцу, Бобрѣ. Такъ, въ говорѣ Русскихъ на крайнемъ западѣ въ карпатскихъ горахъ, около источниковъ Вислока и Вислоки и на верхнемъ Санѣ, такъ называемыхъ „Русняковъ Лемковъ“ (по слову *лемъ*, у Словаковъ *len*, у Поляковъ *jen, jeno*), живущихъ около другихъ славянско-карпатскихъ горцевъ, польскихъ (Горалей и Подгалинъ) и словенскихъ. Въ говорѣ Лемковъ слышны польскія формы: кроль, брозда, заграда (рядомъ съ русскими борозда, боронити), кретити — кетити, мьудъ, льудъ, приньусъ (*miód, lód, przyniósł*), дзевча, дзядекъ, идземъ, здрадзницъ (вмѣсто: здрадзницъ, хотя обыкновенно — ити), маць, цы — ци (поль. *ezy, cy*), знаме, продаламъ, и др.; Лемки употребляютъ вообще много польскихъ словъ, не передѣланныхъ на русскій ладъ, напр. власна, цура (*soğa*), лясъ, насъ, попатрети (*popatrzyć*), барзъ, обѣцати, гварь (говорн), заржнути (*zarżnąć*), соботка (праздникъ Ивана Купала), крижъ, панна Марія, и пр.; даже удареніе въ говорѣ западныхъ Лемковъ ставится, по польскому примѣру, на

¹⁾ Срв. П. Житецкій: Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в. (Кіевъ 1889), стр. 48—50, 70—71.

предпоследнемъ слогѣ ¹⁾. Въ говорахъ побужскихъ Русскихъ на Руси холмской (губ. люблинской) и подляшской (губ. сѣдлецкой и городенской), соприкасающихся по рѣкамъ Вепрю, Кроснѣ, Нурцу и Бобрѣ съ Поляками малопольскими и мазовскими, замѣтно тоже сильное вліяніе польское въ разговорной рѣчи и въ пѣсняхъ; такъ напр. Русскіе говорятъ — на польскій ладъ — дзясъ, зацентый (zasięty), дзенкую, хоць, гоєци, цякнулъ (ciachnął, ciął); чарноксентникъ (czarnoksiężnik), конкуоль (kałol), цѣпкгле (ciągłe), тэцкго (tego), ксѣнже, цо, цы, и вообще на мазурскій ладъ: друзина, цорный, сце (еще), пусцу, что замѣтно у Русскихъ городенской губернии на рубежѣ съ польскими Мазурами; иногда встрѣчается въ пѣсняхъ удареніе польское, хотя въ разговорной рѣчи удареніе другое. Притомъ многіе Русскіе, принявшіе изъ ушій католичество, сохранили свое малорусское нарѣчіе, хотя они говорятъ тоже на польскомъ языкѣ; послѣдній

¹⁾ См. о Лемкахъ, ихъ пѣсняхъ и обычаяхъ, въ сборникѣ Ян. Головацкаго: Народныя пѣсни галичской и угорской Руси II. 718, III. а. 115, 248, б. 366, 521, тоже у П. Житецкаго: Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 333, у Кочубинскаго: Отчетъ о занятіяхъ славянскими нарѣчіями (Одесса 1876); объ удареніи въ говорахъ галичскихъ Русскихъ вообще ст. Верхратскаго (Archiv. für slav. Philologie III. 381). Вотъ начало одной пѣсни Лемковъ изъ окрестностей Саидча, перенятой очевидно отъ Поляковъ: „Шоэль дзядекъ, не преставши, трафилъ на богача: започуйте добры люди, бо мя дочка зашла! Мы ты не приймеме, бо мы ты не знаме, не будешь ты почевати, иди собѣ далѣ“. Лемки и другіе угорскіе Русскіе заимствовали тоже отъ Словаковъ разныя слова, пѣсни и пр. часто совсѣмъ неорганически; напр. хланъ, глава, гавранъ, младепецъ (т. е. юноша, парень), злато, заграда, шугай, сетникъ, кровавый (3-слож.), пожегпати и пр. Вообще въ западныхъ Карпатахъ славянскіе горцы смѣшались въ значительной степени, при чемъ словенскій элементъ занялъ первое мѣсто. У всѣхъ этихъ славянскихъ горцевъ, живущихъ въ одинаковыхъ условіяхъ жизни, встрѣчается много общихъ словъ — специфически карпатско-славянскихъ, напр. саланъ (шалашъ), острова — островница (ostrev), гуня, колиба, ватра, полина, и пр. Срв. „Славяне“ III. 196.

употребляется тоже многими побужскими Русскими, прежде уніатами, а нынѣ православными ¹⁾).

Поляки, живущіе на этнографическомъ рубежѣ польско-русскомъ, приняли отъ своихъ русскихъ сосѣдей и соплеменниковъ русскія слова, хотя русское вліяніе на Поляковъ не столь значительно, какъ польское вліяніе на Русь. Такъ напр. карпатскіе Поляки употребляютъ русскія слова *breczać* (брехати)—*pleść, bredzić, herba* (горбъ)—*grzbiecik góry, harny* (гарный) — *dunny, harasny* (гараздъ)—*piekny, hory* (гори)—*na górze, stryło* (стрѣла, стрѣла)—*piorun, wataszka* (ватажка, т. е. топоръ), *hody* (годи)—*wcale nie*, и др. Гораздо больше повліяла Русь (Малорусы и Бѣлорусы) на Поляковъ-Мазуровъ въ бывшемъ Подляшѣ по Бугу, Нарви, Бобрѣ (пол. *Biebrza*). Эти восточные Мазуры употребляютъ много словъ русскихъ, особенно въ пѣсняхъ, которые приняты отъ Руси, напр. *holys* (голышъ, но *nagis*), *het* (геть, вотъ), *nahledziu sie* (нагляжуся), *hlani* (гляни), *huska* (тоже *gaska*, булка, чеш. *houska*), *dub* (*dąb*), *okutać* (окутать), *czuć się* (чуждаться), *chłodziej* (вм. *chłodziej*, холодецъ — *chłodnik*), *korowaj* (коровай), *czerez* (черезъ), *woronienki* (вороненькіи, конь), *drozda* (дорога), *horodzieci* (городити, но *zagrodzić*), *soloma*, *hronostaj* (тоже *gronostaj*), *horoch* (*groch*), *hruszecka* (*gruszecka*), *darci, trymaci, prysel, dobre, korenje, skrydło, gospodar, słozka* (іза), *siolo, pirog, choroso, bojary* (въ свадебной пѣснѣ), формы: *pytaje, zbieraje, maie, takaja*, и пр. ²⁾. Поляки,

¹⁾ О говорахъ Руси холмской и подляшской см. Труды этнограф.-статист. экспедиціи въ западно-русскій край, собр. П. Чубинскимъ (СП. 1872, VII. 364, 552), П. Житецкаго Очеркъ исторіи звуковъ малорусскаго нарѣчія 297, замѣтки Желеховскаго (варшав. Русскій Филолог. Вѣстникъ 1884, 255), Странкевича (въ сб. Ватюшкова Холмская Русь II. 494), Янчука (въ Памятной книжкѣ сѣдлецкой губерніи на 1891 годъ), С. Кулаковского, о западной части городенской губерніи (Этнограф. Сборникъ III. 85), П. Бобровскаго соч. о городенской губерніи I. 623, и др. Городенскіе Русскіе поютъ даже польскія пѣсни (срв. Этнограф. Сборникъ, 101); въ Червоній Руси поется напр. пѣснь о Жальманѣ отчасти по-русски, отчасти по-польски (срв. сборникъ Ян. Головацкаго II. 697).

²⁾ Вотъ нѣсколько стиховъ изъ пѣсенъ подляшскихъ мазуровъ: *Hej pójdziemy bracia rzecki horodzieci, zagrodim rzeckę... Siadaj pro-*

живущіе на Руси Малой и Бѣлой среди русскаго населенія. приняли много русскихъ словъ и фразъ, часто вопреки законамъ фонетики, даже русское удареніе, и употребляютъ эти русскія особенностями, если не въ языкѣ письменномъ, то по крайней мѣрѣ разговорномъ; такъ напр. *holoble*, *strymholow*, *robereźnik*, *rohany*, *storożka*, *holubić*, *badinka*, и много другихъ русскихъ словъ, напр. *sobaka*, *futor*, *kurzeń*, *perebendiować*, *padalica*, *postoły*, *oseledec*, *tuman*, *wertepu*, *czerha*, *czupurno*, и пр., и формы *piszu*, *widusz-czy*, *my pili*, *okólica*, и др. ¹⁾.

Что касается лексикальнаго богатства, то въ нарѣчіяхъ ляхскихъ и русскихъ—не говоря объ общеславянскомъ богатствѣ—встрѣчается множество одинаковыхъ словъ; нѣкоторыя вышли изъ употребленія въ литературномъ языкѣ, но сохранились въ нарѣчіяхъ, говорахъ, другія совсѣмъ исчезли и встрѣчаются только въ древнихъ памятникахъ. О замѣтованіяхъ словъ тѣмъ или другимъ нарѣчіемъ можно говорить только послѣ тщательнаго ихъ изслѣдованія. Въ западно-русскихъ нарѣчіяхъ находится, конечно, больше словъ, общихъ съ ляхскими нарѣчіями, чѣмъ въ восточно-русскихъ нарѣчіяхъ; но много такихъ словъ, общихъ нарѣчіямъ ляхскимъ и западно-русскимъ, встрѣчается тоже въ во-

ściusieńko, *łłani milusieńko*... *Cerez bór zieleneńki bieży koń woronieńki*... *Niet cem druzeńków daryci*... *Ojceńke wianka nie wstrzymaje*; *bo w nim nadzieję małą ma*... *Sokół leci, skrydlami zwinie do duba*... *Idzie dziewczyna z komory, do swej matuli howory*: *moja matulu, moja rodzona, rozłaka mnie z tobą*... *Rozwijaj się suchy dubie choć na cztery liście, jak ja cię kochał, tak kochać będę*, etc. Подробно у Кольберга: *Mazowsze. Obraz etnograficzny* (t. V, Kraków, 1890). Неограниченныя въ польскомъ языкѣ слова: *horodzieci*, *deroła*, *dub*, *sielo*, *daryci* и пр., встрѣчаются главнымъ образомъ въ нѣсахъ, очевидно перенятыхъ Мазурами у ихъ русскихъ соседей. Въ этихъ нѣсахъ часто *dunaj*—вообще вода.

¹⁾ См. разныя статьи польской діалектологин (срв. „Славяне“ III. 199), Верхратекаго въ *Archiv. für slav. Philologie* III. 381, Труды этнограф.-статист. экспедиціи въ западно-русскіе к. аѣ, II. Чубинскаго, VII. 251, и др. Русское слово *mudo* замѣнили у Поляковъ польское *mędo* (срв. *mędak* у Мазуровъ —быкъ); слово *mud* (мудъ) сдѣлалось у Поляковъ въ южной Руси даже презрительнымъ названіемъ мужика.

сточно-русскихъ (великорусскихъ) говорахъ. Такъ напр. вежа (архангельск.)—wieża, вечерять (ужинать, смоленск., пензенск.)—wiecierzeć, господиня (кухарка, тверск.)—gospodyni, громада (въ курск. губ. сходка поселянъ, какъ и въ югозападной Руси и въ Польшѣ) —gromada, жадать (желать, вологод., рязан., тамбов.)—żadać, жито (рожь, въ г. курск. и донской землѣ)—żyto, жупанъ (въ г. вологод., смоленск., худой кафтанъ)—поль. żupan¹⁾, привычно (обыкновенно, въ костром., смолен.)—zwyczajnie, кій (палка, въ г. псков., смолен., твер.)—kij, куна (куча въ г. твер.)—кура, мара (призракъ въ г. курск.) —мага, надѣя (надежда, въ г. архангельск.)—nadzieja, нильно (прислужно, въ г. курск., смолен., твер.)—pilnie, посагъ (приданое и свадьба въ г. орлов., твер.) — posag, рачить (хотѣть въ г. олонек.) — raczyć, честовать (угощать, въ г. архангельск., малорусск. частувати)—czestować, вмѣсто czestować, и пр. ²⁾). Въ нарѣчьяхъ и говорахъ русскихъ и польскихъ вообще встрѣчается много одинаковыхъ словъ, которыя не вошли въ литературные языки или прежде употреблялись, а потомъ исчезли. Такъ напр. въ польскомъ языкѣ употреблялись слова: imięnie (имѣние), ułożenie (уложеніе), zakon (законъ), gospodzin — gospoda (господинъ), gospodza (госпожа), żeńszczyna (женщина),

¹⁾ Слово вѣроятно татарское (тоже зипунъ), которое перешло къ Полякамъ только въ XVI в., какъ и татарскіе kontusz, szarawary, karabela, sabajdak —sajdak, kołczan, buńczuk, dzida, tabor, и др. Замѣтимъ, что слово żupia (у Секлюціана и Рея) означаетъ плащъ; оно встрѣчается тоже въ западно-русскомъ романѣ о Тристанѣ (злоглава жупица), и было извѣстно до недавна въ мазурскомъ Подляшѣ (Kolberg, Mazowsze V. 170). Можно-ли поль. żupan сопоставить съ француз. jupon — giubbone (юбка, женская), не знаемъ. Срв. слова Л. Горницкаго (Dworzaniū polski 1566, wyd. Turowskiego p. 92): „Dziś u nas tak wiele jest strojów, iż im liczby nie masz; to po włosku, to po hiszpańsku, po brunszwicku, po usarsku, po kozacku, po tatarsku, po turecku... jedni golą brody, a z wasy chodzą, drudzy strzygą brody po czesku, trzeci przysstrzygają po hiszpańsku... My polacy niemamy swego własnego ubioru i (jesteśmy) do cudzoziemskich ubiorów zbytnie chełwi“.

²⁾ П. Житецкіи: Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчья въ XVII в., стр. 45.

rzecz (рѣчь, а не вещь), niedziela (недѣля), leż (ложь), lubieźny (любезный), wien (вонь), sła (слеза), nieźa (цельзя), kupia (купля), junoch—junosza—junoszka (юноша), młodzię (молодецъ), poźny (позны), żdać (ждать), wrzeмиę — brzeмиę, wrzeмиenny (время, временный), kłodnik w ciemnicy (колодникъ въ темницѣ), pobiedzić (побѣдить) ¹⁾, przyteza (притча — случай), szłom (шелома, шолома), przystaw (приставъ), cyrkiew—cerkiew (церковь католическая), sbór—zbór (церковь — соборъ), pop (попъ католическій), chrzebt—chrzybiet (хребетъ), dziewica (дѣвица), gęśli (гусли), gorze (горе!), jęstwo (ятство-пятство), kaki-kako (какой—како), lubić się (полюбитьса), miłość (милость, gratia), mowa (молва, пынь мowa), myto (мыто, pretium), pynie (пынь) obiata (обѣтъ, votum), opieć (опять), ostrow (островъ), piał — pienie (пѣть — пѣние), smard (смердъ), ssad (сосудъ), iskać (искать), odiskać (отыскать), iściec (истецъ), pirzwieniec (первенецъ), płoszczyca (площина), pośledni (последній), skot (скотъ), smieś (смѣсь), teszno—tesznica (тошно), trzem (теремъ, atrium et tentorium), wieliki (великій), zapad (западъ), zaszczyć — zaszczyca (защитить, защитникъ), zele (зелье), znamienity (знаменитый), zwać—źwięk (звукъ), żadny (жадный), żyżń — żyżność (жизнь, ubertas), jętry—jętrew', jątrew' (ятровъ), świekry (свекровь), żełw'—żełwica — żołwica (золовка), dziewierz (деверь), szurz—szurzu (шуришь), ²⁾ ćma (тьма, часть войска), wiódro (ведро), robionek (ребенокъ), prok (порокъ, т. е. праща, поль. тоже проса), posuły (посулы), utolić (утолить), zmiennik (измѣнникъ), rzewniwy (ревнивый), przysiodlek (приселокъ), przugrodek (пригородъ, у балт. Ляховъ prigard), pisany (писанный, т. е. malowany), rozbójca (разбойникъ), najmit (наймитъ), bies (бѣсъ), и др. Нѣкоторыя такія слова исчезаютъ изъ польскаго

¹⁾ Срв. польскія географ. названія Pobiedzisko, Pobiednik, Pobiedna.

²⁾ Szurz (а не: szurza) въ краковскихъ судебныхъ книгахъ 1439 г. (Heleel: Pomniki II. № 2779), szurzu у М. Бѣльскаго. Въ польскомъ Подляншѣ до недавна żałwica — сестра жениха (Kolberg, Mazowsze, V. 141).

языка въ XIV в., другія въ XV и въ первой половинѣ XVI в., и позднѣе; такъ напр. слово *wrzemię* (*brzemię*), *wrzemienny*, встрѣчается еще въ проповѣдяхъ св.-крижскихъ XIV в. и въ обихъ псалтиряхъ XIV—XV вв., *szłom*, *przystaw*, *pobiedzić* въ XV в. (рядомъ съ *wicieństwo*, *wicieźca*), *zabr*, *lęczyszcze* въ началѣ второй половины XVI в., *smard*, *gospodzin* — *gospodza* во второй половинѣ XVI в. (хотя уже въ XV в. преобладаетъ *ran* — *ranі*); другія слова употребляются еще во время разцвѣта польской литературы во второй половинѣ XVI и въ началѣ XVII в., напр. *posuły*, *rzewniwy*, *bies*, и пр. ¹⁾.

Въ польскихъ нарѣчіяхъ и говорахъ употребляются до сихъ поръ многія слова, которыя употреблялись въ древнепольскомъ или не вошли въ литературный языкъ польскій, но извѣстны и въ другихъ славянскихъ языкахъ, именно въ чешскомъ и русскомъ: такъ напр. слова: *rabież* (рубежь), *zabyć* (забыть), *top'* (топь), *śma* (тьма, множество), *jajco* (яйцо), *siewierz* (сѣверъ), *piska* (писанка), *oberwanie* (оборванецъ), *ani widu ani slychu* (ни виду ни слуху), *parocznie*—*znarocza* (парочно), *dźwierze* (двери), *niewiasta* (невѣста), *szczuka* (щука), *żałoba* (жалоба), *niedziela* (недѣля), *doma* (дома), *ostrow* (островъ), *leż* (ложь), *wietew* (вѣтка), *zdać* (ждать), *przystaw* (смотритель рабочихъ, въ польской библии XV в.: *przystaw jen za żency stal*, на островъ Ранъ въ 1307 г.: *nuncius qui pristaw dicitur*), и др. ²⁾.

Многія названія разныхъ общественныхъ и государственныхъ учреждений у Ляховъ и у Русн, равнымъ образомъ какъ и

¹⁾ См. Nehring, *Altpolnische Sprachdenkmäler*, его-же словарь къ псалтири XIV в., срв. разныя статьи по древнепольскому языку въ *Archiv für slavische Philologie*, и польскій словарь Линде. Многія такія древнепольскія слова встрѣчаются тоже въ чешскомъ языкѣ; срв. „Славяне“ III. 208. Что касается формъ *wrzemię* (въ св.-крижскихъ проповѣдяхъ) и *brzemię* (въ псалтиряхъ XIV—XV вв.), то срв. *brieme* вмѣсто *vrieme* въ древнехорватскомъ евангеліи Н. Ранины 1504 года. Въ св.-крижскихъ проповѣдяхъ встрѣчаются формы *togo* (какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, нын. *togo*), *choćiał* (хотѣлъ), нын. *cheiał*.

²⁾ Срв. „Славяне“, III. 197.

у другихъ Славянъ, одинаковы или сходны, и относятся къ древнѣйшему періоду славянской исторіи, напр. слова городъ (grad), община (obec). село—весь (siedło—wieś), вѣче (wiece), князь (kniądz), господарь (gospodarz), староста (starosta), владыка (włodyka), дѣдичъ (dziedzic), воевода (wojewoda), смердъ (smard), холопъ (chłop), отчина и дѣдина (ośczyzna, dziedzina), волюсть (włość), дань и боръ (dań, robór), укладъ и уложеніе (układ, ułożenie) и пр. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ со временемъ и вѣдѣствіе разнороднаго вліянія приняли у Руси и у Литовъ различныя значенія; такъ напр. Русскіе употребляли обыкновенно *село*, а Поляки *wieś*; общеславянское *городъ* сохранился у Русскихъ, между тѣмъ какъ Поляки приняли по нѣмецкому *stadt—stätte, miasto*, а *grad* сталъ у нихъ означать замкнутую крѣпость; *zamek* (нѣм. *schloss*); русское *вѣче* — общенародное собраніе, польское *wiece*—судъ, русскій князь—господарь (государь), польскій *kniądz, ksiądz* — духовный начальникъ (а *gospodarz*—хозяинъ), равнымъ образомъ какъ русскій *владыка* (изъ языка церковно-словѣнскаго)—духовный начальникъ, а древне-польское *włodyka*—низшій землянинъ; русское и польское *староста*— первоначально начальникъ общины, но со временемъ у Поляковъ—княжескій намѣстникъ, замковый судья; русское и польское *воевода* — военный начальникъ вообще, потомъ въ Польшѣ первый придворный сановникъ (*comes palatinus*) и намѣстникъ въ воеводствѣ, и пр. Названія оружія у всѣхъ Славянъ одинаковы или сходны; общія русско-польскія названія: мечъ, ножны (тоже дрполь.), щитъ, лукъ (дрполь. *łuk, łek*), тулъ (тоже дрполь.), копье, рогатина (*rogacina*), шоломъ (*szłom*), и др. Если Поляки употребляли (уже въ XV в.) формы *sulica, rohatyna*, то эти русскія формы вмѣсто польскихъ *sudlica* (срв. чешское *sudlica*) и *rogacina* указываютъ на заимствованіе изъ русскаго; но слово *szłom* (XV в.) можетъ быть чисто польское, а не заимствованное изъ русскаго шоломъ, шоломъ (словѣн. *šlōm*), хотя Поляки употребляли тогда обыкновенно *przyłbica* и тоже нѣмецкое *helm*; форма *szłom* соотвѣтствуетъ вполне законамъ польской фонетики, какъ и *prok—prosa* (порокъ, праща) ¹⁾.

¹⁾ Срв. „Славяне“ III. 259. Сулицы „лядскія“ въ Словѣ о полку Игоревѣ.

Племенное родство Ляховъ и Руси и вообще всѣхъ Славянъ выразилось тоже во множествѣ одинаковыхъ или сходныхъ названій лицъ и мѣстъ; такъ напр. Русскіе и Поляки назывались Моллибогъ (Modlibog), Володиславъ (Włodzisław, Władysław), Збыгнѣвъ, Вячеславъ (Węcesław, Węclaw), Ярославъ, Славята (Sławęta), Святополкъ (Świętopelk, Świętopelk), Станиславъ, Ратиборъ, Перемышль (Premysł — Przemyśl), Мстиславъ, Кій и пр. Подобно тому въ земляхъ русскихъ и ляхскихъ встрѣчается множество одинаковыхъ географическихъ названій: племень, оселеній, горъ, рѣкъ, урочищъ и др., какъ Поляне, Воляняне, Лучане, Хорваты, Сѣверяне, Деревляне (Древяне), Новгородъ, Бѣлгородъ, Вышегородъ, Волянь, Пѣна, Бобръ, и др. Эти имена и географическія названія оба славянскіе народа произносили по своему, по законамъ своей фонетики; Русскіе говорили о польскихъ Володиславахъ, Святополкахъ, Межкахъ, а Поляки о русскихъ Влодзимѣрахъ, Влодзиславахъ, Святопелкахъ; русскія географическія названія Перемышль, Холмъ, Межирѣчье, Володава, Берестье, Дорогичинъ, Городцо (Городня), Повгородокъ, Володимеръ и др. Поляки произносили Przemyśl, Chełm, Miedzyrzecze (Miedzyrzecz), Włodawa, Brześć, Drobiec, Grodno, Nowogródek, Włodzimierz и пр., польскія Sandomierz, Łęczyca, Goniadz, Rajgród называли Русскіе — Судомиръ, Лучица, Гонязь, Райгородъ. Вслѣдствіе политическаго и культурнаго преобладанія польскаго элемента въ юго-западной Руси польскія формы сдѣлались господствующими и среди Русскихъ, напр. Влодава, Дорогичинъ, Гродно, Новогрудокъ, и пр. ¹⁾.

Все здѣсь сказанное надо имѣть въ виду, если говорить о вліяніи языка русскаго на польскій и польскаго на русскій. Вліяніе русскаго языка на польскій до половины XVI вѣка очень незначительно, ограничиваясь принятіемъ нѣсколькихъ русскихъ словъ въ польскій языкъ вопреки законамъ польской фонетики,

¹⁾ Въ Руси холмской и подляшской древнерусскія названія возобновлены, но въ остальной юго-западной Руси употребляются часто польскія формы до сихъ поръ, напр. Брестъ, Гродно, Новогрудокъ.

напр. *szlīca* вмѣсто *sudlica*, *rohatura* вм. *rogacina*, *luk* вм. *lāk*, *lęk*, *rubl* — *rubel* ¹⁾. Болѣе русскихъ словъ переходило въ польскій языкъ позднѣе, по мѣрѣ постепеннаго присоединенія югозападной Руси къ Польшѣ, не только политическаго, а тоже культурнаго, напр. *bohater* (*bohater*), *hultaj*, *smerd*, *zubr*, *cerkiew* (православная), *por* (православный) и др. Вліяніе русскаго языка на польскій было вообще незначительно, ограничиваясь пріятіемъ сотни русскихъ словъ въ польскій языкъ; за то вліяніе польскаго языка на русскій оказалось гораздо сильнѣе вслѣдствіе политическаго и культурнаго перевѣса Польши надъ Русью; въ послѣдней и въ ея языкѣ являются польскіе шляхта, земяне, воеводы, старосты, паны (и пани, панны), гетманы, войты, князья (т. е. поль. *ksiądz*, священникъ), замки, крѣпости (*gród*, а не *hógród*), и др. Такой переходъ русскихъ словъ въ языкъ польскій, и польскихъ въ русскій совершался тѣмъ легче, что многіе польскіе писатели XVI в. считали такое обогащеніе польскаго языка изъ разныхъ славянскихъ языковъ возможнымъ и желательнымъ ²⁾.

При переходѣ нѣкоторыхъ русскихъ словъ въ польскій языкъ играютъ извѣстную роль тоже разныя національныя, вѣроисповѣдныя и соціальныя соображенія и сословныя курьёзы, которые придавали тѣмъ же самымъ славянскимъ словамъ въ польской ихъ формѣ болѣе важное значеніе, чѣмъ въ формѣ русской. Такъ напр. у Поляковъ русское слово *kniaź* означало князей низшаго разряда (какъ-бы *podlejszego gatunku*), чѣмъ польское *książe*; такъ и русское *bojar* стало ниже, чѣмъ *szlachcic*, *por* — ниже, чѣмъ *ksiądz*; слово *gramota* (изъ: грамота, *hramota*) стало означать маганье, каракули (непонятная для Ляховъ русская грамота), *hałas*

¹⁾ Предполагаемое В. Макушевымъ (Славянскій Сборникъ III) русское вліяніе на польскій языкъ XIV — XV вв. опровергаетъ А. Крынскій (Варшав. *Ateneum* 1879). Предполагаемая О. Огоновскимъ (*Archiv. f. slav. Philologie* IV. 364) „русскія“ слова въ польской библии XV в. вовсе не русскія, а дрпольскія (*prok*, *płoszczycsa*, *mirzouy*, *udacien*, *przystaw*, *robionek*), и чешскія (*duha*, *skiba* изъ нѣмецкаго); о словѣ *lug* см. замѣтку Крынскаго и наниу въ *Archiv. f. slav. Philologie* VII. 599; только слово *rubel* заимствованное русское.

²⁾ Срв. „Славяне“ II. 150 — 157, III. 204, 208, 213.

(голосъ, hołos) — шумъ, крикъ; hałasować—поднимать шумъ, а głos—голосъ, głosować —подавать голосъ, и пр.

Народный языкъ югозападной Руси входилъ въ употребленіе въ свѣтской письменности, въ памятникахъ юридическихъ, грамотахъ, въ лѣтописяхъ, при чемъ вліяніе церковнаго языка словѣнскаго заявляло бѣльшую или меньшую силу, а даже исчезало совсѣмъ. Со временемъ образовался особый книжный языкъ русскій, на основаніи разныхъ нарѣчій югозападной Руси и выработавшихся традицій въ канцеляріяхъ и судахъ великаго княжества литовско-русскаго. Въ этомъ книжномъ языкѣ русскомъ встрѣчаются особенности то нарѣчія западнаго, то южнаго, но вообще характеръ этого языка одинъ; онъ и назывался всегда просто языкомъ „русскимъ“ или „рускимъ“ (фонетическимъ правописаніемъ); онъ отличался сначала не много отъ языка „русскаго“ въ сѣверо-восточной Руси (Москвѣ) и назывался здѣсь — по ближайшей Руси Бѣлой—„бѣлорусскимъ, бѣлороссійскимъ“, хотя въ немъ не встрѣчалось свойственное въ послѣдствіи народному говору въ Бѣлой Руси *дзе-канье, це-канье и а-канье*. Этотъ книжный языкъ югозападной Руси нашелъ себѣ мѣсто не только въ юридической и исторической (лѣтописной) литературѣ, а тоже въ романахъ, повѣстяхъ и другихъ произведеніяхъ свѣтской письменности. Въмѣстѣ съ тѣмъ съ начала XVI в. въ югозападной Руси является стремленіе сдѣлать и библию болѣе доступною для простаго народа, и замѣнить, болѣе или менѣе, церковный языкъ словѣнскій или скорѣе словѣнско-русскій языкомъ русскимъ, при чемъ понятіе „русскій языкъ“ опредѣлялось субъективными взглядами переводчиковъ. Они, воспитанники церковныхъ школъ, гдѣ господствовалъ церковный словѣнскій языкъ (въ изводахъ русскомъ, болгарскомъ и сербскомъ), не могли сразу отрѣшиться отъ всѣхъ традицій; поэтому они, предоставляя въ своихъ переводахъ больше или меньше мѣста народному русскому языку, не могли вполне отдѣлаться отъ словѣнскаго текста книгъ, такъ что ихъ языкъ представляетъ не чистый народный языкъ югозападной Руси, а какую-то смѣсь языковъ русскаго, словѣнско-русскаго и словѣнско-болгарскаго (съ юсами) ¹⁾.

¹⁾ Срв. „Славяне“ II. 595 и слѣд.

Давнишнія сношенія сосѣднихъ двухъ славянскихъ народовъ, Ляховъ и югозападной Руси, ихъ политическое соединеніе и послѣдствія этого соединенія, — все это обнаружило свою силу и въ языкахъ Ляховъ и Руси; если русское вліяніе на польскій языкъ было незначительно, то вліяніе польское на русскій языкъ было очень значительно, усиливаясь съ теченіемъ времени все больше. Сначала это польское вліяніе въ русскомъ языкѣ сказалось принятіемъ польской терминологіи въ области государственнаго устройства, судопроизводства и военнаго искусства (воевода, каштелянъ, староста, войтъ, шляхта, панъ, речникъ, гетманъ, ротмистръ и др.); но позднѣе въ русскій языкъ переходило тоже много другихъ словъ польскихъ, прежде всего въ Руси польской (Червоной), потомъ литовской. Въ червоно-русскихъ переводахъ польскихъ коронныхъ статутовъ XV в. русскій языкъ очень чистъ, и польское вліяніе замѣтно — кромѣ той польской терминологіи — въ немногихъ словахъ, въ родѣ: моць, члонокъ, скарбъ, превротность и др. Подобно тому русскій языкъ, употребляемый въ литовской Руси въ памятникахъ юридическихъ, въ лѣтописяхъ, повѣстяхъ и др. до начала XVI в. довольно чистъ, безъ особенной примѣси польской. Фр. Скорина въ своемъ бѣлорусскомъ переводѣ библіи отвелъ гораздо больше мѣста словамъ чешскимъ, чѣмъ польскимъ. Послѣдующіе за Скориною переводчики библіи на русскій языкъ, авторы разныхъ богословскихъ сочиненій на русскомъ языкѣ, поддавались вліянію польскаго языка и отводили ему въ своемъ русскомъ языкѣ больше мѣста уже въ силу привычки. Съ половины XVI в. польщизна прибрѣтала въ литовской Руси все больше гражданскихъ правъ, почти такіа права, какими она уже давно пользовалась въ короной Руси, гдѣ со второй четверти XV в. почти перестали писать по-русски, и русскій языкъ уступилъ мѣсто латинскому и польскому.

По мѣрѣ все усиливающихся связей, политическихъ, соціальныхъ и культурныхъ, соединяющихъ Литву и литовскую Русь съ Польшею и закончившихся политическою уніею Польши и Литвы 1569 года, — русскій языкъ всей югозападной Руси принималъ все болѣе польскихъ элементовъ фонетическихъ, формальныхъ, синтаксическихъ и лексикальных; они водворились въ письмен-

номъ языкѣ русскомъ до такой степени, что не возбуждали никакого удивленія и сопротивленія, да считались даже свойствомъ русскаго языка; подѣ конецъ этотъ русскій языкъ казался почти транскрипціею польскаго языка, чѣмъ дѣйствительно и былъ; русскіе писцы и авторы, слыша постоянно польскій языкъ, читая разцвѣтающую польскую литературу, употребляя все больше польскій разговорный и письменный языкъ, по неволѣ поддавались ему и предоставляли ему все больше вліянія на свой родной языкъ русскій. Польское вліяніе сильно замѣтно въ русскомъ языкѣ уже перваго литовскаго статута (1529), а языкъ друхъ послѣдующихъ литовскихъ статутовъ (1566, 1588) кажется какою-то русскою транскрипціею польскаго текста. Польское вліяніе замѣтно все больше и въ другихъ юридическихъ памятникахъ, грамотахъ, судебныхъ записяхъ и пр., въ лѣтописяхъ, въ историческихъ, полемическихъ, богословскихъ, филологическихъ сочиненіяхъ, въ романахъ и повѣстяхъ, стихахъ, вообще во всей литературѣ югозападной Руси XVI — XVII вв., въ сочиненіяхъ Бронскаго, І. Вишенскаго, Ставровецкаго, Копыстенскаго, Могилы, Галатовскаго, Барановича, Зизанія, Берынды, Саковича и др. Многіе изъ русскихъ писателей, владея хорошо польскимъ языкомъ и желая дѣйствовать на болѣе широкіе кружки русскіе и польскіе, и просто по привычкѣ, писали по-польски, и — надо отдать имъ справедливость — лучше и правильнѣе чѣмъ по-русски; при томъ они примѣшивали въ свои польскія сочиненія разныя русскія слова, подчасъ совсѣмъ лишнія. По-польски писали Смотрицкій, Кревза, Кальнофойскій, Саковичъ, Коссовъ, Могила, Барановичъ, Жоховскій и др. Такое распространеніе польскаго языка среди югозападныхъ Русскихъ было вполнѣ естественно, и происходило само собою безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ; да литовскій статутъ (2 и 3) прямо защищалъ право русскаго языка въ юридической жизни Литвы и литовской Руси, хотя это право, вслѣдствіе повальнаго ополяченія шляхты югозападной Руси, съ теченіемъ времени сдѣлалось чисто теоретическимъ.

А) Русь польская (коронная).

*3. Католицизмъ—вѣра польская, православіе—вѣра русская
Преслѣдованіе православія. Католицизмъ и унія — орудія
ополченія Руси.*

Польскому вліянію подчинились прежде всего русскія земли, присоединенныя къ Польшѣ непосредственно, т. е. Русь Червоная (земли перемышльская, галичская, львовская, и др.), Русь белзская, холмская и подольская. Вѣрный союзникъ Поляковъ въ ихъ походѣ на Русь, латинскій католицизмъ, вступая на Русь подъ покровительствомъ польскаго короля, присвоилъ себѣ тотчасъ роль господствующаго вѣроисповѣданія и воинствующей церкви противъ греческой русской вѣры, т. е. православія или „схизмы“¹⁾. На польской Руси основаны во второй половинѣ XIV вѣка католическія епископіи въ Галичѣ (архіепископія, перенесенная позже во Львовъ), въ Перемышлѣ, Володимирѣ волинскомъ (позже перенесена въ Луцкъ), Холмѣ, Каменицѣ подольскомъ: строились католическія церкви и монастыри для католическаго духовенства польскаго и ради пропаганды среди русскаго народа²⁾. У православныхъ епископій русскихъ отнимались

¹⁾ „Греческая“ вѣра называлась и на Червонной Руси православною (см. „Славяне“ II. 328), не только у Русскихъ („православные христіане нашего закону греческаго“—перемышльскій епископъ Арсеній 1547 г., „православная церковь російская“—львовскій епископъ Арсеній Желиборскій 1644 г.), а тоже у Поляковъ („prawosławni chrześcianie“ у польскаго поэта XVII в. львовянина І. Зиморовича).

²⁾ Въ 1412 г. король Владиславъ Ягайло просилъ папу о перенесеніи архіепископіи изъ Галича во Львовъ „pro defensione fidei orthodoxae ac etiam incremento fideliumque salute, ac reductione ad ovile dominicum infidelium et oberrantium populorum.“ (Theiner, Monumenta histor. Poloniae II. 5). Тотъ же король въ 1423 г. пожаловалъ львовскому архіепископу право наказывать еретиковъ и схизматиковъ, именно: Ex nunc nullus christianorum vel christianarum ritus romani audeat pueros suos in scismaticam sectam quocummodo bap-

церкви и имѣнія и передавались католическимъ, какъ напр. въ Галичѣ, Львовѣ, Перемышлѣ, Холмѣ; въ Перемышлѣ въ 1412 г. король Владиславъ Ягайло отнялъ у православныхъ русскихъ соборъ и передалъ католикамъ, чтобъ очиститься передъ Нѣмцами, что онъ де не покровительствуетъ „схизматикамъ“ ¹⁾. Особая православная митрополія въ Галичѣ, возникшая въ половинѣ XIV в. и поддерживаемая, по политическимъ соображеніямъ въ виду отдѣленія польской Руси отъ митрополіи всерусской, — польскимъ королемъ Казимиромъ, скоро исчезла, и Галичъ остался, съ начала XV вѣка до первой половины XVI в., безъ духовнаго пастыря. Старинная на Руси вѣра православная, „русская“, ея приверженцы, ея духовенство, церкви, праздники не пользовались у господствующихъ католиковъ Поляковъ, королей, епископовъ и духовенства, пановъ и шляхты особою симпатіею и уваженіемъ, и даже встрѣчались часто прямо съ презрѣніемъ. Старая вражда Ляховъ и Руси, народная и религіозная, выступила еще ярче, и оба народа (*Rutheni et Lechitae sive homines ritus romani catholici, Rutheni et catholici*) находили въ своихъ вѣроисповѣданіяхъ неизсякаемый источникъ взаимнаго недоброжелательства. Поляки не особенно долюбливали всѣхъ этихъ схизматиковъ Русскихъ (*schismatici Rutheni*), владыкъ, архимандритовъ, игуменовъ, поповъ, черницъ, этихъ церквей или „синагогъ“ (*synagogae*) и монастырей, ставили ихъ ниже своихъ католическихъ польскихъ, правовѣрныхъ бискуповъ, опатовъ, ксендзовъ, монаховъ, законниковъ, костеловъ, кляшторовъ; они употребляли и въ латинскихъ и польскихъ документахъ ихъ русскія названія (*mitropolit, wladicae, popones, batko, baytko, popowicz, czyrney, harchi-*

tizare et si baptizati sunt, ad ritum suum catholicum reducantur. Изъ метрики коронной XXIII. 287 сообщаетъ J. Pocięj: *Zbiór wiadomości histor. i aktów dotyczących dziesięcin kościelnych na Rusi*, Warszawa 1845, р. 6, тоже A. Prochaska: *Codex epistolaris Vitoldi*, р. 607, срв. „Славяне“ III. 173. Перечень католическихъ церквей и монастырей на польской Руси XIV—XVIII вв. см. въ статьѣ Я. К. Головацкаго, *Карпатская Русь* (Ж. М. Н. II. 1875, кн. 179, стр. 366—374).

¹⁾ Длугоша *Historia Polon.* IV. 149.

mendrita, humyon, dyak, monaster — manastir), а слово „христiанинъ“ считали какъ бы принадлежащимъ исключительно католикамъ ¹⁾. Въ городахъ и въ селенiяхъ, пожалованныхъ нѣмецкимъ правомъ, православные Русскiе не всегда допускались въ представительства общинъ, въ цехи, и это право предоставлялось только католикамъ, Нѣмцамъ и Полякамъ.

Это враждебное отношенiе католиковъ къ русскому православию, „схизмъ“—явленiе, въ тѣ времена обыкновенное и повсемѣстное, нашло себѣ позднѣе и формальную причину, именно въ томъ, что въ 1439 г. русскiй митрополитъ Исидоръ во Флоренции принялъ унiю церквей западной и восточной и старался водворить ее и на Руси, вызывая всѣхъ христiанъ, Латиновъ и Грековъ, и всѣхъ „иже подлежатъ соборной церкви константинопольскѣй, еже суть Руси и Сербiи, Влахи“, принять это „свято-

¹⁾ Срв. напр. въ судебныхъ книгахъ львовскихъ. А. 1445: *nobiles Stanislaus et Suprom de Czeperow recusabant ad coleza (кольца, цѣнь) ecclesie ruthenicalis jurare, sed voluerunt ad crucem sicut christiani*, хотя эти Чеперовскiе сами себя называютъ *terrigenae ab antiquo Rutheni*. А. 1448: *juveni filio est nomen Johannes et non Jakowycz, et est Christianus et non Ruthenus*. (Akta grodzkie i ziemskie XIV. № 1277, 2024). Срв. въ другихъ актахъ: *jure ruthenico jurare... per catenam ecclesie, circa ecclesiam, synagogam*; въ перемышльскомъ земскомъ судѣ 1468 г. разматривался вопросъ: *qualiter nobiles Rutheni debent jurare, an circa synagogam ipsorum vel circa crucem more terrestri*; а въ 1462 г. перемышльскiй городскiй судъ постановилъ способъ присяги *more ruthenico* (Akta grodzkie i ziemskie XIII. № 6899, 5034). Въ Перемышлѣ католическiе радцы утверждали „*esse sancitum de jure communi civili, testimonia Ruthenorum in causis christianorum non esse admittenda*“; перемышльскiе православные принуждались праздновать и латинскiе праздники, что однако отчасти отмѣнили короли Иоаннъ Альбрехтъ (1497), Александръ (1502) и Сигизмундъ (1519; послѣднiй приказываетъ: *Rutheni jurabunt apud suam synagogam, non tamen secundum jus ruthenicum etc.*“ (изъ Метрики коронной XXXI, 511 сообщаетъ Поцѣй, O dziesięcinach, p. 8). Во Львовѣ въ 1518 г. сожжены Армянинъ Иванко и его любовница Польшка католичка Софiя — *quia ipse existens Armenus commisceri ausus est cum christiana* (Zubrzycki, Kronika miasta Lwowa, 141).

пресвятое единачество“¹⁾. Исидоръ, возвращаясь изъ Флоренціи черезъ Угрію и Польшу на Русь, проживалъ нѣкоторое время (1440) въ польской Руси и отправился потомъ въ Кіевъ и Москву²⁾. Скоро послѣ того польскій король Владиславъ III особою жалованною грамотою (1443) уравнилъ русскую церковь и духовенство, принявшее унію съ Римомъ, въ правахъ съ католическою церковью и духовенствомъ въ Польшѣ, т. е. на Руси коронной (Червопой и подольской); эта привилегія впоследствии подтверждалась еще нѣсколько разъ (1504, 1543, 1621)³⁾. Но эта

¹⁾ Воскресенская лѣтопись въ П. С. Р. Л. VIII. 106.

²⁾ Послѣ берестьевской уніи, во время полемики между православными, уніатами и католиками, уніаты выдумывали разные факты и документы, которые должны были доказывать существованіе флорентинской уніи на Руси въ XV—XVI вѣкахъ. Въ началѣ XVII в. (1605) уніатскій митрополитъ Ипатій Потѣй сочинилъ и напечаталъ, по-русски и по-польски, „Поселство до папежа римскаго Сикста“ уніатскаго митрополита Мисаила, духовенства и пановъ литовской Руси будто 1476 г., найденное-де имъ въ Кривѣ (см. Архивъ югозападной Россіи I. 7. стр. 193). Православные Русскіе уже тогда считали эту грамоту подложною, такъ напр. львовскій священникъ (см. „Славяне“ II. 447) и авторы „Synopsis“ 1632 г. (см. Архивъ югозапад. Россіи I. 7, стр. 574, 635). Къ этому же времени и къ этой же фабрикѣ относится подложная грамота митрополита „всея Россіи“ Исидора, изданная будто-бы въ Холмѣ 1440 г. „старостамъ холмскимъ и воеводамъ и заказникомъ и всемъ православнымъ“; Исидоръ въ ней проповѣдуетъ такую мысль: что „намъ сущимъ православнымъ христіяномъ Ляхомъ и Руси достоитъ исполнати божія церкви, и ихъ священниковъ, а не обидети: есмо бо нини, далъ Богъ, одино братья христіяне Латыни и Русь“. Эта подложная грамота Исидора была хорошо извѣстна въ XVII вѣкѣ (Hagasiiewicz, Annales 75), записана въ 1637 г., по просьбѣ холмскаго епископа Меодія Терлецкаго, въ Метрику коронную (Архивъ югозападной Россіи I. 7. стр. 4); одинъ ея списокъ, находящійся въ публичной библіотекѣ познанской, издалъ О. Бодянский въ московскихъ Чтеніяхъ 1846, I. (О моихъ поискахъ въ познанской публичной библіотекѣ, стр. 13). Надо удивляться, что архіепископъ Макарій (Исторія русской церкви IX. 45) могъ грамоту Мисаила считать подлинною.

³⁾ Hagasiiewicz 78, Архивъ югозапад. Россіи I. 1. стр. 440,

унія принята однимъ только митрополитомъ Псидоромъ и его преемникомъ Григоріемъ; на Руси польской, литовской и московской она не была принята и скоро пришла въ забвеніе, не смотря на всѣ старанія польскаго духовенства. Напрасно нѣсколько лѣтъ спустя послѣ флорентинскаго собора (1451) краковскій епископъ Збигнѣвъ Олещицкій пдѣлся на краснорѣчіе Іоанна Капистрана, которому удастся-де отвратить многихъ знатныхъ людей отъ „старой секты греческой“ и присоединить ихъ къ католической церкви; правда, флорентинская унія не сдѣлала своего дѣла на польской Руси, и Русскіе или Греки не отказались отъ своихъ заблужденій и суевѣрій; напротивъ, они ихъ берегутъ до сихъ поръ еще упорнѣе, утверждая, что не они, а Латиняне заблуждались; между тѣмъ русскій народъ можно бы было легко отвратить отъ греческаго послушанія, такъ какъ онъ — народъ простой и жаждущій добра и очень проникнутый правами и образомъ жизни Латинянъ ¹⁾).

Дѣйствительно, русскій народъ держался крѣпко своей ста-

Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи I. № 42. Въ грамотѣ говорится только о королевствѣ польскомъ, а не о великомъ княжествѣ литовскомъ.

¹⁾ Codex epistolaris saec. XV, t. I. в. р. 125; срв. „Славяне“ III. 93. Флорентинская унія пришла въ полное забвеніе до самаго конца XVI вѣка на всей Руси вообще, и въ коронной Руси о ней нѣтъ и помину. Самъ папа Павелъ II считаетъ (1471) Перемышль лежащимъ *inter gentes seismaticas et ruthenicis ac neophytos*; а въ началѣ XVI в. Іоаннъ изъ Освѣтима (Saeranus) и Іоаннъ Ласкій, архіепископъ гнѣзненскій, говорятъ только о *Rutheni schismatici* и о ихъ *errores*, при чемъ Ласкій (1514) раздѣляетъ Русскихъ: *Rutheni albi modo vero Moscovitae, Rutheni Walachi (idioma habent commune cum rutheno et italico vulgari, ritum ruthenicum), Rutheni rubei subditi regis in corpore regni Poloniae et magni ducatus Lituaniae*. Подобно тому польскій географъ и историкъ Матвѣй Мѣховскій (*Tractatus de duabus Sarmatiis*, 1517) знаетъ только православныхъ Русскихъ въ Польнѣ: *Ad montes sarmaticos habitat genus Rutenorum, quibus praesident nobiles Polonorum; in Russia sunt plures sectae; est enim religio christiana romano pontifici subjecta, et illa regit et praevalet, quanquam sit exigua numero; est altera secta Ruthenorum amplior, quae ritum Graecorum*

ринной православной „русской“ вѣры. Обѣ уніи русской церкви съ Римомъ нельзя было пока и думать, и польско-католическое духовенство обращало все свое вниманіе на приобрѣтеніе католицизму высшихъ сословій, шляхты, изъ которыхъ многіе—по словамъ епископа Збыгнѣва—продолжали отказываться отъ „старой секты греческой“, дѣлались „христіанами“ (католиками), и тѣмъ самымъ переставали быть „Русскими“ и превращались въ Ляховъ. Этотъ процессъ продолжался успѣшно уже со времени зачатія карпатской Руси Казимиромъ; съ тѣхъ поръ, какъ по настоянію этого короля одинъ знатный русскій князь (вѣроятно Александръ Коріатовичъ) со своею дружиною принялъ католичество, ряды русскихъ православныхъ бояръ все рѣдѣли, и они дѣлались „Ляхами“ въ отношеніи вѣроисповѣдію, а также народомъ ¹⁾. Польскіе короли, чиновники и епископы на Руси дѣйствовали здѣсь дружно. Имѣнія прекратившейся въ началѣ XV в. галичской православной епископіи (митрополіи) были расхищены, достались католическому архіепископу львовскому и львовскому старостѣ; они отдавали ихъ особымъ памѣтникамъ въ пользованіе, въ опеку (*opiekadlnictwo*), которымъ принадлежала даже судебная власть надъ русскимъ духовенствомъ (*propones* и ихъ *synagogae*) и въ дѣлахъ церковныхъ. Не лучше было въ сохранившейся епархіи перемышльской. И здѣсь многіе польскіе католическіе чиновники и земляне притѣсняли православное русское духовенство, позывали ихъ самовольно къ своему суду, совершали брачныя разводы, удаляли поповъ отъ ихъ церквей и давали ихъ другимъ попомъ за деньги. Король Казимиръ, къ которому обратился перемышльскій владыка за помощью, запретилъ такіе незаконные поступки

imitatur, totam Russiam adimplens; est tertia secta Judaeorum etc. Современникъ Мѣховскаго, историкъ Деціи тоже говоритъ: *Apud Roxolanos et Podolitas sunt Rutheni, qui graecam habent fidem, et ita, ut Bohemi, a romana ecclesia separati.*

¹⁾ Обѣ успѣхахъ католицизма среди „схизматической“ Руси уже во второй половинѣ XIV в. см. письма папъ 1351, 1371 гг. (Theiner, *Monumenta histor. Poloniae* I. p. 531, 668), тоже галичскаго архіепископа Якова 1392 г. (*Akta grodzkie i ziemskie* III. № 55), и др.

(1469): онъ долженъ заботиться о всѣхъ своихъ подданныхъ, и надѣется, вмѣстѣ съ папою и другими католическими государями, на будущую унію церкви греческой или русской съ Римомъ, и поэтому онъ беретъ подъ свое покровительство владыку и запрещаетъ строго всѣмъ католическимъ чиновникамъ и земянамъ вмѣшиваться въ духовныя дѣла Русскихъ, что принадлежитъ одному владыкѣ¹⁾. Эту привилегію короля Казимира перемышльскому русскому епископу подтвердилъ король Сигизмундъ I въ 1509 году; но съ другой стороны тотъ же король въ томъ же самомъ году (1509) пожаловалъ католическому львовскому архіепископу право назначать „намѣстниковъ русскихъ“ православной львовской епископіи, съ тою цѣлю, „чтобъ схизматики тѣмъ легче приводились къ христіанской религіи или по крайней мѣрѣ исправились въ своихъ заблужденіяхъ—*quo ipsi scismatici tanto facilius ad religionem christianam adducantur seu saltem in eorum erroribus emendarentur*“²⁾. Подобно тому, и въ холмской землѣ по мѣрѣ того, какъ тамошняя русская шляхта окатоличивалась и ополячивалась, польскіе короли отнимали имѣнія у холмской православной епископіи (*vladicatu*) и давали ихъ католической епископіи (*episcopatu*); такое отчужденіе имѣній православной епископіи довершилъ король Сигизмундъ I (1533), въ виду того, что почти вся

¹⁾ Послѣ припятія перемышльскимъ православнымъ епископомъ уніи (въ концѣ XVII в.) въ Перемышль подумали, что эта жалованная грамота Казимира дана *Ruthenis unitis*, что конечно не вѣрно; другіе правильно считали ее данной *favore non unitorum*.

²⁾ См. документы 1458 и 1469 гг. (*Akty grodzkie i ziemskie* VII. № 51, 60, XII. № 4286), 1509 и 1516 гг. (изъ Метрики коронной, кн. 23 и 29 издалъ Поцѣй *O dziesięcinach*, p. 9, 10); срв. Turgenew, *Supplementum ad historica Russiae monumenta* p. 137, *Parasiewicz Annales* p. 50, Д. Зубрицкаго *Kronika Lwowa* 160, Галицкая Русь въ XVI ст., 37 (въ москов. Чтеніяхъ 1862, III). По словамъ акта 1458 г. „*na mitropolita*“ и королевской грамоты 1522 г. „*vladica seu metropolitae Haliciensis*“ видно, что бывшая галицкая епископія считалась митрополіею.

холмская шляхта перешла отъ обряда греческаго или русскаго въ единство съ римскою церковью ¹⁾).

Оставшаяся, по все рѣдѣющая шляхта въ коронной Руси — въ ряды которой вступали и нѣкоторые волошскіе бояре изъ сосѣдней Молдавіи — не переставала, насколько могла, защищать свою православную вѣру и жаловаться на ся притѣсненіе и на вспышки католической нетерпимости. Въ 1539 г. духовенство, шляхта и посольство греческой вѣры въ земляхъ русской и подольской просили своего митрополита кievскаго заступиться передъ королемъ за намѣстника галичской епископіи Макарія и вообще за тѣснимое православіе противъ католическаго архіепископа львовскаго. „Столець галицкій загинулъ отъ кольца сотъ лѣтъ, и на томъ столѣци галицкомъ учинено есть арцибискупство латинское; которыхъ были мѣста и села къ Галичу, то все отобрали и на томъ фундавали арцибискупство, гдѣжъ имъ былъ тотъ фундаментъ Якгейло король и листы панежскими подтвердилъ“; пышѣ же настала для нихъ „великая бѣда, плачъ и тяжесть, гдыжъ насъ былъ выдалъ король на вальномъ сеймѣ арцибискупу и бискупомъ у розказованье и у мощъ на вѣки вѣчныи“; все эти притѣсненія дѣлаются съ тѣмъ, „обыхмо тымъ рыхлѣй были принуужени къ вѣрѣ римской“. Наконецъ удалось православной шляхтѣ въ коронной Руси выхлопотать у короля Сигизмунда I возобновленіе православной епископіи во Львовѣ (1539) ²⁾. Православные русскіе роды были тогда Шумлянскіе, Болобаны (Балабаны), Стацимирскіе, Дѣдошицкіе, Чолганскіе, Шептицкіе, Ярмолинскіе,

¹⁾ Грамоту (изъ Метрики коронной, кн. 49) издалъ Поцѣй *O dziesięcinach*, стр. 13.

²⁾ Католическій архіепископъ львовскій сохранилъ однако свое вліяніе на замѣщеніе православной львовской епископіи. Еще во второй половинѣ XVII в. (1671) униатскій митрополитъ Коленда пишетъ римской конгрегации пропаганды: *Episcopatus Leopoliensis immediate confertur seu praesentatur regi ab archiepiscopo Leopoliensi ritus latini. Nulla bona et villas habet. Statim enim ac schismaticis cessit, occupata fuerunt bona per potentiam variorum magnatum. Reditus ipsius sunt ex parochis ecclesiarum, quas dicitur sex millia numerare.* (Theiner *Monumenta Poloniae histor.* III. p. 600).

Грабовецкіе, Горбачовскіе, Желиборскіе, Свистельницкіе, Дубравскіе, Замостьскіе, Жолковскіе и др. Пѣкоторые изъ этихъ русскихъ шляхтичей (въ томъ числѣ Олехно Замостьскій) сдѣлались тогда (1544) членами православнаго церковнаго братства львовскаго ¹⁾. Православная русская шляхта защищала свою вѣру, жаловалась на ея притѣсненія на сеймахъ и въ судахъ, такъ напр. на сеймѣ въ Пѣтрковѣ 1558 — 1559 гг., въ городскихъ судахъ галичскомъ и львовскомъ и пр. ²⁾.

¹⁾ См. грамоты 1509 — 1544 гг. въ Supplementum ad histor. Russiae monumenta 137, въ Актахъ западной Россіи II, соч. Гараевича Annales 94, Зубрицкаго Галицкая Русь 38. Жолковскихъ считаетъ Бартошевичъ (Encyklopedia powszechna) русскимъ родомъ, назвавшимся по русской Жолквѣ (Nicolaus Zolkowski wojwoda Sanocensis а. 1388), хотя они въ XVI в. производили себя изъ Польши. Православные русскіе Замостьскіе происходили изъ Замостья около Радымна въ перемышльской землѣ (nobiles heredes de Zamoszeze Jazcko, Josko, Senko, Piechno, Michno, Wanko, Pawrilo, Wolezko, Iwan, Panuа, Fena, въ XV в.). Гнѣздомъ другихъ Замостьскихъ было Замостье въ белзской землѣ, около котораго въ 1580 г. гетманъ Іоаннъ Замостьскій (Замойскій) основалъ городъ Замостье; но и эти Замойскіе были по всей вѣроятности русскій православный родъ; Христофоръ Филалетъ, посвящая свое сочиненіе Апокрисисъ (1597, по-русски 1599) канцлеру и гетману Іоанну Замойскому, прямо заявляетъ, „że przodkowie W. M. niekiedy greckiej religiej byli“, выхваляя его вообще за его вѣротерпимость, такъ что современники называли его oziębłym katolikiem (озяблымъ католикомъ). По русское пропехожденіе этихъ Замойскихъ скоро пришло въ забвеніе; они стали считать себя Поляками. М. Смотрицкій, который хорошо зналъ русскіе роды, сдѣлавшіеся Ляхами (срв. его Lament wschodniej cerkwie, 1610), Замойскихъ къ нимъ не причисляетъ, и, посвящая свое соч. Apologia peregrynacyej do krajów wschodnych (1628) подканцлеру Оомъ Замойскому (сыну Іоанна), замѣчаетъ, что „podać usadziłem katolicki script katolikowi, obronę prawdy obrońcy prawdy, istotne ruskiej cerkwi.e wiary wyznanie z przodków istotnego ruskiej cerkwi.e wiary wyznania, urodzonemu potomkowi, pobożnego ojca pobożnemu synowi.“

²⁾ Приводимъ здѣсь любопытныя слова русской шляхты о положеніи „Ляховъ и Русей“ въ коронной Руси, сказанныя на сеймѣ въ Пѣтрковѣ 1558—1559 г.: „Angariae ziem ruskich. Stan duchowny

По ряды этой православной русской шляхты все рѣдѣли, благодаря дѣятельности іезуитовъ и другихъ католическихъ монаховъ и священниковъ, Нагая, Скарги, Камила, Гербеста, Скрипскаго, которые въ концѣ XVI вѣка обращали много русской шляхты въ католичество. Съ конца XVI в., когда въ Берестѣ провозглашена вновь унія русской православной церкви въ Польшѣ и

rzymskiego kościoła jako w innych ziemiach szlachtę a rycerstwo koronne do sądów swych ciągnie i za dworem wyzywa; tak się też to wszystko dzieje w ruskich ziemiach; ich m. księża przywłaszczają sobie nad nami zwierzchność, prawo, sądy o majątności, o gardła, o poczeiwości, o małżeństwa, o dzieci nasze i dusz naszych zbawienie, co nic innego nie jest, jeno tyranstwo a niewola ludziom wolnym a zwłaszcza krześcijańskim nieznośna; k temu nad wszystkie innych ziem uciski to jeszcze większe okrucieństwa cierpiemy. Szlachtę posłuszeństwa kościoła greckiego do sądów swych przymuszają, prawa swe na nich przewożą, klątwy wydawają, roku doczekawszy do starosty na exekucyą odsyłają; jeśli się kiedy trafi, by jeden raz rzymski człowiek na roli siedział, już po nim kmiotki nasze greckie w nabożeństwie, zwyczaj, na dawanie mesznego przyciskają. Przetoż gdy rola po Lachu spustoszeje, nie chce na nią Rusin dla płaceni mesznego siedzieć, tak iż wiele pustek we wsi mieć musimy. Są to rzeczy barzo obciążliwe, a przed tym nigdy w Rusi niesłychane, abowiem ludzie ruskiego zakonu mają osobne swe kościoły, osobne władzyki, osobne popy, których pasterstwa używają a onym skromne wyżywienie z dobrej wolej swej oddzielają, co wdzięcznie a z dzięką przyjmując Pana Boga chwalą, a służby owiec swych pilnują, o dochody swe sądów sobie żadnych nieprzywłaszczają, ani klątwy żadnej na ludzi niewydawają, ani pro exequutione do urzędów odsyłają, jako ich m. księża kościoła rzymskiego czynią. Których praeangariae nam cięższe, niżli Tatarzyn albo który iny poganin, aby się nam i braciej naszej i poddanym nie działały, prosimy i pilnie się oświadczamy, żeśmy się pod nie nigdy nie poddali, ani poddać chcemy, bo niewyznawamy ani mamy inszego pana, jeno W. K. M.“ (Dzienniki sejmów walnych koronnych za panowania Zygmunta Augusta króla polskiego, w. ks. litewskiego, 1555 i 1558 r. w Piotrkowie złożonych, Kraków 1869, p. 228). Срв. жалобы русской шляхты на разныя притѣненія православія—въ Актахъ западной Россіи III, № 140, 146, 147, въ Supplementum ad histor. Russiae monumenta 148, и пр.

Литвъ съ Римомъ, былъ внесенъ раздоръ въ русскую церковь; какъ бы полноправными считались только Русскіе принявшіе унію, „униты, уніаты“, между тѣмъ какъ православные „схизматики, дисуниты“ стали считаться врагами Польши. Унія стала распространяться разными безправственными средствами и въ коронной Руси, въ епископіяхъ холмской, перемышльской и львовской, хотя не безъ борьбы съ православіемъ, продолжавшейся до конца XVII вѣка. Унії благопріятствовалъ польское правительство, духовенство, шляхта, вполнѣ соглашаясь со словами одного холмскаго уніатскаго епископа XVII в., Якова Суши, что „унія необходима не только для спасенія душъ, но и для сохраненія Рѣчи посполитой“. Холмскіе епископы были уніаты уже съ конца XVI вѣка, хотя въ ихъ епархіи унія боролась съ православіемъ до второй половины XVII вѣка. Въ концѣ этого вѣка (1691) унія восторжествовала въ перемышльской епархіи¹⁾. Всего позже присоединился къ унії львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій (1700), хотя онъ уже съ 1677 г. былъ тайнымъ уніатомъ. Не смотря на то, онъ все записывалъ у русскихъ царей и у русскаго резидента въ Варшавѣ, и даже по смерти короля Іоанна Собесскаго выразилъ желаніе возвратиться къ православію, увѣряя кievскаго митрополита Варлаама Ясницкаго и боярина Бориса Шереметева, что онъ — *prawdziwy cerkwie bożej prawosławno-wostocznej syn, щоденный Его Царско-Величества богомольца*“, и желаетъ „цареву нашему Петрову на враги побѣду и всему воинству христіанскому покорить подъ нозѣ всякаго врага и супостата“²⁾. Но всѣ эти

¹⁾ Въ началѣ XVII в. Іоаннъ изъ Виппи восхваляетъ перемышльскую церковь: „Сія имать похвалу въ Мало-глаголемой Росіи въ захованію вѣры, непорочности, отъ всѣхъ прочихъ честнѣйшую: не бо помазася духомъ латиномудрія, ни же обесчестися ересію, но въ красотѣ апостольской проповѣди неподозрено стоитъ.“ (Архивъ югозападной Россіи, ч. I. т. 7. стр. 37). Любопытно, что въ концѣ XVII в. при церкви русскаго посольства въ Варшавѣ служилъ одинъ священникъ изъ Перемышля (Сводная галицко-русская лѣтопись, 365).

²⁾ О Шумлянскомъ см. Антоновича: Очеркъ состоянія православної церкви въ югозападной Россіи съ половины XVII до конца

слова остались словами, и въ 1700 г. епископъ Шумлянский принялъ окончательно унию. Примѣру епископовъ послѣдовало духовенство, оставшаяся еще шляхта — которая однако скоро сдѣлалась прямо католическою, а тѣмъ самымъ и польскою — мѣщане и простой народъ, церковныя братства, наипозднѣе львовское ставропигійское (1708). Такимъ образомъ въ началѣ XVIII в. православіе исчезаетъ во всей коронной Руси, въ Червоной Руси, Подольѣ, Холмѣ и Белзѣ; унія здѣсь вполнѣ восторжествовала, да кромѣ того съ теченіемъ времени многіе русскіе униаты, особенно на польско-русскомъ рубежѣ, переходили прямо въ католицизмъ и такимъ образомъ дѣлались вполнѣ Поляками ¹⁾. Этому

XVIII столѣтія (Монографія I. 281). О сношеніяхъ Шумлянскаго съ Россіею см. особенно Самуила Величка Лѣтопись событій въ юго-западной Россіи (Кіевъ 1851, II, 503, III. 388), С. Соловьева Исторія Россіи XIV. 194; срв. Сводную галицко-русскую лѣтопись 253, 347, 371. Около этого времени искали тоже нѣкоторые православные Русскіе сѣверной Угріи помощь у русскаго царя Петра, покровители Фр. Ракоцы, о чемъ см. Bidermann, Russische Umtriebe in Ungarn (Innsbruck 1867, p. 2 sqq.), тоже Slovenské Pohľady 1886 p. 46. Царь Петръ, какъ союзникъ польскаго короля Августа, бывалъ часто въ русскіхъ земляхъ Польши; такъ напр. въ 1698 г. онъ пребывалъ въ Жолкви, Равѣ, и въ православномъ монастырѣ Креховскомъ (см. Холмская Русь I. 334), въ 1707 г. въ Жолкви и Львовѣ, въ 1711 г. съ войскомъ подѣ Ярославлемъ; здѣсь онъ пользовался большою популярностію: *Nikt się przed carem darmo nie poskarżył, z najmniejszym rad gadał, na biesiady mieszczan uczęszczał, w obozie najwięcej przebywał, i sam każdemu sprawiedliwość czynił* — замѣчаетъ одинъ современникъ; см. Siarczyński, Wiadomość histor. i statyst. o mieście Jarosławiu, p. 111.

¹⁾ Въ холмскомъ и подлянскомъ Забужжѣ замѣчаются слѣды русскаго происхожденія въ говорѣ и обычаяхъ у многихъ Поляковъ католиковъ на рубежѣ польско-русскомъ, да многіе изъ этихъ католиковъ говорятъ по малорусски, о чемъ срв. вышеупомянутыя сочиненія Крыжановскаго и Будиловича, см. Щербальскаго въ Русскомъ Вѣстникѣ 1883, кн. 165, стр. 492, Странкевича въ сб. Холмская Русь II. 453, Труды этнограф.-статист. экспедиціи VII. 364, и др. Подобно тому и на верхнемъ Дунайцѣ, въ нѣкоторыхъ нынѣ польскихъ селеніяхъ сохранились нѣкоторые остатки русскіхъ церквей

способствовало тоже недружелюбное отношеніе польскаго католическаго духовенства, шляхты и мѣщанства даже къ униатской Руси, которая не считалась равноправною съ католическими Поляками. Такъ напр. въ карпатскомъ мѣстечкѣ Тыличѣ, подданномъ краковскому епископу, между русскими Лемками, много като-

(нынѣ католическихъ) и образовъ, о чемъ срв. Biblioteka Warszaw-ska 1850, III. 422. Dodatek do Gazety lwow. 1855, № 32 (Ruś san-decka). Въ епархіи перемышльской было въ XVII в. нѣсколько тысячъ приходовъ (3,000 по словамъ холмскаго епископа Сунн, 5,000 по словамъ униатскаго митрополита Коленды), нынѣ только ок. 800; въ епархіи холмской было въ XVII в. 700 приходовъ, въ XVIII в. меньше 300, а въ концѣ существованія униі 267. См. упомянутыя сочиненія Петрушевича (о холм. епархіи), Головацкаго, Гарасевича, Поцѣя, Малиновскаго (Die Kirchen— u. Staatssatzungen bezüglich des griechisch-katholischen Ritus in Galizien, Lemberg 1861), Шапаневича (Patryarchat wschodni w obec kościoła ruskiego i rzeczypospolitej polskiej, Rozprawy krakow. akademii, wydz. histor. t. 8, 10), Петрушевича (Сводная галицко-русская лѣтопись, Львовъ 1874 и 1887, т. е. матеріалы для исторіи Червоной Руси 1600—1772 гг.). Приведемъ здѣсь два свидѣтельства современниковъ о введеніи униі въ карпатской Руси. Въ 1593 г. Екатерина Ваповская, кастелянша перемышльская, желая „dusznego zbawienia“ своихъ русскихъ подданныхъ около Дынова и соображая, „iż wiele Polaków wiary katolickiej między Rusią mieszkając na ruskie niedowiarstwo dla swawolniejszego żywota przystawali“, рѣшила „cerkwie ruskie na kościoły rzymskiej wiary przemienić, kapłany katolickie w nich postanowić, popy ruskie uprzętnąć“; католическіе священники и іезуиты должны „nawracać Ruś do kościoła św. rzymskiego, dzieci ruskie chrześcić“, etc. (Parasiewicz, Annales 53—55). Нѣсколько лѣтъ спустя (1606) православный епископъ перемышльскій Михаилъ Коныстенскій жалуется на жестокое поведеніе униатскаго митрополита Ипатія Поцѣя въ своей епархіи; здѣсь онъ „cerkwi pieczętuje, zabrania chwałę bożą wedle starego zwyczaju cerkwie św. odprawować; on wiele zacnych panów do tego przywiódł, że popów swoich w władcytwie moim gwałtownie i musem do posłuszeństwa tegoż ks. metropolity przywiedli; on do władcytwia mego takowych osób nasyła, którzy wielkie zamieszanie i nienawiść między ludźmi duchownymi i świeckimi czynić nieprzestają etc. Wielki a nigdy niesłychany rozruch i niemilość między krześciany urosła; zaczynam krzyk, płacz ludzi dla wiary uciśnionych“. (Maciejowski, Piś-

лики приняли православіе; епископъ дозволилъ жить тамъ только униатамъ (1612), отнялъ церковь у православныхъ и вытѣснялъ ихъ изъ мѣстечка насильственнымъ образомъ. Позже (1682) отнята церковь и у Руси униатской, какъ это случилось еще раньше въ другомъ сосѣднемъ мѣстечкѣ краковскаго епископа, Мушинѣ, такъ что русскіе униаты тыличскіе и мушинскіе сдѣлались уже прямо латинскими католиками, а тѣмъ самымъ и Ляхами ¹⁾.

4: Польскіе порядки въ коронной Руси. Бояре, земляне, шляхта, паны. Русь и Поляки. Ополяченіе русской шляхты. Верецкискій, Орѣховскій, Гербуртъ. Польское право на Руси и его русскій переводъ. Города-мѣста на Руси, ихъ ополяченіе, мѣщане польскіе и русскіе. Селяне-кметы.

Галичско-волинское княжество во время своей самостоятельности при Рюриковичахъ рода Ростислава и Романа имѣло свое древне-русское устройство, политическое и общественное: около князя находились бояре (великіе, старшіе, и малые, младшіе)—землевладѣльцы, дѣдичи, отчичи, на своихъ дѣдинахъ-дѣдичствахъ, отчинахъ-отчествахъ, пріобрѣвшіе уже рано много политическихъ правъ и бѣльшее значеніе, чѣмъ въ другихъ рус-

miennictwo polskie, Dodatki, p. 223). О насильственномъ распространѣніи униі въ холмской Руси епископомъ Меѳодіемъ Терлецкимъ (1626—1649) см. въ запискѣ холмскаго епископа Якова Суши 1664 г. (у Гарасевича *Annales ecclesiae ruthenae* 298—349); о дѣятельности самого Суши см. его письмо римской пропагандѣ 1681 г. (*Theiner Monumenta Poloniae* III. 682). Срв. Петрушевича, Холмская епархія (1867), Н. Попова, Судьбы униі въ русской холмской епархіи (Москва 1874), и др. (срв. въ вышеупомянутомъ соч. Ал. Будиловича о милеевской церкви).

¹⁾ См. *Ordynacya komisarzów biskupa krakowskiego przeciwko Rusi po wziętej cerkwi r. 1636* (Dodatek do *Gazety lwowskiej* 1855, № 34, 35), *Liber fundalis ecclesiae ritus graeci in Tylicz a. 1682* (Зубрицкій: Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной или галицкой Руси, Москва 1845, приложенія, стр. 20—28).

скихъ земляхъ, въ городахъ жили горожане, въ селахъ — селяне, смерды, временно обязанные, но лично свободные, отправлявшіе разныя повинности, наконецъ невольная челядь (рабы); всѣ эти классы народонаселенія подчинены одному общему земскому праву. Земля принадлежала князю, боярамъ, духовенству и общинамъ. Княжество дѣлилось на земли и волости, а населеніе — на тысячн, ста (сотни), десятки, единицы административныя, судебныя, фискальныя и военныя; въ ихъ главѣ стояли тысяцкіе или воеводы, сотскіе (сотники) и десятскіе (десятники), сначала народомъ выбираемые, потомъ назначаемые княземъ чиновники преимущественно судебныя, какъ и другіе княжескіе сановники и чиновники, дворскій или дворецкій, печатникъ, княжескій дядька, держатели городовъ, дѣтскіе, отроки, тиуны-живуны, стольники, и др. Въ карпатской Руси существовали, какъ и повсюду на Руси, народныя вѣча (а снымы — вообще сходки), хотя они здѣсь, вслѣдствіе особаго историческаго развитія этой Руси, рано лишились своего значенія¹⁾. Вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ сосѣднєю Польшею и Угріею князья галичско-волицскіе и ихъ бояре знакомились съ порядками польскими и угорскими, съ языками польскимъ и особенно латинскимъ, столь необходимымъ въ сношеніяхъ съ сосѣдними „латинскими“ государствами, съ Польшею, Угріею, Чехіею, съ Пѣмцами, въ томъ числѣ и съ пѣмецкимъ орденомъ въ Пруссіи. Галичско-волицскій лѣтописецъ, по которому можно себѣ составить хорошее понятіе объ устройствѣ княжества XIII в., знаетъ сосѣднюю Польшу, ея порядки, языкъ и исторію. Хотя онъ польскія учрежденія обыкновенно называетъ по-русски (лядскіе бояре, воеводы, епископы, попы, игумены, церкви и пр.), но изрѣдка онъ употребляетъ и польскія слова, напр. крижевники (т. е. крестовосцы пѣмецкіе), керытъшь (какъ пѣли Ляхи *kyrie eleison*²⁾), пасати мечемъ (хотя пишетъ всегда по-русски: поясъ), пробощъ (люблинскій), Краковъ городъ (т. е. замокъ, поль. *gród*)

¹⁾ Подробно въ I т. „Славяне“, внутренний бытъ.

²⁾ Такъ пѣли и Чехи: *kerlesn*, какъ видно изъ хроникъ Космы (*Fontes rer. bohém.* II. 38); въ концѣ пѣсни *Hospodine pomiluj ny* по-

и мѣсто (*miasto*), а жители—горожане и мѣстичи, и пр. Польскія имена и географическія названія приводитъ онъ то въ русской, то въ польской формѣ, напр. Володиславъ, Святополкъ, Судиславъ Бернатовичъ, Вячеславъ, Воршъ, Судомиръ (*Sandomierz*), Воротьславъ (*Wrocisław, Wrocław*), Вышегородъ (мазовецкій), Идрихъ, Кондрать, Лестько, Межко, Сомовитъ и пр. Княженіе Болеслава-Георгія мазовскаго въ галичско-волинскомъ княжествѣ сблизило эту Русь еще больше съ Польшею; при немъ разныя учрежденія русскія стали, въ латинскихъ грамотахъ, называться на польскій ладъ: *barones et milites palatini*, т. е. воеводы—тысячскіе, именно въ Белзѣ, Перемышлѣ, Львовѣ, Луцкѣ, палатинъ, дворный судья (*judex curiae*), и др.

Водвореніе польскаго господства въ Карпатской Руси въ половинѣ XIV вѣка раскрыло польскимъ порядкамъ путь въ русскія земли; они вмѣстѣ съ громаднымъ наплывомъ польской шляхты мало по малу прививались на Руси и со временемъ почти совсѣмъ вытѣснили русскіе порядки. Въ белзской Руси, присоединенной въ 1396 г. прямо къ Мазовіи, порядки польско-мазовскіе распространились съ самаго начала господства въ ней мазовскихъ князей, раньше и глубже, чѣмъ въ коронной, польской Руси, червонной, холмской, подольской.

Древніе бояре-землевладѣльцы въ княжествахъ галичскомъ и володимирскомъ уже рано приобрѣтали большую силу, вліяли на занятіе княжескаго стола, подобно панамъ польскимъ и угорскимъ. Присоединеніе карпатской Руси къ Польшѣ произвело въ боярскомъ сословіи громаднѣйшій переворотъ. Вслѣдствіе господства польской народности и вѣры въ карпатской Руси и все усиливающейся польской колонизаціи, именно переселенія туда польской шляхты, бояре въ Руси Червонной, въ земляхъ белзской, холмской, подольской, входили все болѣе въ сношенія съ польскою шляхтою, принимали польскіе гербы; многіе изъ нихъ дѣлались католиками, а такимъ образомъ и „ляхами“ въ отношеніи вѣроисповѣданія и народнаго, *панами, землянами (земьянами)*,

стеся тоже *krleś*. Слово „видькій“ въ лѣтописи галичско-волин.—не польское, а угорское (взятое изъ хорватскаго) *vitez*.

шляхтою¹⁾. Такимъ образомъ въ рядахъ земянства карпатской Руси водворился дуализмъ народный и вѣроисповѣдный: землянство было „Поляне и Русь“, „добрые люди шляхты Ляхи и Русь“, „Poloni et Ruteni de nobili genere“. Русскіе земляне долго, глубоко въ XV вѣкѣ, назывались по русскому способу: Васко Кузмичъ, Гаврило и Ванко Кирдеевичъ, Глѣбъ Дядковичъ, Дмитръ Волчковичъ, не только въ грамотахъ русскихъ, а тоже латинскихъ: Hleb Dworscowicz, Wasco Cnsmicz, Hriczko Kierdejowicz, Iwanko Ruthenus; другіе стали называться по своимъ имѣніямъ: Задеревецкіе (Данило-Дажбоговичъ), Ходоровскіе, Бибельскіе, Дѣдошицкіе, Облазницкіе, или Иванко изъ Бориничъ, Братко изъ Дулебъ, также и въ латинскихъ актахъ: Jurscha Chodorowski, Iwan Zamoszczsky, Czurylo de Stoyanicze, Iwanco Werboticzski, Wolczco Boretinsky, Fedderko et Fedko filii Wasconis de Maleczyce, Stecko de Czerkas, Iwasko de Duleby, Wolczko Przesluha (Przesluzicz) de Rohatyn. Такъ напр. въ спискѣ шляхты земель львовской и зучдечевской (жидачевской) 1464 г., Поляковъ и Русскихъ, шляхта называется по своимъ имѣніямъ, названія которыхъ пишутся обыкновенно на польскій ладъ: Czemierynce, Strzelezyce, Pomorzany, Czartoryje; немногія сохранили русскія формы: Pohorelec, Duleby, Drewlany; нѣкоторые шляхтичи русскаго происхожденія называются еще по-русски: Iwan, Fedko, Dmitr Olechno, Jurscha и пр., именно изъ родовъ Ходоровскихъ, Лагодовскихъ, Мальчицкихъ, Гошовскихъ, Дѣдошицкихъ, Балицкихъ, Черкаскихъ и пр.; подписи на печатахъ по большей части латинскія, и только на нѣкоторыхъ еще русскія²⁾.

¹⁾ „Бояре“ еще въ грамотахъ 1371—1378 гг., потомъ „земляне, земляне“; „Бояре и земляне“ въ грамотѣ подольскаго князя Александра Коріятовича 1375 г., зацодозрѣнной К. Стадницкимъ, по защищаемой Житецкимъ (Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 355) и Молчановскимъ (Очеркъ извѣстій о подольской землѣ, 219); „бояре хмельницкіе“ (въ Подольѣ) въ грам. Швитригайла 1431 года. Еще въ грам. 1427 г. nos bojari, proceres, nobiles, terrigenae Halicienses et sic de aliis terris Russiae (Ciolek Liber cancellariae, I, N-ro 116).

²⁾ Akta grodzkie i ziemskie VII. 105.

Названіе „бояре“—замѣненное польскимъ „папы, земяне, шляхта, рыцари“—стало съ тѣхъ поръ означать особый класъ свободныхъ людей, занимавшихъ мѣсто между шляхтою и кметями и обязанныхъ—какъ и литовско-русскіе бояре—преимущественно къ военной службѣ въ замкахъ; они назывались тоже служки. Такіе „бояре“ встрѣчаются въ XVI—XVII вв. въ селахъ земель холмской и львовской, и въ Подольѣ около Скалы, Каменца, Хмельника и Бара¹⁾.

Къ этому коренному русскому земянству прибывала—со времени польскаго владычества въ Червоной Руси и Белзѣ—шляхта польская, преимущественно изъ Малой Польши (земель краковской и сандомирской) и Мазовіи. Польскіе короли и ихъ намѣстники, епископы и вообще польско-католическое духовенство благопріятствовали такой польской колонизаціи по соображеніямъ экономическимъ, религіознымъ и національнымъ. Польская шляхта получала на Руси отъ короля или посредствомъ браковъ съ русскими шляхтянками земли, города, села, по которымъ стала и называться. Уже во второй половинѣ XIV в. и еще больше въ XV вѣкѣ являются въ Червоной Руси, въ Холмѣ, Белзѣ, Подольѣ польскіе роды: Пилецкіе, Одровонжы, Далеѣвскіе, Ходецкіе, Мельштыцкіе, Кмиты, Тарлы, Тэнчипскіе, Яснискіе, Конечпольскіе, Фредры, Калшиовскіе, Сенявскіе, Конопки, Цебровскіе, Стадницкіе, Бучацкіе—Язловецкіе и др.²⁾.

¹⁾ О холмскихъ и подольскихъ боярахъ см. люстраціи староствъ любомльскаго и барскаго 1564 и 1565 гг. (Архивъ югозападной Россіи VII. 2; около Бара: *wsie ziemiańskie, które tak ślacheccie polscy jako i ziemianie abo bojarowie ruscy dzierżą*), люстраціи ст. скальскаго 1570 г. (Dodatek do Gazety lwowskiej 1859, Nro 38) и королевскихъ имѣній въ воеводствѣ подольскомъ 1615—1616 гг. (Źródła dziejowe V); о львовскихъ боярахъ см. О Любомирскаго *Rolnicza ludność w Polsce XV—XVI w.* (Biblioteka Warszawska 1858, I, 244). Еще въ уставѣ цеха портныхъ г. Тернополя (1636) говорится тоже о тѣхъ членахъ цеха, которые работали „*u ziemianina i bojarzyna którego w naszym państwie*“. (Dodatek do Gazety lwowskiej 1855, Nro 8).

²⁾ Въ Подольѣ поселились польскіе шляхетскіе роды особенно по смерти Витовта; но еще раньше, въ концѣ XIV и въ началѣ XV

Нѣкоторые изъ нихъ приняли свои родовыя названія уже по своимъ русскимъ городамъ и селамъ, какъ напр. Далеевскіе по Далееву, Бучацкіе по Бучачу, Язловецкіе по Язловцу. Жабокруцкіе и Браницкіе (Цебровскіе) по Жабокрукамъ и Браицамъ (Бранцамъ), Бѣлецкіе по Бѣлкѣ и пр. Эта польская шляхта, осѣдлая и дѣйствующая въ русскихъ земляхъ, привыкала къ русскому языку, который былъ столь близокъ ихъ родному языку¹⁾.

вѣка являются въ Подольѣ многіе Поляки или ополяченные Русскіе (изъ Червоной Руси), напр. Снытекъ изъ Мельштына, Грицко Кербесевичъ изъ Поморянъ, Дерславъ Коношка, Петръ Шафранецъ, Фредро, Бучацкій, Бедрихъ (Бедринко) и др. Около половины XIV в. одинъ изъ подольскихъ князей Коріатовичей, Александръ, принялъ католицизмъ (первый Гедиминовичъ). См. К. Stadnicki, Synowie Gedymina (Lwów 1881, отдѣлъ о Коріатовичахъ и объ исторіи Подолья), Н. Молчановскій, Очеркъ извѣстій о подольской землѣ до 1434 года (Кіевъ 1886).

1) Пропехождение многихъ родовъ, осѣдлыхъ въ карпатской Руси, надо — послѣ изданія актовъ городскихъ и земскихъ — вновь разсмотрѣть; такъ напр. Цебровскіе не были Русскіе, какъ думаетъ Шапаневичъ (*Rys wewnętrznych stosunków Galicyi wschodniej w 2 poł. 15 wieku*, Lwów 1869, p. 79), а Поляки, пропеходившіе отъ Бенка изъ Кухарь, который въ 1374 г. получилъ отъ Владислава опольскаго Жабокруки и Браище въ землѣ львовской съ тѣмъ, чтобъ онъ съ семейю поселился на Русь *propter carenciam populi* (срв. *Akta grod. i ziemskie* VII. Nro 10, XIV. pag. XI XII). Бучацкихъ-Язловецкихъ считаетъ Шайноха (*Jadwiga i Jagiello*, Lwów, 1861, III. 245, глава „Ruś Czerwona“) Русскими, но они были Поляки и католики (Михаилъ Бучацкій католикъ въ 1379 г.; они, конечно, знали и русскій языкъ, какъ видно изъ русскихъ грамотъ Михаила Бучацкаго, старосты галичскаго (1418 и около 1434 г.), Мужила и Бартоша Бучацкихъ, старостъ снятинскаго и подольскаго (1454, Яна Бучацкаго (около 1458 г.); о Бучацкихъ-Язловецкихъ см. К. Стадницкаго *Synowie Gedymina*, Lwów, 1881, стр. 247. Родъ Бирецкихъ или Берецкихъ (изъ Бирчи) былъ русскій православный, какъ видно уже по именамъ его членовъ XV в.: Iwan, Iwaschko, Denko и др.; два изъ этого рода, Апастасіи (Афанасіи) и Иванъ, были православными епископами (*wladicae*) перемишльскими, и послѣдній называется прямо *nobilis de ritu Graecorum*; поэтому не вѣрно производство Бирецкихъ отъ мазовскихъ Гинжицкихъ (по Панроцкому, Песецкому, Бар-

Заселеніе русскихъ земель польскою шляхтою не обходилось однако безъ насильственныхъ мѣръ. Старые русскіе роды боярскіе, потомъ шляхетскіе, часто не могли доказать своихъ правъ на свои дѣдины-отчины, проигрывали въ судахъ процессы, которые начинали противъ нихъ новые польскіе колонисты, получавшіе на эти земли королевскія грамоты. Такъ напр. въ 1421 году полякъ Юаишъ Бѣлецкій, предъявивъ на львовскомъ судѣ русскаго старосты королевскую грамоту на Бѣлку (по которой онъ и назвался), выигралъ процессъ противъ стараго русскаго рода Лопатичей, который эту свою дѣдину Бѣлку „стратилъ на вѣки и его ближніи“¹⁾. Старинные національные и религіозные счеты между Ляхами и Русью не могли быть вообще заглушены. Они проявлялись часто еще въ безконечныхъ распряхъ между Литвою и Польшею, вспыхнувшихъ по смерти великаго князя литовскаго и русскаго Александра Витовта (1430 г.) и поведшихъ къ кровавой войнѣ изъ-за Волини и Подолья; послѣднее только тогда окончательно присоединено къ Польшѣ и открылось для наплыва польской шляхты²⁾. Многіе польскіе папы, по-

тошевичу, который предполагать даже, что польскіе Бирецкіе приняли потомъ православіе). Кромѣ польской шляхты поселялись въ русскихъ земляхъ и другіе шляхтичи, напр. Гербурты изъ опавской земли (см. ст. К. Стадницкаго во львовскомъ журн. *Przewodnik naukowy* 1874, II. 83), Paulus Bohemus de Zahradiszczu (1389), Хорваты Ярмолинскіе, и др.

1) Актъ напечатали Р. Губе (*Wyrok lwowski r. 1421, Warszawa 1888*) и И. Линниченко (*ЖК. М. П. П. 1891, июль, 168*). Остальные три акта, напечатанные у Губе, изданы между тѣмъ въ сборникѣ А. Прохаски *Materyaly archiwalne wyjęte głównie z Metryki litewskiej od 1348 do 1607 r. (Lwów 1890)*. Недостатокъ грамотъ, какъ документальныхъ доказательствъ на землевладѣніе передъ судомъ, вызвалъ уже во второй половинѣ XIV в., а еще болыше въ XV и XVI вв. цѣлый рядъ подложныхъ „листовъ“ будто князя Льва Даниловича. См. Востокова, Описание рукописей Румянцева. № 69, и статью Линниченко.

2) О Подольѣ смотри вышеупомянутыя сочиненія Стадницкаго и Молчановскаго; тоже Владимирскаго-Буданова: Населеніе югозапад-

лучивши въ 1442 г. отъ короля Владислава города и селенія на Руси и Подольѣ, прогоняли оттуда старинныхъ жителей и дѣдичей, которые въ отчаяніи бѣжали къ Татарамъ и побуждали ихъ къ наѣздамъ на русскія земли и на тѣ имѣнія, откуда были прогнаны. Они бывали вѣроятно и въ числѣ татарскихъ „козаковъ“, сброда бѣглецовъ и разбойниковъ, которые опустошали русскія земли¹⁾. Недостатокъ населенія въ карпатской Руси вмѣстѣ съ нерадѣніемъ польскаго правительства въ виду постоянныхъ наѣздовъ татарскихъ²⁾ вызывали часто вопросъ объ уси-

ной Россіи отъ половины XIII до пол. XV в. (Архивъ югозападной Россіи VII. 1, 2).

¹⁾ Срв. Длугоша *Histor. Polon.* IV. 422, 683, V. 530, рассказы къ 1430, 1442 и 1469 гг. „*Augebant autem hujusmodi malum baronum Poloniae ambitio, quia a rege donationibus oppidorum et villarum in terra Russiae et Podoliae impetratis, antiquos incolas et haeredes de illis excludebant, qui inopia et egestate pressi et quadam desperatione compulsi ad Tataros fugiebant, illosque postmodum ad vastandum terras Russiae et possessiones, de quibus ejecti fuerant, inducebant*“. Къ 1469 г. упоминаются впервые *козаци*: *frequens Tartarorum exercitus ex fugitivis praedonibus et exulibus, quos sua lingua kosacos appellabant, collectus*. Къ разсказу Длугоша относится напр. процессъ львовскихъ русскихъ земянъ Лопатичей Чеперовскихъ противъ Іоанна Далесъскаго (1444—1446 гг.), который выпросилъ себѣ село Чеперовъ у короля; но Чеперовскіе доказали, что село не королевское, а ихъ старинная дѣдица, что они ея старыя „отчичи“; см. *Akta grodzkie i ziemskie* XIV. Nro 946, 1577, и др. Эти Чеперовскіе не хотѣли однако присягать по русскому обычаю, о чемъ см. выше, стр. 47. Темныя слухи о такихъ притѣсненіяхъ въ Червоной Руси доходили и на Литву, которая тогда боролась противъ притязаній Поляковъ на унию Литвы съ Польшею. Литовско-русскій лѣтописецъ XVI в. (изд. Парбуттомъ, 57), говоритъ, что черезъ годъ послѣ коронаціи короля Казимира паны польскіе на сеймѣ въ Парчевѣ „вмыслили пановъ литовскихъ порезать, а княство литовское до коруны привлащитъ, и потомужь вчинити, какъ вчинилъ (король) надъ паны русскими, премысльскими, позвавши ихъ до рады, и тамъ порезали и Премысль засели“.

²⁾ Вотъ напр. какъ описываетъ Длугошъ (V, 608) наѣздъ Татаръ на Подолье и Русь 1474 г.: „*gemitus et ploratus in Podolia et aliis Russiae locis, suorum carorum mortes et abductiones, ab his, qui*

ленной колонизаціи русскихъ земель и о лучшемъ устройствѣ вооруженныхъ ея силъ. Въ началѣ XVI в. представленъ планъ о такой колонизаціи людьми изъ разныхъ западно-европейскихъ народовъ, въ томъ числѣ также Чеховъ; эти послѣдніе пойдутъ можетъ быть на Русь ради торговли и славы, которой они всегда жаждутъ; они вообще приносятся къ новымъ странамъ и обычаямъ, и такъ будетъ тѣмъ скорѣе на Руси, что они приходили бы изъ славянскихъ странъ, и полагаютъ, что они самый знатный изъ славянскихъ народовъ¹⁾.

Число шляхты изъ „Ляховъ“ на Руси все увеличивалось не только новыми пришлецами—земянами польскими, а также все поступающими въ ихъ ряды лицами русской шляхты, которая принимала католицизмъ, а тѣмъ самымъ и польскую народность²⁾. Важную роль играли здѣсь браки Русскихъ съ Польшами и вообще родство Русскихъ съ Ляхами, съ ихъ гербами. Такъ напр. въ 1441 г. русскій шляхтичъ Сеико Быбельскій, женихъ польки Ядвиги Фредровны, долженъ былъ передъ бракомъ сдѣлаться ка-

residui erant, deplangentium, et suos principes atque rectores execrantium, usque ad Altissimi pertingens thronum, andiebat: interim justa forsitan effervens rabie, ut niterentur sibi de alio principe providere, videntes, se non solum ab ope, sed etiam omni spe destitutos.

¹⁾ Уляницкій: Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польшы, Молдавіи, Валахіи и Турціи (Москва 1887. стр. 236). Замѣтимъ, что около этого времени въ подольскомъ Каменцѣ былъ чешскій гарнизонъ; срв. „Славяне“ III. Ч. I. стр. 253.

²⁾ Любопытны слова католическаго архіепископа галическаго Якова, которыя онъ сказалъ по поводу основанія католической церкви русскимъ земяниномъ Іоанномъ Ключомъ (папъ Ключъ Вижнянеки въ русской грамотѣ 1414 года) въ его дѣдинѣ Вижнянахъ, (1400); архіепископъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что при немъ „eadem provincia haliciensis orthodoxis pro magna parte sui tamquam choruscantibus gemmis preciosis principibus et baronibus est illustrata, per quos divinus cultus crescit in eisdem partibus cotidie ac augetur, scismaque mira dei dispensacione decrescit et extirpatur“, и желаетъ, чтобъ примѣръ Ключа подѣйствовалъ и на другихъ. (Грамоты напечатаны въ изд. Dodatek do gazety lwowskiej 1851, Nro 39, 1852, Nro 25, 26, 27).

толкомъ или, какъ тогда говорилось, „окреститься“¹⁾. Русскіе шляхтичи Ченеровскіе доказывали передъ львовскимъ судомъ (1445—1446 г.) право — какъ отчичей на свою дѣдину тоже тѣмъ, что ихъ предки были не только „шляхта русскаго рода“ (*nobiles de ruthenicali genologia*), а тоже „шляхта Ляхи“ (*nobiles Lachi*); они, хотя себя называли землянами издавна русскими (*terrigene ab antiquo Rutheni*), не хотѣли однако уже присягать по русскому обычаю, а непременно — какъ католики²⁾. „Ляхами“ сдѣлались Клюсы (Клюши), Кирден (Кирдеевичи, Кердеевичи), Ходоровскіе, Давидовскіе, Лоевичи, Быбельскіе, Бѣлецкіе, Мальчицкіе, Дѣдошицкіе (нын. графы Дзедушицкіе), и др.³⁾. Въ родѣ Дѣдошицкихъ первый католикъ былъ Іоаннъ въ началѣ XVI в., но его сыновья и внуки Вячеславъ были опять православные; Вячеславъ Дѣдошицкій, котораго называютъ еще Рѣй (*Zwierzyniec*, 1562) „Грекомъ“, принялъ только передъ смертью († около 1583) съ семействомъ католицизмъ⁴⁾.

Русское происхожденіе многихъ родовъ, не говоря о генеалогическихъ данныхъ, можно узнать тоже по русскимъ именамъ, употребляемымъ въ тѣхъ родахъ и тогда, когда они сдѣлались „Ляхами“-католиками, но продолжали еще долго употре-

¹⁾ *Akta grodzkie i ziemskie* XIII, N-ro 1491.

²⁾ *Akta grodzkie i ziemskie* XIV, N-ro 946, 1277, 1577; см. тоже выше, стр. 65. Донатичи Ченеровскіе приводятъ въ этомъ дѣлѣ *nobiles de ruthenicali genologia* *Michaelen de Remynno*, *Hepekone* *de Chlezieze*, *Fedorkone* *Moschenski*, *Dimitrone* *de Lahodow*, *Jurgiy* *de Lahodow*, *Olechnone* *de Borschow*, *Chodkone* *de Stanimirz*, *Dimitrone* *de Czanstin*; *nobiles Lachos* *Nicolaum* *de Romanow*, *Nicolaum* *de Dawidow*, *Johannem* *de Hermanow*, *Stanislaum* *de Chodorowstaw*; но и эти „Ляхи“ Романовскіе, Давидовскіе (Останко Д. упоминается въ русскихъ грамотахъ, 1386, 1414, 1422 гг.), Германовскіе, Ходоровскіе были по происхожденію тоже русскіе земляне.

³⁾ Случалось, что одни члены и линіи одного рода были католики, другіе остались православными; такъ напр. панъ Иванъ Ключъ изъ Вижницъ былъ ок. 1400 г. католикъ, а двѣсти лѣтъ спустя (1600) другой Иванъ Ключъ былъ православный, членъ львовскаго ставропигійскаго братства.

⁴⁾ *Kronika domowa Dzieduszyckich* (Lwów, 1865).

блять родной языкъ русскій. Приведемъ нѣсколько такихъ примѣровъ изъ латинскихъ актовъ XIV—XV вѣковъ съ прибавленіемъ именъ, встрѣчающихся въ немногихъ русскихъ актахъ конца XIV и начала XV вѣковъ: Балицкіе, (Татомиръ, Нрыско, Stecko, Danko), Бирецкіе (Elena, Denka, Iwanko), Боратинскіе (Dimitr, Hleb, Iwaszko, Woleczko), Боршовскіе (Olechno, Fedko, Michno), Быбельскіе (Ходко-Chodko, Андрейко-Andrejko, Грицко-Нрыско, Iwan, Kostko-Koscej, Wasko, Semon-Senko, Duchna), Бѣлецкіе (Budko, Fedko), Давидовскіе (Осташко, Ostaszko), Дѣдошицкіе (Dmitr, Jacko), Замостьскіе (Senko, Iosko, Iwan, Piechno, Michno, Wanko, Наврыѳо, Woleczko, Fenka, Nastka), Кирдеевичи (Нрыско, Ванко-Wanko), Лародовскіе (Iwaszko, Dimitr, Jury), Лоевичи (Стецко, Ходко, Волчко сыновець пана Ходковъ Лоевича, вѣроятно Волчко Переслюжичъ, Преслюжичъ, Woleczko de Rohatyn), Лопатки или Лопатичи-Чеперовскіе-Осталовскіе (Sopron, Roman, Iwaszko, Senko, Mitko, Иванъ Юрьевъ), Мошенки, Мошенчичи-Мальчицкіе (Fedorko, Fedko, Jury, Wasko, Нрыско, Senko, Oluchna, Nastka), Песлуховскіе (Olechno, Stecko, Iwan, Ostaszko), Ремецовскіе (Michalo, Lazar), Романовскіе (Hleb, Dmitrius), Рыботинскіе, Рыботицкіе, (Fedko, Jurko, Ihnatko, Wasko, Iwanko-Иванко, Радко), Ритеревичи, Рытеровскіе (Нрыско, Iwasko), Свистельницкіе (Iwan, Wasyl-Wasko, Anastasia), Станимирскіе (Wasko, Danko, Iwanko, Hleb, Stecko, Kuprian, Chodko Ruthenus), Хилецкіе (Hlebko, Wasko, Ihnatko), Ходоровскіе (Jursza-Georgius, Klichna), Шептицкіе (Hlib, Fedor, Senko), Шумлянскіе (Fedko, Jurko, Ihnatko, Iwanko, Wasko), и др. Этотъ обычай употреблять въ латинскихъ и польскихъ актахъ русскія, а не польскія формы извѣстныхъ именъ христіанскаго календаря во многихъ родахъ первоначально Русскихъ, но потомъ Ляховъ, сохранился до XVII вѣка включительно; въ рядахъ шляхты львовской и жидачевской половины XVII в. встрѣчаются въ польскомъ актѣ многія такія имена: Fedor-Fedko, Hrehory, Iwan, Wasyl-Wasko, Наврыѳо, Нрыѳ, Dumitr, Ihnat, Нрыѳ и др. въ родахъ Чайковскихъ, Лозинскихъ, Гошовскихъ, Березовскихъ, Струтинскихъ (у нихъ даже съ отчествомъ Leś

Pawłowicz, Stefan Olechnowicz, Hryć Witowicz, Iwan Daszkowicz), Витвицкихъ (Wasko Demkowicz, Fedko Andruszewicz), и др. ¹⁾).

Въ русскихъ родахъ перѣдко водворялся дуализмъ вѣроисповѣданія; одни члены остались православными, и такимъ образомъ сохранили болѣе свой русскій характеръ, не говоря о принятіи ими многихъ чертъ польскаго быта; другіе члены рода сдѣлались „Ляхами“—католиками Поляками. Въ началѣ XVI в. въ холмской землѣ жилъ православный русскій землянинъ Федоръ Верещинскій; его жена, урожденная Сосновская, была сестра православнаго епископа холмскаго Ивана; другой ея братъ Григорій принялъ, не смотря на всѣ отсовѣтыванія родителей, католицизмъ, и пользуясь покровительствомъ католическаго епископа холмскаго сдѣлался католическимъ священникомъ. Когда у Федора Верещинскаго родился сынъ, то католикъ Сосновскій поспѣшилъ предупредить своего православнаго брата и окрестилъ его по-католически именемъ Андрея къ большой досадѣ епископа Ивана и отца Федора, который жаловался, что католикъ Сосновскій сдѣлалъ его сына „бѣсовымъ Ляхомъ“. Мальчикъ учился дома русской грамотѣ у дьяка; но католикъ Сосновскій сманилъ его къ себѣ и воспитывалъ, желая сдѣлать изъ него тоже священника; однакожь молодой Верещинскій избралъ военную службу и поселился потомъ въ Холмской землѣ и жилъ, хотя и „Ляхъ“, въ дружбѣ съ родителями ²⁾. Такія довольно дружелюбныя сношенія шляхты

¹⁾ Popis pospolitego ruszenia szlachty lwow. i żydaczow. 1651 r. (Akta grodzkie i ziemskie I. № 42).

²⁾ Всею эту исторію рассказываетъ сынъ Андрея, Іосифъ Верещинскій, католическій каноникъ холмскій, абатъ сенеховскій и наконецъ епископъ кіевскій, въ книжкѣ: Wizerunek na kształt kazania (Kraków 1585), а еще раньше В. Папроцкій: Herby rycerstwa polskiego (Kraków 1584, р. 544); срв. тоже статью Шайнохи: Jak Ruś polszczała (Szkice historyczne IV. 175). Іосифъ Верещинскій былъ извѣстный польскій писатель, авторъ проповѣдей и разныхъ сочиненій моральныхъ и политическихъ; онъ много мечталъ и писалъ о войнѣ христіанъ противъ Турокъ, и объ основаніи рыцарскаго ордена въ Украинѣ на нижнемъ Днѣпрѣ; онъ старался дѣйствовать въ та-

Ляховъ и Руси не были необыкновенны именно въ XVI вѣкѣ, поглощенномъ разными вѣроисповѣдными мудрствованіями, и поэтому довольно вѣротерпимомъ. Протестантизмъ кальвинскій нашелъ себѣ и въ коронной Руси сторонниковъ, въ родахъ Горайскихъ, Сенявскихъ, Бучацкихъ, Дорогостайскихъ, Дрогоѣвскихъ, Потоцкихъ, Стадницкихъ, Реевъ, Замоискихъ, Жолкевскихъ и др. Такое разнообразіе вѣроисповѣдныхъ мнѣній въ Польшѣ при королѣ Сигизмундѣ Августѣ способствовало тоже перемѣнѣ во взглядахъ многихъ Поляковъ, не только протестантовъ, но тоже католиковъ, на православную русскую церковь, которую въ Польшѣ привыкли считать все „схизмою“ и—въ виду постепеннаго усиленія и обаянія Москвы въ русскомъ мірѣ—даже опаснымъ Польшѣ вѣроисповѣданіемъ. Равноправность всѣхъ вѣроисповѣданій въ Польшѣ при благоразумномъ королѣ Сигизмундѣ Августѣ стали многіе Поляки считать лучшимъ укрѣпленіемъ своего отечества и прославляли своего короля: онъ де уничтожитъ тоже „ссоры между латинянами и Русью, которыя породили столько кровопролитія, столько смутъ въ Рѣчи посполитой ¹⁾“.

Такой благоразумный взглядъ на православную греческую, русскую вѣру раздѣлялъ тоже одинъ изъ первыхъ польскихъ писателей тѣхъ временъ, Станиславъ Орѣховскій, шляхтичъ перемышльской земли, сынъ польскаго шляхтича и русской поповны. Онъ, католическій священникъ, каноникъ перемышльскій, заклятый врагъ всѣхъ ересей—въ томъ числѣ и чешскаго гуситства,—относился всегда дружелюбно къ русскому православію, вѣроисповѣданію своей матери, и, хотя и желалъ уніи церкви западной и восточной, защищалъ всетаки русскій народъ и православную церковь противъ католическихъ фанатиковъ, утверждая, что православные Русскіе—добрые христіане; да одно время онъ даже самъ хотѣлъ присоединиться къ русскому православію; впервые онъ въ молодости хотѣлъ

комъ смыслѣ и на русскаго царя Федора Ивановича. См. I. Weresz-
czyńskiego Pisma polityczne (wyd. I Turowskiego, Kraków 1858).

¹⁾ Такъ выразился сандомирскій депутатъ Зомбекій на пѣтровокомъ сеймѣ 1559 г. См. L. Kubala: Stanisław Orzechowski (Lwów, 1870, p. 47).

сдѣлаться православнымъ священникомъ, чтобъ избѣгнуть неестественнаго и ненавистнаго целибата, а позже, преслѣдуемый католическою іерархіею за свой бракъ, онъ намѣревался примкнуть опять къ православной русской церкви и въ ней проводить и кончить свою жизнь ¹⁾. Орѣховскій называлъ себя—въ виду своего русскаго происхожденія по матери и по поводу своей родины „Руси“ (воеводства русскаго, Russia)—часто Русскимъ (Ruthenus, Russus, Rusin, hruby Rusin) ²⁾; но, чувствуя себя вполне польскимъ

¹⁾ Вотъ нѣкоторыя мысли Орѣховскаго (изъ сб. Orichowiana. Opera inedita et epistolae St. Orzechowski, ed. I. Kozlowski, Cracov. 1891, I): Ego in Ruthenorum ecclesiis, graeco ritu constitutis, versari errorem nullum scio, ne illum quidem de Spiritu sancto... ceterum matrimonium sacerdotum et plebis calicem, id error non est, sed ipsisima veritas (p. 218). Quae gentes atque integrae nationes schismatis nomine a papa romano notatae sunt non aliam ob causam, nisi quod religionibus vetustis et sacerdoti uxorem et plebi suam linguam faventissime conservarunt (p. 451). Dissidium hoc (въ вѣроисповѣданіи) peperit absurdum et reprehendendum, ut alii Latini, alii Graeci, alii Rutheni, alii Poloni in Russia appellentur, ut quasi familiae dissentientes inter se et arrogantes magis quam disjunctae aut dispares, alteri sibi solis debere possessionem ecclesiae contendant, alteri vero tanquam commune patrimonium derelictum a communi parente adeant jure cum Romanis pari. (p. 41). Орѣховскій изъ вѣхъ силъ стремился уничтожить разныя такія злоупотребленія *abusus*, quibus improbissimi idemque avarissimi atque ignavissimi homines efficiunt, ut Ruthenus Polonum, Polonus vicissim in Russia damnet Ruthenum, quae omnia ad ipsius Christi domini nostri contumeliam fiunt. (p. 311, и срв. 315 жалобы Орѣховскаго на фанатизмъ перемышльскаго католическаго епископа). Si ex ecclesiae latina pellar, non in partem haereticorum, sed in illam veterem atque sanctissimam ecclesiam Graecorum concedam.. cum hominibus graecis communicabo... idque instituto majorum meorum maternorum faciam, qui omnes alto a sanguine graeco fuerunt creti (p. 463).

²⁾ Такъ часто въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ (Ruthenum me esse et gloriatur et libenter profiteor, memor generis graeci ac sanguinis ruthenici, unde cretus ortusque sum, etc.), хотя онъ зналъ, что maiores mei a Polonis oriundi etc.; срв. Orichoviana, 30, 38, 219, 588. Въ соч. Chimaera sive de Staneari funesta regno Poloniae secta (1562) Орѣховскій выражается такимъ образомъ: Est mihi genitrix Polonia, pro-

шляхтичемъ, Полякомъ, гражданиномъ польской Рѣчи посполи-
той, онъ называлъ себя „родомъ Русскій, а народомъ Полякъ“—
gente Ruthenus, natione Polonus, а въ своихъ рѣчахъ онъ могъ
говорить къ шляхтѣ польской и къ русской (изъ Руси) „мы По-
ляки“, или иногда и на русскій ладъ (по-польски) „my Lachow-
wie“ ¹⁾).

Орѣховскій зналъ, кромѣ языковъ латинскаго и греческаго,
польскаго и русскаго, тоже языкъ церковный словѣнскій (sło-
weński, bułgarski), который онъ очень уважалъ, а отчасти и
чешскій; онъ называлъ свв. апостоловъ Славянъ, Кирилла и Ме-
фодія, переведшихъ съ языка греческаго на словѣнскій священ-
ныя книги и для Руси, „величайшими геніями Славянъ—maxima
genia inter Schlavos“ ²⁾). Орѣховскій счелъ возможнымъ вводить
въ польскій языкъ и нѣкоторыя слова словѣнскія и русскія, напр.
kierchmasz albo praznik (праздникъ); krzyż który po sło-
wiańsku krzest zowią; славянское *король* сравниваетъ съ гре-

creatrix Ecclesia, altrix Roxolania, patria Peremislia, postremo Orichoviana est mihi natale rus et solum.

¹⁾ Высокое мнѣніе Орѣховскаго о польскихъ шляхетскихъ при-
вилегіяхъ видно напр. по слѣдующимъ его словамъ, обращеннымъ
къ литовцамъ: „O niewolny Litwinie! mnie wolnego słuchaj Polaka... z niewolnika wolnym wolnością swą cię czynię, jakom też nie-
wolnego przed laty Rusina wolnym i swobodnym panem, i równym we
wszem sobie uczyniłem, z którym w ziemi jego mieszkam, i gruntu jed-
nego z nim używam, wszystkiego na poly z nim mam, nie jako z sąsia-
dem, ale jako z swym własnym bratem. Grunt i wszystko księstwo
ruskie ja Polak dobywszy go pod ruskimi pany, pod srogimi tyrany, w
jednem ciałem królestwa polskiego, pod jednym królem i pod jednym pra-
wem złączyłem“. (Quincunx, t. j. wzór korony polskiej na cynku wysta-
wiony, 1564). Но одинъ Литовець въ своемъ рѣзкомъ отвѣтѣ Орѣховскому
(Rozmowa Polaka z Litwinem, 1564) возразилъ: „Nie wiem co za liber-
tas u was... iżcie ście insze stany uciesnęli, iż ich sobie prosto za nie nie
macie, stan miescki i oracki ledwo ludźmi być rozumiecie, czasem wzgar-
dzieńsze niż żydy i podlejsze poczytacie, rychlęj o żydowską niż o ich
wolność się zastawicie“. Срв. Прzewodnik nankowy i literacki, 1891,
p. 916.

²⁾ Orichoviana p. 39.

ческимъ *κίρανος* (kiran): Polacy jako i ini słowiańskiego języka ludzie, z greckiego *κίρανος*, u Węgrów kiral, u Rusi korol, u nas Lachów król; подобно тому оу слово кметъ (kmieć) считаетъ греческимъ *κρητήης*: robotny człowiek kmieć-kmit starzy Słowacy greckiem słowem nazwali; lichwa—jako-by jakie osobliwe złe, bo lichy po słowiańsku złą rzecz znamienuje¹⁾.

Въ русскихъ земляхъ саноцкой и перемышльской, находящихся на польскомъ рубежѣ въ сосѣдствѣ земель краковской и сандомирской, Русь и Ляхи искони сносились и сталкивались, и какъ-бы помимо воли приучались смотрѣть другъ на друга не всегда съ вѣроисповѣдной точки зрѣнія. Еще въ концѣ XVI в., уже во время приготовленій къ уніи, раздается съ католической стороны жалоба на многихъ Поляковъ, живущихъ между перемышскою Русью, что они присоединяются къ „русскому полувѣрію—на *ruskie niedowiarstwo*“²⁾. Даже не всѣ католическіе епископы перемышльскіе XV—XVI вв. относились къ православнои Руси съ обязательною для нихъ враждою, и заботились о православныхъ понахъ и церквахъ въ своихъ имѣніяхъ, какъ напр. епископъ Валентинъ Гербортъ изъ Фульштейна (Фель-

¹⁾ Срв. „Славяне“ П. 88, 135, 149, 151, Ш. 126, 245. О Ст. Орѣховскомъ см. гр. I. Оссолинскаго *Wiadomości historyczno-krytyczne do dziejów literatury polskiej* Ш. (w Krakowie 1822), гр. Ст. Тарновскаго *Pisarze polityczni XVI w.* (w Krakowie 1886, I), вышеупомянутую статью Кубали, и ст. Сумцова (Кіев. старина 1888, ноябрь). Русскіе знали мысли Орѣховскаго о православной церкви, авторъ „Апокриенсъ“ (1597—1599), и Зах. Копыстенскій (Палинодія 1621, по изд. въ Русской истор. библіотекѣ IV. 606, 931, 997, 1162, VII. 1577). Копыстенскій восхваляетъ Орѣховскаго: „То правый и старый правды мовца Ляхъ. О! гды бы и нынѣшніи панове Поляцы такъ читили, шановали и поважали св. столицу Константинополюскую, те-ды нѣгды бы зъ нами, братією своею, которыхъ одинъ народъ рок-солянскій сплодилъ, одна отчизна—корона польская выховала, и одна Константинополюская столица вѣры Христовы научила,—нѣгды бы зъ нами, братією своею, въ шранки о вѣру не вступовали“.

²⁾ См. выше, стр. 11, примѣчаніе.

штына), который помогать православнымъ Русскимъ въ своихъ имѣніяхъ строить церкви (1562—1566)¹⁾. Одинъ изъ его преемниковъ, Павелъ Пясецкій (съ 1644 г.), прежде епископъ въ подольскомъ Каменцѣ и въ Холмѣ, былъ въ тѣ бурныя времена фанатическихъ вѣроисповѣдныхъ споровъ человѣкъ необыкновенный; онъ, Полякъ изъ сандомирской земли, жившій много лѣтъ въ русскихъ земляхъ, относился къ православному русскому народу и козакамъ съ симпатіею, и—что особенно замѣчательно—не долюбивалъ лелѣяннаго католическою польскою іерархіею дѣтища, *unii* (такъ онъ пишетъ это слово всегда въ своей всемірной хроникѣ), называя ее главнымъ источникомъ всѣхъ смутъ въ тогдашней Польшѣ²⁾. Пясецкій еще какъ епископъ холмскій выступилъ рѣзко противъ холмскихъ униатовъ, утверждая, что русскіе униаты католической церкви вреднѣе, чѣмъ православные (*disuniti*³⁾. Не забудемъ, что въ перемышльской землѣ съ конца XVI в. и съ начала XVII в., именно при одномъ изъ предшественниковъ Пясецкаго, Сецинскомъ, шла ожесточенная борьба между православіемъ и униіею, поддерживаемою епископомъ Сецинскомъ⁴⁾.

¹⁾ Pawłowski, *Premislia sacra*, 297, 319; Prochaska въ статьѣ о Радымишѣ (*Przewodnik naukowy* 1891, p. 774).

²⁾ По его словамъ православные противники униіи „*omnibus populis suis adeo exosam fecerunt, ut audito solo unionis nomine, ab omni de ea tractatu prorsus abhorreant, et nihil magis lucusque quam tumultus istorum seditiosi et querelae perennes pro unione et contra unionem rem publicam polonam turbant*“. (*Chronica gestorum in Europa, Cracoviae* 1645, p. 165).

³⁾ Harasiewicz, *Annales ecclesiae ruthenae*, 352.

⁴⁾ Взглядъ польскаго епископа Пясецкаго на дѣла восточнаго Славянства крайне не понравился его новѣйшему біографу, Юл. Бартошевичу: „*Piasecki nie lubi unii religijnéj, której wszędzie przymawia, jego całe współczucie ma syzma. Nigdy nie mówi o unii jako o kościele, który powstał natęgnięciem i potrzebą naprawy upadłej cerkwi, ale jako o wymyśle ludzkim, unitów ma za wichrzycieli i zawsze, o nich mówiąc, pisze: tak zwani unicy; samo nazwisko unitów odmiennemi głoskami drukuje. Niepojęta jest w nim, biskupie, ta zaciętość dla katolickiego obrządku, dla cudownych ducha spraw, które wywołało święte wes-*

Энергическій голосъ въ защиту Руси раздается въ началѣ XVII вѣка изъ саноцкой земли, именно изъ Добромила, города Гербуртовъ (Гербортовъ) изъ Фульштыца (Фельштына), переселившихся въ концѣ XIV вѣка изъ опавской земли въ карпатскую Русь, и здѣсь въполнѣ ополячившихся¹⁾. Въ началѣ XVII вѣка унія распространялась всеми средствами въ земляхъ русскихъ; православная шляхта и епископы—въ томъ числѣ и перемышльскій Михаилъ Копыстенскій²⁾—протестовали противъ такихъ насильственныхъ мѣръ. Въ перемышльской землѣ явился, по смерти Копыстенскаго (1610), униатскій епископъ Лѳанасій Крупецкій, который, поддерживаемый католическимъ епископомъ перемышльскимъ Станиславомъ Сецинскимъ, оспаривалъ перемышльскую епархію у православнаго епископа²⁾. Въсѣтъ съ этими вѣроисповѣдными вопросами Польша волновалась тогда возстаніемъ Зебридовскаго—въ которомъ играли видную роль пекатолики, — московскими дѣлами и московскою войною. Въ тѣ бурныя времена *Іоаннъ Феликсъ Гербуртъ*, ученый и просвѣщенный польскій папъ, жилъ и дѣйствовалъ—послѣ возстанія Зебридовскаго, въ которомъ онъ тоже принималъ участіе—въ Добромилѣ, слѣдилъ за политическими событіями и издавалъ въ своей типографіи разныя книги на языкахъ польскомъ и латинскомъ. *Іоаннъ Гербуртъ*,

tebnienie Rusi“ (Kronika P. Piaseckiego, polski przekład, Kraków 1870, p. LVIII, LIX, срв XLII). Пясецкій не любилъ не только „святого вздоха Руси“, но также іезуитовъ, Нѣмцевъ, Габсбурговъ, и, какъ истый Славянинъ, съ любовью вспоминалъ о евр. апостолахъ славянскихъ, Кириллѣ и Меѳодіѣ; см. „Славяне“ II. 93, 74, 167. Пясецкій только въ имѣніяхъ своей епископіи не могъ не поддерживать уніи; см. Pawłowski, Premisla sacra, 459.

¹⁾ Герборты или Гербурты были родъ нѣмецкій, поселенный оломужскимъ епископомъ Брупопомъ въ опавской землѣ; одинъ Гербуртъ (Гѣрбортъ) защищалъ, вмѣстѣ съ двумя папами Бенешевичами, въ 1253 г. опавскую землю противъ Данила Романовича галичско-волянскаго, о чемъ см. галичско-волинскую лѣтопись (изд. археограф. комис., 548). О Гербуртахъ см. выше (стр. 64) упомянутую статью К. Стадничаго.

²⁾ См. выше, стр. 74, и Павловскаго Premisla sacra, 366.

католикъ, Полякъ, любилъ русскій народъ, среди котораго онъ жилъ и дѣйствовалъ, изъ котораго происходила и его жена, русская княжна Елисавета Заславская, хотя уже католичка; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, зная Польшу, Русь и Чехію—гдѣ онъ былъ въ 1590 г.—былъ тоже ревностнымъ Славяниномъ¹⁾. Не даромъ польскій поэтъ Каспаръ Мясковскій прославляетъ І. Гербурга, „славянскаго Геркулеса“, какъ онъ озаглавилъ свою поэму „Herkules słowieński“, изданную въ Добромиль (1612): этотъ славянскій Геркулесъ—Русскій (Rusin), украшеніе русской земли, который живетъ на сѣверѣ, гдѣ процвѣтаетъ нынѣ держава впуковъ Лѣха, кровь Славянъ! Самъ Гербуртъ, въ предисловіи къ поэму Мясковского, вспоминаетъ объ обихъ славныхъ польскихъ поэтахъ, Реѣ и Кохановскомъ, этихъ пѣвцахъ „пѣснн богини славянской“, восхваляетъ тоже Мясковского, что онъ „столь прелестно одѣлъ эту славянскую дѣвушку—*żeś nam tę dziewoję słowieńską tak strojno ubrał*“, и желаетъ поэту, „украшенію языка и славы славянской“ многихъ лѣтъ: „*chocwaj cię boże długo ozdobo języka i sławy słowieńskiej*“²⁾! Въ приложенномъ къ поэму Мясковского разговорѣ Геркулеса съ Счастьемъ и Доблестью—родѣ автобіографіи,—Счастье говоритъ Геркулесу, чтобъ и Славяне искали груши въ пеплѣ, что оно любитъ славянскій языкъ; Доблестъ же приводитъ изреченія о счастіи Грека и Латинца, а также „моего славнаго Славянина“, и говоритъ „о твоихъ доблестныхъ Славянахъ“. Гербуртъ, зная русскій языкъ, сообщаетъ въ этой статьѣ одну русскую пѣснь и двѣ русскія пословицы³⁾. Іоаннъ Гербуртъ, понимая всю важность отечественной исторіи, издалъ въ своемъ Добромиль лѣтописи Викентія Кадлубка, аналы Орѣховскаго, и начало польской исторіи Длугоша, котораго онъ справедливо назвалъ „первенствующимъ въ славянской исторіи—*princeps historiae slavicae*“; изданію всей исторіи Длугоша помѣшала глупость современниковъ⁴⁾.

1) О. І. Гербуртъ см. ст. А. Соколовскаго въ журн. Biblioteka Warszawska 1883, II. III.

2) См. „Славяне“ II. 161.

3) Срв. Вишневекаго *Historya literatury polskiej* VII. 122.

4) Срв. „Славяне“ II. 101.

Такой польскій и славянскій патріотъ не могъ молчать въ виду ужасной братоубійственной борьбы между Поляками и Русскими изъ-за „уніи“ и всѣхъ ея послѣдствій, и дѣйствительно заговорилъ, и не какъ Полякъ римскій фанатикъ, а какъ истый Полякъ Славянинъ. На сеймѣ 1613 г. панъ Іоаннъ Гербуртъ представилъ свое мнѣніе о народѣ русскомъ — *Zdanie o narodzie ruskim*¹⁾. „Той рану задаетъ въ сердце отчизнѣ нашей, хто колвекъ право еи ламлетъ, згodu межп пародами, зъ которыхъ есть полская речъ посполитая зложена, розрываетъ, тотъ въ сердце отчизну забиваетъ. Такая есть колотня, которую зачали зъ народомъ рускимъ, братьею и кровью нашею, тая есть якъ рана сердечная, которая бы наменьшая была, смерть приносить. Вѣдаю добре, што ся почавши отъ зызду берестійского онимъ дѣеть. Тое вѣдаю добре, якъ на сеймикахъ надѣю имъ чинятъ, а на сеймахъ зъ нихъ смѣхи строятъ. На сеймпкахъ братьею зовутъ, а на сеймахъ отщепенцами. Чого они хотятъ по томъ зацномъ пародѣ, якую раду и до которого цѣлю змѣряютъ? того я жаднымъ способомъ розумѣти не могу. Бо если того хотятъ, абы Руси не было въ Руси, то есть речъ неподобная, и такое подобеиство есть, яко бы ся имъ хотѣло, жебы тутъ море было коло Самбора, а Бесчадъ коло Гданска. Жаденъ того розумъ, жаденъ гвалтъ перемочи

¹⁾ Это *Zdanie o narodzie ruskim* собственноручной рукописи Гербурта находится въ экземплярѣ книги *Wizerunek utrapionej Rzeczypospolitej i naprawa Piotra Grzegorzewicza. Przy tym Hercules słowiński K. Miaskowskiego. (Dobromil 1616)*, хранищемся въ университет. библіотекѣ львовской (Parasiewicz, *Annales* 40, Петрушевича Сводная галицко-русская лѣтопись, 63). По другой рукописи (вильевской) издано въ сборникѣ: *Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края* (СП. 1865, стр. 214). Современный западно-русскаго перевода помѣщенъ въ книгѣ кievскаго ученаго Захаріи Копыстенскаго: *Палинодія или книга обороны католической св. апостолеской веходней церкви* (1621 г., по изданію въ Русской истор. библіотекѣ IV. 956): „Здане премудрого и велможного мужа и пана Іоанна Щасного Гербурта, старосты вышненского и мостиского, краесомовного и выборного оратора на сеймѣ валномъ у Варшавѣ поданое“. Приводимъ слова Гербурта по этому переводу.

не можетъ, абы Руси не было въ Руси. Штожъ, а коли зась ся кому zobачить, абы Поляковъ не было въ Полци? ба, безмалъ южъ не такъ, бо хотяжъ по-полску мовимо, але правъ и звычайъ запомнѣлисмо. Але речеть хто: „не хочемо мы Руси отмѣняти въ Руси“. Ба, и не можете! Але хотѣте ихъ позискати до вѣры нашей повшехной римской и до едности ведлугъ собору флорентского привести. Того я не гаю, если то пристойше чинять и ведлугъ науки Христовы“. Гербуртъ строго осуждаетъ насильственные мѣры въ дѣлѣ введенія уніи, какъ это дѣлается и при уніатскомъ перемышльскомъ епископѣ Крупецкомъ. „Штожъ вжды за пожитокъ маєть король его милость зъ такъ великихъ хлопотовъ, которыхъ зажилъ зъ народомъ рускимъ? Тотъ пожитокъ маєть, же есть насъ словенскихъ народовъ розныхъ осмнадцать: тыи всѣ розумѣли, же народъ полскій мѣлъ ихъ зъ тяжкого поганьского ярма высвободити; тыи всѣ на каждую потребу кроля и народу полского горла свои дати были готови. А теперь, якъ кривду почато чинити народови рускому, суть намъ головными неприятели. Теперь волять померети сами на войшѣ, жошы и дѣти свои попалити, якъ въ Смоленску учпили, пѣжбы мѣли до згоды якої прійти зъ нами, кровью своею. А што есть перешкодою до успокоенія Москвы? Едино уражоная вѣра руская. А што помогло до побитя въ Волошехъ Потоцкаго? Едино таяжъ нехуть народу руского ку народови нашему“ ¹⁾.

Іоаниъ Гербуртъ высказалъ свои убѣжденія относительно уніи самому папѣ Павлу V, который—по просьбѣ католическаго епископа перемышльскаго Сецинскаго — потребовалъ отъ него содѣйствія въ дѣлѣ распространенія уніи среди Русскихъ. Гербуртъ, въ письмѣ отъ 5 августа 1616, отвѣтилъ папѣ, что онъ одобряетъ принципъ уніи, которую слѣдуетъ распространять средствами мирными, но ничуть не насильственными. Польша до сихъ поръ была свободна отъ религіозныхъ смуть; но уже надо опасаться, чтобъ и въ Польшѣ не возникъ такой пожаръ, отъ ко-

¹⁾ Эти послѣднія слова Гербурта о Славянахъ, о Москвѣ и о Потоцкомъ повторилъ князь Х. Збаражскій на сеймѣ 1627 г.; см. „Славяне“ II. 94. Срв. эниграфъ въ началѣ этой 2 части III-яго тома.

того, погибла бы она какъ Троя: *Fuimus Troes, fuit Ilium et ingens gloria!* Этого боятся и Гербуртъ. „Русскіе — народъ мой, Русь—наше общее отечество, съ нами у насъ безконечное родство, подданные почти все Русскіе; вижу, что дѣло ушій проводится насиліемъ: насиліе возбуждаетъ смуту, смута — очень опасна. Русская держава — огромна, состоя изъ шести воеводствъ, которыя могутъ приравняться не областямъ, а державамъ. Сосѣди у насъ безчисленные народы Угріи, Болгаріи, Греціи, Москвы, все той же самой вѣры, все рождены къ войнамъ“ ¹⁾. Епископъ Сеципскій, познакомившись съ этимъ письмомъ, упрекалъ Гербурта за его помощь, оказываемую „схисматикамъ“ и противникамъ ушій: онъ, Гербуртъ, ихъ вождь, онъ ихъ защищаетъ повсюду, публично и частно, онъ дозволяетъ строить православныя церкви въ иѣбніяхъ королевскихъ и своихъ, покровительствуетъ православному монастырю въ Добромиль, позволяетъ грубому люду идолопоклонничать, дѣлая изъ глухыхъ сумасбродныхъ; онъ отвращаетъ отъ послушанія униатскому владыкѣ, утвержденному папою, его подчиненныхъ и преслѣдуетъ ихъ; онъ содержитъ у себя какого-то бѣжавшаго изъ Угріи злодѣя и велитъ ему рукополагать поповъ; онъ вообще дѣйствуетъ въ смыслъ противномъ своему католическому имени. Что касается Русскихъ, которыхъ Гербуртъ называетъ своимъ народомъ,—кончаетъ епископъ—то это не вѣрно; онъ родился въ Руси и породнился съ Русскими, именно посредствомъ своей жены изъ русскаго рода князей Заславскихъ, но католиковъ, мать его была католичка Дрогоўская; но первый Гербуртъ прибылъ на Русь изъ Фульштына около Оломуца въ Моравіи ²⁾.

¹⁾ *Russi gens mea est, Russia patria nostra communis, adfinitates cum illis infinitae, subditi fere omnes Russi; vi rem geri video: vis excitat tumultum, tumultus periculosissimus. Regnum Russiae maximum, sex palatinatibus constans, qui non provinciis sed regnis aequiparari possunt. Vicinae nobis sunt gentes hungaricae, moesicae, bulgaricae, graecae, moschicae innumerae, omnes ejusdem fidei, omnes ad bella natae!*

²⁾ Эти любопытныя письма издавъ, въ особой брошюрѣ, уже по смерти Гербурта († 1616) Яковъ Сливскій, канторъ тарновскій: *Grus*

Еще во второй половинѣ XVII в., когда православіе въ Польшѣ клонилось уже къ упадку, а унія все больше торжествовала, изъ той же карпатской Руси, именно изъ ея окраины, изъ Кросна, раздался польскій голосъ въ защиту православныхъ и противъ уніи. На варшавскомъ избирательномъ сеймѣ 1669 г. права православной Руси защищалъ молодой польскій панъ Іоаннъ Фредро, староста кросенскій,—онъ возсталъ противъ уніи и называлъ ее—въ смыслѣ словъ епископа Пясецкаго —прямо причиною войнъ и смутъ въ Польшѣ, которой козаки гораздо нужнѣе, чѣмъ уніаты ¹⁾).

Православіе, составлявшее всегда важную принадлежность русской народности, осталось—особенно при повальномъ ополяченіи русской шляхты, члены которой дѣлались „Ляхами“, и при повсемѣтномъ распространеніи среди русской шляхты польскаго языка и польскихъ нравовъ—почти единственною чертою русской народности той шляхты и мѣщанства въ коронной Русси, которые не сдѣлались „Ляхами“, а остались вѣрны своей старинной русской православной вѣрѣ греческаго закона. Около половины XVII в. въ воеводствахъ русскомъ и подольскомъ православные были Балабаны, Замойскіе (перемышльскіе), Тисаровскіе, Рознятовскіе, Чолганскіе, Вишницкіе, Шумлянскіе, Жураковскіе, Березовскіе, Струтинскіе, Васильковскіе, Витвицкіе, Братковскіе, Балицкіе, Подвысоцкіе, Свистельницкіе, Терлецкіе, Грабовецкіе, Лозинскіе, Шептицкіе,

spiritualis seu vigilantia pastoris, continens litteras de unione schismaticorum Ruthenorum cum catholicis optanda (Cracoviae 1617). См. Narasiewicz, Annales eccles. ruthenae, 249—252, Петрушевичъ, Сводная галицко-русская лѣтопись I. 424. Въ помянникѣ православнаго добромильскаго монастыря съ благодарностью упоминается (къ 1614 г.) „арцышляхетный панъ милостивый Янъ Щенный Гелбулъ“ и его семья; срв. Сводная галицко-русская лѣтопись, 50.

¹⁾ Объ этомъ съ негодованіемъ пишетъ уніатскій митрополитъ Коленда римской пропагандѣ 1671 г. (Theiner: Monumenta Poloniae, III. p. 597). Коленда радуется тоже, что на слѣдующемъ коронаційномъ сеймѣ оказалась слабость православія: *tum cognovimus parvas jam vires superesse schismaticorum; nam vix 30 nobiles schismatici in hac electione rivabantur nobiscum.*

Предимирскіе, Устрицкіе, Путятинскіе, Яворскіе, Тустановскіе, Попели, Кульчицкіе, Коньстенскіе, Кропивницкіе, Добрянскіе, Дубравскіе, и др. ¹⁾. По со временъ побѣды униі надъ православіемъ въ епархіяхъ перемышльской и львовской вся тамошняя шляхта сдѣлалась не униатскою — униа была для мѣщанъ и для хлопцовъ, — а католическою, и тѣмъ самымъ и Ляхами.

Польское господство въ карпатской Руси повліяло на весь ея политическій и общественный строй. Намѣстникомъ короля въ карпатской Руси былъ съ половины XIV в. староста (сарітапеус), какъ онъ назывался по образцу польскому, староста „русскій“, староста „русской земли“ во Львовѣ; кромѣ этого главнаго старосты были меньшіе старосты въ Сапокъ, Перемышль, Галичъ, Самборъ, Зудечевъ (Жидачовъ), Коломыѣ, Снятинѣ, Глинянахъ, Городкѣ, Терехови, Холмѣ и др., были старосты въ подольской землѣ, въ Белзѣ. Старосты вѣдали администрацію, судъ, военное дѣло; они съ самаго начала польскаго владычества были Поляки, католики, сановники въ коронѣ (Польшѣ); такъ во второй половинѣ XIV в. и въ началѣ XV в. „рускими“ старостами были папы Пилецкій, Кмита, Тарновскій, Далеевскій, Корицисскій, Обыховскій, Мельштыньскій, Харбишовскій, Менжикъ изъ Домбровы ²⁾; сапоцкіе старосты—Бенко изъ Кухаръ, Оглецовскій, Браницкій, Кобыляньскій, Пенѣнжекъ; перемышльскіе старосты—тотъ же Бенко изъ Кухаръ, Буцацкій, Конецпольскій, хотя королева Ядвига (1387 г.) обѣщала назначать здѣсь старосту „Поляка или Русскаго шляхетскаго рода“ ³⁾; галичскіе старосты—Щекоцкій,

¹⁾ Эти и другіе „szlachta wojewodztwa ruskiego i podolskiego... naroda naszego starożytnego religiej greckiej... podług obrzędu cerkwie wschodniej apostolskiej“ подписались на актъ избранія новаго „episkopa prawosławnego, lwowskiego, halickiego i Kamieńca podolskiego“ 1641 г. См. Сводная галицко-русская лѣтопись 1600 — 1700, стр. 87—91.

²⁾ О русскіхъ старостахъ см. М. Дзедушицкаго въ ж. *Przewodnik naukowy* 1875, р. 428, въ соч. Филевича (Борьба Польши, стр. 203), Губе (*Wyrok lwowski*), Линиченка (Ж. М. Н. П. 1891), и др.

³⁾ *Akta grodzkie i ziemskie* VII. 37.

Бучацкій, Тарновскій, Одровонжъ; иѣкоторые подольскіе старосты—Грицко Кердеевичъ изъ Поморянъ (ополяченный Русскій), Петръ Шафранецъ, Михаилъ и Федоръ Бучацкіе. Помощникомъ старосты сдѣлался древнерусскій *воевода*, называемый еще до XV в. и въ латинскихъ актахъ по-русски *wojewoda*, *woywoda*, или *ra-latinus*, тоже *subcapitaneus*—*vicecapitaneus* (подстаростій), иногда *burgabius*; его помощники были до начала XV в. древнерусскіе *сотекіе* ¹⁾. Староста, воевода и сотскій, судья, писарь и нѣсколько земянъ составляли судъ, на которомъ рѣшались всѣ судебныя дѣла по обычному праву русскому, но тоже по праву польскому; приговоры записывались въ актъ (листъ) на языкѣ русскомъ или чаще латинскомъ, потомъ въ особыхъ судебныхъ книгахъ латинскихъ, вводимыхъ по образцу польскому и на Руси. Члены суда, кромѣ старосты Поляка, были Русскіе и Поляки ²⁾. Польскіе порядки судебные и др. вообще проникали все болѣе и на Русь, и по мѣрѣ все усиливавшагося переселенія польской шляхты въ карпатскую Русь, распространялись туда разныя постановленія и обычаи польскаго права и примѣшивались все болѣе къ „русскому“ праву и обычаямъ. Судъ староства саноцкаго уже въ началѣ XV в. принимаетъ нѣкоторыя черты земскаго суда по образцу польскому. Наконецъ является и высшій земскій судъ по образцу польскаго вѣща (хотя самое слово вѣще еще не встрѣчается), состоявшій изъ наивысшихъ сановниковъ земскихъ и многихъ земянъ ³⁾. И внѣшняя форма судопроизводства по „русскому праву“ лишилась русской одежды: латинскій языкъ (и ка-

¹⁾ Сотеки (соцкіе, szoczky, szeczky) упоминаются въ Львовѣ, Тереховѣ, въ грамотахъ русскихъ и латинскихъ 1368—1412 гг.

²⁾ *Tempore juris ruthenicalis* (т. е. уже во время польскаго господства на Руси) *erat moris inscripciones facere coram capitaneis pro causis quibuscunque*—записано въ одномъ саноцкомъ актѣ 1442 г. (*Akta grodzkie i ziemskie* XI. № 1445).

³⁾ О судопроизводствѣ въ коронной Руси (до 1435 г.) см. R. Hube: *Wyrok lwowski* г. 1421 (Warszawa 1888) и замѣтки И. Линиченка въ Ж. М. Н. П. 1891, июль, 144; предисловія къ сборнику *Akta grodzkie i ziemskie*, начиная съ XI тома. О польскихъ судахъ см. Hube: *Prawo polskie w 14 wieku* (Warszawa 1886).

лендарь) сдѣлался официальнымъ въ политической и юридической жизни коронной Руси со всѣми юридическими терминами польской государственности, такъ что со второй половины XIV в. латинскія грамоты подавляютъ своимъ количествомъ небольшое число русскихъ грамотъ, а судебныя книги писались съ самаго начала только на латинскомъ языкѣ ¹⁾: Такъ какъ писари латинскихъ грамотъ и судебныхъ книгъ были Поляки, то и тѣ нѣкоторыя нелатинскія слова, встрѣчающіяся въ латинскихъ актахъ, — польскія, а не русскія, напр. *kmetones*, alias *maży*, *humiliacionem* alias *pokora*, *obligavit* alias *zastawił*, *daciam* alias *danina*, *obszary*, *posag*, *possessionabit* vulgariter *osadzi*, *communitas* ville alias *gromada*, *terminus* magnus alias *wiece*, *pamiętne*, *pomocne*, *manu conjuncta* *pospolną ręką*, *pena* quindecimalis *piećnadszeście*, *pena niestanie*, *terminus peremptorius* *rok zawily*, *tenutarius officialis* alias *urzędnik*, подать *podymne* (1426), и др.

Русскія грамоты выходили изъ королевской канцеляріи, отъ нѣкоторыхъ князей, пребывавшихъ временно въ Червоной Руси (напр. Володислава онольского, Швитригайла, Федора Любартовича), отъ старостъ въ русскихъ земляхъ (Шлецкаго, Далеевскаго, Кухарскаго—Жабокруцкаго, Обыховскаго, Щекоцкаго, Буцацкаго и др., и отъ нѣсколькихъ русскихъ пановъ. Въ этихъ русскихъ грамотахъ — писанныхъ особыми писарями, дьяками попо-

¹⁾ Отъ судебныхъ книгъ времени „русскаго“ права сохранились только сапоцкія 1423—1434 гг., изд. въ сборникѣ *Akta grodzkie i ziemskie* XI. Русскія грамоты изданы въ сборникахъ: Акты западной Россіи, Акты зап. и южной Россіи, Научовый сборникъ галицко-русской Матицы 1865—1867, *Archiwum książąt Sanguszków* I, Матеріалы изд. Уляницкимъ, *Akta grodzkie i ziemskie*, *Materyały archiwalne* (изд. Прохаски) и др. Срв. *Lisiewicz: Język urzędowy na Rusi Czerwonej* (*Przewodnik naukowy* 1886), соч. Филевича, Губе, Липниченка. Последній русскій судебный актъ ок. 1434 г.—Михаила Буцацкаго, папа и старосты галичскаго, и Колы Далеевскаго, судьи галичскаго (*Akta grodzkie i ziemskie* XII. 425). Въ статью Липниченка (стр. 160, прим.) вкралась опечатка: вмѣсто 1474 г. надо читать 1424 г. Замѣтимъ еще, что и на монетахъ (грошахъ), чеканенныхъ для Руси, имѣются только латинскія надписи.

вичами — замѣтно уже вліяніе польское, матеріальное и формальное (въ языкѣ): панъ, землянинъ — земянинъ, шляхетин панове, рада пацская и землянская, папи, панна, урядникъ (врядникъ), староста, кметъ, войтъ, мѣстичъ, князь архіепискупъ (львовскій, *ksiądz arcybiskup*), бискупъ (премыскій, католическій и православный), рокъ завилий, покупити три гривны (поль. *rokić trzy grzywny*, т. е. заплатить вину), оправити (*oprawić*), посполная рука, помочное, привиліе, лаць, чиншъ, личба (польская, русская), гроши, и пр. Въ языкъ русскихъ грамотъ вкрадываются польскія формы: кроль, кролество, королевскій (подлѣ обыкновеннаго короля), гродъ (подлѣ обыкновеннаго городъ), влость (подлѣ волюсть), который (подлѣ который), обротити, габати, прозвиско; даже географическія названія: Премысль, Премышль (премыскій), Сендомиръ (Сундумиръ) подлѣ Перемышль (перемыскій), Судомиръ; Владиславъ (Владиславъ и Володиславъ), Бартошъ, Мацѣй, Бенко, Крщень (Хрщень), Вятславъ, Бедрихъ, Алжбета; наконецъ и въ русскихъ грамотахъ употребляется обыкновенно лѣточисленіе не съ сотворенія міра (такъ только въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ грамотахъ), а съ Рождества Христова. Но рядомъ съ этимъ новымъ польскимъ наслоеніемъ въ русскихъ грамотахъ встрѣчаются еще многія древнерусскія черты и учрежденія: воеводы, сотскіе, тивуны, дьяки, земли или волости (перемышльская, саноцкая, снитинская, галичская, теребовльская, смотричская, и въ нихъ волости меньшія, села и селища съ ихъ уѣздами, и дворнища съ ихъ объѣздами, дѣдництва — дѣдины — дѣдинны — дѣдинныи, вотнины (отчины), вотчини (отчичи), и др.; древнерусская гривна, рубель-рубль, рядомъ съ новыми пѣязи, копами грошей русской и польской личбы, краковского разу, краковской монетой, подольскими полугрошниками - полугрошками, и пр. Равнымъ образомъ какъ западноевропейскіе гроши перешли изъ Польши на Русь и стали здѣсь означать вообще деньги, такъ и русскій рубль сталъ извѣстенъ въ Польшѣ ¹⁾.

¹⁾ Rubl, rubel — отрубленный кусокъ серебра (русск. *рубить* = польск. *rać* *rać*) означалъ въ Польшѣ XV в. извѣстный вѣсь

Такимъ образомъ многіе польскіе обычаи и постановленія польскаго права распространялись постепенно въ русскія земли еще до формальнаго въ нихъ введенія польскаго права. Такъ было именно въ белзской землѣ, гдѣ уже съ конца XIV в. и въ XV в. являются польскіе чиновники—воевода, кастелянъ, староста, (а подстаростій—древнерусскій воевода), судья земскій и подсудокъ, особые суды городскій и земскій; наконецъ въ 1462 г. белзское воеводство соединено съ короною и пожаловано польскимъ правомъ. Въ остальной польской Руси, при многочисленной въ ней польской шляхтѣ и тѣсныхъ сношеніяхъ съ короною, введено польское право раньше, именно при Владиславѣ Ягайлѣ, на съѣздахъ въ Едльнѣ (1430) и въ Краковѣ (1433), и наконецъ на коронаціиномъ сеймѣ 1434 г. при Владиславѣ Ш. ¹⁾ Съ 1435 г. водворено въ новыхъ воеводствахъ (дѣлимыхъ на земли и повѣты), русскомъ и подольскомъ,—вмѣсто русскаго права—окончательно польское право, какъ оно уложено въ статутахъ вселницкомъ, вартскомъ и др. Вмѣсто старостъ—наместниковъ королевскихъ, являются воеводы (*palatini*) русскій и подольскій; кастеляны, которые отчасти являются еще раньше; дальше старосты и под-

серебра (*waga, sielus, talentum*); это слово встрѣчается въ разныхъ юридическихъ памятникахъ, въ судебныхъ книгахъ краковскихъ, перемышльскихъ (а. 1464: *unius finistri (!) argenti alias rubel*), въ польской библіи XV вѣка и пр. Отъ слова *рубить* происходитъ и слово *рубезжъ*, которое вошло тоже въ литературный польскій языкъ—*rubież*, но которое въ кувеско-добринскомъ говорѣ встрѣчается съ правильнымъ носовымъ звукомъ *rabież*.

¹⁾ *Volumina legum* I. 40, 91 (изд. Петербург.), Длугоша *Historia polon.* IV, 296, 548; *Bandtkie Jus polonicum* p. 292 (возобновленіе правъ 1456 г.); срв. К. Стадницкаго *Synowie Gedymina* (1881, p. 213—216). Польское право пожаловано, конечно, всей шляхтѣ, католической и православной — *tam catholicis quam scismaticis* (срв. *Liber cancellariae St. Ciolek*, I. № 40). „Русское право“ упоминается потомъ рѣдко; такъ напр. въ саноцкой землѣ въ 1445 г. *terrigenae de Dobra* осуждены на *piestanie, videlicet bovem secundum jus ruthenicum*; а въ 1450 г. осужденъ мельникъ на такое *piestanie in bove secundum jus polonicum*; другіе примѣры въ ст. Милниченка въ Ж. М. Н. II. 1891, июль, 166—167.

старостіе (эти въ XV в. еще по-древнерусски воеводы), судьи, писари на судѣ городскомъ (для уголовныхъ дѣлъ), судьи и подсудки, писари на судѣ земскомъ (для гражданскихъ дѣлъ), и двоякія судебныя книги, городскія и земскія, подкоморіе, бургграфы (тоже воеводы и подвоеводы), коморники, войскіе, хорунжіе, мечники и другіе урядники; земскіе вѣчевые суды (*wieca, colloquia*) и сеймики въ земляхъ русскаго воеводства (львовской, перемышльской, саноцкой, галичской, холмской); на этихъ сеймикахъ выбиравлись земскіе послы (депутаты) на польскій сеймъ, которые вмѣстѣ съ сенаторами собирались еще на генеральномъ сеймикѣ въ разныхъ мѣстахъ, потомъ въ Вишнѣ и Галичѣ; въ подольскомъ воеводствѣ былъ сеймикъ въ Каменицѣ, въ белзскомъ — въ Белзѣ ¹⁾.

Статуты польскіе (коронные и мазовскіе) написаны на латинскомъ языкѣ, который однако понимали немногіе паны и земляне; оказалась потребность перевести статуты на языкъ польскій, что и сдѣлано въ половинѣ XV вѣка ²⁾. Но эти и нѣкоторые болѣе поздніе польскіе переводы имѣли характеръ частный, а не офиціальны; офиціальнымъ остался текстъ латинскій. Подобно то-

¹⁾ Въ самомъ началѣ земскихъ книгъ галичскихъ находится слѣдующая записка: *Anno domini 1435 proxima feria secunda post festum Nativitatis Marie* (т. е. 12 сентября) *post donacionem juris polonici terre Russie per serenissimum principem dominum Wladislaum presens registrum est factum pro judicio terrestri presentibus magnifico domino Johanne Cola iudice, Stiborio de Wasyczyn subjudice, Nicolao de Wodnyki, camerario iudicis et Conrado de Kunaschow, camerario subjudicis dominorum.* Въ городскихъ книгахъ галичскихъ 1435 г. (12—18 ноября) записано одно постановленіе — *jus quod fit in terris cracov. et sandomir. et terra Polonie*, которое приняли и для Руси старосты львовскіи и галичскіи и многіе паны галичскіе вмѣстѣ съ нѣкоторыми сенаторами Польши. Одна записка въ земскихъ книгахъ львовскихъ отпосила начало польскаго права къ 1 января 1435 г. Срв. *Akta grodzkie i ziemskie* t. XI. p. V, t. XII. p. 1, 425. Слово „рядца“ едва-ли можно по-польски передать *radca*, а скорѣе *rzadca*, управляющій, то что владарь, *włodarz* (*villieus*) или тивунъ.

²⁾ Польскіе переводы изданы въ Вильнѣ 1824 г. (Лелевелемъ, *Księgi ustaw polskich i mazowieckich*), въ Познани и Парижѣ 1876

му и въ коронной Руси, послѣ введенія здѣсь польскаго права, оказалась потребность перевести польскіе статуты для Русскихъ на русскій языкъ. Статутъ вислицкій переведенъ на русскій языкъ два раза; переводы сдѣланы независимо другъ отъ друга прямо съ латинскаго текста, при чемъ переводчики не знали польскаго перевода и не воспользовались имъ. Первый русскій переводъ статутовъ, вислицкаго и вартекаго ¹⁾, сдѣланъ, по всей вѣроятности, въ промежутокъ 1430—1434 гг., т. е. въ то время, когда польское право провозглашалось обязательнымъ и для коронной Руси, но еще не было введено въполнѣ, когда еще не устроены воеводства русское и подольское, не назначены воеводы и другіе чиновники, а когда еще дѣйствовало „русское право“, правда, пропитанное уже многими польскими порядками, и когда русскими землями управляли королевскіе намѣстники—старосты. Но крайней мѣрѣ русскій переводчикъ вислицкаго и вартекаго статутовъ не совсѣмъ точно знакомъ со всѣми подробностями польскаго права и государственнаго строя, и переводить иногда не совсѣмъ вѣрно. Такъ напр. онъ перевелъ слово *colloquium magnum* — *соймъ* великій (земскій, однажды тоже правильно: рокъ великій земскій), между тѣмъ какъ слѣдовало перевести великое *вѣче*, какъ перевелъ и польскій переводчикъ (*wielkie wiece*); польское *wiece*—наивысшій судъ, а *sejm* — парламентъ ²⁾. Русскій перевод-

(по рукописи 1460 г.), и—вмѣстѣ съ латинскимъ текстомъ—Гельцелемъ: *Starodawnego prawa polskiego pomniki I* (1856 w Warszawie), новымъ правописаніемъ, въ которомъ однако часто затерты особенности древней польщины.

¹⁾ Издааны по списку съ повгородской софійской рукописи (о ней срв. Востокова Описание рукописей Румянцева, № 430) въ Актахъ западной Россіи I. № 1 и 27. Русскій переводъ короннаго вартекаго статута (1420, 1423 гг.) сдѣланъ, конечно, не для Литвы, какъ полагаетъ Г. Иречекъ (*Švod zákonův slovanských*, 1880, р. IX, 69), а для коронной Руси. Слова въ скобкахъ ниже, въ выпискахъ, взяты изъ выписки Востокова.

²⁾ Русскій переводчикъ, очевидно, уже забылъ о древнерускомъ „вѣчѣ“, о томъ времени, когда — по словамъ галичско-волинскаго лѣтописца—князь Даниилъ созывалъ вѣче, на которомъ присут-

чикъ не счелъ нужнымъ переводить слова palatinus (wojewoda) и castellanus (kastelan, pan) — воевода и кастелянъ, такъ какъ эти должности въ русскихъ земляхъ (еще не воеводствахъ) не существовали; онъ переводитъ эти слова, равнымъ образомъ какъ и capitaneus (starosta), — *староста*, общее названіе королевскихъ намѣстниковъ на Руси; при томъ онъ не могъ избѣгнуть противорѣчій, такъ какъ онъ — говоря о судахъ — называетъ всѣхъ этихъ сановниковъ одинаково старостами; воевода у него скорѣе воевода русскій, помощникъ старосты, подстаростій ¹⁾. Названія: шляхта (шляхтичъ), землянинъ, рыцарь — означаютъ то же самое, что и польскіе *ślachta* (*ślacheie*), *ziemianin*, *rycerz* (*nobilis*, *terrigena*, *miles*), пользующіеся правомъ рыцарскимъ (*jus militare*, *prawo ślachetne*, *prawo rycerskie*); слово панъ употребляется иногда въ смыслъ шляхтичъ (*nobilis*), или вообще какъ владѣлецъ

ествовали его тысячскій, сотскій и отроки; онъ забылъ тоже о тѣхъ временахъ, когда „спимашася снемы, соимы“ (сходки) князей русскихъ и лядскихъ, или даже „снемы“ русскихъ и лядскихъ воевъ; а вслищкое вѣче онъ назвалъ, болѣе по русски, соймомъ. Такъ въ сѣверно-русской лѣтописи разсказывается, что въ 1382 г. „сотвориша вѣче, позвониша во всѣ колоколы и стала суѣмомъ пароды мятежницы, крамолницы“; въ уставной грамотѣ полоцкой (во второй половинѣ XV в.) постановляется, „абы вси сымались посполу... а безъ бояръ мѣщаномъ и дворяномъ городскимъ и черни соймовъ не надобѣ чинить“. После 1435 г. въ коронной Руси слова *вѣче* (*wiece*) и *сеймъ* употребляются въ польскомъ значеніи: вѣче — высшій судъ, напр. въ актахъ сандокихъ 1438 г. (*collocucio generalis alias wiece*), галичскихъ 1435, 1471 гг. (*convencio magna dominorum alias wiece*, *colloquium generale alias wiece*, *magnum judicium alias wiece*), пероворскихъ 1463 г. (*colloquium alias wiece*). Сеймъ — сходка, напр. въ актахъ львовскихъ 1442, 1443 гг.: *convencio alias sejm* (въ Мости-скахъ), *convencio ubi terre cracoviensis, sandomir. et Russie conventionaliter conveniant alias sejma sic*. О словахъ *вѣче* и *сѣмъ* (сонмъ, снемъ, съемъ, сеймъ) см. „Славяне“ I. стр. 162.

¹⁾ Срв. напр.: *iudex*, *palatinus*, *castellanus*, *oprawca* — *sędzia*, *wojewoda*, *kastelan* alibo *grodzтва pan*, *oprawca* — судья, староста, воевода, буркграбя, оправца; *castellanus* *cracov.*, *sandomir.*, *lublin.* — *kastelan* (*kr.*, *sand.*, *lub.*) — староста алюбое воевода, *castellania* — *grodzтво* — староста; *filia palatini* — *dziewka wojewodza* — дочка старо-

села и кметей (*dominus*), по обыкновенно въ смыслѣ панвысшихъ сановниковъ, засѣдающихъ вмѣстѣ съ королемъ въ вѣчѣ (*barones*, паны рады, головные паны), —прежніе кметы, которыхъ польскій переводчикъ называлъ уже не *kmieście*, а *rycerze* ¹⁾. Въ русскомъ переводѣ нѣтъ и влодыкъ (*włodyka* — *miles*, простой шляхтичъ, а *ślachcic* — *miles famosus*—знаменитый шляхтичъ), нѣтъ паномей (*simplex miles*—*prosty panosza* —простой землянинъ) ²⁾.

Приведемъ здѣсь выписки изъ этого перевода статutowъ вислицкаго и вартскаго.

Статутъ вислицкій:

О ставленьѣ правъ, коли вси права мають быть. Колижъ вси уставленья, законъ и право (права) чинять всимъ рѣчемъ, то хотимъ, штобы (чтобы) тыя (тая) права, што есмы уставили на великомъ соймѣ у Вислицы, принманы были (была): про тожъ (тоже), коли кого хто на судъ зазоветъ за дѣдичьство (дѣ-

O ustawieniu nowem, a którą moc ima. Gdyż wszyscy ustawienia (r. 1460 i 1503: układy) i statuta układają rzeczam a dziejom przydającym nie przeminąłym, chcemy, aby nasza ustawienia (r. 1460 i 1503: układy) wszystka nynie w wiecu wielkiem (r. 1506: na smowie pospolitej) w Wislicy uczyniona nie patrzyli przeminąłych, ale tylko nyniejszych a

стина; да въ одной и той же статьѣ переводится *capitaneus* — староста, *palatinus* —староста. Въ статутѣ вартскомъ тоже *palatinus* — староста, а между тѣмъ въ томъ же статутѣ опредѣляется точно кругъ дѣятельности старость (*capitanei*), начальниковъ городскихъ судовъ. Послѣ 1434 г. не встрѣчается уже такое колебаніе относительно значенія словъ *palatinus*, *castellanus*, *capitaneus*; кругъ дѣятельности этихъ „урядниковъ“ точно опредѣленъ, по примѣру польскому, и въ коронной Руси.

¹⁾ См. „Славяне“ I. 138.

²⁾ Влодыки сохранились въ Польнѣ до XV в. (срв. „Славяне“ I. 135, III. 211). Въ мазовскихъ статутахъ XV в. хорошо отличаются *nobilis*—*ślachcic* и *miles* — *włodyka*. Мазовскіе статуты были вѣроятно извѣстны тоже въ белзской Руси. Польскій текстъ приводимъ по изданію Челевея, по рукописи 1449 г., по нынѣшнимъ правописаніемъ; латинскій—по изд. Гельцеля (своду).

дѣство) на пѣнези оставлено (заставлены), а компжъ виноваты не станеть на року, тогда подводца изыщеть дѣдичьство (дѣдство).

przydających rzeczy. A tego dla, gdy kto pozywa do sądu kogo o dziedzina w pieniądzech zastawioną, a ji do sądu wyzowie, tedy, acz sąpierz na roku zawilem nie stanie, powód (r. 1460: powód abo jisciee) zyscze mienionej dziedziny pieniądze wždy sąprzewi wrociwszy.

I. Quum omnes constitutiones et statuta legem imponant rebus et negotiis futuris et non praeteritis, volumus, ut omnes nostrae constitutiones, editae nunc in colloquio generali in Vislicia, non respiciant praeterita, sed tantum modo praesentia et futura. Unde, si quis citat ad iudicium aliquem pro hereditate in pecunia obligata, et ipsum ad iudicium evocat, extunc, si reus in termino peremptorio non parebit, actor lucrabitur nominatam hereditatem, pecunia reo nihilominus restituta.

Коли хто наганить алюбю на-речеть сказанью старосты краковскаго, имѣеть ему откладать лупежъми горностайными, а старостѣ судомирскому или любельскому ласицами, судьи краковскому и судомирскому кунницами, подсудкомъ лисницами, подкоморнымъ по 6 гривецъ, коморникомъ по 6 шкотъ, судьямъ городнымъ по полугривны каждому, земскому писареву каждому по лисницы.

Kiedy kto naganі abo otzowia skazania pana krakowskiego, co rzeczono jest pospolicie narzeczenie alibo naganienie, łupieżе (r. 1460 и 1503: kocz abo torlop) grono-stajowe to jest takie kożuchy, ale panu sandomirskiemu a lublinskiemu łasiczne, a kaźdemu wojewodzie łasicze, sądziam krakowskiemu i sandomirskiemu kunie, podsądkom lisie, podkomorzam po 6 grzywien, komornikom tych wszystkich po 6 skot, sądziam kastelańskim alibo pańskim po pół-grzywny kaźdemu, pisarzowi ziemskiemu lupieżе lisie.

XCV. Cum aliquis arguit seu provocat sententiam castellani cracoviensis, quod vulgariter dicitur narzecze vel naganі, pel-

les ermelineas, castellanis autem sandomiriensi et lublinensi pelles mustellinas, cuilibet palatino pelles mustellinas ¹⁾, iudicibus cracoviensi et sandomiriensi pelles mardurinas, sub iudicibus pelles vulpinas, sub camerariis per 6 marcas, camerariis istorum omnium per 6 scotos, iudicibus castellanorum per mediam marcam, cuilibet notario terrestri pelles vulpinas.

Статутъ вартскій.

Головныи паны земль нашихъ на великихъ соймѣхъ... сѣдаютъ отъ насъ на судѣхъ, предъ которымижъ то паны жалобы великыи дѣдичьныи бывали жаловани, а ихъ сказаніе бывало правдиво, какъ бы предъ нашею обличностью то ся дѣло.

Rycerze ziem naszych w sądziech wiec pospolitych lubo wielgich personą naszą znamionują, przed jimiż rzeczy dziedzinne i jine wiąższe wodzą się a rozprawiają, a skazania przez nie uczyniona moc mają wiekuistą, jako przed oblicznością naszą się stała.

XIII. Barones terrarum nostrarum in iudicio colloquiorum generalium personam nostram repraesentant, coram quibus causae haereditariae et aliae majores agitantur et tractantur, et sententiae per eosdem latae robur oblinent firmitatis, ac si in praesentia nostra ferrentur.

Мы уставляемъ, которыи члонки имѣють судить старосты: напервѣй судить о усиство женское, другое о розбои на добровольной дорожѣ, третее о пожогу, четвертое о кгвалты домовын; а въ иныхъ жалобѣхъ не имають судить.

Ustawiamy, aby starosty ziem naszych jinszych rzeczy mimo członki niżej popisane nikakie sądzić nie mieli: gwałt albo fatanie dziewic albo niewiast, sbijanie na gościńcu albo na jawnej drodze albo uczyniony gwałt, pożega a ognia wypuszczenie, nagabanie gwałtowne czyjego przebytku; ale jinszych rzeczy mimo ty członki nie mają mieć mocy sądenia.

¹⁾ Эти слова въ русскомъ переводѣ не находятся. Слово łupieżъ въ значеніи звѣриной шкуры Поляки знали еще въ XVI—XVII вв.; см. словарь Линде.

XVII. Decernimus, quod capitanei terrarum nostrarum non debeant alias causas praeter infrascriptos articulos judicare, videlicet pro violentia feminarum, pro depraedatione stratae publicae, pro incendio et emissionе ignis, pro violentia domicilii alicujus invasione; aliarum autem causarum minime judicandi habeant facultatem.

Другой русскій переводъ вислицкаго статута сдѣланъ ок. 1440 г. побужденіемъ Ванка Кирдеевича изъ Квасилова, кастеляна (пана) холмскаго ¹⁾. Этотъ „Ванко Кирдеевичъ, панъ земли холмской, дворенинъ а рыцерь удатный, изъ рады пана короля Володислава“—говоритъ переводчикъ въ предисловіи къ статуту, „о то былъ сталъ, абы тыто книги правъ польскихъ изъ латинны были въ часку (? руску) ричъ и въ тыхто строгахъ на дальней земли рускин выложены; онъ о тынто книги праведнын статочне стоялъ, абы ему могли изъ чески (?) изъ латинны выложены быть, небо латинны чести невмѣше, але лятеру руску добре чтяше“. Переводчикъ былъ по всей вѣроятности Чехъ или въ русскомъ переводѣ участвовалъ какой-нибудь Чехъ, и зная по опыту близость языковъ чешскаго, польскаго и западно-русскаго, не могъ пропустить случая, чтобъ не заговорить о близкомъ племенномъ родствѣ Чеховъ и Русскихъ: „далеко суть одъ себе тынто земли, Чехи а Руси за леси... суть Чехове люди на западе слошца на горахъ, а люди дощепны; мало отъ руского языка оттаргнены... а Русь есть люди близки ричи свы языка ческа подъ усходемъ слошцемъ. Чехове тыто великими и уснаелыми дощепносцами часы суть свои воевали, а велики вальки по краль Вятславе а

¹⁾ Ванко Кирдеевичъ изъ Квасилова, холмскій кастелянъ, упоминается часто въ грамотахъ 1434 — 1470 гг.; по одной грамотѣ 1438 г. видно, что онъ служилъ уже королю Владиславу Ягайлу; въ русской грамотѣ 1470 г. „Ванко Скердѣевич (!) сын Джусин ис Квасилова панъ Холмъскій“ объявляетъ, что онъ продастъ свою „отчизну и дѣдину“ (11 селъ въ луцкомъ повѣтѣ, въ томъ числѣ и Квасиловъ) князю Семѣну Васильевичу дѣдинчу Збаразскому за „тисяч коп широкихъ грошей чешское монеты.“ (Archiwum książąt Sanguszków I. № 69). Ок. 1500 г. упоминается Кирдей Ванковичъ.

по смерти его и съ цесаремъ Зыгимонтемъ королемъ угорскимъ, и зъ его стороны Немци, Ракушане, Швабы, Дурынки, Харвати, Бавори, Сляжане и съ иными многими суть поступовали“. Въ предисловіи упоминается „князь Казимиръ а нашъ король польска роду“, несомнѣнно братъ польскаго короля Владислава III, избранный Чехами гуситами въ чешскіе короли въ 1438 году ¹⁾. Русскій языкъ этого польскаго статута довольно не удаченъ, и переводъ сдѣланъ подъ вліяніемъ языковъ польскаго и чешскаго; только чешскимъ вліяніемъ можно объяснить нѣкоторыя слова русскаго текста, которыхъ Полякъ употребить не могъ; такъ напр. въ предисловіи вышеупомянутыя слова: удатный (чеш. *udatný*, т. е. храбрый), о то былъ сталъ (*o to był stál*), статочне стоялъ (*statečně stál*), ричи (т. е. рѣчью, чеш. *řečí*), по краль Вятелаве (*po král Václavě*), названія упомянутыхъ народовъ вполне чешскія: *Rakušané, Durynkové, Bavoři, Slezané, Charvátí*, и пр. Такъ и въ самомъ текстѣ статута: дѣти цо летъ немаи (*děti co let nemají*), седлакъ, прото седлаи въ той вси быдлаици (*proto sedláci v té vsi bydlíci*) разгрешити (*rozgřešiti*), кнѣжата (*knížata*), опытати (*opytati, optati*), посвятиный (*posvátný*), небъ (*neb*, нбо), окончанія—*елъ*,—*елъ*, и пр. ²⁾. Приведемъ изъ этого русскаго перевода вислицкаго статута одну выписку (изъ постановленія архіепископа Ярослава о десятинахъ), вмѣстѣ съ польскимъ переводомъ 1449 г. и съ латинскимъ подлинникомъ:

¹⁾ Это обстоятельство опредѣляетъ ближе время русскаго перевода, т. е. скоро послѣ 1438 г. О симпатіяхъ карпатскихъ Русскихъ къ гуситскимъ Чехамъ см. „Славяне“ III. 58.

²⁾ Этотъ русскій переводъ вислицкаго статута помѣщенъ въ рукописномъ сборникѣ 1520 г., хранившемся до 1827 г. въ супрасльскомъ монастырѣ. Даниловичъ издалъ изъ этого сборника литовско-русскую лѣтопись: *Latopisiee Litwy (w Wilnie 1827)*; здѣсь на стр. 9 и 325 описанъ супрасльскій сборникъ; срв. тоже статью Даниловича о литовскихъ лѣтописяхъ въ варшавскомъ изданіи хроники Стрыйковского 1846, I. 56. Раньше эта рукопись была въ рукахъ Сосновскаго, который напечаталъ изъ вислицкаго статута нѣсколько выдержекъ (*Dziennik Wileński 1822, II. 277*) со многими ошибками, латинскимъ письмомъ и польскимъ правописаніемъ. Предисловіе см.

Кды жака забиють, такежъ кде и ксенза алибо жака посвецоного, былъ бы раненъ а не забить, тоготъ мястя костель алибо церковь правемъ суть положоны во посвятныхъ обходехъ, а прото въ немъ служба божия неима быти о бозе такъ длуго, ажъ тенъ злосникъ ксензю бискупу поданъ будетъ; а естлижбы тенъ злосникъ не могъ улапанъ быти, тогда тито селаци имаю присячь, нжъ его влапшти немогли, ани таки причини давали, абы втеклъ; тогда бискупъ има костель разгРЕШИТЬ зася ку службе божии.

Gdzie żak święcony albo kapłan był by zabity, uranion, ufacon, jąt albo w jątstwie dzirżan, tam cirkiew (r. 1460 и 1503: parrachia, parochia), albo cirkwi, acz jich wiacej jest, prawem albo ot prawa się zapowiedzany, to jest iż interdykt w nich samem prawem położon, a tego dla w nich urząd służby bożej niema być przez kapłany czynion, ale winowaciec ksiądzu biskupowi bądźcie podan, jen nie bądźcie-li być moc ufacon albo jąt, tedy przebywacze tego miasca (r. 1460 и 1503: kmiecie onej wsi albo miasta) przysiągą, jako winowacца jąc nie mogli ani jemu przyczyny uciecienia dali, zatym biskup albo jego namiastnik włoży zapowiedź lubo interdykt prawem położony, to jest odpuści (1460 и 1503: ma dać rozgrzeszenie) wspiewać i jinszych urząd cirkiewny czynić jako pirzwej, ale wždy złostnik ten ma być sbiegiem i przez kogokole ufacon może być, ksiądzu biskupowi podan bądź a kłat ma być rozumien, aliż dosyc uczyni.

тоже у Вишневекаго *Historya literat. pol.* VIII. 442. По словамъ „въ часку ричь“ и „изъ чески изъ латини“—очевидной безсмыслицъ, происшедшей отъ неумѣнья Сосновскаго читать русское письмо—Бѣлѣвскій (*Biblioteka Ossolińskich* 1864, 182) и I. Пречекъ (*Časopis. Česk. Musea* 1875, 168) совершенно произвольно говорятъ о „ческомъ“ переводѣ вислицкаго статута. Нынѣ супрасельскій сборникъ затерялъ; срв. нашу замѣтку въ *Трудахъ VI археолог. съѣзда* (Одесса 1886,

Praeterea ubi clericus ordinatus, vel presbyter esset occisus, captus, vulneratus vel detentus, illius loci ecclesia vel ecclesiae, si fuerint plures, jure sint interdictae; et ideo in eisdem divinum officium non debet celebrari, quousque malefactor domino episcopo tradatur; qui si comprehendi non poterit, tunc habitatores ejusdem loci praestabunt juramentum, quod malefactorem deprehendere non potuerunt, nec occasionem effugiendi dederunt; extunc ordinarius sollet interdictum a jure statutum; et nihilominus malefactor sit proscriptus, et per quemcunque capi potuerit, domino ordinario tradatur, et omnino excommunicetur.

Русскій переводъ этихъ коронныхъ статутовъ представляетъ наглядно всѣ тѣ перемѣны въ жизни коронной Руси, которыя начались съ половины XIV в., распространялись все больше и наконецъ узаконены коронными статутами, обязывающими съ 1435 г. тоже русскія коронныя земли. Шляхта воеводствъ русскаго и подольскаго дѣлается такимъ же политическимъ факторомъ государственной жизни Польши, какъ и шляхта Польши Малой и Великой и Мазовіи, посылаетъ въ польскій сенатъ своихъ сенаторовъ (епископовъ католическихъ, но не православныхъ, воеводъ, кастеляновъ), и въ избу посольскую своихъ пословъ (депутатовъ). Статуты вислицкій и вартскій не представляютъ еще политическаго устройства Польши въ той полнотѣ, въ какой оно является со второй половины XV в. и въ какой оно опредѣлено статутомъ Ласкаго 1506 г.; поэтому польскій парламентаризмъ не опредѣленъ еще въ тѣхъ двухъ статутахъ, не говорится напр. о сеймахъ и сеймикахъ (какъ назывались эти собранія и по-русски), и словомъ „соймъ“ означаетъ наивысшій судъ — вѣче (wiece); кромѣ того переводчикъ вислицкаго и вартскаго статутовъ, имѣя въ виду особенность политическаго и юридическаго устройства коронной Руси, не передаетъ во всей точности обязанностей воеводъ и кастеляновъ. Но въ остальномъ и въ русскомъ текстѣ коронныхъ

I. 307). Замѣтимъ еще, что, переписывая русскій текстъ русскимъ письмомъ съ изданія Сосновскаго, мы, конечно, не ручаемся за его исправность.

статутовъ является все устройство Польши,—польское право, которымъ управлялись паны, шляхта, рыцарство, земляне, со своими урядниками, называемыми по-польски: староста, подеудокъ, подкоморій, оправца, коморникъ, служебникъ, владарь, буркграбя; кметы (рѣдко: селяне) на правѣ польскомъ и нѣмецкомъ, и начальники послѣднихъ—шелтысы; вся юридическая терминологія польская: роки, поводъ и супоръ (тоже вишоватый), речникъ, злодѣй, мужебойство, вины 15 и 70, паметное, закладъ или отсжаніе (ciąża, ciążanie) или дѣцкованіе (dzieckowanie, pignoratіo); опекальникъ (opiekadlnik) ¹⁾, отчизна (ośczyzna, imienie ośczyzne), материзна (macierzyzna), пустовщина (puścina, puścizna), и пр. Нѣкоторыя изъ такихъ названій и юридическихъ терминовъ общеславянскія, польскія и русскія, напр. староста, судья, писарь, злодѣй, дѣдичъ, дѣдина и пр., но они приняты на Руси подъ вліяніемъ польскимъ извѣстное значеніе, равнымъ образомъ какъ нѣкоторыя русскія слова и термины приняты и Поляками, жившими на Руси. Такъ напр. русскій переводчикъ статута употребляетъ слово *владарь* (włodarius, wladarius, włodarz), хотя могъ употребить русское *тивуно*, извѣстное и въ судебныхъ актахъ XV вѣка (wladarius alias tywon) ²⁾. Слово *злодѣй* приняло у западныхъ Славянъ болѣе опредѣленное значеніе вора,—древнерусскій *тать*; хотя злодѣй тоже у карпатскихъ Русскихъ стало означать вора, но старинное тать сохранилось въ судебныхъ актахъ—otaćbić (otaćbił alias obwinil złodziejską winą, 1455). *Дѣтскіе* (*Дѣцкіе*) въ смыслѣ молодой служби княжеской и боярской, отроковъ, пасынковъ, были хорошо извѣстны на Руси ³⁾ и означали позднѣе въ литовской Руси низшихъ судебныхъ чиновниковъ; можетъ быть, что дѣтскіе были и въ Польшѣ, судя по слову dzieckowanie; львовскій dziecki въ актѣ 1446 г. можетъ быть и русскаго

¹⁾ Это слово (латин. tutor) встрѣчается уже въ русской грамотѣ литовскаго князя Семена Лыгвенія 1389 г., изданной въ польскомъ Судомирѣ.

²⁾ Обязанности тивуна описаны напр. въ двухъ перемышльскихъ актахъ; см. Akta grodzkie i ziemskie XIII. № 472, 4727.

³⁾ См. „Славяне“ I. 136.

пронсхожденія. Общеславянское *дѣдичъ* (латин. *heres*) земле-
владѣлецъ, —собственникъ, господарь, и князь государь: у Рус-
скихъ, кромѣ дѣдича, употреблялось тоже слово *отчичъ*; такъ
назывались (дѣдичъ и отчичъ) князья русскіе, московскіе, литов-
скіе и галичскіе ¹⁾. Это слово сохранилось въ карпатской Руси
до XV вѣка, и употреблялось не только въ русскомъ переводѣ
внѣшникаго статута: отчичи аиѣбо дѣдичи (латин. *heredes*, поль.
только *dziedzicy*), а также въ латинскомъ языкѣ судебныхъ актовъ.
Дѣдичи или отчичи владѣли своими землями: дѣдинами, отчинами
(поль. *dziedzina*, *ośczyzna*), имѣніями дѣдичными (*imienie ośczy-
zne*), дѣдичьствами или отчичьствами, тоже бабизнами, или, какъ на
Руси позднѣе стали говорить на польскій ладъ, отчизнами, мате-
ризнами (*macierzyzna*), бабизнами (*babizna*); все это земли дѣ-
довъ, отцовъ, матерей-бабъ (*hereditates*, *patrimonia*, *bona pa-
terna*, *materna* — *matrimonialia*, *avalia* — *avalitates*) ²⁾.

Кромѣ юридическихъ терминовъ въ русскій переводъ внѣш-
никаго и вартскаго статутовъ вошло нѣсколько польскихъ словъ не
передѣланныхъ на русскій ладъ, напр. *пани*, *павна*, *певѣста* (т. е.

¹⁾ Въ галичско-волинской лѣтописи разсказывается, что въ
1190 г. „галичкши мужи сръѣтоша Володимера Ярославича, князи
своего и дѣдича“, а въ 1208 г. галичскіе бояре говорили угорскому
королю: „дай намъ отчича Галичю Данила.“

²⁾ Срв. въ актахъ львовскихъ 1444 г.: *heredes alias oścziezno-
we et terrigene ab antiquo Rutheni*; въ актахъ львов. 1443—1444 г.:
bona materna et paterna alias babizna у *ośczizna*, въ актахъ галич-
скихъ 1472 г.: *porcio matris et avae alias babina*; въ актахъ пере-
мышльскихъ 1445 г.: *villa patrimonialis alias ośczizstwo*) и пр. Въ
русскихъ грамотахъ второй половины XIV в. и начала XV в.: дѣ-
дичьство, дѣдицтво, дѣдина, дѣдьянина, дѣдинина, вотнина, отчичи—
вотнични. Дѣдинами владѣли не только семьи, а цѣлые роды или
племена. Слово *отчичъ* было извѣстно и древнимъ Полякамъ: *oście*
(отъ *ościec*, какъ *dziedzic* отъ *dziad*), позже *ojczyc*, *ojcowie*, это сло-
во означало первоначально несомнѣнно то, что *dziedzic*, а въ XVI—
XVII вв. — сынъ отца, сынъ отечества, но тоже, подъ литовско-рус-
скимъ вліяніемъ, отчичей—подданныхъ (см. словарь Линде). Кажет-
ся, что и Чехи знали это слово *otčie=dědic: čtšní otčici, všie šlechtý
předci dědici* (Alexandreis).

жена), малжонка, хоруговь (choragięw, т. е. знамя), моць, речъ (т. е. вещь), кгвалтъ, члопокъ, скарбъ, брониѣ (bronnie), готовизна (gotowe pieniądze), вымовляти, злюбити (ślubić), ошацовати, варовати ся, частокротъ (—kroć), польскія формы именъ Якубъ, Кондрать, Идій, Идрихъ, и др. ¹⁾). Русскій переводчикъ употребляетъ слова: бискупъ, прелать, ксенъ, каплаиъ, жакъ; ecclesia (католическая) переводитъ: церковь (такъ и польскій переводчикъ: currekiew), рѣдко костелъ. Видно, что противоположность обонхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, польскаго и русскаго, все больше выступала, и латинско-польская церковная терминологія входила въ употребленіе у Русскихъ для католицизма, а греческо-русская у Поляковъ для православія ²⁾). Въ латинскихъ грамотахъ, относящихся къ карпатской Руси, и въ судебныхъ книгахъ русскихъ земель церковная православная русская терминологія остается непереведенною на латинскій языкъ: wladica, poro, batko—baytko, iumen—humion, и др. ³⁾).

Въ русскомъ текстѣ польскихъ статутовъ осталось не много древнерусскихъ терминовъ: отчичъ, дѣдичъ, дѣдичьство, племенникъ (членъ племени-рода), дѣцькованье, селяне (изрѣдка подлѣ обыкновеннаго кметн), село (тоже на польскій ладъ: весь), dospѣшый людъ (armata militia, harnaszowa ślachta) и пр. Вообще

¹⁾ Въ статьѣ 96 „о голотахъ“ встрѣчается „слуга реченый уломокъ“, т. е. famulus qui dicitur golomaka (въ другой рукописи włomek, вѣроятно испорчено вм. golomek), поль. parobek już rzeczony po polsku golomaka, изд. Гельцеля § 94); въ позднѣйшихъ изданіяхъ famulus dictus golota aut alias oblomek (Volumina legum I. 36), sluga czyj rzeczony golota albo inaczěj oblomek (Herburt Stat.).

²⁾ Напр., въ русской грамотѣ 1404 оба перемышльскіе епископы, католическій и православный, называются еще бискупы: мы бискупи Мацѣй премыски и Ованасей владыка премыски; въ русской грамотѣ 1415 г.: князь архибискупъ львовекій по польскому ksiądz arcybiskup; въ русской грамотѣ польскихъ сенаторовъ въ Молдавію 1433 г. духовные сенаторы называются бискупами: іарцибискупъ гиѣздепекки, бискупове краковекки, познанекки, холмекки, влоцлавекки.

³⁾ См. выше, стр. 46. О древнепольскихъ словахъ currekiew, poro; см. „Славяне“ III. 213.

въ русскомъ переводѣ коронныхъ статутовъ сохранилось менѣе слѣдовъ древнерусскихъ словъ и учреждений, чѣмъ въ русскихъ грамотахъ второй половины XIV в. и начала XV вѣка, или даже въ латинскихъ грамотахъ и актахъ XIV — XV вв., издаваемыхъ въ коронной Руси и для нея.

Русскій переводъ статутовъ виленицкаго и вартскаго, сдѣланный частнымъ образомъ, служилъ только частнымъ потребностямъ карпатской Руси. Со времени введенія польскаго права въ этой Руси упогребленіе русскаго языка въ официальныхъ документахъ—явленіе и до того времени довольно рѣдкое — совсѣмъ прекратилось. Во всякомъ случаѣ скоро миновало время, когда можно было сказать о русскихъ панахъ, что они не знали по-латыни, а читали хорошо по-русски; латинскіе статуты коронные сдѣлались болѣе или менѣе понятными и русской шляхтѣ около Перемышля, Холма, Львова и Каменца, равнымъ образомъ какъ и польской шляхтѣ на Руси, въ Польшѣ Малой и Великой, и въ Мазовіи. Въ судахъ и сеймикахъ русская шляхта говорила по-русски или по-польски, подражая своимъ польскимъ собратьямъ; по всѣ судебныя дѣла, приговоры, постановленія записывались на официальномъ языкѣ латинскомъ, тѣмъ болѣе, что урядники (чиновники) были почти все Поляки. То, что практиковалось уже въ судахъ еще во время „русскаго права“, т. е. что въ судебныхъ книгахъ въ латинскіе акты примѣшивались польскія слова ¹⁾, происходило потомъ и въ судебныхъ актахъ и другихъ документахъ въ воеводствахъ русскомъ, подольскомъ и белзскомъ. Вся юридическая терминологія была, конечно, латинско-польская (*fidejussio*, *hereditas*, *memoriale*, *pignoratio*, *terminus*, *dziedzina*, *cięża* — *dzieckowanie*, *ramiętne*, *posag*), равнымъ образомъ и другія нелатинскія, славянскія слова и цѣлыя фразы, роты (формулы присягъ), попадающіяся въ латинскихъ грамотахъ и актахъ,—польскія, при чемъ объясненіе латинскаго слова польскимъ сопровождается часто словами: *alias*, *vulgariter*.

Подобно тому и географическая номенклатура Руси, названія городовъ, селъ, горъ, рѣкъ, урочищъ и пр., передавалась По-

¹⁾ См. выше стр. 83 (объ актахъ саноцкихъ).

ляками, польскими писарями на польскій ладъ, хотя часто сохраняла и подъ руками польскими свою русскую форму. Такимъ образомъ являются формы Przemyśl—Перемысль, Chelm—Холмъ, Gródek—Городокъ, Trębowla (Trzebowla въ XVI в.)—Теребовль, Działoszyce—Дѣдошичи, но также русскія формы Halicz, Horodło (Hrodło), Hrubieszów, Podhajce, Plebowice, Nawyłów, Horyslawice, Drewlany, Dublany, Uherce, Horodnyca, или двойныя формы: Dolhe—Dluhe—Długie, Werbeża—Werbież, Czeſtin—Częſtin, Dubrowlany—Dąbrowiany, Czortoryje—Czartoryje, Tolstobaby—Tłustobaby, Bortniki—Bartniki, Połowce—Płowce, Hruszowice—Gruszowice, Kniaża Dąbrowa, и пр. Польскія формы многихъ названій урочищъ въ русскихъ имѣніяхъ объясняются тоже присутствіемъ въ этихъ земляхъ польскаго населенія ¹⁾, которое могло употреблять такія польскія названія, напр. Trzy Dęby, Długi Potok, rzeka, błoto, рядомъ съ русскими: Tatowy Czerteży, ustie (русское устье)—uście, wirchowiny—wierzchowiny, połoniny—ploniny ²⁾, и пр. По съ другой стороны такія польскія формы географическихъ названій въ русскихъ земляхъ являются просто какъ результатъ польскаго происхожденія писцовъ, которые русскія названія часто писали на свой польскій ладъ. Равнымъ образомъ и Русскіе произносили и писали на свой ладъ Судомиръ (Sandomierz), Лучица (и Ланчица, Lancieja—Łęczycza) и др.; даже въ русскихъ актахъ Поляковъ встѣчаются такія русскія формы польскихъ именъ и названій, напр. Судивой (Sandiwoj—Sędziwoj), Мужикъ з Дубровы (Mężyk z Dąbrowy), Заруба (Zaręba), Судомиръ (Sandomierz), Брѣсть ((Brześć), Межирѣчье (Międzyrzecze),

¹⁾ Селенія Лянки, Ляцкое и др. въ русской Галиціи, давно уже русскія, были сначала дѣйствительно „лядскія“. Срв. Як. Головацкаго Карпатская Русь (Ж. М. Н. П. 1875, кн. 179, стр. 365), повторено тоже въ I т. его сборника пѣсень галицкой и угорской Руси.

²⁾ Другиѣ пишеть: montes et silvae provinciarum Russiae, qui połoniny nuncupantur; писари судебныхъ актовъ пишутъ часто ploniny. Русское полонина = югослав. планина. Срв. Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси, изд. Я. Головацкимъ, I. 577.

Ляда (Lęda), рядомъ съ польскими формами Влодиславъ, Марцинъ, Войцехъ, Ланчица, Влоцлавъ и пр. ¹⁾ Обрусеніе и ополяченіе коснулось даже именъ лицъ; такъ напр. Полякъ Иво изъ Обыхова, староста русскій (въ началѣ XV в.), называется въ грамотахъ русскихъ и польскихъ по-русски Иванъ (Iwo alias Iwan), галичскій воевода Zaludz (1435—1436, т. е. Жалудъ) называется обыкновенно Zolaḍz (Żolaḍz), сынъ пана Ходка Головенчича (Polowieneczycz) называется Jacko Głowieneczycz, и пр.

Писари латинскихъ актовъ и документовъ на Руси—какъ Поляки—употребляли польскія формы географическихъ названій и примѣшивали и польскія слова и фразы; но случалось тоже, что писарь, живя долго на Руси, привыкши къ тамошнему русскому нарѣчію, слыша его и передъ судомъ, иногда помимо воли поддавался ему, и употреблялъ изрѣдка и русскія слова и формы. Нѣкоторыя исключительно русскія названія разныхъ русскихъ учреждений оставались и въ латинскихъ (позже и въ польскихъ) актахъ, напр. *władyka*, *pop*, *dyak* и вся русская церковная терминологія, даѣе *bojari*, *homines kalanny*, *setny*—*sofny*, *ciągły* (тяглый), *ordyniec*, *wojewoda* (русскій), *setski*—*sotski*, *dziecki*, *tywon*, *krajnik*, *kniaz*, *wataman*, *zbor*, *kunica*—*kuniczne*, *prazniczne*, *pojemszczyna*, и пр. Кроме того изрѣдка попадаютъ въ латинскихъ актахъ русскія слова и формы случайно вмѣсто польскихъ, напр. *sudza* (судья, поль. *sandza*—*sędzia*), *pokoru* (обыкновенно *pokora*—*humiliacionem*), *słuha*, *boho* (въ польской присяжной ротѣ вмѣсто *bog*), *grossi prahenses* (*pragenses*), *otaćbić* (татъ), *oćczye* (отчичъ), *tretina*, *czetwertnia*, *kniaz* (староста села по волошскому праву), но также на польскій ладъ *knedz*, *kniadz*, *kniądz*, *ksiądz*—*ksią-*

¹⁾ Срв. русскую грамоту польскихъ сенаторовъ 1433 г. молдавскому воеводѣ Стефану (Уляницкій: Матеріалы, 37). Въ этой грамотѣ встрѣчается тоже польское слово *столечники* (въ переводѣ статута вислицкаго 1460 г. *stolnik*, 1503: *stolecznik*), т. е. савовники, пользующіеся правомъ сидѣть на стульяхъ (*stol*, *stolec*, *stolica*, *krzesło*). Это слово перешло тоже въ западно-русскій языкъ, въ одну библію XVI в. „столечникомъ и бояромъ земьскимъ“, польск. *starostowie i książęta* (Владиміровъ о Скоринѣ, 240).

stwo, и пр. ¹⁾. Этому влиянію языка русскаго на польскій поддавались болѣе или менѣе не только писари актовъ и документовъ, но также другіе Поляки, жившіе между Русскими. Такъ напр. въ одной латинско-польской рукописи ок. 1462 — 1468 г., списанной во Львовѣ доминиканцемъ происхожденія польскаго или русскаго, встрѣчаются изрѣдка такія формы: *światu wiara*, *łaju*, *maju* (вмѣсто *maja*), *koruści* (вм. *korzyści*), *recz* (вм. *rzecz*), *wyrzeczono*го (вм.—его, по русскому—оно) ²⁾.

Со времени введенія польскаго права въ коронной Руси русскій языкъ, употребляемый и до тѣхъ поръ довольно рѣдко, исчезъ изъ публичной жизни и совсѣмъ уступилъ мѣсто языку латинскому, а позже польскому. Польскіе короли писали на Русь по латыни, и только очень рѣдко и по-русски, какъ напр. король Сигизмундъ I (1535) перемышльскому епископу Лаврентію и пану Рагозинскому. Въ рядахъ русской шляхты карпатской Руси ихъ родной языкъ или скорѣе знаніе его письма приходило мало-по-малу въ забвеніе; она, хотя и говорила еще долго послѣ принятія католицизма на своемъ языкѣ, въ судахъ, сеймикахъ, вѣчахъ и въ частной жизни ³⁾, все-таки признавала офиціальнѣй латинскій языкъ. Поэтому уже въ первой половинѣ XV в., особенно послѣ водворенія польскаго права, оказалась необходимость переводить русскія грамоты на офиціальнѣй языкъ латинскій, а позже и польскій; такія русскія грамоты предъявляли Бибельскіе, Мальчицкіе, Свистельницкіе, Дѣдошницкіе, Замостьскіе, Шенцицкіе, епископы

¹⁾ Если въ судебныхъ книгахъ коронной Руси XV в. встрѣчается форма *wnik* рядомъ съ *wnaк*, то и первая форма (безъ носового звука)—польская; обѣ формы встрѣчаются тоже въ краковскихъ судебныхъ книгахъ XV в. (*wnaпк*, *wnik*). Срв. „Славяне“ III. 202.

²⁾ *Sprawozdania komisji językowej akademii* I. 21.

³⁾ Любопытный примѣръ русской рѣчи въ судахъ записанъ въ актахъ львовскихъ 1446 г., о чемъ срв. выше, стр. 67. Русскіе земляне Лопатичи Чеперовскіе, въ числѣ свидѣтелей своихъ правъ отчичей на отчину, приводили тоже „шляхтичей Ляховъ“—причемъ они подразумѣвали нѣсколькихъ окатоличившихся русскихъ землянъ; а городскій писарь написалъ въ латинскомъ актѣ необыкновенное слово „*nobiles Lachos*“—вмѣсто *Polonos, christianos* (т. е. *catholicos*).

перемышльскій и львовскій, и другіе шляхтичи и священники, часто съ просьбою перевести ихъ на языкъ латинскій ¹⁾. Въ числѣ такихъ грамотъ нерѣдко предъявлялись тоже грамоты подложныя, напр. князя Льва Даниловича. Русскія грамоты и ихъ переводы, латинскіе и польскіе, записывались тоже въ коронной метрицѣ и въ судебныхъ книгахъ XVI—XVII вѣковъ въ русскомъ подлинникѣ или въ польско-латинской транскрипціи. Въ польскихъ, иногда и въ латинскихъ переводахъ, сохранялись нѣкоторые русскія слова, не говоря уже о церковной терминологіи (władyka, por, cerkiew и пр.), напр. kniaz, wojewoda (русскій), cierz, samodziżec, horodyszeze, hramota — ramota, kuna, и др. ²⁾. Польскіе переводы оказались нужными по мѣрѣ водворенія польскаго языка, какъ офиціальнаго, и его распространенія и употребленія среди русской шляхты въ воеводствахъ коронной Руси; даже протесты православныхъ Русскихъ противъ притѣсненій львовскихъ православныхъ изъ народа русскаго Поляками „rosluszeństwa papieskiego“ записаны въ львовскихъ городскихъ книгахъ (1592, 1595) по-польски. Также въ дѣлахъ русскихъ кметей по волошскому праву уже рано сталъ употребляться польскій языкъ, какъ видно напр. по польскимъ письмамъ сельскихъ „князей“ 1544 и 1558 гг. ³⁾. Март. Кромеръ, въ описаніи Польши

¹⁾ Такъ напр. въ 1530 г. львовскій землянинъ І. Мальчицкій предъявилъ русскую грамоту 1407 г. королю Сигизмунду, съ просьбою „illud privilegium suum de ruthenico idiomate in latinum transferri et innovari“.

²⁾ См. въ *Aktach grodzkich i ziemskich* I. № 4, 5, 60; III. № 84, 87, V. № 27, VI. № 12, VII. № 26, въ метрицѣ коронной кн. 77, стр. 166, у Поцѣя *O dziesięcinach na Rusi* 21, *Dodatek do Gazety lwowskiej* 1853, № 12, и др. Составляя подложныя русскія грамоты будто-бы XIII—XIV вв., авторы употребляютъ ополяченный русскій языкъ XVI в.: кроль, царь и царь самодръжець, метрополитъ, православной вѣры, грецкой (а не греческой), землямъ, прѣмьскій и др.; они знаютъ и „боярь“ въ древнерусскомъ значеніи, хотя въ XVI в. „бояре“ Руси Червоной и подольской уже не означали земель—шляхты. См. выше, стр. 62.

³⁾ *Supplementum ad hist. Russiae monumenta*, 151, A. Stadnicki: *O wsiach wołoskich*, 47 (первая намъ извѣстная записъ на поль-

1573 г., замѣчаетъ, что въ коронной Руси, особенно на югѣ, употребляется почти больше нарѣчіе польское, чѣмъ русское, такъ какъ со времени польскаго господства на Руси Поляки охотно тамъ поселялись вслѣдствіе плодородной почвы и борьбы противъ Татаръ ¹⁾).

Русскій языкъ употреблялся съ XVI вѣка рѣдко, преимущественно въ дѣлахъ церковныхъ, православною русскою шляхтою, мѣщанствомъ, духовенствомъ. Такъ напр. въ началѣ XVII в. панъ Иванъ Ключъ записался въ книгу церковнаго братства львовскаго по-русски (1600), паны Адамъ и Александръ Балабаны, основывая и жалуя одинъ монастырь, употребили въ своихъ грамотахъ, первый — русскій языкъ (1612), а второй — польскій (1629). На польской грамотѣ объ избраніи львовскаго владыки (1641) православные духовные подписались по большей части еще по-русски, а нѣкоторые по-польски; изъ присутствовавшей православной шляхты изъ воеводствъ русскаго и подольскаго большинство (81) подписалось уже по-польски (Jerzy Zamojski, Jerzy Bałaban, Prokop Tysarowski, Andrzej Czolhański, Theodor Winnicki, Stefan Szumlański, Elias Swistelnicki, Bazyli Rozniatowski, Alexander Balicki, Wasko Jaworski, Roman Popiel, Gabriel Kulczycki, Jordan Dobrański, Jan Przedymirski, Fedor Żurakowski, и др.), и только меньшинство (30) еще по-русски (Юрій Рознятовскій, Феодоръ Балицкій, Павелъ Предмирскій, Миколай Яворскій, Иванъ Попель, Федоръ Куляницкій, Иванъ Добрянскій, и др.). И русское письмо дѣлалось среди русской шляхты менѣе обычнымъ, чѣмъ польско-латинское; поэтому и тѣ Русскіе, которые употребляли еще свой родной русскій языкъ, иногда стали его писать письмомъ польско-латинскимъ; такъ напр. на одной церковной книгѣ написалъ (1686) Andrey Żurakowski woyski zemski Halicki: Syia knyha kuplena ot

скомъ языкѣ 1544 г. въ городскихъ книгахъ перемышльскихъ), *Dodatek do Gazety lwow. 1853, № 17.*

¹⁾ *Polonia sive de situ, populis, moribus et republica regni polonici (Coloniae 1578, p. 46).*

mene mnohohrisznoho do sela Turi do chramu Preswiatoy Bohorodicy, aby precz neodbytana proszu ¹⁾).

Русскій языкъ, уступая въ корошней Руси латинскому, а позднѣ польскому, сохранился дольше въ сношеніяхъ Польши и карпатской Руси съ сосѣднимъ молдавскимъ княжествомъ. Земля по рѣкамъ Пруту и Днѣстру до устьевъ Дуная издавна заселена была тоже русскими племенами, которыя находились въ постоянныхъ сношеніяхъ и въ зависимости отъ галичской Руси; еще въ началѣ XII в.—по словамъ русскаго лѣтописца —жили русскіе Тиверцы въ своихъ городахъ по Днѣстру до устьевъ Дуная и до Чернаго моря въ „Великой Сквири“, а въ концѣ этого вѣка пѣвецъ „Слова о полку Игоревѣ“ восхваляетъ галичскаго князя Ярославъ Осмомысла, что онъ „подперъ горы уторскыи своими желѣзными плъки, заступивъ королеви (угорскому) путь, затворивъ Дунаю ворота, суды ряда до Дуная“. Русское населеніе сохранилось въ этихъ земляхъ до позднѣйшихъ временъ, когда здѣсь распространились Волохи (Румыны) и основали княжество молдавское—съ устройствомъ и культурою славянскою, именно русскою ²⁾. Въ православной церкви молдавской, равнымъ образомъ какъ и волошской, и между Волохами въ Угріи и Семиградіи, употреблялся словѣнскій языкъ болгарскаго извода, а этотъ изводъ распространился тоже въ карпатскую Русь и въ первыя старопечатныя книги словѣнскія, изданныя въ Краковѣ ³⁾. Молдавскіе воеводы или господа, жупаны-саповники, бояре были ревностные поборники православія, которое поддерживали и на Руси и въ болгарскихъ странахъ до Охриды и до Св. Горы Аѳонской;

¹⁾ См. Сводная галицко-русская лѣтопись 1600—1772 гг.

²⁾ О сношеніяхъ Русскихъ и Волоховъ см. въ статьѣ Я. Головацкаго: Карпатская Русь (Ж. М. Н. П. 1875, кн. 179); срв. тоже А. Jabłonowski: Sprawy wołoskie za Jagiellonów (Źródła dziejowe X, Warszawa 1878). Разные русскіе акты Молдавіи см. въ сборникахъ: Акты западной Россіи, Акты южной и западной Россіи, Памятники дипломат. языка русскаго въ древнемъ галицко-володимирскомъ княжествѣ, Akta grodzkie i ziemskie, въ сборникахъ Хаждеу, Яблоновскаго, Уляницкаго и др.

³⁾ См. „Славяне“ II. 550, 559, 572.

они писали по словѣнско-болгарски, а въ сношеніяхъ съ Русью польскою, литовскою и московскою—по-русски; на русскомъ языкѣ писали имъ тоже изъ королевской канцеляріи польской, нѣкоторые пограничные папы польскіе (напр. Бучацкіе), хотя обыкновенный дипломатическій языкъ между Польшею и Молдавіею былъ языкъ латинскій. Молдавскіе господа признали во второй половинѣ XIV в. верховное владычество польскихъ королей, но не всегда его признавали, а часто оспаривали. Это вело къ частымъ войнамъ между Польшею и Молдавіею, такъ что „Волохъ“ (молдавскій) считался такимъ же врагомъ Польши, какъ и Турокъ, Татаринъ, Москаль; оно и понятно, если принять во вниманіе, что молдавскіе воеводы, повелители православныхъ Волоховъ и Русскихъ, восприняли отъ князей карпатскихъ Русскихъ роль поборниковъ православія противъ наступательнаго движенія католическо-польскаго элемента; они, дѣйствительно, долго останавливали стремленіе на русскій востокъ католическихъ Поляковъ, которые, завладѣвши карпатскою Русью, все стремились дальше на юговостокъ, къ устьямъ Дуная и къ Черному морю и старались и здѣсь насаждать свою культуру. Это имъ хоть отчасти удалось. Скоро дипломатическій русскій языкъ между Молдавіею и Польшею уступилъ мѣсто латинскому; а съ первой половины XVI в. входитъ въ употребленіе и языкъ польскій ¹⁾. Въ государственный строй Молдавскаго воеводства входятъ въ употребленіе тоже нѣкоторые польскіе порядки и названія, напр. панъ, панове рада, староста, прѣколабъ (бургграфъ) и др. Въмѣстѣ съ тѣмъ и католическая пропаганда стремилась въ Молдавію, хотя съ небольшимъ успѣхомъ ²⁾. По мѣрѣ повсемѣстнаго ополяченія шляхты

¹⁾ Срв. напр. польскіе договоры между королемъ Сигизмундомъ I и воеводою молдавскимъ Стефаномъ 1519 и 1527 гг. (*Acta Tomiciana* V. 90, IX. 172).

²⁾ Въ 1571 г. удалось обратить въ католицизмъ около двухъ тысячъ угорскихъ гуситовъ (*Ungari, qui prius sequebantur haeresim Joannis Hus*) Молдавіи, гдѣ гуситство распространялось уже ок. 1430 года (срв. *Codex epistolaris saec. XV*, t. II. 254, 290, и „Славяне“ III. 94); см. о томъ письму секретаря каменецкаго епископа папскому нунцію въ Польшѣ (*Theiner, Vetera Monumenta Poloniae* II. p. 762).

и мѣщанства въ коронной Русн польскій языкъ входилъ въ употребленіе все чаще и въ сношенія молдавскихъ воеводъ съ православными русскими „бургарами (брѣгарами)“, Львовянами, съ ставропигійскимъ братствомъ; уже во второй половинѣ XVI в. и особенно въ XVII в. молдавскіе воеводы употребляютъ въ этихъ сношеніяхъ польскій языкъ, и на такомъ же языкѣ пишутъ воеводамъ и Львовяне, именно съ XVII вѣка ¹⁾).

Со времени польскаго господства въ карпатской Русн измѣнился характеръ древнихъ *городовъ*, которыхъ было здѣсь много: Санокъ, Перемышль, Ярославль, Галичъ, Львовъ, Звенигородъ, Тересовль, Коломыя, Белзь, Холмъ, а въ волинской Русн Володимиръ, Луцкъ и др. Въ этихъ русскихъ городахъ уже давно поселялись — на болѣе или менѣе продолжительное время — иностранцы, именно гости (купцы): Пѣмцы, Ляхи, Чехи, Угры, Татары, Жиды и др.; въ Холмѣ въ XIII в. поселились не только Русскіе, а также Пѣмцы, Ляхи и другіе „иноязычники“; такъ и въ Володимирѣ—Пѣмцы; и во Львовѣ рядомъ съ Русскими жили тоже Жиды, Татары, Армяне, Пѣмцы и др. Но всѣ эти иноплеменики въ городахъ югозападной Русн не исключались изъ-подъ общаго русскаго права; въ русскихъ городахъ не образовались особыя общины иноплеменниковъ, какъ это было въ сосѣдней Польшѣ. Здѣсь въ XIII в. на мѣстѣ древнихъ славянскихъ городовъ возникали особыя нѣмецкія *мѣста*, а вмѣстѣ съ ними и нѣмецкія села; жители мѣстъ, *мѣщане* или *мѣстичи*, и жители по-выхъ или вновь устраиваемыхъ селъ (всей) управлялись своимъ особымъ нѣмецкимъ правомъ, въ противоположность земскому польскому праву, съ своими избираемыми бурмистрами и радцами, войтами, шолтысами (шелтысами) и лавниками и пр. ²⁾. Всѣ эти перемены въ общественномъ и государственномъ строѣ Польши были, конечно, хорошо извѣстны и въ галичской и волинской Русн; здѣсь точно умѣли отличать, какъ напр. и въ Краковѣ, старый

¹⁾ Срв. разныя грамоты (русскія и польскія) въ юбилейномъ изданіи въ память 300-лѣтняго основанія львовскаго ставропигійскаго братства (Львовъ 1886).

²⁾ Срв. „Славяне“ I. 125.

„городъ“ (*grod, zamek*) и „горожанъ“, и новое „мѣсто“ и „мѣстичей“; да жители города Володимири, Русскіе и Пѣмцы, назывались тоже „мѣстичами“, хотя эти володимирскіе „мѣстичи“ вовсе не были то-же, что краковскіе „мѣстичи“, а просто старые горожане ¹⁾. Въ русскихъ городахъ были тысяцкіе или воеводы — давно уже намѣстники князіе, а не народомъ выбираемые старшины и сотскіе ²⁾).

Водвореніе польскаго господства въ Руси Червоной и белзской открыло путь и нѣмецкому праву въ города и села. Русскіе города измѣнились въ „мѣста“, въ такія же общины мѣщанъ, управлявшихся правомъ нѣмецкимъ, магдебургскимъ, которое вводилось вмѣсто права русскаго (*consuetudines ruthenicales, jus ruthenicum*) или права польскаго, и привилось съ польскимъ господствомъ среди польскаго ихъ населенія ³⁾. Подобно тому какъ въ Польшѣ въ городахъ водворился сильный элементъ нѣмецкій, и въ карпатской Руси города принимали другой характеръ, наполняясь Пѣмцами ⁴⁾.

Нѣмецкое право пожаловано потомъ королемъ Казимиромъ и его преемниками городамъ Львову (*Lamburg, Lemberg, Lemberg, 1356*), Саноку ⁵⁾, Перемышлю, Ярославлю, Терехову, До-

¹⁾ Срв. галичско-волинскую лѣтопись, по изд. археограф. комисіи, 596, 614.

²⁾ Срв. „Славяне“ I. 115.

³⁾ Въ привилегіяхъ городамъ на нѣмецкое право все говорится объ уничтоженіи въ нихъ права русскаго и польскаго обыкновенно безъ болѣе точнаго ихъ опредѣленія; только изрѣдка встрѣчаются нѣкоторыя ихъ подробности, напр. въ привилегіи г. Тышновцамъ (1453), гдѣ между прочимъ уничтожается подать *odumarszezyzna*, основывающаяся на „правѣ русскомъ“. Эта *odumarszezyzna* встрѣчается часто въ актахъ карпатской Руси XV вѣка.

⁴⁾ Любопытно, что Владиславъ Опольскій вызывалъ (1387) жителей Червоной Руси къ войнѣ съ королевою Ядвигаю нѣмецкимъ манифестомъ—*alle landleuten und stätten in Reussen*. (A. g. z. III № 39).

⁵⁾ По грамотѣ галичско-волинскаго князя Болеслава-Юрія 1339 г. *Codex diplomat. Poloniae* III. 197) Саноку пожаловано уже тогда нѣмецкое право, которымъ должны были пользоваться всѣ его жители Пѣмцы, Поляки, Угры, Русскіе. Эта грамота упоминается

рогобычу, Холму, Красному Ставу, Белзу, Бужеску, Туробинцу, Городцу, Каменцу, Смотричу, Лятичеву и др.; позднѣе, въ XVI — XVII вв., вновь основываемымъ городамъ Бару, Тернополю, Бережанамъ, Бродамъ, Жолкви, Замостью, Станиславову, Фирлеёву и др. ¹⁾. Въ этихъ городахъ селились Пѣмцы, Поляки, Русскіе, Армяне, Жиды и др., составляя тоже особые общества церковныя: католическое господствующее, православное, армянское, жидовское; православные Греки, Волохи, Сербы примыкали къ своимъ русскимъ единовѣрцамъ.

Русскимъ и другимъ жителямъ городовъ предоставлялось пользоваться правомъ нѣмецкимъ, магдебургскимъ или ихъ стариннымъ правомъ. Въ Коломыѣ встрѣчается въ концѣ XIV в. русскій войтъ. Въ Каменцѣ подольскомъ съ XV в. были общины польская или лядьская (*Lechitae*), русская и армянская, со своими войтами, лядьскимъ, русскимъ и армянскимъ, радцами (*consules ritus polonici, consules ritus rutenicí*), и пр. ²⁾. Городъ Баръ

въ XV в. (1439) въ сапоцкихъ судебныхъ книгахъ (*Akta grodzkie i ziem. XI, p. 161*).

¹⁾ О Львовѣ см. *Zubrzycki: Kronika miasta Lwowa* (1844), Шапаневичъ: *Стародавній Львовъ 1250—1350* (1861), *Rasp: Beiträge zur Geschichte der Stadt Lemberg* (*Archiv für österreich. Geschichte*, Bd. 43), *Łoziński: Lwów starożytny* (1889—1890, 2 t.), *Czolowski: Lwów za ruskich czasów* (*Kwartalnik histor.* 1891). О Каменцѣ и о другихъ подольскихъ городахъ см. вышеупомянутыя люстраціи подольскихъ староствъ, статьи Иболовскаго и Молчановскаго, *Przeczdziecki: Podole, Wołyń, Ukraina* (1841), *Rolle: Zameczki podolskie na kresach multańskich* (1880). Вообще см. *Baliński i Lipiński: Starożytna Polska*; *Szajnocha: Zdobytcie pługa polskiego* (*Dziela II. 327*); *Tatomin: Geografja ziem dawnéj Polski* (1868, p. 186), и др. Много документовъ см. въ сборникѣ *Akta grodzkie i ziemskie*.

²⁾ Въ люстраціи каменецкаго староства 1565 г. (Архивъ юго-западной Россіи VII. 2. сер. 165) говорится: „*Miasto Kamieniec ma w sobie trojaki naród ludzki, trojaki obyczaj prawa: Polacy autoritate praeceminent, a sądzą się prawem maydemburskim, Ruś prawem i zwyczajem ruskim sądzą się i wojta swego mają, Ormianie — obyczajem armeńskim i wojta też swego mają*“. Въ Каменцѣ тогда были писаръ grodzki и писаръ ruski (*Źródła dziejowe XIX. 216*).

раздѣлялся тоже на три части, лядскую, русскую и черемисскую (Черемисы — Татары); такъ и городъ Могилевъ на Днѣстрѣ состоялъ изъ общинъ польской, русской (съ Греками, Волохами, Сербами), армянской. Такъ какъ съ XV и особенно съ XVI в. Нѣмцы католики сливались съ господствующимъ народомъ польскимъ, то Поляки скоро пріобрѣли и въ городахъ перевѣсъ и господство, и такимъ образомъ придали имъ польскій характеръ. Во львовскихъ городскихъ книгахъ XV — XVI вв. записано, что Нѣмцы мало-по-малу превращались въ Поляковъ (*Germani in Polonis sensim mutati*), и наконецъ сдѣлались, вмѣстѣ со многими Русскими, — Поляками (*Russorum magna pars, antiqui Germani: omnes in Polonos transierunt*). Польскій элементъ восторжествовалъ и въ городахъ коронной Руси; польскій языкъ сдѣлался господствующимъ, офиціальнымъ, равнымъ образомъ какъ и нѣмецкое магдебургское право въ польской одеждѣ ¹⁾).

При вѣронсповѣдной исключительности и нетерпимости среднихъ и новыхъ вѣковъ мудро было установить въ городахъ болѣе сносный способъ общежитія между католиками Поляками (и другими народностями, примкнувшими къ Полякамъ) и православною Русью. Польскіе католическіе короли, паны и шляхта, епископы, священники, монахи относились съ надменною спѣсью къ русскому православію или „схизмѣ“, къ „русской сектѣ“, къ ея служителямъ „владыкамъ“, „попамъ“, „батькамъ“, „игуменамъ“, „черницамъ“, къ ея „церквямъ — синагогамъ“, „монастырямъ“, и только и твердили, въ Польшѣ и на Руси, что главная цѣль польскаго захвата Руси — уничтоженіе здѣсь „схизмы“ и торжество католицизма ²⁾. Отъ своихъ пановъ и епископовъ не

¹⁾ Срв. „Славяне“ III. 11 — 12. Съ магдебургскимъ правомъ перешли и на Русь все его варварскія казни, и мѣстекія власти пріобрѣтали „*facultatem seu potestatem secundum jus maydeburgense decolandi, rotandi, mutilandi pedes, manus, aures, linguas, prout jus decernet*“ — какъ замѣчаетъ панъ Андрей Тарлю въ привилегіи, данной на это право городу — мѣсту Хырову (1538).

²⁾ См. выше, стр. 13, 21. Еще въ концѣ XVI в. (1596) львовскій архіепископъ Іоаннъ Соликовскій заявляетъ, что онъ всегда желалъ въ своей епархіи торжества католицизма „*in media turba haeretico-*

отставали и католическіе мѣщане, нѣмецкіе и польскіе, и, если ужъ не могли удалить „схизматиковъ“ изъ ихъ древнихъ городовъ, то давали имъ во всемъ чувствовать преимущество своего „христіанства“, т. е. католической, „лядской“ вѣры передъ ихъ „русскою“ вѣрою ¹⁾. При такой вѣронсповѣдной нетерпимости и ненависти трудно было предполагать, чтобы католическіе мѣщане безропотно терпѣли въ своей средѣ православныхъ. Дѣйствительно, если уже общежитіе „христіанъ“ (католиковъ) и „схизматиковъ“ оказывалось, по разнымъ экономическимъ соображеніямъ, необходимымъ, то первые относились ко вторымъ болѣе или менѣе враждебно, стараясь исключать ихъ изъ городского представительства, изъ цеховъ и вообще всевозможно имъ вредить и со-
лить. Это враждебное настроеніе католическаго большинства въ городахъ противъ православнаго меньшинства усиливалось вмѣстѣ съ усиленіемъ польскаго элемента, въ которомъ исчезъ элементъ нѣмецкій, и со времени провозглашенія униі одной части русской церкви съ Римомъ; вражда „Ляховъ“ къ „Руси схизматической, дисунитской“ не осталась на одной почвѣ вѣронсповѣдной, а очутилась тоже на почвѣ національной.

Въ столицѣ Червоной Руси, въ городѣ Львовѣ, послѣ его обращенія въ нѣмецкое „мѣсто“ *Lamburg—Lemberg*, сначала новый элементъ нѣмецкій относился къ старому населенію русскому довольно хорошо, и въ XIV—XV вв. даже въ числѣ мѣстскихъ радцевъ попадаются тоже Русскіе (*Ruthenus, Reusse*) ²⁾.

ram et schismaticorum aliorumque infidelium“, въ чемъ ему помогутъ водворенные во Львовѣ іезуиты.

¹⁾ Въ уставѣ львовскихъ мѣховщиковъ (1470) постановлено тоже, что „*die Reussen zu unsir kristenlichen beigruft* (похороны), *und die zech zu erer reussesehen beigruft, nisnichten haben sullen. Auch sall man keinen Reussen, weder keinen unkristen zu zechmeister kysen*“. Въ польскомъ уставѣ (1557) выражаются уже иначе: *na pórgrzebach polskich i ruskich... na cechmistrzostwo żaden inszy tylko z rzymskiéj religiej nie ma być*. Срв. *Akta grodzkie i ziemskie VI. № 97, Dodatek do Gazety lwow. 1861, № 22*.

²⁾ Въ числѣ львовскихъ мѣщанъ Русскихъ въ первой половинѣ XV в. часто упоминается радца и лавникъ *Johannes (Januszko) Tolmacz, J. dictus interpres*.

Съ начала XVI в. однако католическіе мѣщане выступали все болѣе противъ православной Руси, не выбирали ихъ въ мѣстное представительство, не признавали ихъ свидѣтельства въ судѣ, заставляли ихъ присягать не въ ихъ церкви, а въ церкви католической или въ рагушѣ, мѣшали имъ въ отправленіи ихъ обрядовъ. Король Сигизмундъ I защитилъ львовскихъ православныхъ противъ такихъ враждебныхъ дѣйствій львовскихъ католиковъ (1521), но вскорѣ послѣ того (1525) самъ поступилъ по примѣру послѣднихъ и запретилъ имъ покупать дома внѣ ихъ „русской“ улицы, вступать въ цехи, въ которые они и раньше не допускались, и вообще одобрилъ разныя притѣсенія, практиковавшіяся съ цѣлью повредить ихъ матеріальнымъ интересамъ и религіознымъ чувствамъ. Этою грамотою короля Сигизмунда прикрывалось всегда католическое польское большинство городского представительства, когда русскіе мѣщане жаловались на разныя стѣсненія и требовали ихъ уничтоженія ¹⁾. Отправленіе православныхъ обрядовъ въ публичныхъ мѣстахъ часто возбуждало неудовольствіе католиковъ; напр. похороны Русскихъ не смѣли отправляться торжественно черезъ весь городъ, такъ какъ такіе обряды ненавидѣли „схизматиковъ“ производили соблазнъ и вызывали негодованіе католиковъ ²⁾. Даже въ тѣхъ цехахъ, въ которые допускались Русскіе, пришлось имъ терпѣть разныя притѣсенія со стороны католическихъ членовъ цеха. Цехи котельниковъ и суконщиковъ неключали схизматиковъ (1616), мѣховщики допускали и Русскихъ, но только въ члены, а не въ начальники (цехмистры), которыми должны были быть только католики (1470, 1557). Львовскіе сапожники, раздѣлявшіеся на два цеха, польскій и русскій, сочли потомъ (1635) болѣе удобнымъ соединиться въ одинъ цехъ

¹⁾ Срв. напр. *Lustracya starostwa lwowskiego r. 1570*, wyd. Neck, p. 35 (Stryj 1890).

²⁾ Срв. напр. любопытную жалобу львовскихъ католиковъ по поводу русскихъ похоронъ (1623 г.), приговоръ львовскаго войта І. В. Зиморовича (1659 г.) въ спорѣ двухъ бабъ, польской и русской, о колоколахъ, и пр. (Сводная галицко-русская лѣтопись, 277, 315). Зиморовичъ въ хроникѣ Львова называлъ „kondaki“ и „tropari“—прислужбою митрополита (Zubrzycki: *Kronika m. Lwowa*, 271).

съ двумя цехмистрами, польскимъ и русскимъ; но не смотря на это соглашеніе, между безпокойными львовскими сапожниками „*religiі rzymskiéj i religiі greckiej*“ споры не прекращались ¹⁾. Въ началѣ XVII в. (1609) православные мѣщане львовскіе жаловались королю: „Утяжени естесмо мы, народъ рускій, отъ народа полского ярмомъ надъ египѣскую неволю, же насъ лечъ безъ меча але горѣи нѣжъ мѣчемъ съ потомствъ выгубляютъ, заборонивши намъ пожитковъ и ремеслъ обходовъ вшелякихъ, чимъ бы только человекъ живъ быти могъ, того не воленъ Русинъ на прирожденной земли своей русской уживати въ томто рускомъ Львовѣ. А зажъ панове цехмистрове и ремесниці лвовскіе, шевцѣ, кравцѣ, рѣзники, поворозники, гончары ец. ец. (*et cetera*), цось зачпѣйшого о собѣ надъ войска Ваш. Кор. Мил. быти розумѣють, же насъ въ цехахъ своихъ весполъ зъ собою мѣти не хотятъ? А зажъ панове райцѣ лвовскіе и цехове лвовскіе щось болшого надъ то себе быти розумѣють, же насъ народу руского при боку своемъ мѣти не хотятъ, але съ потомствъ насъ выгубляютъ?“ ²⁾. По всѣ такія жалобы были бесполезны, и притѣсненія православныхъ Русскихъ не прекращались, не смотря на разныя королевскія грамоты, уравнивавшія православныхъ съ католиками: и въ Польшѣ теорія и практика расходились.

Подобное тому болѣе или менѣе униженное положеніе занимали Русскіе и въ другихъ городахъ карпатской Руси. Въ Перемишлѣ городскіе радцы были только католики; они въ дѣлахъ католиковъ не принимали свидѣтельствъ Русскихъ, взыскивали съ Русскихъ высшія судебныя платы, заставляли ихъ участвовать въ католическихъ праздникахъ, такъ что къ концѣ XV и въ началѣ XVI в. сами польскіе короли, Іоаннъ Альбрехтъ, Александръ и Сигизмундъ (1519), должны были выѣшиваться въ дѣла перемишльскихъ католиковъ и православныхъ, отчасти и въ пользу

¹⁾ См. Łoziński: *Lwów starożytny* II. 253, Литер. сборникъ галицко-русской матицы 1870, стр. 101, *Akta grodzkie i ziemskie* I. № 47, срв. Сводная галицко-русская лѣтопись, 308.

²⁾ С. Голубевъ: Матеріалы для исторіи западно-русской церкви (Кіевъ 1891, I, 65).

последних¹⁾. Въ цехахъ перемышльскихъ является та же самая вражда католиковъ къ православнымъ; сапожники раздѣлялись на два цеха, польскій (Поляки и Иѣмцы) и русскій, а по уставу кузнецовъ (1471) прямо запрещалось польскому мастеру держать и обучать русскихъ подмастерьевъ—*nullus magister Polonorum debet servare ac docere discipulum Ruthenorum*²⁾. Король Сигизмундъ I вообще перѣдко занимался взаимными отношеніями католическихъ и православныхъ мѣщанъ во Львовѣ и въ другихъ городахъ коронной Русн. Въ Красномъ Ставѣ православные Русскіе не могли быть ни радцами, ни лавниками, ни членами цеховъ; король Сигизмундъ уничтожилъ этотъ несправедливый обычай, и допустилъ и православныхъ Русскихъ въ городское представительство, по два радцы и лавника, и въ цехи (1523, 1524). Но тотъ же король въ г. Бужскѣ исключилъ православныхъ Русскихъ изъ представительства города и довершилъ постановленіе 1411 г., по которому запрещалось Русскимъ готовить напитки и солодъ³⁾. Въ Каменцѣ сапожники, мѣховщики, портные и др. раздѣлялись на польскихъ и русскихъ. Въ нѣкоторыхъ русскихъ городахъ, равнымъ образомъ какъ и въ селахъ, православные Русскіе должны были давать десятину или другія платы католическимъ священникамъ, прибывшимъ въ тѣ русскіе города и села только съ польскимъ завоеваніемъ. Въ Холмѣ — по распоряженію короля Сигизмунда (1519)—всеѣ некатолики и Жиды, которые владѣли землями и домами, принадлежавшими прежде Ляхамъ (*Lechitis sive hominibus catholicis, ritus romani*), должны были платить десятины католическому священнику холмскому. Въ нѣкоторыхъ городахъ, особенно новыхъ, православные Русскіе прямо исключались изъ пользованія мѣстскимъ правомъ, которое предоставлялось однимъ только католикамъ, такъ напр. въ Яслискахъ, въ Плазовѣ⁴⁾. Въ Замостьѣ основатель го-

¹⁾ См. выше, стр. 51.

²⁾ *Akta grodzkie i ziemskie* VI. № 99.

³⁾ См. грамоты изъ метрики коронной у Цоцѣя, *Dziesięciny*, 10—13.

⁴⁾ Въ Яслискахъ, мѣстечкѣ среди карпатскихъ русскихъ Лемковъ, подчиненіемъ перемышльскому католическому епископу, въ нача-

рода, Іоаннъ Замойскій (1580), тоже постановилъ, чтобъ мѣщане были одинъ только католики; но скоро онъ убѣдился, что такое постановленіе трудно исполнить, и поэтому распространилъ пожалованныя городу привилегіи и на православныхъ Грековъ и Русскихъ, которые — вмѣстѣ съ давно обрусѣвшими Греками — приняли унію только въ концѣ XVII вѣка ¹⁾. Въ другихъ городахъ, гдѣ нельзя было обойти многочисленное русское населеніе, оно занимало второстепенное положеніе въ думѣ, судѣ, цехахъ, чувствуя на каждомъ шагу господство католическаго польскаго населенія. Въ городское представительство русскіе мѣщане имѣли только ограниченный доступъ, имѣя обыкновенно только по одному члену между радцами и лавниками; въ нѣкоторыхъ городахъ Русскіе, хотя были и мѣщане, не допускались въ городское представительство. Въ городскихъ цехахъ Русскіе то исключались, то допускались въ мастера, изрѣдка и въ цехмистры (*jeden lacki, drugi ruski*), и вообще русскіе члены цеха занимали въ немъ второстепенное мѣсто ²⁾.

При всей этой всеобщей фанатической вѣроповѣдной враждѣ находились всетаки среди Поляковъ люди болѣе просвѣщенные, которые искренно желали установленія болѣе дружескихъ отношеній между обоими славянскими народами. Такъ, ок.

лѣ XVII в. не дозволялось быть мѣщанами „Руснакамъ“, людямъ *greckiej wiary*, а *Ruthenus* ставился наравнѣ съ *illegitime natus*. (*Przewodnik naukowy* 1890, p. 806).

¹⁾ О Замостьѣ см. Холмская Русь I. 187, 259.

²⁾ Вотъ напр. одно постановленіе устава ткачей въ Немировѣ (1624): „*Miedzy tymi mistrzami tego rzemiosła aby nie był żaden Rusin, któryby sobie majstrował, oprócz tego, któryby towarzysz Rusin przywędrował, któremu wolno robić dwie niedzieli. A jeśliby nadwędrował Polak towarzysz, mistrz ten, u któregoby Rusin towarzysz robił, powinien go odprawić, a towarzysza Polaka przyjąć, odprawiwszy Rusina*“. (*Dodatek do Gazety lwowskiej* 1853, № 62). Отношеніе Ляховъ и Русинъ въ русскихъ городахъ и цехахъ напоминаетъ до известной степени отношеніе Нѣмцевъ и Славянъ въ полабско-балтійскихъ городахъ, о чемъ срв. наше соч. „Германизация балтійскихъ Славянъ“.

1576 г. Геронимъ Сенявскій, воевода русскій, жалуя городу Олешинчамъ нѣмецкое право, справедливо замѣтилъ, что въ такомъ государствѣ, какъ Польша, гдѣ столько вѣроисповѣданій, никто не долженъ господствовать надъ вѣрою и совѣстью людей, и поэтому въ городѣ могутъ поселяться люди всѣхъ вѣроисповѣданій ¹⁾ Въ началѣ XVII в. гетманъ Станиславъ Жолкевскій, потомокъ православнаго русскаго рода, но уже давно окатоличеннаго и ополяченнаго, самъ ревностный католикъ и врагъ чешскихъ еретиковъ, относился всетаки съ уваженіемъ къ православной Руси, по примѣру просвѣщеннаго своего современника и родственника Юаанна Гербурта. Станиславъ Жолкевскій принялъ православныхъ Русскихъ въ основанномъ имъ городѣ Жолкви подъ свое особое покровительство; онъ, въ виду „размноженія хвалы божіей и украшенія религіи греческой“ (dla pomnożenia chwały bożej i ozdoby religiej greckiej), пожаловалъ (1612) православной церкви разныя льготы, и православнымъ жителямъ полную свободу въ отправленіи обрядовъ ихъ вѣроисповѣданія и право засѣдать тоже въ городскомъ представительствѣ, по одному радцѣ и лавнику ²⁾.

¹⁾ A iż korona polska okwita jest w rozmaite stany ludzi, zwłaszcza z strony religiej, k temu że żadna zwierzchność nie ma panować nad wiarą, czcią i sumnieniem, pozwalamy to najwięcej, aby mogli dla spokojnego życia osiadać ci ludzie, którzyby nie dla jakich występków a złości, ale z inszych przyczyn prześladowanie albo ucisk mieli, używając wszystkich wolności i prawa od nas nadanego. A jeśliby kto z potomków naszych, mierząc się nabożeństwem takich ludzi, chciał je wyganiać, tedy powinien będzie wszystkie nakłady w budowaniu domów, browarów, słodowien, naprawowania ogrodów, sadów, łąk, rol im odłożyć, pod zakładem winy do skarbu królewskiego złotych dwu tysięcy. (Изъ Метрики коронной у Балинскаго и Липинскаго Starożytna Polska II. 1220). Приводимыя въ Сводной галицко-русской лѣтописи (стр. 313) гуманныя слова будто-бы Андрея Потоцкаго (1658) относительно православныхъ его города Станиславова —позднѣйшая выдумка, такъ какъ эта грамота подложна (Szarłowski: Stanisławów 1887, p. 99).

²⁾ Грамоту Жолкевскаго напечаталъ J. Barącz: Pamiątka miasta Żółkwi (Lwów 1852, p. 113). Привилегіи Жолкви утвердилъ ко-

Селяне карпатской Руси, называемые еще въ концѣ XIII в. и навѣрное и въ XIV в. *смерды* ¹⁾, а со времени польскаго завоеванія по-польски *кметы* (въ русскихъ и латинскихъ актахъ), пользовались и потомъ своимъ стариннымъ русскимъ правомъ (*jus ruthenicum, ruthenicale*), отиравая разныя повинности и платы натурою государству и своимъ панамъ, которые, по образцу польскому, приобрѣтали право суда надъ своими подданными. Со второй половины XIV в. поселялись въ карпатской Руси колонисты изъ сосѣдней волошской Молдавіи и сѣверной подкарпатской Угрии, Волохи и Русские, на особомъ волошскомъ правѣ, которое основывалось преимущественно на денежной платѣ владѣльцу ²⁾, Кромѣ селъ на правѣ русскомъ и волошскомъ, основывались села на правѣ польскомъ (*jus polonicum, polonicale*) и на правѣ нѣмецкомъ (*jus theutonicum*), которыя распространялись на Русь изъ Польши; польское право, похожее на русское, служило польскимъ кметямъ-католикамъ, которыхъ польскіе земляне охотно поселяли въ своихъ селахъ на Русь; нѣмецкое право, основываясь—подобно волошскому—на денежной платѣ (чиншѣ), служило не столько кметямъ нѣмецкимъ—которыхъ на Русь было вѣроятно мало,—сколько польскимъ и русскимъ. Польскіе земляне на Русь и сами русскіе земляне, подобно тому какъ они приняли польское право (1434), такъ стремились и потомъ уравнить положе-

роль Іоаннъ Собескій (1693), внушая католикамъ, aby religii greckiej okiem nie przenosili.

¹⁾ Слово *смерды* — плебей, земледѣлец—знали Русскіе, Ляхи (смарды) и Словѣне (смръды); срв. „Славяне“ I. 128, III. 204. Впоследствии это слово приняло значеніе брашнаго слова, мужика, хлопа въ презрительномъ смыслѣ, такъ что оно вызывало даже жалобу въ судъ со стороны такъ обзываемаго; срв. въ актахъ львовскихъ 1440 и 1443 г. (Akta grod. i ziem. XIV) дѣло о брани словомъ smard. Это слово знаютъ еще Поляки XVI в. (Мопчинскій, Рей, Вѣльскій, Папроцкій) въ презрительномъ смыслѣ: простака мужика, хлопа, неряхи.

²⁾ Срв. въ грамотѣ князя Швитригайла (1424): „Село Косово имѣють памъ давати подлугъ права волоского тыто доходы, штожь съ полонинъ..., а съ каждого кмети по 2 гроши польскихъ краковского разу у каждый годъ“.

ніе своихъ подданныхъ кметей съ положеніемъ кметей въ Польшѣ. Такъ напр. уже въ 1435 г. земляне галичской земли приняли нѣкоторыя постановленія относительно кметей, которые были обязательны въ земляхъ краковской, сандомирской и польской ¹⁾. Случалось, что въ одномъ селѣ жили кметы—Поляки католики и Русскіе православные, одни на правѣ польскомъ, другіе на правѣ русскомъ; когда тѣ и другіе переходили и переводились на право нѣмецкое, то обязывавшее ихъ право русское или польское уничтожалось, и только изрѣдка право польское (и русское?) считалось какъ бы дополненіемъ нѣмецкаго. Значительное количество польскихъ католическихъ кметей въ земляхъ карпатской Руси въ началѣ XV вѣка видно уже по все увеличивающемуся числу католическихъ церквей, основываемыхъ въ селахъ не только католическихъ, а также въ селахъ русскихъ. Эти церкви, не говоря о ихъ характерѣ католической пропаганды среди православнаго населенія русскаго, должны были служить всетаки прежде всего духовнымъ потребностямъ католическаго населенія на Руси, земляхъ и кметей. Кромѣ того на польское населеніе въ имѣніяхъ карпатской Руси указываетъ тоже польская географическая номенклатура, которая встрѣчается постоянно въ разныхъ письменныхъ памятникахъ конца XIV и начала XV вѣка; если такія польскія названія надо отчасти объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что писцы латинскихъ грамотъ были Поляки, польскіе священники, то всетаки трудно предполагать, чтобъ эти писцы называли всѣ урочища по-польски, тѣмъ болѣе, что они знали и употребляли тоже русскія названія. Такъ напр. около Рогатина въ галичской землѣ, имѣнія русскаго папа Волчка Переслужича изъ Рогатина (1415—1419), употреблялись польскія слова (съ прибавленіемъ *vulgariter*): *powrozy*, *obszary*, *włok bobrownicy* (другія слова, *ostrow*, *potok*, могли быть польскія и русскія); въ Рогатинѣ была католическая церковь и плебанъ и двѣ русскія церкви (*ruthenicales ecclesiae*, а ужъ не *synagogae*) и священники (*presbyteri ruthenicales*, а не *poropes*, *baytkones*). Около села Мальчицъ въ львовской землѣ, принадлежавшаго русскимъ землянамъ Федорку

¹⁾ Akta grodzkie i ziemskie XII. p. 425.

и Федьку Мошенничамъ-Мальчицкимъ (1447), почти все слова и названія урочищъ —польскія: *głęboki potok, rzeka, obszary, stawek, wgon, stepy, spuścić, na wirzech, podatki, dzieckować, przasny, obeu*; но встрѣчаются тоже названія русскихъ повинностей: *kunica, concordatio alias mirne, divortionabile alias rozrust*, и пр. Бывали тоже случаи, что въ одномъ и томъ же самомъ селѣ жили кметы на правѣ русскомъ, волошскомъ и нѣмецкомъ, — что кметы, пользовавшіеся правомъ нѣмецкимъ и особенно волошскимъ, переводились или добровольно переходили на право русское, — что надо было рѣшать вопросъ, пользуются-ли они правомъ волошскимъ или русскимъ; да иногда русскіе кметы не хотѣли переходить на право нѣмецкое, такъ какъ они привыкли къ праву русскому (*nos volumus sedere in jure theutonico, quia consuevimus sedere in jure ruthenico*). Сельскій староста кметей на русскомъ правѣ назывался уже въ XIV в. *ватаманъ (атаманъ)*¹⁾; сельскій староста кметей на волошскомъ правѣ — *князь* (въ селѣ) и *крайникъ* (въ краинѣ, округѣ, состоявшемъ изъ нѣсколькихъ селъ); староста кметей на нѣмецкомъ правѣ — *войтъ* (*voigt, advocatus*), *шелтысъ* (*schultheiss, scultetus*, у Поляковъ *szoltys, soltys*); назывался-ли староста кметей на польскомъ правѣ *староста* — какъ въ Польшѣ въ XIII—XIV вв. — неизвѣстно. Во многихъ селахъ коронной Руси, напр. въ земляхъ белзской, холмской, галичской, въ Подольѣ, старосты назывались *ватаманами* еще въ XVI—XVII вв., хотя эти села давно уже не были на правѣ русскомъ, а на правѣ „чиншевомъ“ (нѣмецкомъ), и такой ватаманъ былъ собственно говоря уже войтомъ, шелтысомъ²⁾. Старинное славянское дѣленіе населенія на тысячи, сотни (ста) и десятки сохранилось и въ карпатской Руси XV вѣка: люди сотные (*homo sotny* или, на польскій ладъ, *setny*); восводы (тысячкіе)

¹⁾ Это слово по всей вѣроятности татарское. Такіе ватаманы были тоже въ сѣверной Руси (срв. „Славяне“ I. 114). У русскихъ козаковъ атаманы — разные начальники.

²⁾ У карпатскихъ Гуцуловъ сельскій староста еще въ первой половинѣ XIX в. назывался *князь, атаманъ*. Срв. ст. Вагилевича въ ж. *Časopis Česk. Musea* 1838, 491.

и сотскіе встрѣчаются только въ городскихъ многочисленныхъ общинахъ, но десятичники (*dzesatnik, dzesantnik*)—въ селахъ. Кметы на Руси назывались въ XV в. тоже селяне, мужи, людъ; община—уже по-польски *gromada* (*communitas villae alias gromada*), и даже, по польскому примѣру, *gmin* — изъ нѣмецкаго *gemeine, gemeinde* (*communitas alias gmin*), сходки кметей —вѣча, сборы (*congregationes rusticorum quod sbory nuncupantur*) ¹⁾. Русскіе кметы раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ, вольныхъ и невольныхъ, служебныхъ сотныхъ, каленыхъ (каляныхъ, каленики, калыники, въ калыцствѣ, срв. малорусское калати, польское *kalić, kalać*, марать, загрязнить) и ординцевъ (въ „ордѣ“, какъ бы въ рабствѣ, неволѣ) ²⁾.

¹⁾ Въ одно село галичскаго староства „*podstarości halicki zjeżdżał dwakroć do roku sądzić wieca*“ (*Lustracya starostwa halickiego* г. 1566). Сельскія *wieca* встрѣчаются въ XVI в. тоже въ ратенскомъ староствѣ холмской земли (см. ст. Любомирскаго о ратен. староствѣ въ ж. *Biblioteka Warszawska* 1855, II). Сельскія *бѣга* — сходки и суды знали Поляки и подпѣйровскіе Русскіе; срв. „Славяне“ I. 117. Въ одномъ селѣ саночскаго староства (*Rewizya star. sanock. г. 1565*) въ числѣ разныхъ податей встрѣчается *owies wiesowy*, т. е. дань натурою со стороны вѣща; срв. *sarna zborowa*—серпа, даваемая зборомъ, *owies pcowy czynszowy* — овесъ, даваемый какъ поцта (какъ бы почетный подарокъ), чиншъ (оброкъ).

²⁾ Въ жалованной грамотѣ короля Казимира 1456 г., данной русскимъ землямъ (*Bandtkie: Jus polonicum* 292, *Targenew: Supplementum ad histor. Russiae monum.* 456) постановляется тоже, чтобы „*emetones terrigenarum per capitaneos ac officiales ipsorum aliosque violenter non recipiantur in servitutem vulgariter mordinice (mordanice)*, hoc expresso, nisi prius villicus alias tywon seu wataman cum omnibus emetonibus possessionatis super eo juraverint, quod sit de eorum genere et servitute“. Въмѣсто непонятнаго слова *mordinice* (Шафарикъ сравнивалъ его съ *смердъ*) читаемъ „*w ordinice*“ — „*w ordince*“ (въ ординцевъ). Князь Фад. Любомирскій (*Rolnicza ludność w Polsce od XV do XVI w.*, *Biblioteka Warszawska* 1858, I) приводитъ, изъ львовскихъ книгъ 1446—1452 г., одинъ разрядъ свободныхъ кметей—*pochoży* (извѣстные тоже въ Литвѣ): *est tributarius vernus, illiberus, non procedens, nie pochodzący*. Этого мѣста мы въ изданныхъ актахъ львовскихъ (*Akta grodz. i ziemskie XIV*) отыскать не могли

Положеніе кметей въ коронной Руси уравнивалось все болѣе съ положеніемъ кметей въ Польшѣ уже послѣ 1435 г., когда они очутились въ большей зависимости отъ своей шляхты, особенно же въ силу статutowъ 1496 и 1505 гг. „Русское“ право пришло въ забвеніе, и отъ него остались только нѣкоторые слѣды; чиншное право нѣмецкое сдѣлалось — рядомъ съ волошскимъ правомъ — господствующимъ, да оно стало называться и было собственно польскимъ ¹⁾. Долше, чѣмъ право русское, именно до XVIII в., сохранилось право волошское, которое существовало въ русскихъ земляхъ отъ Покутья на молдавскихъ границахъ — на западъ до Сандча и на сѣверъ до Холма, Белза и Воляны. Такія „волошскія“ села были, особенно позднѣе, русскія, да и назывались тоже русскими (*villae ruthenicae seu Valachorum*), равнымъ образомъ какъ были русскими и села на „нѣмецкомъ“ правѣ. Отъ русскаго права сохранились немногіе остатки, именно нѣкоторыя

Въ галичскихъ актахъ 1446 г. упоминается *homo zapochodzaey*; но его положеніе не ясно. Также не ясно названіе и положеніе людей „каленыхъ, каляныхъ“ (или каланыхъ?); въ другихъ русскихъ земляхъ встрѣчаются въ землѣ кievской (ок. 1471 г.): „въ селѣ Цветковѣ отаманъ и два челоуѣка, одинъ слуга, а другой коланый“, въ барскомъ староствѣ въ Подольѣ (1565 г.): „*szluzkowie kolanni (kolanni?) alias zubożale ludzi, obracają na posługi potoczne*“; но и здѣсь значеніе этого слова темно. (Архивъ югозападной Россіи VII. 2. стр. 2, 222). Въ львовскихъ книгахъ XV в. встрѣчается слово *ятвежинъ*, *ятвежининъ* (*homo regalis alias iathwyessin, homo yathwyeszanim*); положеніе этихъ подданныхъ не ясно, по ихъ названіе русское, а не польское, — по литовскому племени Ятвеговъ, Ятвяговъ, Ятввяговъ (по-польски *Jadźwing, Jaćwęg*), съ которыми воевали галичско-волянскіе князья XIII в., и о которыхъ много разсказываетъ галичско-волянская лѣтопись; срв. выше, стр. 5 и 6 пр. Народное названіе Ятвягъ сдѣлалось нарицательнымъ, какъ напр. влахъ — валахъ, склавъ; срв. „Славяне“ I. 72, 129, 132.

¹⁾ Такъ напр. около Сандча 1578 г. кметы одного села заявляютъ, что они *a jure eorum ruthenico ad ius polonicum quoad labores et servitia sunt translati a dominis ipsorum* (Любомирскій). Въ саноцкомъ староствѣ въ 1565 г. въ числѣ селъ встрѣчаются *Dąbrówka Niemiecka dziś Polska* (кметы съ названіями польскими и нѣмецкими), и *Dąbrówka Ruska* (кметы — Русскіе); оба села платятъ чиншъ.

названія должностныхъ лицъ и повинностей, встрѣчающіяся въ селахъ (*siola* и по-польски) на правѣ волошскомъ и нѣмецкомъ, напр. *kniaz, wataman, tywon albo włodarz, kniaz alias wataman, kniaz alias tywon, przełożenstwo czyli tywoństwo, kuna—kunica—kunieczne, pojemszczyzna, prazniczne, wychodne, poholowszczyzna, poczerewizna, połudzie, ciagli—zaciagli — po-ciagli* (тяглые люди), *hultaj* (голтѣй, безземельный голышъ, бродяга, бобыль), и пр. На рубежѣ польской и литовской Руси, земель подольской и кievской, сохранились еще въ XVI в. слѣды стариннаго сельскаго копнаго суда, на которомъ „о злодѣйствахъ и о всякіе кривды яко зъ селъ людскихъ, такъ и зъ селъ великаго князства повѣсту кievского права себѣ даютъ“ ¹⁾.

¹⁾ Старинное русское полюдье (у Византийцевъ X в. *πολοδιον*, срв. „Славяне“ I. 157) встрѣчается въ XVI в. въ староствѣ ратенскомъ (сначала часть земли волынской, потомъ земли холмской русскаго воеводства); это была дань медовая и денежная, и называлась тоже *pocta, poklon*; срв. статью I. Ф. Любомирскаго: *Starostwo rateńskie* (Biblioteka Warszawska 1855, II), и *Lustracya starostwa rateńskiego r. 1565* (Архивъ югозападной Россіи VII, 2). Въ томъ староствѣ встрѣчается тоже: „*poczerewizna (pobrzuchowszczyzna), jus primaе noctis pro d. capitaneo g. 2; dają ci ktorzy żonę z pod drugich ranów biorą*“ (kunіею од tych, co do cudzych dóbr dziewki oddawają). Южно- и западно-русское слово *голтѣй* (въ кievской землѣ ок. 1471 г.: голтѣи, люди приголтѣевѣлые; въ западно-русской, камепецкой Четьи 1489 г.: голтѣй—бѣднякъ, голтѣйство—бѣдность) встрѣчается тоже въ коронной Руси, именно въ белзской землѣ въ началѣ XVI в.: *holtaji, oltaje — nihil tenent, nihil dant*; къ нимъ причислялись тоже бродяги музыканты, древніе скоморохи (срв. названіе двухъ селъ въ белзской землѣ —Скоморохи). О копномъ судѣ въ коронной Руси (срв. „Славяне“ I. 120) см. Вил. Археогр. Сб. I. 122; Молчановекаго о подольской землѣ, 334; срв. Акты Вил. Арх. Ком., т. XVIII (1891).—О положеніи кметей въ коронной Руси см. *Atka gr. i ziem.*, разныя описи (*lustracyi, rewizyi, inwentarze*) королевскихъ и частныхъ имѣній XVI—XVII вв., напр. староствѣ саноцкаго, галическаго, львовскаго, любомльскаго, ратенскаго, скальскаго, камепецкаго, барскаго, хмѣльницкаго и др. Срв. статьи I. Ф. Любомирскаго: *Rolnicza ludność w Polsce od XV do XVI w.* (см. *Akta grodzkie i ziemskie*, t. XII, p. XI et 425), А. Стадницкаго: *Ziemia lwowska za rządów polskich w XIV i XV w.* (Bi-

Польскіе колонисты-селяне исчезали среди русскаго населенія, сливаясь съ соплеменными Русскими, и только названія селеній на Руси Ляшки и Лядское (Ляцкое) указываютъ на ихъ лядское происхожденіе ¹⁾. Подобно тому и въ Подольѣ—послѣ его воссоединенія съ Польшею (1699) — поселялись не только Русскіе изъ Червоной Руси, а также повислянскіе Поляки, которые однако со временемъ дѣлались Русскими ²⁾.

Въ колонизаціи карпатской Руси вѣроисповѣдный моментъ не могъ не играть своей роли. Иѣмецкое право жаловалось обыкновенно всѣмъ кметямъ, Русскимъ и Полякамъ; но перѣдко одни только католики, Поляки и Иѣмцы, считались достойными пользоваться иѣмецкимъ правомъ, между тѣмъ какъ „схизматики“ Русскіе изъ него исключались (*schismaticis et Ruthenis omnino ex-*

blioteka Ossolińskich 1863, III), Papée: Skole i Tucholszczyzna (львов. Przewodnik naukowy 1890), А. Яблоновскаго: Podole u schyłku w. XV (варшав. Ateneum 1880, II. III), и введенія къ изданнымъ имъ люстраціямъ подольскихъ староствъ (*Źródła dziejowe* t. V, XIX), Владимирскаго-Буданова: Населеніе югозападной Россіи до люблинской уніи (введеніе къ изданнымъ имъ памятникамъ въ Архивѣ югозападной Россіи VII. 1. 2., и срв. еще А. Яблоновскаго въ *Ateneum* 1888, I). О волошскомъ правѣ см. А. Стадничаго: O wsiach tak zwanych wołoskich na północnym stoku Karpat (1848), O kniaztwach we wsiach wołoskich z poglądem na wójtowstwa we wsiach na magdeburskiem prawie osadzonych (1853), I. Ф. Любомирскаго: Północno-wschodnie wołoskie osady (Biblioteka Warszawska 1855, IV), замѣтки Е. Калужняцкаго (въ вѣнскихъ *Denkschriften der k. Akademie* 1880, Bd. XXX, p. 25—64), А. Прохаски (Przewodnik naukowy 1889, p. 467), и др. Замѣтимъ, что слово „волохъ, валахъ, влахъ“ сдѣлалось у Славянъ нарицательнымъ, о чемъ см. „Славяне“ I. 72—73, и оба сочиненія Пича (заглавія см. „Славяне“ III. 95).

¹⁾ См. выше стр. 100.

²⁾ Отвиновскій (*Pamiętniki do panowania Augusta II*, Poznań 1838, p. 14) пишетъ: Poczęło się po pokoju uczynionym Podole osadzać, dokąd wiele tysięcy poszło chłopów od Wisły, a osobliwie od Przemyśla i Sanoka, że prawie całe wsi pozostawały pustkami w Podgórzu. Zeszło się też tam i Rusi potrosze, a ci nasi Mazurowie successu temporis w Ruś się poobracali, i może się tam teraz ten kraj nazywać polsko-ruski.

clusis et exceptis). Такъ было напр. въ селахъ Годовичахъ и Жидатичахъ (1405), Зубрьѣ (1408), Малеховѣ и Клекотовѣ (1419), Вербязѣ (1423), Титовичахъ (1433), и др. Католическое духовенство требовало десятины и другихъ платъ не только отъ своей католической паствы, а тоже отъ „схизматиковъ“, съ чѣмъ соглашались и польскіе короли и папы. Такъ это было именно въ львовской архіепископін, гдѣ архіепископъ взымалъ извѣстныя платы тоже съ „схизматиковъ“, поселенныхъ на нѣмецкомъ правѣ; этотъ обычай утвердилъ король Владиславъ Ягайло (1426). Если въ селѣ жили католики Поляки (и Пѣмцы) и православные Русскіе, то эти послѣдніе должны были часто содержать не только своего поца, батька, но также давать десятину или извѣстныя платы католическому кеѣцдзу плебану, патеру ¹⁾. Такъ это было въ епархіяхъ коронной Руси, и часто тоже въ Руси литовской. Послѣ введенія уніи католическое духовенство требовало десятины тоже отъ униатской Руси.

Положеніе православныхъ Русскихъ въ городахъ и селахъ ухудшилось послѣ уніи одной части русской церкви съ Римомъ, которая привилась и въ карпатской Руси, прежде всего въ епархіи холмской, потомъ и въ епархіяхъ перемышльской и львовской. Одни только русскіе „униты“ могли еще разсчитывать на снисходительность польскихъ католиковъ, а „дисуниты, схизматики“ считались уже прямо врагами католической Польши. Такъ напр. въ городахъ Томашовѣ и Угриновѣ допускались въ городскія представительства католики и униаты, а въ Каменцѣ, послѣ многолѣтняго турецкаго господства, православнымъ вообще запрещалось жить: *ludzie religii greckiej disuniti mieszkać nie mają*—порѣшили даже на польскомъ сеймѣ 1699 г. ²⁾. Во Львовѣ

¹⁾ Срв. напр. въ селахъ львовской архіепископін, въ Петликовцахъ (1421), Золотникахъ (1459), Грумнѣ (Румнѣ 1471), Литвиновѣ (1476), въ сб. *Akta grodzkie i ziemskie*; въ селахъ перемышльской епископін въ XVI в. (*Pawłowski: Premisla sacra*, p. 205, 248, 309); о холмской епархіи см. выше, стр. 114. Срв. *Rocznik: O dziejachach na Rusi*, 31. См. тоже выше, стр. 53—54., жалобы шляхты коронныхъ русскихъ земель на сеймѣ 1558—1559 гг.

²⁾ *Volumina legum* (изд. петербург.) VI. 35; срв. Сводная галицко-русская лѣтопись 389, 683.

русскимъ мѣщанамъ не помогла даже униа, восторжествовавшая въ Червоной Руси на рубежѣ XVII — XVIII вѣковъ; львовскіе и другіе Русскіе, хотя униаты, оставались въ прежнемъ своемъ униженномъ положеніи. Въ холмской епархіи католическое духовенство въ XVII—XVIII вв. собирало десятины и съ униатской Руси, не смотря на всѣ запрещенія Рима и протесты униатскихъ епископовъ холмскихъ. Трудно было защищаться, если господствующая польская католическая пародность все смотрѣла на Русь, не только православную, но тоже униатскую, съ какимъ-то презрѣніемъ, смотрѣла на унию какъ на „вѣру хлопскую“ (а католицизмъ „вѣра панская“), не считала даже униатскаго духовенства равнымъ католическому духовенству польскому и дѣйствовала всегда въ смыслѣ словъ шляхты белзскаго воеводства, высказавшей еще въ половинѣ XVIII в. (1746) все свое презрѣніе даже къ униатскому русскому духовенству въ инструкціи своимъ депутатамъ на сеймъ: „*A że clerus ritus graeci usurpuje sobie officia, tytułując się dziekanami, officyałami etc., więc praxim antiquam obserwując, aby in stallo popowstwa simpliciter zostawali, et majores titulos nie usurpowali, ani żadnego praejudicium dziedzicom i possessorom juryzdykeya takową, któraby intracie praepedire mogła, non inferant, ichmość panowie posłowie curabunt. Tudzież domówić się, aby presbyteri ritus graeci non praetendant decimas, gdzie per erectiones decimae applicatae do kościołów ritus romani*“¹⁾.

¹⁾ Подробности у Поцѣя: *O dziesięcinach kościelnych na Rusi*. Взглядъ польской шляхты на униатскую Русь измѣнялся только медленно по мѣрѣ распространенія просвѣщенія и чужого вліянія. Въ карпатской Руси уже австрійское правительство (1782) запретило великое важничанье римскаго католицизма въ ущербъ обрядамъ русскому и армянскому (Сводная галицко-русская лѣтопись, 299; Pelesz: *Geschichte der Union der ruthen. Kirche mit Rom*, II 644). Въ великомъ княжествѣ варшавскомъ, въ которое вошла и холмская Русь, могъ уже въ 1811 г. униатскій холмскій епископъ Цѣхановскій (первый русскій епископъ въ польскомъ сеймѣ) въ варшавскомъ сенатѣ сказать, между прочимъ, и слѣдующее: „*Znikło już upodlenie roxolańskiego narodu, który niegdyś jednym imieniem wszystkich za-*

Коронная Русь въ своихъ высшихъ шляхетскихъ слояхъ, казалась, ополячилась; русская шляхта смѣшалась съ Ляхами и скоро сдѣлалась такими-же Ляхами *gente Rutheni, natione Poloni*. „Велѣдствіе взаимныхъ симпатій, взаимнаго благоволенія Русь ополячивалась. Какъ два братскіе корня одного дерева, стремились другъ къ другу и переплетались между собою элементъ русскій съ элементомъ лядскимъ, чтобы общими силами вырастить изъ себя одно исполинское дерево, одинъ могущественный народъ. Какъ затѣмъ дерево многими сучьями возносятся ввысь, такъ и народъ разрастается и увѣчивается тысячею меньшихъ семей, а между родовитыми вѣтвями Польши въ золотые ея вѣка развѣ не первыми по доблести, заслугамъ и славѣ, были именно роды, которые изъ русскаго корня на русской почвѣ, именно изъ земли холмской выросли. То-то наши знаменитѣйшія фамиліи и дома польскіе въ XVI и XVII вв., тѣ Зомойскіе, Жолкевскіе, Собескіе,— это все дома русскіе, отрасли холмскіе, изъ стараго Замостья въ землѣ холмской, изъ старой Жолквы въ землѣ холмской, изъ холмской Воли Собеской. Видя, что прекраснѣйшіе цвѣты польщины развивались изъ русскихъ соковъ, видя послѣ, какъ двумя единственными мѣстными домами, на долю которыхъ выпало украсить себя въ лучшія времена польскою короною, были именно два русскіе дома, наши холмскіе Собескіе и сосѣдніе съ Холмомъ Вишневецкіе, мы могли бы теперь перейти къ изображенію вопроса въ противоположномъ свѣтѣ, представить другую сторону всегда прекрасной картины того покоя вѣковъ существующаго братскаго единства, и начать такъ, какъ мы здѣсь кончаемъ: Русь ополячивалась, а Польша обрусѣвала“ ¹⁾).

szezycal Polaków. Zniknął naganny przesąd upadający Rusinów. Teraz dopiero widzimy się zupełnie porównani z bracią naszą“ (Петрушевичъ: Холмская епархія, 204).

¹⁾ Szajnocha: Jak Ruś polszczyła (Szkice historyczne IV. 189). Шайноха рисуетъ взаимныя отношенія Поляковъ и Русскихъ какъ-то въ розовомъ свѣтѣ (срв. тоже его *Jadwiga i Jagiello*, главу *Ruś szczywna*); если онъ подъ „Русью“ подразумѣваетъ шляхту на Руси, то онъ, пожалуй, правъ; но врядъ-ли кто-нибудь согласится нынѣ съ мнѣніемъ, что шляхта или бояре представляютъ „народъ“, и что,

Шляхетскій „народъ“ въ карпатской Руси весь былъ польскій, и не было уже разницы между Дѣдошицкими, Жолковскими, Замостскими, Одровонжами, Потоцкими, Яблоновскими. Русское мѣщанство, православное и потомъ униатское, тоже говорило, читало, писало, одѣвалось по-польски, а русское свое происхожденіе обнаруживало преимущественно въ жизни церковной, въ „русскихъ“ обрядахъ. Если бы была правда, что исторія сильныхъ и знатныхъ родовъ представляетъ вмѣстѣ исторію страны, то ополяченіе коронной Руси можно было на рубежѣ XVII и XVIII вѣковъ считать совершившимся фактомъ, тѣмъ болѣе, что въ то же время въ той Руси окончательно восторжествовала насербница польскаго католицизма, унія. Но такое мнѣніе — одна только иллюзія. Русь въ Карпатахъ, по Сачу, Дибетру, Бугу не исчезла; отъ нея остался, правда, одинъ только „людь“, „поны и хлопы“ (какъ выражался въ Польшѣ), всѣ тѣ сѣрые Лемки, Гуцулы, Бойки, Подоляне, которые однако — вмѣстѣ съ своими братьями по Дибіру и по Двинѣ — держали на своихъ плечахъ нынѣшнее зданіе польской шляхетской и католической Рѣчи Посполитой. Уже въ концѣ XVI в. раздается во Львовѣ голосъ, обращенный къ сильному царю „многоплеменитаго рода російскаго, отъ нихъ же и мы обрѣтаемъ во градѣ Львовѣ убози и умалени суще наче всѣхъ чловѣкъ жителей града сего“. А когда около половины XVII в. зданіе Рѣчи Посполитой падало, не поддерживаемое плечами русскихъ хлоповъ, и Богданъ Хмѣльницкій стоялъ подъ Львовомъ, то и въ карпатской Руси повсюду замѣчалось опасное броженіе между хлопамъ: *confusio et occulta a graeca religione insidiae, inpla-*

какъ думаетъ другой польскій историкъ К. Стадницкій, *historya możnych i świetnych rodzin jest razem historyą kraju*. (*Synowie Gedymina* II. 261). Шаїноха, историкъ-художникъ и лирикъ, вообще смотритъ на задачу историка довольно своеобразно; онъ, упрекая Костомарова въ индиферентизмъ, замѣчаетъ, что *taki indyferentyzm jest szkodliwy dziejom naszej ojezyny, gdyż autor tych dziejów traktując ją z zupełnym indyferentyzmem, nie zapala się miłością do dziejów naszych, nie unosi się chwałą tych dziejów, nie stara się o podniesienie jej najszczytniejszych czynów i dążeń*. (*Szkice histor.* IV. 204). Но такое отношеніе къ фактамъ — не исторія, а эпопея.

cabile odium contra catholicos et Polonos, Ruś prosi Chmielnickiego, aby im contra tyrannidem Polaków chciał subvenire— вотъ что записалъ тогда одинъ современникъ очевидецъ ¹⁾. Да броженіе распространялось и дальше на западъ, гдѣ Костка Паперскій, надѣясь на помощь Хмѣльницкаго, возбуждалъ польскихъ горцевъ противъ шляхты и Жидовъ.

Опасность миновала, а карпатскою Русью все управляли польскіе паны, настоящіе „Ляхи“, и „Русскіе, обросшіе лядскимъ мясомъ“, чуждые своимъ православнымъ и позднѣе униатскимъ русскимъ хлопамъ. Уже современникъ Іоанна Замойскаго и Станислава Жолковскаго, Іоаннъ изъ Вишни, касаясь разныхъ шляхетскихъ предразсудковъ и притязаній, съ пропією замѣчаетъ: „Чимъ ты лѣпшій отъ хлопа? Албо ты не хлопъ такій же, не таяжъ матерія, глина и персть, не тоежъ тѣло и кровь и тѣніе? Съ нами богъ восточными, разумѣйте языци, и ты прегордая Латино, и покоряйся, яко съ нами богъ!“ ²⁾. Эти-то русскіе хлопы не сдѣлались Ляхами, а сохранили своей карпатской родни характеръ земли русской; и только на плечахъ этой хлопской Руси держались польскіе ея паны, какъ истые *gari nantes in gurgite vasto*, но руководители ея судебъ. А эта Русь въ Карпатахъ по Сану, Дибѣстру, Бугу смотрѣла не очень дружелюбно на своихъ пановъ Ляховъ, которые ей дали „панщизну“ (барщизну); идеаломъ этой Руси былъ тотъ же „козакъ“, который дѣйствовалъ въ остальной югозападной Руси противъ Ляховъ пановъ и Жидовъ, противъ Татаръ и Турокъ.

5. *Русскій языкъ и русская письменность въ карпатской Руси въ XVI—XVII вв. Польскій языкъ въ карпатской Руси; вліяніе русскаго языка на польскій, польскаго на русскій. Польская литература въ карпатской Руси.*

Русскій языкъ исчезъ изъ канцелярій королевской, изъ воеводскихъ, земскихъ, старостескихъ и другихъ, изъ дворцовъ пан-

¹⁾ Кушевичъ у Лозинскаго, *Lwów starożytny* II. 257; срв. тоже хронки Львова І. Зиморовича и Юзефовича, и ниже о „селянѣхъ“ І. Зиморовича.

²⁾ См. ниже.

скихъ и шляхетскихъ, и остался только среди русскаго духовенства и мѣщанства, хотя и здѣсь его право все больше оспаривалъ польскій языкъ, дѣлаясь и въ этихъ сословіяхъ языкомъ литературнымъ и обиходнымъ. На русскомъ языкѣ въ карпатской Руси писалось мало. Русскіе книжники изъ духовенства находились подъ вліяніемъ церковнаго языка словѣнскаго, который въ свою очередь подвергался вліянію русскаго языка и болгарско-волошкаго извода. Во Львовѣ, Угорцахъ и Уневѣ печатались церковныя словѣнско-русскія книги; во Львовѣ издана въ 1591 г. „Грамматика доброглаголиваго елино-словенскаго языка, совершеннаго искуства осми частей слова. Ко наказанію многоименитому російскому роду“ ¹⁾. Главною опорою русскаго православія въ коронной Руси стало церковное ставропигійное братство во Львовѣ, поддерживаемое не только Русскими, а тоже Волохами изъ сосѣдней Молдавіи; оно старалось, насколько возможно, дѣйствовать во имя единства всей Руси, югозападной и сѣверовосточной, всего „многоименитаго или великоименитаго рода російскаго (россійскаго)“. Братство въ концѣ XVI вѣка (1592), строя вновь свою сгорѣвшую церковь, обратилось за помощью тоже къ русскому царю Федору Ивановичу, „господарю сѣверскія страны великоименитаго рода російска“, котораго „Богъ во многороднѣмъ племенѣ російскомъ царя неподвижна отъ прародителей постави“. „Твое Величество всѣмъ по вселеннѣй во благочестіи и православіи живущимъ прохладженіе еси и утѣшеніе и окормленіе, паче же вездѣ обрѣтающимся отъ многоплеменитаго рода російскаго; отъ нихъ же и мы обрѣтаемъ во градѣ Львовѣ духовніи, священници, дидакаліе, родъ російскій и греческій, убози и умалени суще паче всѣхъ человекъ жителей града сего. Понеже въ польскихъ странахъ во великихъ печалѣхъ обрѣтаемся, и вси славніи и благороднѣйшіи и могутствомъ силніи во иновѣріа различна поплзновеніемъ падошася; мы же, яко не имущи прибѣжища, къ тебѣ благоутробному и тихому и милости требующимъ пристанищу благонадежному притекаемъ“; они извѣщаютъ царя о

¹⁾ О ней срв. статью Лепкаго въ Литературномъ Сборникѣ галицко-русской Матицы 1871, стр. 35.

несчастіи, постигшемъ ихъ церковь, и просятъ о помощи. „Да уподобишся, всесвѣтлый царю, памяти святѣй честнаго ти царства прародителю, великому Владимиру, просвѣтившему весь родъ ро- сійскій святымъ крещеніемъ и честными храмы святоленіѣ землю роскую даже дозѣ освятившему“. Просьбу братства поддержалъ передъ царемъ, царицею и боярами терновскій митрополитъ Діо- нисій, эксархъ Малой и Великой Россіи, указывая на то, что во Львовѣ живутъ христіане „благочестія ради и истины и правосла- вія ради утѣшяеми и умалишася паче всѣхъ жителей града того, понеже нарочитіи ихъ во иновѣріе разыдошася и не имуще при- бѣжища“. Царь Федоръ Ивановичъ ввѣлъ этия просьбамъ и при- слалъ братству деньги и подарки ¹⁾.

Въ рядахъ православнаго духовенства карпатской Руси на- ходились всегда ревностные защитники стариннаго православія, боровшіеся словомъ и перомъ, все на русскомъ языкѣ, противъ на- ступательнаго католицизма и униіи ²⁾. Въ самомъ концѣ XVI и началѣ XVII в., послѣ провозглашенія церковной униіи въ Бе- рестѣѣ, уроженецъ карпатской Руси, Іоаннъ изъ Вишни, монахъ св. Горы аѳонской, написалъ нѣсколько статей и посланій о то- гдашнихъ церковныхъ отношеніяхъ на Руси—ко всѣмъ православ-

¹⁾ Акты западной Россіи IV. № 34; Юбилейное изданіе въ память 300-лѣтняго основанія львовскаго ставропигійскаго братства (Львовъ 1886, № 90 и др.). Въ забытой угорской Руси католическая іерархія и шляхта относились къ русскимъ „схизматикамъ“ и ихъ „батькамъ“ съ такимъ-же презрѣніемъ, какъ и въ Польшѣ. Попытки прививать русскимъ „схизматикамъ“ католицизмъ начались въ Угріи уже въ XIV в., но безъ успѣха; Стефанъ изъ Вербовца въ своемъ угорскомъ уложеніи (въ началѣ XVI в.) говоритъ, что Rusnjaki neki su se k našoj vcre, a neki su se gerčkoj blude pridružili (по словен- ско-хорват. переводу Чергошича). Въ угорской Руси въ теченіе по- чти всего XVII вѣка происходила борьба православія съ униєю; срв. статью Фидлера въ вѣпекихъ Sitzungsberichte der k. Akademie d. Wissenschaften 1862, Bd. 39, p. 481. Замѣтимъ, что угорскіе Русскіе тоже назывались „Волохи“—Rutheni, quos et Valachos vocant (Bider- mann: Die ungarischen Ruthenen II. 84).

²⁾ Приводимъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ сочиненій то- гдашнихъ карпатскихъ Русскихъ, какъ образцы языка и слога.

нымъ христіанамъ Малої Россіи (Малое Руссін), народу русско-
му, литовскому и лядьскому въ Польшѣ, уніатскимъ епископамъ,
и пр. Онъ между прочимъ указываетъ тоже на то, что „нынѣ
межи Ляхи князію рускіе все поеретичили и христіанства, истин-
ныя вѣры отступили, и еще на слѣдъ божій хулятъ и ропщутъ,
иноческій чинъ ругаютъ, посмѣваютъ, злословятъ, лгутъ, клеве-
шутъ, судятъ, мерзятъ, безчестятъ и до конца ненавидятъ“, а
„если бы тые клобучники каптуропосци межи вами не были, уже
бы есте давно погыбли. На пановъ же вашихъ руского рода, на
сыны человеческія, не падѣйтеся, въ нихъ же иѣсть спасенія! Все
бо живаго бога и вѣры яже въ него отступили, прелести же ере-
тической ся поклонили.“ Онъ представляетъ совершенно другую
характеристику шляхетства, чѣмъ къ какой тогда привыкли:
„Хтожь есть шляхтичъ? Тотъ, который зъ поволѣ мірской къ богу
вырнетъ и съвыше ся отъ духа святаго породитъ, по Іоанну:
елициже, рече, пріяша его, дастъ имъ власть чадомъ божіимъ бы-
ти, вѣрующимъ въ имя его, иже не отъ крови, ни отъ похоти
плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ бога родинася. Видиши
ли шляхетство вѣры нашея? Который отъ бога ся породитъ,
тотъ есть шляхтичъ.“ А обращаясь къ уніатскимъ іерархамъ
„ксецдамъ бискупамъ“, шляхтѣ, Іоаннъ Вишенскій упрекаетъ
ихъ, что они своихъ собратьевъ христіанъ считаютъ „подлѣйши-
ми отъ себе“ и прозываютъ ихъ „хлопами (хлапами), кожемяками,
сѣдельниками, шевцами на поруганіе“, и наконецъ спрашиваетъ:
„Чимъ ты лѣпшій отъ хлода? Альбо ты не хлопъ такіи же, не
такая же матерія, глина и персть, не тоежь тѣло и кровь и тѣ-
піе? Гдѣжь Христосъ на своихъ учениковъ хлапавъ кожемякавъ?“
Въ городахъ „войтове, бурмистрове, лаутвойтове, власть мірская
градская, не дадѣте Руси ни единого пространства въ жизни ихъ,
въ судѣхъ по Руси не поборайте, пачеже и кривдите, въ купляхъ,
торгахъ, ремеслахъ Русни съ папезникомъ волности единой да
не иять, въ цехахъ ремесницкихъ Русину быти не достоинъ, доко-
лѣ ся не папезитъ, на власти войтовства и бурмистранства и
прочихъ строителствъ отъ руского народа да ся не поста-
вляютъ, доколѣ ся у папежа не увѣруютъ“. Іоаннъ Ви-
шенскій рѣзко нападалъ на дѣятельность іезуита Петра Скар-

ги, который взводилъ разныя клеветы на православіе и на русскій народъ, рекомендуя ему унию, какъ единственное средство для выхода изъ его жалкаго положенія. Между прочимъ онъ возмущался нападками Скарги на церковный языкъ словѣнскій: онъ-де не могъ и не можетъ русскому народу дать того, что́ даетъ языкъ латинскій католикамъ; Греки надули-де Русь, предоставивъ ей церковный словѣнскій языкъ, а не давъ ей своего греческаго въ церкви и наукѣ; а съ помощью словѣнскаго языка, непонятнаго для самихъ поповъ, никто ученымъ быть не можетъ: „Мы Русь словенскаго языка не разумѣемъ!“ восклицаетъ Іоаннъ Вишенскій, и спрашиваетъ, чѣмъ же словенскій языкъ хуже латинскаго въ дѣлѣ спасенія; вѣдь греческіе учителя все растолковали, такъ что всякій „языка словенскаго Русинъ либо Сербинъ или Болгаринъ вѣдаетъ и разумѣетъ, чѣмъ спастися можетъ, если только самъ восхощетъ“. Велико число святыхъ угодниковъ святаго языка словенскаго въ Великой Россіи, и въ Малой Россіи, во всемъ родѣ російскомъ, и въ турецкой землѣ въ родѣ сербскомъ и болгарскомъ. „Ты Скарго на славянскій языкъ ¹⁾ поспѣлу съ діаволомъ борбѣ подвигнулъ еси, который для того языка словянскаго не любитъ, и отъ всѣхъ другихъ на онаго подвигомъ сильнѣйшимъ (стлумити и угасити его хотѣй) подвигнулъ есть, ижъ въ языку словянскомъ лже и прелесть его никакоже мѣста имѣти не можетъ, ибо ани діалектитъ и сплогизмъ поганскихъ (нищующихъ правду божію во лжу), ани хитрорѣчіемъ лицемѣрнаго фарисейства упремудряетъ, толко истинною правдою божіею основанъ, збудованъ и огороженъ есть; и ничтоже другое ухищреніе въ себѣ не имѣетъ, толко простоту и спасеніе рачителю славянскаго языка еднаетъ“! Іоаннъ изъ Вишни ревностно защищаетъ права словенскаго языка въ церкви, все утверждая, что „словенскій языкъ предъ богомъ честнѣйшій есть и отъ еллинскаго и латинскаго“ ²⁾.

Печальное положеніе православной Руси въ Польшѣ не смущало однако Іоанна Вишенскаго, и онъ гордо восклицаетъ:

¹⁾ Іоаннъ пишетъ „словенскій“, „словянскій“, „славянскій“.

²⁾ См. „Славяне“ II. 594, 600.

„Съ нами Богъ восточными, разумѣйте языци, и ты прегордая Латини и покоряйся, яко съ нами Богъ! Если бо гордостію пре- можете, отъ тресущаго божества побѣждени будете, яко съ нами Богъ; и иже еще съвѣтъ съвѣщаете, разорить и Господь, яко съ нами Богъ; и слово еже еще възглаголете, не имать пребыти въ васъ, яко съ нами Богъ“ ¹⁾.

Современникъ Іоанна изъ Вишни, неизвѣстный православный священникъ львовскій, въ началѣ XVII в. тоже обширно описалъ событія время берестьевской уніи; онъ между прочимъ рассказываетъ о введеніи христіанства у Поляковъ и Русскихъ, а гибель „паньства руского“ приписываетъ недостатку школъ и наукъ. „Поляци рускіе паньства пообсѣдали, попріятелѣвшися зъ ними, и царскіе цурки (дочери) своѣ за Русиновъ давши, черезъ нихъ своѣ обычаѣ оздобные и науку укоренили, такъ ижъ Русь посполтовавшися зъ ними, позавидѣли ихъ обычаемъ, ихъ мовѣ и наукамъ, и не маючи своихъ наукъ, у науки римскіе своѣ дѣти давати почали; которые зъ науками и вѣры ихъ навыкли, и такъ по малу-малу науками своѣми все паньство руское до вѣры римской привели, ижъ потомкове князять рускихъ зъ вѣры православной на римскую vykрестились, и назвиска и имена собѣ поотмѣняли, яко бы николи не зналися быти потомками благочестивыхъ прародителей своихъ“ ²⁾. Говоря о введеніи уніи, авторъ замѣчаетъ, что вслѣдствіе того „не тьлько Русь, але и Ляхове ажъ до войны внутренией межи собою пришли, сеймы ся

¹⁾ Посланія Іоанна изъ Вишни см. въ Актахъ южной и западной Россіи II. 205—270. Зачатка мудраго Латынника съ глупымъ Русиномъ въ диспутацію (С. Голубевъ: Петръ Могила, Кіевъ 1883, I. приложенія, стр. 67), и нѣсколько другихъ статей, изданныхъ С. Голубевымъ въ Архивъ югозападной Россіи (1887). ч. I. т. 7, стр. 19. Срв. Кулиша: Исторія возсоединенія Руси I. 297. О Іоаннѣ Вишненскомъ см. статьи Сумцова и Житецкаго въ Кіевской Старинѣ 1885, XI. 649; 1890, XXIX—494, еще срв. 1889, XXV, 141 и приложеніе; 1890, XXIX, приложенія стр. 111.

²⁾ Авторъ говоритъ, что „по збуренью паньства руского“ въ числѣ добычи были тоже „словенскія книги“, которыя еще тогда, въ началѣ XVII в., хранились въ сѣлепахъ въ Краковѣ и Львовѣ.

ломали, все злое оттолъ пошло и конца еще не маеть“, что унія распространяется насильственными средствами, что не даютъ „вряду никому, кто не есть папешовъ, а Русинъ коли не есть униѣтомъ, а напередъ у незнаемыхъ пытаются, если Полякъ, чи есть католикъ, а если Русинъ, чи есть униѣтъ; наконецъ и у права коли тягаются межъ собою, теда также пытаются, естли католикъ альбо униѣтъ, и на то баченье мають“¹⁾.

Лѣтописныя записки велѣсь во Львовѣ еще около половины XVII в. по-русски. Львовскій лѣтописецъ особенно интересовался исторіею козаковъ и подробно рассказываетъ о возстаніяхъ Тараса и Павлюка; между прочимъ говоря о кровавой битвѣ между польскимъ гетманомъ Конецпольскимъ и Тарасомъ (1630), онъ замѣчаетъ, что Конецпольскій „показывалъ, слезы стираючи, трупъ великій тые слова мовячи: Отожь унія, лежитъ Русь съ Поляками“! 2).

Нѣкоторые книжники карпатской Руси попробовали писать— по латинскимъ и польскимъ образцамъ — стихи или вирши, которые свидѣтельствуютъ о всемъ другомъ, только не о поэтическомъ талантѣ стихотворцевъ, обращавшихся немилосердно съ языкомъ славено-россійскимъ и съ смѣсю русско-польскою. Такъ напр. Яковъ Седовскій прославляетъ своего земляка Григорія Криницкаго, „въ Россіѣ Лвовскія земля обывателя“, въ виршахъ русскихъ, издавшихъ въ Венеціи 1641 г., замѣчая въ славено-россійскомъ посвященіи венеціанскимъ гражданамъ, что эти его стихи будутъ „во общую ползу и утѣшеніе прочіѣмъ православнымъ, наипаче же людямъ діалекту славенскаго, егоже широкость земли широкости равна“. Самые русскіе стихи въ честь Криницкаго и греческаго народа—въ родѣ слѣдующихъ:

Такъ ся прудко фортуны кола обертают,
сцептры въ ярмо, достатки въ нендзу отмѣняют,
але ты цный народе любъ терпини отмѣну
в дочасныхъ рѣчахъ, вѣру держини неотмѣну, и пр.

¹⁾ Акты западной Россіи IV. № 149.

²⁾ Львовская лѣтопись издана въ Русскомъ истор. сборникѣ Погодина 1838, III, и въ Научномъ сборникѣ галицко-русской Матицы 1867.

Современникъ и землякъ Седовскаго Григорій Бутовичъ, студентъ замостской академіи, прославляя въ русскихъ стихахъ (1642) новаго „православнаго епископа львовскаго, галицкаго и Каменца подольскаго, въ Россіи, въ Роксолани“, Арсенія Желиборскаго,—въ родѣ слѣдующихъ:

Презащный доме, Желиборскихъ секты.
Кгды поглядаю на твои аспекты
Барзо высоко уступилесь кроку
Отъ мого зроку, и пр. ¹⁾.

Мысль переводить біблію и другія церковныя книги на простую „мову рускую“ нашла себѣ сторонниковъ не только въ Руси литовской, но также въ Руси карпатской; здѣсь въ XVI в. въ такомъ смыслѣ дѣйствовали Михаилъ Васильевичъ изъ Савока, Лука изъ Тернополя, Василій Жугаевъ изъ Ярославля, Дмитрій изъ Зинкова (оба послѣдніе списали части западно-русской бібліи Скорпины), и другіе ²⁾. По къ такимъ мыслямъ русское духовенство карпатской Руси все-же относилось не очень доброжелательно, какъ это было и въ другихъ странахъ русскихъ ³⁾. Оно защищало неприкосновенность словѣско-русскаго текста церковныхъ книгъ въ смыслѣ словъ львовскаго епископа Арсенія Желиборскаго, высказанныхъ въ предисловіи къ изданному имъ въ 1644 г. Требнику: „Што ся тычетъ нововыниклыхъ што день отмѣнныхъ такъ тексту яко и сенсу, нишимъ типографіамъ звычайныхъ корректуръ и поправокъ, тымъ далисмы покой, маючи за то, же въ рыхломъ (што дай Боже) часѣ, за общимъ архіереовъ православноѣ церкви російскоѣ совѣтомъ, и не осналымъ стараніемъ, станетъ една яка статечная и неотмѣная, такъ старопре-

¹⁾ Объ этихъ стихахъ см. Як. Головацкій: Библиографическія находки во Львовѣ (Записки Императорской Академіи Наукъ, XXII, приложенія).

²⁾ См. ниже. О русскихъ евангеліяхъ: чолганекомъ (1603), сапоцкомъ (1635), бібліи шаргородской (1660), см. Петрушевича Сводную галицко-русскую лѣтопись, стр. 21, 74 316; Рукописи Ундольскаго 380.

³⁾ См. „Славяне“ II. 600.

тлумачоныхъ книгъ корректура, яко и въ нашомъ словенскомъ языкѣ еще не былыхъ претлумаченіе“ ¹⁾).

Какъ видно, немногіе карпатско-русскіе книжники писали на языкѣ церковномъ славено-россійскомъ; обыкновеннымъ письменнымъ языкомъ былъ простой русскій языкъ съ значительною примѣсью польскою; только изрѣдка къ этому языку русскому примѣшивались нѣкоторыя слова церковнаго славено-россійскаго языка, какъ бы въ воспоминаніе церковныхъ школъ у пишущихъ священниковъ; такъ напр. въ русскихъ сочиненіяхъ Іоанна Вишенскаго встрѣчаются слова: съборъ и соборъ, въпрашати и вопрошати, гласъ, градъ, подвижъ, святаго и святого, быше, съдѣся, хотѣхомъ, въврещи, виждь, одерь (и ложка), врата адова (и брамы пекельныя) и др. Въ русскомъ языкѣ Іоанна Вишенскаго и другихъ карпатско-русскихъ книжниковъ XVI—XVII вв. встрѣчается множество польскихъ словъ, передѣланныхъ и передѣланныхъ на русскій ладъ, напр. звитяжца, трутизна, тяжаръ (ciężar), князь (и кеюндзь), брама, воинене (watpienie), пендза (pendza), небожента, въ бленьдзе, владза, цурка, трвати, скарбъ, барзо, укрижовати, фрасунокъ, ратунокъ, гвалтъ (kwałt), трафити, шафовати, проходилемся, мѣлесь, и др. Львовскій священникъ въ началѣ XVII в. замѣтилъ, что „якъ Поляцы у свой языкъ намѣшали словъ латинскихъ, которыхъ южъ и простые люди зъ налогу уживають, такъ же и Русь у свой языкъ намѣшали словъ польскихъ и оныхъ уживають“ ²⁾.

¹⁾ О словѣнско-русскихъ и русскихъ памятникахъ карпатской Руси см. Калужняцкаго, Обзоръ славянорусскихъ памятниковъ львовскихъ (Кіевъ 1877), Петрушевича, Сводная галицко-русская лѣтопись 1600—1772 гг., ниже упоминаемыя соч. Архангельскаго и Владимірова о памятникахъ югозападной Руси вообще, разные сборники Актовъ (особенно Акты южно-западной Руси въ Науковомъ Сборникѣ галицко-русской Матицы 1867—1870 гг.) и др.

²⁾ Акты западной Россіи IV. стр. 229. При такихъ соображеніяхъ авторъ узналъ подлогъ митрополита Потѣя относительно мнимой грамоты митрополита Мисаила 1476 года, о чемъ см. „Славяне“ П. 447. Письмо митрополита Исидора (см. выше стр. 48) считаемъ тоже подложнымъ.

Такой русско-польскій стиль употреблялся вообще во всѣхъ тѣхъ немногихъ запискахъ, которыя писали уже почти только одни карпатско-русскіе священники. Любопытно по существу и по языку воззваніе львовскаго епископа Іосифа Шумлянскаго къ русскому духовенству его енархіи въ издашней имъ книгѣ „Метрика албо реестръ для порядку церкви св.“ (Львовъ 1687): „Паслухалемся и того часто, же намъ панове духовенство римское, а часомъ и ляда кто промавляють простотою, называють насъ неуканами, а то для того самого, же латинскаго письма албо польскаго многіе не разумѣють, языкомъ латинскимъ албо польскимъ мовити не умѣють, хочай другій священникъ въ славенскомъ языку? и письмо будетъ добре учоный и умѣтний и большъ умѣти бы не повниенъ только кождый своего власнаго языка добре письмо, але же латинскаго языка албо польскаго не умѣеть, то южъ у пана простаць. Павель святой по священнику науки потребуеть гды мовить: подобаеть епископу албо священникови быти учительну, и сама слушность, албо потреба духовная того на насъ вытискаеть, иле тутъ въ краяхъ короны польской, абы духовенство наше російское православное духовенству римскому языкомъ принаймѣй корреспондовало, жебы священникъ съ паномъ полѣтиче могъ ся розмовити, и на заданье якої трудности умѣетне отповѣдити. Абысте сыновъ своихъ зъ молодыхъ дитинскихъ лѣтъ заправовали, первѣй своего словенскаго письма и языка добре научившу, потомъ до школъ польскихъ и латинскихъ не забороняли, и овшемъ отческо ихъ промововали. Суть зъ ласки божой школы, не только тутъ въ Львовѣ, въ Ярославію, въ Краковѣ, але и въ Кіевѣ, еще за державы пайяснѣйшихъ монарховъ кроловъ польскихъ, и за особливимъ стараньемъ блаж. пам. преосвящ. метрополиты кіевского и вся Россіи, господина отца Могилы зафундовапіе, а теперъ за державы благочестивыхъ царей и великихъ князей російскихъ повеленіемъ и скарбомъ ихъ ново реставрованіе албо отновленіе; суть и ближей насъ на Гойщи дорога тежъ за упокоеніемъ монарховъ христіанскихъ, хвала богу, вольная, такъ зъ Кіева до насъ и отъ насъ до Кіева. Тамже честніи отцеве своихъ сыновъ для науки посылайте, кошту не жалуйте, а ежели кому здаеться до Кіева далеко, посылай теды

до Гойщи, можетъ и тутъ поучиться добре, такъ русскаго, словенскаго, яко и польскаго и латинскаго письма и языка“.

Трудно было развиваться русской литературѣ въ ея карпатской родинѣ при опоячаніи высшихъ ея сословій и при богатомъ развитіи польской и латинско-польской литературы, которая служила потребностямъ не только Поляковъ, но также Русскихъ въ коронѣ польской и въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Въ самой карпатской Руси, во Львовѣ, Добромиль, Замостьѣ, Яворовѣ и др. печатались книги польскія и латинскія, и многіе польскіе и польско-латинскіе писатели происходили изъ этой Руси, жили и писали здѣсь: Орѣховскій, Рей, Семцъ-Шарпийскій, Верещинскій, Щербичъ, Бирковскій, Гербуртъ, Окольскій, Пясецкій, Шимоновичъ, Зиморовичи, Юзефовичъ; а другіе польскіе писатели пребывали временно въ карпатской и въ другой Руси, напр. Март, Бѣльскій, Клѣновичъ, Вячеславъ Потоцкій и др. Эти польскіе писатели, живя въ карпатской Руси или сносясь съ русскимъ народомъ, знали болѣе или менѣе его нарѣчіе; они принимали нѣкоторыя русскія слова въ свой польскій языкъ, отчасти вслѣдствіе дѣйствительнаго недостатка соотвѣствующихъ польскихъ словъ, отчасти только чтобъ блеснуть знаніемъ русскаго языка или придать своимъ литературнымъ произведеніямъ мѣстную окраску провинціализмовъ (*z ruska, jak Ruś mowi*), отчасти же ради того, что такое обогащеніе польскаго языка изъ разныхъ славянскихъ языковъ, особенно изъ чешскаго и русскаго, считалось возможнымъ ¹⁾. Съ половины XVI в. переходили въ польскій языкъ нѣкоторыя русскія слова, именно посредствомъ Руси коронной, карпатской; они встрѣчаются уже у польскихъ писателей второй половины XVI вѣка, у Рея, Орѣховскаго, М. Бѣльскаго, Л. Горницкаго, І. Кохановскаго, Клѣновича и др. Коронная, карпатская Русь стала первымъ проводникомъ такихъ русскихъ словъ въ польскій языкъ; скоро къ ней примкнула тоже и литовская Русь. Появленіе нѣкоторыхъ такихъ словъ въ польскомъ языкѣ можно комментировать и ближе. Такъ напр. героя Поляки XV в. называли, какъ и Чехи, *gardzino* (чеш. *hrdina*), вѣроятно тоже *wiciądz*

¹⁾ См. выше, стр. 41.

(витязь); Мончинскій въ словарѣ латинско-польскомъ (1564) слово *heros* объясняетъ: *człowiek znamienity, rączy*; Орѣховскій замѣчаетъ, что героевъ—*Ruś nasza bohatermi zwala od Boga (!)*, и съ тѣхъ поръ восточное татарско-турецкое и Русью принятое слово *богатырь* употреблялось тоже Поляками: *bohater*, *bohater* ¹⁾. Русское слово *голять* (голый, голь, голышъ, голякъ, голота, голытьба), встрѣчающееся въ западно-русскомъ языкѣ XV—XVI вв., перешло въ польскій въ формѣ *hultaj* (т. е. *hóltaj*, *hóltaj*) ²⁾. Мончинскій еще не знаетъ этого слова и переводитъ *vagus, vagabundus* — *tułacz, łazęka*, у другихъ *łazęga* (срв. *włóczęga*, волоцюга, бродяга); Орѣховскій знаетъ уже *łazęga* и *hultaj*. Слово *hultaj* вошло затѣмъ и въ юридическую терминологию польскую въ значеніи бездомныхъ людей ³⁾. Эта уже польская форма перешла опять въ западно-русскій языкъ: *гультай, гультай, гультай*. Беринда и другой южнорусскій лексикографъ объясняютъ словенское слово *льтець, лестець* русскимъ „тулакъ, волоцюга, гулгай (гультай)“ ⁴⁾. Поляки приняли тоже западно-русскія формы *hołota, hółaczek, hołysz*, но не забыли своихъ *golota, gołec-golek, golysz*. Это h вмѣсто польскаго g указываетъ вообще на заимствованіе словъ изъ западно-русскаго или также изъ чешскаго ⁵⁾. Польское *smard* сохранилось до второй половины XVI в. въ значеніи простого хлопа въ презрительномъ смыслѣ (у Мончинскаго, Рея, Бѣльскаго, Папроцкаго); но со второй половины XVI в. и въ XVII в. польская форма этого слова уступила русской *смерд* (смердъ), каковую употребляютъ Стрыйковскій, Старовольскій ⁶⁾. Польское *por* означало вообще священника, и като-

¹⁾ О словѣ *wiciądz* см. „Славяне“ III. 210, о словѣ *gardzina* см. *Biblioteka Warszawska* 1891, I. 247. О словарѣ Мончинскаго см. „Славяне“ II. 147. Поляки знали тоже слова: русское *molodec, molodziec, mołojec* (Стрыйковскій, Папроцкій, Бирковскій, Окольскій), и югославянскія *junač* (Будный, Гвагнинъ-Панковскій, Коховскій, Опалинскій и *witez* (Гвагнинъ-Панковскій, Жебровскій, Коховскій).

²⁾ См. выше, стр. 122.

³⁾ Срв. примѣры изъ *Volamina legum* въ словарѣ Линде.

⁴⁾ Срв. выше, стр. 31.

⁵⁾ Срв. выше, стр. 38.

лическаго; въ XVI в. польскіе протестанты любятъ называть попами именно католическихъ священниковъ (Будный, Рей, Сеницкій); Орѣховскій такъ называетъ протестантскихъ священниковъ (pori kacerzykowіe, а католическіе — karłani). Со второй половины XVI в. por стало означать православныхъ (и униатскихъ) русскихъ поповъ, какъ и слово cerkiew (сначала вообще церковь также католическую) — церковь православную, униатскую ¹⁾. Въ такомъ значеніи вошло слово por, равнымъ образомъ какъ и другія русскія названія władyka, humen-humenica, cerkiew и др., въ польскую юридическую терминологию — для отличія отъ католическихъ польскихъ biskup, opat, ksiądz — kapłan, opat; kościół и пр. ²⁾. Слово zaбр (словѣн. зѣбрь) Поляки употребляли до половины XVI вѣка: dominus Pylko dictus zambr (1372), zambrus, zambro у Длугоша (о гербѣ Венява), zaбр въ польскомъ переводѣ литовскаго статута (1532); но уже Кромеръ (Polonia, напис. въ 1573 г.) замѣчаетъ: zubrum seu zambrum vocant nostrates, и со второй половины XVI в. русская форма zubr (такъ пишетъ напр. Рей), позднѣе неправильная żubr, во дворила въ польскомъ языкѣ, хотя въ географическихъ названіяхъ Zambrów, Zambrzysce сохранилась еще дрпольская форма. Польская форма *жу́бр* перешла потомъ и въ малорусское нарѣчіе ³⁾. Подобно тому русская форма łuk (лукъ, безъ носового звука) перешла въ польскій языкъ въ началѣ XVI в. вѣроятно — чтобъ отличить łuk (оружіе) отъ łek (часть сѣдла, срв. тоже obłak). Въ обѣихъ польскихъ псалтиряхъ XIV — XV вв. встрѣчается еще форма съ носовымъ звукомъ łączyszcze, łączysko; уже въ псалтиряхъ XVI в. (Врубля, напр. 1540, 1567 гг.) по большей части łuk, но рядомъ тоже łączysko; у другихъ польскихъ писателей уже только łuk, напр. у М. Бѣльскаго (1550),

¹⁾ Срв. „Славяне“ III. 213—214.

²⁾ Слово por употреблялось потомъ въ презрительномъ смыслѣ. У Кохановскаго por — конь въ шахматахъ (какъ и дрчеш.). См. Словарь Линде.

³⁾ „Жубровая трубонька“ въ червонорусской колядкѣ (сб. Яв. Головацкаго III. б. 61).

Моичинскаго, Рея, Кохаповскаго, въ библии 1561 г. и др. Черезъ русскія земли въ XVI в. перешли въ польскій языкъ разныя восточныя (турецко-тагарскія, кавказскія) названія оружія и одежды, употребляемыя Русскими и Поляками, напр. *kolezan* (*tul*), *sahajdak* — *sajdak* (*luk*), *dzida*, *karabela*, *kolezuga*, *bulawa*, *szarawaгу*, *żupan* и др. Съ другой стороны многія слова польской военной терминологіи перешли въ русскій языкъ ¹⁾.

Повальное ополяченіе шляхты всей коронной Руси, распространіе польскаго языка среди этой шляхты, насколько она была русскаго происхожденія, видно тоже по тому, что въ числѣ первыхъ польскихъ писателей нашлись уроженцы той Руси, именно Николай Рей изъ Пагловницъ—изъ земли жидачевской и Станиславъ Орѣховскій изъ земли перемышльской, которые, вмѣстѣ съ уроженцами польскихъ земель Бѣльскимъ, Кохаповскимъ, Горницкимъ, дѣльно поработали надъ литературнымъ польскимъ языкомъ. Протестантъ Рей владѣлъ польскимъ языкомъ въ совершенствѣ, благодаря отсутствію у него основательнаго знанія латинскаго языка, который портилъ польскій слогъ. Рей сознаетъ себя вполнѣ Полякомъ, чѣмъ дѣйствительно и былъ (его отецъ переселился изъ краковской земли на Русь); онъ игнорируетъ Русь, гдѣ онъ родился, росъ и жилъ, и въ его сочиненіяхъ, которыя могли быть написаны и подѣ Краковомъ, Люблиномъ, Познанемъ и Варшавою, нѣтъ и слѣдовъ русскаго колорита, и только очень немногія русскія слова могутъ свидѣтельствовать о родинѣ Рея на берегахъ Днѣстра, напр. *kobza*, *drewno*, *rohromki*, *nadzieźny*, *dohadywać*, *zubr*, *puhacz*, *krynica*, *czupryna*, *rohатынка*, *sulica* и др.; въ сочиненіи *Figliki* онъ приводитъ Поляка говорящимъ съ Литвиномъ по-русски. Подобно Рею и младшій его современникъ и землякъ, Николай Семъ Шаринскій (*Sęp Szarzyński*), проживавшій въ львовской землѣ, ничѣмъ не заявляетъ о своей русской родинѣ, развѣ только словомъ *rohание*. Если у Рея и Шаринскаго почти ничто не напоминаетъ ихъ русскаго гнѣзда, то старшій ихъ землякъ, Станиславъ Орѣховскій, пользуется часто

¹⁾ Срв. „Славяне“ III. 258 — 262. Форма *luk* можетъ быть впрочемъ тоже чешская.

случаемъ напомнить о своемъ любимомъ „родомъ Русскій, народомъ Полякъ“; онъ употребляетъ иногда лишнія русскія слова, которыя онъ могъ замѣнить польскими, напр. *korabl* (а не *korab'*), *sorom* (а не *srom*, но *sromota*), *hruby* (а не *gruby*), *bohater* — *bohater* (слово „нашей Руси“), *hultaj* или *łazęga* и др.; онъ приводитъ тоже нѣсколько русскихъ словъ, сказанныхъ королямъ Владиславомъ Ягайломъ. Подобно Орѣховскому, и другой польскій писатель изъ карпатской Руси, Іоаннъ Гербуртъ, другъ и доброжелатель Руси, вставилъ въ свое сочиненіе русскія пословицы, нѣсь и слова короля Владислава Ягайла ¹⁾. И нѣкоторые другіе польскіе писатели, побывавшіе на Руси, внесли въ свои польскія сочиненія нѣсколько русскихъ словъ, чтобъ только показать свое знакомство съ Русью. Такъ напр. Март. Бѣльскій, прожившій много лѣтъ на Руси, въ землѣ перемышльской, въ Покутьѣ и Подольѣ, употребляетъ нѣсколько русскихъ словъ, напр. *rohaniec*, *hruby*, *rohatyna*, *luk*, *skorb*, *hospodin* и др. ²⁾. Даже

¹⁾ О Ст. Орѣховскомъ и І. Гербуртъ см. выше, стр. 70—73, 75—79.

²⁾ М. Бѣльскій зналъ вообще Славянство довольно хорошо, о чемъ см. „Славяне“ II. 115, 425 — 427, 437, III. 245. По Вишневекому (*Historia literatury polskiej* VII. 306) казалось бы, что въ сатирѣ Март. Бѣльскаго *Sjem niewieści* (Kraków 1586, 1595) одна изъ этихъ женщинъ говоритъ русскіе стихи; но въ изданіяхъ 1586 и 1595 г. ничего подобнаго нѣтъ, и всѣ женщины говорятъ по-польски. Эти русскіе стихи помѣстилъ только позже Ежовскій, издавшій *Sjem niewieści* Бѣльскаго подъ своимъ именемъ (1639); но эти „русскіе“ стихи — замѣна польскихъ словъ такими же русскими, удачными и неудачными, напр. *często*—*czasto*, *przymawiała*—*prymawiała*, *gorszego*—*choroszo* (!), *łaskawie* — *troszeńka*, *co* — *szezo*, *między*—*meży* и пр.; слова *użyła*, *więcej*, *bardzo*, остались тоже въ русскомъ текствѣ. Срв. М. Бѣльскаго: *Satyry* по изд. краковскому 1889 г. Въ экземплярѣ всемірной хроники М. Бѣльскаго (изд. 1564 г.), хранящемся въ варшавской университет. библіотекѣ, кто-то недавно къ слову *rus* (т. е. *nie jest*, *nie jest*) приписалъ *ti: ruet*, и это *ruet* дало поводъ къ страннымъ разсужденіямъ о „русскомъ“ словѣ *нѣтъ* у Бѣльскаго. Срв. А. Павицкаго статью о Бѣльскомъ въ варшав. журналѣ *Tygodnik ilustrowany* 1880, p. 195.

Іоаннъ Кохановскій, первый поэтъ польскій второй половины XVI в., счелъ возможнымъ употребить нѣсколько словъ русскихъ, напр. nadzieńny (по nadzieja), królewicz (и królewic), wiedma (и wiedźma), hrosz, не говоря о другихъ словахъ русскихъ, которыя тогда въ польскомъ языкѣ приобрѣли уже право гражданства, напр. bohater, luk, и др. ¹⁾. Вставка отдѣльныхъ русскихъ словъ и даже фразъ въ польскія сочиненія считалась дѣломъ возможнымъ, не говоря о принятыхъ уже въ литературномъ языкѣ польскомъ словахъ русскихъ. Такъ напр. Клѣновичъ употребляетъ не только слова bohater—bohater (bohaterz), hultaj, krynica, halas, rohaniec, luk, surma, а также лишнія русскія слова: czerewo (черево, brzuch, а trzewo—кишка), skrowiszcze (сокровище, skarb), hołowieńka, mołojec, muž, borzobohaty, hołoble, gramota (а не hramota), izmiennik (у другихъ польскихъ писателей zmiennik), pobratym, zołote (źniwo, но złote kłosy, grona и пр.), chorosze, czoboty, hubi, zahibł, carstwo (tureckie), brednia, Lach-lacki, и др. ²⁾. Современникъ Клѣновича, Іосифъ Верещинскій, потомокъ русскаго рода изъ холмской Руси ³⁾, зналъ русскій языкъ, употребляя иногда въ своихъ польскихъ сочиненіяхъ русскія слова (horodyszcze, bohomodleca, braha—piwo, horodniczy, skomoroch, hramota), не говоря объ обыкновенной польской номенклатурѣ mitropolit, władyka, archimendryt, humen, czerniec, por;

¹⁾ Слова Uhry, ruka, употребленные Кохановскимъ только какъ исключеніе (обыкновенно Węgry, ręka),—русскія или чешскія.

²⁾ Клѣновичъ, родомъ изъ Сулимѣриць въ Великой Польшѣ, жилъ потомъ въ Люблинѣ и познакомился съ Русью; онъ зналъ тоже чешскій языкъ, о чемъ сравни „Славине“ П. 138, Ш. 246. Надо сожалѣть о томъ, что Клѣновичъ описалъ Русь стихами не польскими, а латинскими (Roxolania, 1584). Въ его поэмѣ Worek Judaszów на одной страницѣ (изд. Туровекаго 77) встрѣчаются слова skarbnica (польск.), pokładnica (чеш.), skrowiszcza (русс.); въ другомъ мѣстѣ (стр. 114) приводится „czuryło młody“, волокита въ родѣ русскаго Чурилы Пленковича (по Czuryło тоже родъ червонорусскій XV—XVI вв.); стр. 124: jak Ruś mówi: jeden idzie k lesu, drugi czesze k biesu.

³⁾ См. выше, стр. 69.

онъ выводитъ Татаръ, говорящихъ по-русски, и польскій переводъ русскаго писема *hospodara cara i w. kniazia Chwedora Iwanowicza* къ нему, Верещинскому. Русскій языкъ былъ извѣстенъ обоимъ доминиканцамъ, уроженцамъ карпатской Руси, Ф. Бирковскому и Ш. Окольскому, которые кромѣ того побывали тоже въ другихъ земляхъ русскихъ. Окольскій провожалъ полевого гетмана Николая Потоцкаго въ его походъ противъ возставшихъ козаковъ (1637—1638) и описалъ этотъ походъ; онъ часто вставляетъ въ свой дневникъ русскія слова и фразы козаковъ, напр. *ataman, asawul, molojcy, kozacy horodowi, ochoczy, wypiszczukowie, czerń, jaruga, wertep, dobroho zdrowia od hospoda boga*, и др. ¹⁾.

Въ XVII в. нѣкоторые польскіе писатели идилій, проживавшіе на Руси, именно во Львовѣ, старались болѣе или менѣе придать своимъ польскимъ произведеніямъ мѣстный русскій колоритъ, прижъшивая въ разговоры своихъ героевъ русскія слова и фразы. Идилію называли они, именно Шимоновичъ и Зиморовичи, по-русски: *sielanka* (село, селянинъ — селянка), а не по-польски (*wieś, wieśniak — wieśniaczka*) ²⁾. Впрочемъ всѣ эти пастухи и пастушки ихъ селянокъ могли свою сладкую дребедень декламировать повсюду и въ Греціи, Италиі и пр., гдѣ могли жить всѣ эти Коронеллы, Доримунды, Цыпринны, Амореллы, Амаранты, Геліодоры, Гіацинты и др. Селянки Шимона Шимоновича не окра-

¹⁾ Окольскій написалъ между прочимъ исторію доминиканскаго ордена на Руси (*Russia florida rosis et liliis*, Leopoli 1646); онъ предполагаетъ, что *Russia Rubea dicitur primo ex complexione, quia gens a Lublino in Leopolum et Podoliam complexione rubea est; secundo ex loco propter rubetatem; tertio ex sanguinis copiosi per summum fervorem belli effusione.*

²⁾ Краковянинъ Андрей Збылитовскій, изобразившій въ своей поэмѣ *Wieśniak* (Kraków 1600, сельскую жизнь, не знаетъ словъ *sioło, sieło, sielanka*, а только *wieś*, etc.; „*Nimfo słowieńska... nie gardź moją wsią ubogą*“. Поляки знали слова *siodlak* (срв. „Славяне“ III. 245), *siedlce, siedliszcze, siedlisko, przysiódek*. Но въ половинѣ XVII вѣка Краковянинъ Іоаннъ Гавинскій называлъ идилію (уже по-русски) *sielanka*.

шены еще на русскій ладъ, и развѣ только нѣкоторыя слова указываютъ на русскую обстановку автора, напр. *sielanka*, *otrok* (т. е. *młodzieniec*, *отрокъ*), *debrz* (*дѣбрь*), *winohrad*, *Wolha*. Больше русскаго колорита встрѣчается въ селянкахъ обонхъ братьевъ Зиморовичей, Шимопа и Юсифа Варѣоломея, особенно послѣдняго, старшаго. Оба они называли свои селянки прямо *Roksolanki to jest ruskie panny, rosiejskie—rosyjskie kniehyunie, córky rosyjskie, z Podola i Ukrainy, z ruskiej — roksolańskiej stolicy (Lwowa), z ruskich — roksolańskich—roszańskich włości, z ruskiego księstwa*; эти Роксоланки утѣшаютъ не только *rosyjskie ziemie*, а тоже *możnego Lecha* *mnogie plemię*, умѣютъ *plęsy ruskie* *wyprawiać i polski taniec* *toczyć z panienkami laskiem*, вмѣстѣ со своими парнями, поющими подъ звуки бандуры, кобзы и сербскихъ гуслей (*przy serbskich gęślach*), и обращающимися къ Музамъ и къ „славянскимъ Каменамъ“¹⁾. Въ селянкахъ Зиморовичей встрѣчается нѣсколько русскихъ словъ, и именно съ цѣлью придать селянкамъ русскій колоритъ, какъ напр. *kniehyunia* (и *ksieni*), *bojary*, *czerń*, *derewnia*, *sioło — sielski*, *bandora*, *kobza*, *surma*, *duma*, *wataha*, *mołodyca*, *wasilek*, *pirog* (*ruski*), *knysz*, *mużyk*, *hołubec*, *krynica*, *czołobitne ukłony*, *sołowij* по naszemu (обыкновенно: *słowik*), *zezula*, *puhacz*, *czerepacha*, *sobaka*, *wertep*, *horylica*, *trużenie*, *trużenik*, *bis—bies*, *druh*, *hospodyn*, *władyka*, *ihumen*, *świaszczennik*, *czer-niec*, *czernica*, *diak*, *cerkiew*, *monaster*, *proskurnica*, *ryza* (*pi-za*), *obidnia*, *Lachowie — laski*, и др. Вся эта *rosyjska młódź*, все эти *kobeznicy* (*кобзари*), *trużenicy* (*труженники*), *ruskie płaczennice*, *mołojcy*, изъ которыхъ многие носятъ также русскія имена (*Pałachna*, *Parasia*, *Bohymnia*, *Olena*, *Hafia*, *Fedora*, *Femka*, *Tymosz*, *Hrys*, *Milosz*, *Samujło*, *Danilko*, *Olechno*, *Dorosz*, *Ostań*, и пр.), справляютъ народные праздники и обряды (напр. огни *накануи* св. Ивана Купалы—*sobotki*)²⁾, похороны

¹⁾ Зиморовичи, слѣдуя русскому обычаю XVII в., употребляютъ и книжную греческую форму „Россія, *россійскій*“, даже „*роксоланскій*“ и народную „*Русь, русскій*“; срв. выше, стр. 2.

²⁾ *Owszem, kiedy sobótkę, jako zwyczaj niesie, zapalicie na bloniu równem lub przy lesie etc.*, (*Sielanki J. B. Zimorowicza*, wyd.

(гробъ, украшенный гiацинтомъ—kwiat słowieńskіej ziemi), и пр. Въ двухъ селянкахъ, Kozaczyzna, Burda ruska, I. В. Зиморовичъ рисуеъ, какъ очевидецъ, уже не какія-то „идиліи“, а страшную дѣйствительность 1648 года, осаду Львова козаками и Татарами и всѣ ужасы того смутнаго времени возстанія Русей противъ Ляховъ и противъ православныхъ Русскихъ, обросшихъ „лядскимъ мясомъ“; ихъ то русскіе (roksolańscy) козаки и „чернь, мужики, хлопы, толпы окочаченнаго сброда“, эти ихъ „побратимы, братья“, били наравнѣ съ „Ляхами собаками“, съ сарматскими панамъ, которые вынуждены были бѣжать за Вислу; было то страшное время, когда возставшая Русь считала богоугоднымъ дѣломъ *lackie plemię wybiwszy oswobodzić z niego ruską ziemię*, била Ляховъ и Русь — *bracia bracia, synowie ojców*, такъ что *Rusi zginęła niemal połowica; więcej ich niż milion zabrali Tatarzy, więcej Rusi, niż bydła, w Turzech na bazarze, wszystkie hordy pogańskie, Telińie, Stambuły, Azye obie śmierdzą już od ruskiej smoly!* Тщетно православное русское духовенство и мѣщанство старалось ссылаться на общее свое съ козаками и чернью происхождение и вѣроисповѣданіе; тѣ только кричали вмѣстѣ съ Татарами: *Bateńku choroszyj, nechoczem twojij wiry, łysze diteznych broszyj; masz denhy lackie!* считая ихъ котиковъ неразвитыми Русскими, обросшими лядскимъ мясомъ, которое надо отбить отъ ихъ русскихъ костей:

*Żeś ty Rusin, kotiuho, niedoszły,
Bo mięsem lackiem ruskie kości twe obrosły,
Przeto jeżeli się dostać chcesz z nami do nieba,
Obić ci mięso lackie z kości ruskich trzeba!*

Такую-то „селянку“ Ляховъ и Русей въ половинѣ XVII вѣка парировалъ тогда польскій писатель изъ Львова, I. Зиморовичъ.

Отдѣльныя слова и фразы русскія встрѣчаются и у другихъ польскихъ писателей XVII в., уроженцевъ не карпатской Руси,

Turowskiego, 45, 48). Іоаннъ изъ Вишни возстаеъ противъ такихъ обрядовъ: „Купала на Крестителя утопѣте, и огненное скаканіе отсѣчете“. Акты южной и западной Россіи, II. 223).

а коренныхъ польскихъ земель, у Старовольскаго, Твардовскаго, Гавицкаго, Козовскаго, Вячеслава Потоцкаго и др., напр. *smerd*, *draka*, *rozhowor*, *czerewo*, *sudno*, *derewnia*, *sobaka*, *siolo*, *sielanka* („*sielanka—skotopaska w slowiańskim stroju*“ у Гавицкаго), *bandora*, *kobza*, *duma* (т. е. историческая, эпическая пѣснь), *kozacy molojcy*, и пр. ¹⁾).

Польская литература сдѣлалась повсюду въ русскихъ земляхъ, на Русь Червоной, Малой и Бѣлой, своею, которую читали не только поселившіеся тамъ Ляхи, но тоже Русь ²⁾. Уже во

¹⁾ Русскую форму *смердъ* вмѣсто польской *smard* употребилъ, послѣ Стрыйковскаго (срв. выше, стр. 139), краковянинъ Шимонъ Старовольскій (*Reformacya obyczajów polskich*, ок. 1625 - 1630 г.): „*Gdy się ubogi człowiek do prawa pospolitego uciecze, zaraz mu mówią: Nie dla was to piszą statuty, smerdowie, ale dla panów. O czym zasłyszawszy dobrze Moskwa, gdy im mówiono na traktatach pod Smoleńskiem, aby się z naszym narodem złączyli i jarzmo tyrańskiej niewoli z szyje swojej złożywszy, z nami spólnie swobody i wolności miłej zażywali, odpowiedzieli św. p. ks. Zadzikowi kanclerzowi koronnemu na on czas: Nie *choczem* panie biskupie waszój wolności, *derżyte* ją sobie, bo u nas jeden tylko car co naszym *horlem* i majątnościami dysponuje, a u was co bojar to tyran*“. Старовольскій называетъ эпическія историческія пѣсни польскія — *думы* (*Nebning, Alt-polnische Sprachdenkmäler*, 216) несомнѣнно по южно-русскимъ думамъ, которыя (*raskie lamenty, podolskie dūmy, kozackie dūmy*) были извѣстны Полякамъ XVI—XVII вв.; срв. Jagić: *Gradja za historiju slovinske narodne poezije* (*Rad jugoslav. akademije*, knj. 37). Въ стихотворномъ пр. *Żywot kozaków Lisowskich* (1620) приводится русскій разговоръ двухъ козаковъ: *Pomahaj boh Kiwajło! Spasi boh Iwane! Odkud idesz? Z Morawcow. Proszu te, moj pane, szczo tam czuwaty? Wsie licho Czechom. Szczo czyniti wam? Molojcom terpity. Nemcom? Nemcow bity. Но Лисовчики были не только Пѣмцевъ, а также Чеховъ и Русь; срв. „Славяне“ III. 149. О русскихъ словахъ и фразахъ въ польскихъ сочиненіяхъ срв. тоже въ ж. *Biblioteka Warszawska* 1891, III. 547.*

²⁾ Ст. Орѣховскій въ своей книжкѣ *Baptismus Ruthenorum* (1544, срв. *Orichoviana*, p. 47) помѣстилъ формулу присяги Русскаго, принимающаго католицизмъ, не на языкѣ русскомъ, а на польскомъ.

второй половинѣ XVI в. Севаст. Клѣновичъ, въ своихъ элегіяхъ на смерть І. Кохановскаго могъ сказать, что кончину великаго польскаго славянскаго поэта оплакиваютъ рѣки славянскія, города „широкаго народа славянскаго“, Краковъ, Познань, Люблинъ, Вильна въ ополяченной Литвѣ и Львовъ въ русскихъ земляхъ:

Płacze cię Litwa spolszczała, żałuje cię silno
Janie, dwugrodne Wilno,
Porządny Lwów w ruskich krajach, uczonych ucieccha,
Płacze godnego Lecha ¹⁾.

Но не вся Русь карпатская наслаждалась стихами Кохановскаго и Зиморовича, читала хроники Бѣльскаго и Кромера, сборники правъ Гербурта и Янушовскаго, Щербинча, проповѣди Скарги и Бирковскаго и русско-польскія „вирши“ Седовскаго и Бутовича. Масса русскаго народонаселенія въ Карпатахъ, по Сану, Бугу, Днѣстру, слушала въ своихъ церквахъ стариныя пѣснопѣнія на церковномъ языкѣ словѣнскомъ, пѣла со своими попами „Господи помилуй ны“, а въ своихъ хатахъ—старинныя народныя пѣсни, и прославляла не пацовъ Ляховъ, а гайдамаковъ и опришковъ (разбойниковъ), особенно же козацкихъ молодцовъ Хмѣльницкаго, Перебийноса, Печая, Морозенка, Козубая, которые били и рѣзали вражнихъ Ляховъ, рубили ихъ мечомъ и топили водою, гнали ихъ за Случь и за Вислу ²⁾.

Б) Русь литовская ³⁾.

6. *Литва и присоединеніе къ ней югозападной Руси по Двинь и по Днѣпру. Великое княжество литовско-русское. Русскій языкъ и русская въра въ Литвѣ. Гедиминовичи. Литва и ли-*

¹⁾ Żale nagrobne na Jana Kochanowskiego (w Krakowie 1585, перепечаталъ Туровскій 1858).

²⁾ См. Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси, собранныя Як. Головацкимъ (Москва 1878, 3 т.).

³⁾ См. Акты, относящіяся къ исторіи западной Россіи (СП. 1846—1853, 5 т.), Акты, относ. къ исторіи южной и западной Россіи

товская Русь и Польша, столкновение католицизма и православія, католическая Литва и православная Русь. Русский языкъ — официальный и литературный языкъ литовско-русскаго государства, католической Литвы и православной Руси. Русское устройство литовско-русскаго государства; князья и бояре, города, селяне.

На верхнемъ Пѣманѣ и средней Двинѣ издавна сосѣднили и сносились Русь, именно племя Кривичей, и Литва (съ Латышами—Лѣтьголою и Зямголою); по Кривичамъ же Латыши называютъ до сихъ поръ Русскихъ Кревами, а въ литовскомъ ихъ названіи Гуды, кажется, тоже скрывается переводъ названія Кривичей ¹⁾. Кривская земля раздѣлилась потомъ на двѣ половины, восточную—

(СП., выходятъ съ 1863 г.), Грамоты великихъ князей литовскихъ 1390—1569 (Кіевъ 1868, изд. Антоновичъ и Козловскій), Документы объясняющіе исторію западно-русскаго края (СП. 1865), Skarbiec dyplomatów do dziejów Litwy a Rusi litewskiej (Wilno 1860 — 62, 2 t., wyd. Daniłowicz), Zbiór praw litewskich (Poznań 1841, wyd. Działyński), Памятники изд. комисією для разбора древнихъ актовъ (Кіевъ 1845—1859, 4 т.), Архивъ югозападной Россіи (Кіевъ, выходитъ съ 1859 г.), Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильны, Ковна, Трокъ (Вильна 1843), Археограф. Сборникъ документовъ сѣверозападной Руси (Вильна 1867—1889, 11 т.). Акты, издаваемые комисією для разбора древнихъ актовъ въ Вильнѣ (Вильна, выходятъ съ 1865), Историко-юридическіе матеріалы изъ актовъ книгъ губерній витебской и могилевской (Витебскъ 1871—1881, 12 т.), Archiwum książąt Sanguszków (Lwów 1887—1890, 4 t.) и др. Объ исторіи Литвы и литовской Руси см. сочиненія Нарбута, Ярошевича, Балинскаго, Крашевскаго, Кояловича, Брянцева, В. Антоновича (Очеркъ исторіи великаго княжества литовскаго до смерти в к. Ольгерда, Монографіи по исторіи западной и югозападной Россіи I., Кіевъ 1885; срв. Н. Дашкевича, Замѣтки по исторіи литовско-русскаго государства, Кіевъ 1885). Мѣсто исторіи литовскаго государства въ исторіи Руси хорошо понялъ уже Устряловъ; на него обратили вниманіе особенно Бестужевъ-Рюминъ, Русская исторія II; Д. Иловайскій, Исторія Россіи, II. III.; Макарій (Булгаковъ), Исторія русской церкви.

¹⁾ См. Archiv für slav. Philologie VII. 594. —

Смоленскъ и западную — Полотъскъ (Полоцкъ). Полоцкое княжество распалось на много мелкихъ княжествъ: полоцкое, мѣньское (минское), витебское, изяславское (ижеславское, жеславское), логожское, друческое (друцкое), случское (случское), повгородецкое, городепское, клечское (клецкое), свислочское, лукомское, оршанское и др. Нѣкоторые изъ этихъ полоцкихъ князей покорили себѣ тоже латышскія земли, и въ началѣ XIII в. русскіе князья встрѣчаются также въ латышскихъ городахъ Коконисъ и Герсикъ.

Западные Литовцы (Прусы) покорены и истреблены нѣмецкими рыцарями; сѣверные Литовцы (Латыши) покорены другимъ нѣмецкимъ рыцарскимъ орденомъ меченосцевъ; а южные Литовцы, Ятьвяги (пол. *Jatvęgi*), истреблены соединенными силами Руси и Ляховъ. Только средніе и восточные Литовцы по Нѣману (Литва и Жемонть — Жмудь), долго преслѣдуемые русскими князьями, съ конца XII в. выступаютъ изъ своихъ лѣсовъ и болотъ и начинаютъ все чаще наѣзжать на русскія земли, на Полоцкъ и дальше на востокъ и на югъ. Русь, разрываемая безконечными междоусобицами князей и скоро разгромленная наѣздомъ монгольскимъ, не могла сопротивляться воинственному Литовцамъ; о нихъ уже въ концѣ XII в. сказалъ нѣвецъ Слова о полку Игоревѣ: „Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подѣ кликомъ поганыхъ; единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ (полоцкій), позвони своими острыми мечи о шеломи литовския, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подѣ чрълесными щиты на кровавъ травѣ притрепанъ литовскими мечи“.

Около половины XIII в. вся западная часть кривской земли находилась подѣ господствомъ литовскаго князя Миндовга; Новгородокъ, Волковыйскъ, Слонимъ, Городно (Городень), Пинскъ, Полоцкъ, Витебскъ и др. входили непосредственно или посредственно въ составъ все усиливающагося литовскаго княжества, и границы его распространялись все дальше на югъ. При великомъ князѣ Гедиминѣ (1316—1341) литовское господство утвердилось въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Пинскѣ; завоеваны Туровъ, Берестье, Дорогичинъ, Мельникъ, Бѣльскъ; Волинь достался Литвѣ позднѣе вслѣдствіе брака Любарта Гедиминовича съ волинскою княж-

ною. При Ольгирдѣ (Ольгердѣ) Гедиминовичѣ (1345—1377) присоединены къ Литвѣ земли сѣверская, подольская и вѣроятно кievская ¹⁾; вмѣстѣ съ тѣмъ литовское господство утвердилось и въ землѣ волинской противъ притязаній Польши, владѣвшей карпатскою Русью. На крайнемъ востокѣ и Смоленскъ призналъ верховную власть Литвы, и наконецъ присоединенъ къ ней непосредственно (1404). Такимъ образомъ въ XIII—XIV вв. по Нѣману, Двинѣ и Днѣпру образовалось сильное государство литовское, бóльшую часть котораго составляла югозападная Русь по Двинѣ и по Днѣпру. Это литовско-русское государство восприняло и страшную борьбу съ наступающею на литовскій и славянскій востокъ силою нѣмецкою, съ обоими орденами нѣмецкихъ рыцарей, стремившихся къ покоренію и порабощенію этого востока ²⁾.

Литовскіе князья, распространяя свое господство въ русскихъ земляхъ, оставляли въ нихъ прежнихъ князей Рюриковичей или раздавали княжества членамъ своего рода; послѣдніе пріобрѣтали русскія княжества тоже вслѣдствіе браковъ съ русскими князьями. Но Рюриковичи въ югозападной Руси все вымирали; въ началѣ XIV в. прекратились они въ Туровѣ, Пинскѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ, Волынѣ, Минскѣ; у другихъ князей отняты ихъ княжества, какъ напр. у князей сѣверскихъ, кievскаго, смоленскаго. Въ XV в. въ литовской Руси было уже мало Рюриковичей въ своихъ старинныхъ княжествахъ; больше сохранились они въ Сѣверщинѣ. Русскія княжества достались литовскимъ Гедиминовичамъ и Ольгирдовичамъ, которые княжили въ нихъ подъ верховнымъ владычествомъ великаго князя литовскаго и русскаго, какъ прежде русскіе князья—подъ верховнымъ владычествомъ великаго князя кievскаго. Литовскіе князья, сносаясь и сталкиваясь постоянно съ Русью, рано привыкли къ русской культурѣ: принимали православіе — „русскую“ вѣру; сами, будучи въ сравненіи съ болѣе образованною

¹⁾ Такъ думаютъ Антоновичъ и М. Грушевскій (Очеркъ исторіи кievской земли до конца XIV в., Кіевъ 1891); Дашкевичъ и др. принимаютъ завоеваніе Кіева Гедиминомъ.

²⁾ Срв. „Славяне“ II. 400.

Русью „варварами“, мало-по-малу обращались въ Русскихъ вѣрою, образованіемъ и языкомъ. Уже сынъ Миндовга Войшелкъ былъ ревностнымъ православнымъ и сталъ защитникомъ русско-православной партіи противъ литовско-языческой. Сыновья Гедимина, за исключеніемъ Моивиды и Кестутія (Кейстута), и большая часть Ольгирдовичей, рожденные отъ русскихъ князей, были православные Русскіе, хотя нѣкоторые — въ виду своего языческаго литовскаго народа—не примкнули открыто къ православію. Православными Русскими были Гедиминовичи Евнутій (Явнута) Иванъ, Ольгирдъ (Ольгердъ), Коріятъ Михаилъ, Паримунтъ Глѣбъ, Любартъ Дмитрій, Ольгирдовичи—Ягайло (Ягелло) Яковъ, Андрей, Корибутъ (Корыбутъ) Дмитрій, Володимиръ, Скиригайло (Скиргелло) Иванъ, Лугвешій (Лингвешъ) Семенъ, Швитригайло (Свидригелло) Александръ, и др. ¹⁾; Кестутій остался вѣренъ вѣрѣ отцовъ, но его сынъ Витовтъ принялъ у нѣмецкихъ крестоносцевъ христіанство католическое, а вернувшись въ Литву—православіе и имя Александръ ²⁾. Великій князь Ольгирдъ мечталъ о

¹⁾ Швитригайла называютъ нѣкоторые Львомъ (срв. Акты западной Россіи I. примѣчанія, стр. 12; Stadnicki, Bracia Władysława Jagielly, 365); но самъ Швитригайло назывался еще въ концѣ своей жизни „Алексадро (Олексадро) инако Швитрикгайло Ольгирдовичъ“ въ двухъ грамотахъ 1446 и 1451 гг. (Archiwum książąt Sanguszków III. № 8, 10); въ 1424 г. онъ называется „Болеславъ инако Швитрикгайло“.

²⁾ См. монографіи Каз. Стадницкаго: Synowie Gedymina (1849—1853, 2 t., I томъ въ новомъ изданіи 1881), Olgierd i Kiejstut (1870). Bracia Władysława Jagielly (1867); дополненія написалъ J. Wolff: Ród Gedymina (1886). Имена литовскихъ князей пишемъ въ русскихъ ихъ формахъ, какъ онѣ встрѣчаются въ русскихъ грамотахъ и лѣтописяхъ. Слѣдовало бы ихъ писать по-литовски, но литовскія ихъ формы до сихъ поръ не возстановлены и не объяснены; Микуцкій считаетъ правильными формы Ягайлас, Швитригайлас, Карибутас, Витаутас, и объясняетъ — *гайлас* словомъ *гайлети* — жалѣть, *твитри*—свѣтлый, *кари*—дѣлать, *бутас*—домъ (Карибутас = славян. Домарадъ), *таута* — пародъ, и пр. В. Юргевичъ (Опытъ объясненія именъ князей литовскихъ, въ москов. Читеніяхъ 1883, III) сближаетъ литовскія имена съ именами христіанскаго православно-русскаго ка-

собрании всѣхъ русскихъ земель противъ Москвы, важность которой относительно литовской Руси онъ уже предчувствовалъ; онъ, Ягайло и Витовтъ старались ослабить Москву въ отношеніи политическомъ и церковномъ, и стремились къ учрежденію особой митрополіи для литовской Руси и въ возвыщенію Кіева противъ Москвы, что имъ и удавалось, хотя только на время; а Ягайло заключилъ даже союзъ съ татарскимъ ханомъ Мамаемъ противъ Москвы. Многіе Ольгердовичи были ревностные православные Русскіе, пользовались общою любовью русскаго народа; такъ напр. Володимиръ Ольгердовичъ и его потомки Олельковичи (по Александру-Олельку Володимировичу) князья Слуцкіе, Бѣльскіе, Ольгердовичи Иванъ Скиригайло, Дмитрій Корибутъ (Корыбутъ) и его сынъ Сигизмундъ Корибутовичъ, извѣстный защитникъ

леидаря, напр. Мингайло — Михайло, Ягайло — Яковъ (Яга, срв. въ Воскресенской лѣтошеси, П. С. Р. М. VII. 253: Яковъ нареченный Ягайло), Кестутій (Кейстутъ, Кинстутъ)—Константинъ (Костя), Лугвеній (Лиягвенъ) — Лонгинъ, и пр. О православіи Гедиминовичей и Ольгердовичей (и Ягайла) см. монографіи Стадницкаго (срв. „Славяне“ III, 45) противъ Шайнохи (Jadwiga i Jagiello III. 355), который защищаетъ язычество Ягайла и др., какъ и I. Вольфъ (Ród Gedymina, 86); срв. Smolka: Kiejstut i Jagiello (1888). Православіе Ягайла защищаетъ тоже М. Смирновъ: Ягелло—Яковъ—Владиславъ и первое соединеніе Литвы съ Польшею (Одесса 1868); изъ приводимыхъ имъ источниковъ надо выпустить такъ называемый дневникъ Кибурга 1397 года, оказавшійся поддѣлкою начала XIX вѣка, и мнимыя слова Длугоша, который будто называетъ православіе idolatria (это относится къ Pruthenus, а не Ruthenus, см. выше стр. 10). Шайноха (стр. 358) приводитъ изъ книжки *Historia pulchra et stupenda miraculis referta imaginis Mariae, quomodo et unde in Clarum montem Czanstochowiae et Olsztyn advenerit* (Cracoviae 1523) слѣдующія слова: *Post mortem Ludovici regis grande deus donum et miraculum genti polonae contulit. Ladislaus enim dux egregius Lithuanorum, vocatus ad regnum ea lege, si misso schismate christianns purus efficeretur etc.* Срв. тоже что пишутъ нѣмецкіе рыцари въ своей запискѣ, представленной констанцскому собору въ 1416 году: *Unum certe de humanitate dictorum Ruthenorum et aliorum infidelium recitatione dignum estimatur, quod dominum regem Polonie et alios, qui a fide eorum recesserunt et nostram susceperunt, ea beni-*

чешскихъ гуситовъ, и др. ¹⁾. Православными русскими родами остались и другіе Гедиминовичи и Ольгирдовичи: князья Жеславскіе — Заславскіе (Евнутьевичи), Мстиславскіе (Дугвеньевичи), Пинскіе и Корецкіе (Наримунтовичи), Сангушки (Сонгушки, Сенкушки, Сендюшки), Гурки и Кобринскіе (родъ Федора Ольгирдовича), и др. ²⁾.

Борьба Литвы и Москвы изъ-за первенства на Руси кончилась бы раньше или позже въ пользу Москвы, сплоченіе же русскихъ земель около Москвы состоялось бы вѣроятно гораздо раньше, если бы событія не повернули Литвы и ея Руси съ востока на западъ—къ Польшѣ. Этотъ важный въ исторіи всего Славянства фактъ 1386 г. — избраніе великаго князя литовскаго и русскаго Ягайла въ польскіе короли и принятіе имъ, нѣкоторыми его братьями, Витовтомъ и народомъ литовскимъ католицизма, что и придало дальнѣйшей исторіи Польши и Руси совсѣмъ иной характеръ. То, что случилось еще раньше, около половины XIV вѣка, въ карпатской Руси, т. е. водвореніе господства латинско-поль-

gnitate et paciencia tolerant, qua ipsos in eorum perfidia tolerabant, in eo christianorum humanitatem excedentes, qui a fide eorum relapsos ad idola non solum ad ipsorum conversacionem non admittunt, sed diris cruciatibus persecuntur. (Codex epistolaris Vitoldi, p. 1030). О католическомъ и православномъ крещеніи Витовта см. особенно его письмо прусскимъ крестоносцамъ ок. 1390 г. (Scriptores rerum prussicarum II. 713); срв. А. Барбашевъ: Витовтъ и его политика до гриновальдской битвы (СП. 1885, стр. 135), тоже „Славяне“ III. 45.

¹⁾ О Сигизмундѣ Корибутовичѣ см. „Славяне“ III. 54; срв. еще Wolff: Ród Gedymina, 90, 152. Михайлъ Коріятъ, Димитрій Корибутъ, Александръ Володимировичъ упоминаются въ запискахъ XIV—XV вв. въ евангеліи лаврашевскомъ, которое хранится въ библіотекѣ кн. Чарторыйскихъ въ Краковѣ, а не въ Императорской публ. библиотекѣ въ Петербургѣ, какъ думаютъ Востоковъ (Описаніе рукописей Румянцева, стр. 124) и издатели Актовъ южной и западной Россіи II. стр. 103. Срв. нашъ Отчетъ о научныхъ занятіяхъ за границую 1882 г., стр. 23—24.

²⁾ См. J. Wolff: Ród Gedymina; A. Boniecki: Poczet rodów w w. ks. litewskiém w XV i XVI w. (Warszawa 1887, срв. Ateneum 1888, III. 525), часто противъ Стадницкаго и Бартошевича.

скихъ католицизма и культуры,—то же самое состоялось въ концѣ XIV в. и въ Литвѣ и въ соединенной съ нею югозападной Руси. Литва и Русь раскрылась латинской культурѣ, проводимой тамъ Польшею,—той культурѣ, которая давно уже напирала на Русь и Литву со стороны западныхъ ихъ сосѣдей, Шведовъ и прибалтійскихъ Нѣмцевъ въ Пруссіи и Ливоніи. Подобно тому какъ въ этихъ прибалтійскихъ странахъ литовскихъ и чудскихъ латинская культура сопровождалась паденіемъ независимости тѣхъ племенъ и ихъ религіи, водвореніемъ тамъ политическаго господства и устройства Нѣмцевъ и Варяговъ (Шведовъ),—такъ и въ Литвѣ и югозападной Руси латинская культура сопровождалась политическимъ и культурнымъ господствомъ польскаго элемента въ ущербъ не только литовскому язычеству, а тоже русскому православію или, какъ въ Польшѣ выражалось, „схизмъ“. Этой цѣли посвящена съ XIV вѣка почти вся дѣятельность польскаго народа; она-то отвлекала его отъ славянскаго запада и влекла его на славянскій востокъ; „стремленіе на Русь“ составляетъ главное содержаніе исторіи польскаго народа,—то роковое стремленіе, которое не соответствовало силамъ польскаго племени и кончилось полною неудачею и паденіемъ этого славянскаго народа ¹⁾).

¹⁾ Доктрина о „задачѣ“ польскаго народа—переносить западно-европейскую, латинскую культуру (католицизмъ и полонизмъ) на Русь—повторяется въ польской исторіографіи часто, даже въ новѣйшія времена. Если князь І. О. Любомирскій думаетъ, что „*ciudne plemię lechickie przyjęło tylko najświetniejsze wyniki rzymsko-teutońskiego świata; téj uświetnionej i zamożniejszej narodowości lechickiej powołaniem było rozciągnąć na kraj nowo przyłączony swoje rozliczne, płodne żywioły*“ (Biblioteka Warszawska 1855, IV. p. 7), то онъ смѣшиваетъ исторію съ эпопеею. Въ такомъ смыслѣ высказываются тоже Шайноха (срв. статью Гильфердинга: Польскій вопросъ, въ Собраніи сочиненій II. 291) и Ст. Смолька; послѣдній еще недавно выразился, что посредствомъ западной латинско-польской цивилизаціи и католицизма Русь должна была освободиться „изъ клещей заплѣсневѣлаго востока и замораживающей схизмы“. (Rok 1386. W pięciowiekową rocznicę. Kraków 1886). Польскій историкъ какъ-то уже слишкомъ увлекается доктриною и впадаетъ въ неумѣстный,

Владиславъ Ягайло — такъ назвался новый польскій король и наивысшій князь литовскій и русскій послѣ принятія католицизма — всевозможно старался не только распространять католицизмъ въ Литвѣ и Жмуди, но и придавъ ему характеръ господствующаго вѣроисповѣданія; онъ находился всецѣло подъ вліяніемъ католической іерархіи, а поэтому и возненавидѣлъ чешскихъ гуситовъ; не менѣе враждебно относился онъ и къ православію или „схизмъ“, и все посылалъ съ мыслью объ уніи церквей восточной и западной. Въ такомъ смыслѣ воспитаны и его сыновья, и такъ вела себя и его четвертая жена Софія изъ православныхъ литовско-русскихъ князей Ольгимунтовичей — Гольшанскихъ, сдѣлавшаяся ревностною католичкою. Великій князь литовскій и русскій, Александръ Витовтъ Кестутьевичъ, не смотря на свое вторичное присоединеніе къ католицизму (1386), не относился враждебно къ православію; онъ, конечно, не могъ забыть, что огромное большинство его подданныхъ—православная Русь, что онъ „господарь литовскій и многихъ русскихъ земель“. Онъ заботился также о православной русской церкви и хлопоталъ о назначеніи особаго кіевского митрополита (1415)—противъ московскаго,—чтобы православная „вѣра не меншала ни угибала, и русская честь вся стояла на своей земли“, и чтобы „митрополитъ

національно-конфесіональний ліризмъ, и тѣмъ самымъ въ совсѣмъ неисторическій тонъ: „Pod tehniem unii (1386) rozwiło się groźne widmo azyatyckiej potęgi, która miała zaciężyć nad Europą, jeśli nie na zgubę zachodniej cywilizacji, to na nieszczęście ludów, przez unię ocalonych. W unii z Polską i pod wpływem Polski, Litwa stała na wschodzie Europy jako niezmordowana krzewicielka katolickiej wiary i zachodniej cywilizacji... A Ruś, którą unia odsunęła od panowania, wzamian za berło złowrożej potęgi, otrzymała w tem zjednoczeniu ludów pierwszy posiew duchowego zmartwychwstania. Rok 1386 wyrwał ją z kleszczy zapleśniałego wschodu i powołał do wspólnego z zachodem życia. Ze zjednoczeniem kościelnem, które od chrztu Jagiełły stało się koniecznością dziejową, zstąpił duch w martwe a piękne ciało ruskiej cerkwi i rozbudził żywotność tych bujnych soków cywilizacyjnych, które schizma zmroziła w ruskim narodzie“. Можно подумать, что это написалъ польскій іезуитъ Скарга, а не польскій историкъ конца XIX вѣка! Менѣе лирически и болѣе исторически

сѣдѣлъ на своемъ столѣ въ Кіевѣ“, подобно тому, какъ есть первосвятители у Болгаръ и у Сербовъ ¹⁾. Витовтъ интересовался дѣлами православной церкви въ своемъ государствѣ не только по соображеніямъ политическимъ, но также потому, что онъ, подобно Ягайлу, думалъ объ уніи восточной церкви русской съ Римомъ. Новый кіевскій митрополитъ Григорій Цамблакъ, Болгаринъ, долженъ былъ, по желанію Витовта и Ягайла, хлопотать о дѣлѣ уніи, но ничего не сдѣлалъ ²⁾. Витовтъ сначала не чуждался и чешскихъ гуситовъ; при немъ въ Литвѣ находился и другъ Гуса, Іеронимъ Пражскій (1413), съ которымъ Витовтъ совѣщался о нѣкоторыхъ церковныхъ вопросахъ; да католическая іерархія позже

поставленъ имъ вопросъ: „Czy nie poszła na marne cała zasługa dziejowa, która się w unii zawiera?“ Исторія рѣшила этотъ вопросъ не въ пользу польскаго народа, а „задача“ его была, по нашему мнѣнію, другая, срв. „Славяне“ II. 70—100, III. 157, 164.

¹⁾ Акты западной Россіи I. № 25. Объ избраніи особаго кіевскаго митрополита писалъ ливонскій магистръ прусскому вел. магистру (1 янв. 1416): „Herzog Vitovt hat einem russchen babist oder anders patriarchen geheissen, in Lettowen irhaben und irwelt, da her die Moskower, Nogardere, Pleskower und alle Russenland umme en gelegen, zu twingen wil, das sie deme patriarchen gehorsam sollen sin und keime andern“. (Liv—esth— und kurländisches Urkundenbuch, ed. Bunge, V. 107).

²⁾ Въ литовско-русской лѣтописи (изд. Даниловича, 240) разсказывается, что митрополитъ Григорій спросилъ Витовта, зачѣмъ онъ не православный: „Что ради ты княже самъ въ вѣрѣ лядкой, а не въ православной вѣрѣ христіанской? И отвѣща ему Витовтъ: Аще хочещи не токмо мене единого видѣти въ своей православной вѣрѣ, но и всѣхъ людей невѣрныхъ моя земля литовскія, то иди въ Римъ, и имѣй прію съ папою и съ его мудрици; аще ихъ преприши, то вси мы будемъ христіане, и аще-ли не преприши, то имамъ вся люди своя земля въ свою нѣмецкую превратити вѣру. И посла его въ Римъ“ (т. е. въ Констанць). Этотъ разсказъ перешелъ тоже въ сѣверныя русскія лѣтописи; см. м. Макарія, Исторія русскоі церкви IV. 99; Stadnickiego Bracia Władysława Jagielly 129. Срв. письмо Владислава Ягайла панѣ 1418 г. у Левицкаго Codex epistolaris saec. XV, t. II, p. 98. О Григоріи Цамблакѣ см. тоже „Славяне“ II. 222.

на констанцкомъ соборѣ обвиняла Іеронима, что онъ уговаривалъ Витовта и Литовцевъ отречься отъ католицизма и принять православіе, къ которому Іеронимъ относился съ глубокимъ уваженіемъ и симпатіею ¹⁾).

Не все Ольгирдовичи братья Ягайла приняли католицизмъ; большая часть осталась ревностными православными Русскими. Но даже тѣ Ольгирдовичи, которые замѣнили православіе католицизмомъ, не могли забыть о вѣроисповѣданіи своей молодости, о „русской вѣрѣ“, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ—уже въ силу своего пребыванія среди православной Руси и влѣдствіе постоянныхъ сношеній съ нею—не могли относиться къ ней враждебно. Такъ именно младшій братъ Ягайла, Швитригайло Александръ, и послѣ принятія католицизма (1386 г. и имени Болеславъ), все держался православныхъ Русскихъ ²⁾; Русскіе же съ своей стороны были къ нему всегда расположены и охотно помогали ему во всѣхъ его предпріятіяхъ, и въ несчастной для него битвѣ вилкомирской: въ ней — по словамъ литовско-русского лѣтописца — Швитригайло вмѣстѣ „съ князи рускими, бояры и со

¹⁾ Hieronymus... in Lituania et Russia intrans ecclesias schismaticorum fidem seu perfidiam praetulit fidei communi christianae... dixit, quod schismatici et Rutheni essent boni christiani... Hieronymus, interrogatus per ducem Witoldum et episcopum (виленскимъ), si baptizati secundum ritum Graecorum erant rebaptizandi, consuluit, quod non, sed simpliciter in fide romana instruendi... Hieronymus, quantum potuit, circa dominum ducem institit et laboravit et conabatur, d. ducem cum tota gente sua christiana a fide christiana avertere, et ad permanendum in dicta secta Ruthenorum et infidelium populorum inducere. (Hardt: Constant. concilium IV. 634 etc.). Срв. „Славяне“ III. 37, 40, 44.

²⁾ Sectae ruthenicae quam maxime favens — говоритъ о немъ Длугошъ. Епископъ Зыгмунтъ Олешницкій тоже съ негодованіемъ отзывается (1432) о взаимныхъ симпатіяхъ Русскихъ и Швитригайла и о сношеніяхъ чешскихъ гуситовъ съ Швитригайломъ и съ православною Русью, „qui inter se videntur de multis articulis, videlicet communione utriusque speciei, paupertate cleri et aliis multis superstitionibus, concordare cum Bohemis, et sunt unius idiomatis“. (Codex epistolaris saec. XV, t. II. 289).

всею силою рускою“ сражался противъ великаго князя литовскаго Жидимонта (Сигизмунда) Кестутьевича съ его „силою литовскою и съ Ляхи“¹⁾. Швитригайло тоже думалъ объ уніи церкви восточной съ западною, но неискренно и по соображеніямъ чисто политическимъ, да онъ даже, готовясь къ войнѣ съ великимъ княземъ Сигизмундомъ, велѣлъ сжечь митрополита Герасима, душу этихъ плащовъ объ уніи²⁾. Сношенія Ольгирдовичей и Витовта съ подвластными имъ православными Русскими, съ „схизматиками“, весьма не нравились нѣмецкимъ крестоносцамъ и ихъ верховному повелителю, римско-нѣмецкому императору; они упрекали даже Ягайла и Витовта въ вялости при защитѣ интересовъ католицизма въ Литвѣ и Руси и въ дѣлѣ церковной уніи³⁾.

Подобно тому какъ Литовцы принимали отъ покоренной ими Руси вѣроисповѣданіе православное, такъ приняли они отъ нея тоже *языкъ*, который употребляла вся югозападная Русь въ публичной жизни и въ литературѣ. Этотъ русскій языкъ, употребляемый во всей югозападной Руси и потомъ тоже въ Литвѣ,—литературный языкъ со своими опредѣленными формами и стилемъ,

¹⁾ Срв. „Славяне“ III. 67—78.

²⁾ Срв. St. Smolka, Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa rusko-litewskiego, 18—19.

³⁾ Вотъ напр. нѣсколько отзывовъ нѣмецкихъ крестоносцевъ объ Ольгирдовичахъ; они-де „*scismaticorum perfidia baptizati... magis Rutheni quam christiani, magni et horribiles inimici christianitatis... Jagello fovet scismaticos immo hereticos videlicet Ruthenos... Witawtus tenet se magis ad Lituanicos et Ruthenicos et infideles quam ad christianos, quia ipse cum illis Ruthenicis sicut cum illis de Moskaw et de Magna Naugarten et de Pleskaw se colligavit contra christianitatem*“ etc. (срв. Codex epist. Vitoldi 23, 996, 1025, 1030; Codex diplomat. Prussiae V. 183, etc.). Сношенія Ягайла, Витовта и Швитригайла съ чешскими гуситами „еретиками“ (см. обширно „Славяне“ III) еще усилили вопли тѣхъ борцовъ „христіанства“, такъ какъ нѣмецкіе крестоносцы въ своей скромности считали себя какъ бы главными его представителями; но тѣмъ не менѣе они не могли отнестись спокойно къ факту крещенія Литвы Ягайломъ: *nec grave eis (Литовцамъ) erat aquis mergi, quia ea gens a juventute sua balneis est assueta.*

развившійся на основаніи общаго древне-русскаго языка; это не языкъ простаго народа югозападной Руси, такъ называемыя нарѣчія малорусское и бѣлорусское; характеристическія ихъ черты развивались и вліяли болѣе или менѣе на литературный языкъ югозападной Руси довольно поздно, вмѣстѣ съ языкомъ польскимъ. Въ этомъ письменномъ языкѣ „русскомъ“ — такъ онъ назывался—нѣтъ тѣхъ характеристическихъ чертъ говоровъ простаго народа, т. е. именно нарѣчій бѣлорусскаго и малорусскаго, нѣтъ напр. бѣлорусскаго *дзь-еканья* и *цз-еканья*, *а-канья* и *я-канья* (дзядъ, цяперъ, быць-быци, адзинъ, вялпкій), малорусскаго *и-канья* (віісно, дїдъ), общезападнорусскихъ *бувъ*, *вовкъ*—*воукъ* и пр.; такія формы встрѣчаются очень рѣдко рядомъ съ обыкновенными: *дѣдъ*, *теперь*, *одинъ*, *быти*, *великій*, *окно*, *быль* *волкъ* и пр. Такъ писали въ Кіевѣ, Волинѣ, Львовѣ, въ Вильнѣ, Могилевѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ. Да „бѣлорусское“ *дзь* и *цз* исключаются даже изъ именъ и географическихъ названій западной Руси и изъ словъ, принятыхъ изъ польскаго языка, который тоже *дзь-скаеть* и *цз-скаеть*; такъ въ этомъ письменномъ языкѣ югозападной Руси пишется: Радзивилъ (а не: Радзивиль; поль. Radziwiłł), Будзловичъ (Будзловичъ, Budziłowicz), Костюшко (Косцюшко, Kościuszko), Тыкотинъ (Тыкоцинъ, Tykocin), тивунъ (цивунъ, ciwin), дѣцкій (дзецкій, dziecki), кметъ (поль. kmieć), костель (поль. kościół) и пр. Формы: *паслѣ* (послѣ), *мядовое* (медовое), *помыццали* (помѣццали), *Мицьково* (Митьково), *шляхцѣ* (шляхтѣ), *слацъ* (слати), *Дзедуцъ* (Дѣдуцъ) и др. встрѣчаются рѣдко, да и то главнымъ образомъ уже позднѣе, въ XVI—XVII вѣкахъ ¹⁾. „Бѣлорусскимъ“ назывался этотъ письменный

¹⁾ См. П. Неденевъ: Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ (въ варшав. „Филолог. Вѣстникѣ“ 1884. XII); срв. тоже Е. Карскій: Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи (Москва 1886), П. Житецкій: Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія (Кіевъ 1876), Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVI и XVIII вв. (Кіевъ 1889). О письменномъ языкѣ литовской Руси см. тоже замѣтки Як. Головацкаго въ соч. Черты доманяго быта русскихъ дворянъ на Подляншѣ по актамъ XVI стол. (Вильна 1888, стр.

языкъ югозападной Руси только въ Москвѣ, названіе чисто географическое, такъ какъ ближайшая часть литовской Руси по верхнему Днѣпру и по Березинѣ со второй половины XVI вѣка носила названіе „Бѣлой Руси“ ¹⁾. Этотъ письменный русскій языкъ литовской Руси—чисто русскій языкъ безъ примѣси церковнаго языка словѣнскаго; такая примѣсь замѣтна только въ памятникахъ, составляемыхъ съ участіемъ православныхъ духовныхъ лицъ, которые не могли писать по-русски безъ разныхъ словѣнскихъ: аще, градъ, глава, събрати, дрѣжати, добраго, поставихомъ, быше, и пр. ²⁾).

Русскій языкъ былъ официальнымъ языкомъ великаго княжества литовскаго; по-русски говорили и писали Гедиминовичи, Ольгирдовичи, Ягайловичи, князья и бояре литовскіе, дома, на сеймахъ, судахъ; по-русски писались литовскіе уложенія, статутъ Казимира (1468), статуты литовскіе всѣхъ трехъ редакцій (1529, 1566, 1588) и множество привилегій, грамотъ уставныхъ, жалованныхъ и др. для цѣлаго великаго княжества и для отдѣльныхъ его земель; по-русски писались разные сеймовые и судебные акты, записываемые въ особыя книги государственнаго архива литовскаго, въ такъ называемую метрику литовскую, и въ особыя судебныя книги ³⁾. Изъ великокняжеской канцеляріи

31); Головацкій впалъ въ ту же самую ошибку, какъ до него Палацкій (*Dějiny národu českého*, III. 1. р. 145) и я (Славянская взаимность Спб. 1874, стр. 251), т. е. онъ предполагаетъ вліяніе чешскаго языка на этотъ письменный языкъ западно-русскій, чего доказать нельзя. Сходство здѣсь только племенное славянское, тѣмъ болѣе, что западно-русскія нарѣчія во многомъ очень близки къ нарѣчіямъ чешско-словенскимъ. Помню, что я, слушая малорусскую проповѣдь въ соборѣ св. Юрія во Львовѣ, часто воображалъ себѣ, что слушаю проповѣдь чешскую или словенскую.

¹⁾ Бѣлорусскимъ называетъ его тоже Крижаничъ; срв. „Славяне“ II. 330.

²⁾ Срв. напр. въ литовско-русской лѣтописи нацыщенную „похвалу о великомъ князи Витовтѣ“ или грамоты объ избраніи митрополита Григорія (1415).

³⁾ Метрика литовская хранится нынѣ въ Москвѣ, въ архивѣ министерства юстиціи; срв. Птавицкій: Описаніе книгъ и актовъ

писали по-русски въ Москву и въ Молдавію, въ Польшу, Татарамъ, даже въ Ливонію и въ Угрію. Въ сношеніяхъ съ Шмидтами и вообще съ западною Европою былъ въ употребленіи преимущественно языкъ латинскій, пзвѣстный въ Литвѣ уже въ XIII в., особенно же съ конца XIV вѣка. Исторією Литвы занимались русскіе лѣтописцы; они сначала не разъ отличаютъ Русь отъ завоевательной Литвы („возгласи Русь плачемъ великимъ, ижъ такъ вси суть побити отъ безбожной Литвы“), но со временемъ, по мѣрѣ сліянія Литвы съ Русью, приняли литовскую точку зрѣнія противъ разныхъ притязаній Поляковъ. Говоря о древнѣйшей исторіи Литвы, они послѣдовали выдумкамъ польской исторіографіи, Длугоша и др. о происхожденіи Литвы-Литавин изъ Италіи и пр.; такъ напр. въ XVI в. литовско-русскій лѣтописецъ рассказываетъ удивительныя вещи о древней исторіи Литвы: изъ Италіи вышелъ-де „княжа Палемонъ и пять сотъ шляхты римское... пошли на кораблехъ моремъ на полночь и дошли до устія, где река Пемонъ впадаетъ въ море“, и тамъ поселились. Важный въ тѣ времена вопросъ о гербахъ, переходившихъ отчасти изъ Чехіи въ Польшу, а оттуда въ Литву, лѣтописецъ трактуетъ по своему усмотрѣнію: онъ—не зная ничего о городенскомъ сѣздѣ и выражая гордость Литовцевъ противъ Ляховъ—рассказываетъ, что „Ляхове не были шляхта, але были люди простыи, ани мели гербовъ своихъ и великими дары того доходили въ Чеховъ, бе-

литовской метрики (СП. 1887). Списокъ древнѣйшихъ книгъ (1—66, съ XV в. до второй половины XVI в.), сдѣланный въ 1777 г. польскимъ писъмомъ, хранится въ главномъ архивѣ варшавскомъ (книги означены № 191—219); этимъ спискомъ, удобнымъ для историковъ и юристовъ, но не для филологовъ, мы и пользовались. Судебныя книги хранятся въ центральныхъ архивахъ въ Кіевѣ, Вильнѣ, Витебскѣ; срв. Описи актовыхъ книгъ кіевского центрального архива (Кіевъ, выходятъ съ 1866 г.); Каталогъ древнимъ актовымъ книгамъ губерній виленской, гродненской, минской, ковенской, также книгъ нѣкоторыхъ судовъ губерній могилевской и смоленской, хранящимся нынѣ въ центральномъ архивѣ въ Вильнѣ, составленъ П. Горбачевскимъ (Вильна 1872). Акты изданы и издаются въ вышеупомянутыхъ сборникахъ.

ручи такъ великіи скарбы отъ нихъ и гербовъ своихъ изжигали и шляхтою ихъ почили, и въ гербы свои ихъ прицали; але мы шляхта старая ридская съ гербы своими не потребуемъ жадныхъ иныхъ гербовъ, але ся держимъ старыхъ, што намъ предки наши оставили“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ литовско-русскомъ лѣтописцѣ заговорила тоже шляхетско-польская спѣсь, если онъ о великомъ князѣ Зигизмундѣ Кестутьевичѣ рассказываетъ, что онъ „мыслилъ въ серцу своемъ, каковы весь рожай шляхецкій погубити и кровь ихъ розлити, а поднести рожай хлопскій псюю кровь“¹⁾.

Сами Литовцы и Жомонты (Жмудь) на своемъ языкѣ говорили развѣ только у себя дома, если не употребляли русскаго языка; но на сеймахъ и судахъ они говорили и писали не по-литовски, а по-русски. Имъ издавались разныя русскія грамоты изъ великокняжеской канцеляріи, совершенно какъ Русскимъ; и въ литовско-русскихъ земляхъ встрѣчаются, какъ и въ земляхъ русскихъ, князья, бояре, старосты, намѣстники, дѣтскіе, тивуны, серебщины, выдащины, купцы, пересуды и другіе русскіе порядки, а Русь приняла отъ Литвы развѣ только слово *данло* (дань натурою)²⁾. По-русски говорили и писали обрусѣвшіе князья Гедиминовичи и другіе литовскіе и жмудскіе князья и бояре, Остики-Радивилы, Гаштовты, Гедройти, Монвиды, Кезгайлы, Бутричы, Пацы—совершенно такъ, какъ природныя русскіе князья

¹⁾ Литовско-русская лѣтопись XVI в., издалъ Нарбутъ (1846, стр. 6, 1, 43, 48 — 49). Литовско-русскую лѣтопись XV в. издали Даниловичъ (1827) и А. Поповъ (1854). О литовско-русскихъ лѣтописяхъ срв. статьи Даниловича (въ Ж. М. Н. П. 1840, по-польски въ варшав. изданіи Стрыйковскаго 1846), Шараневича (1882), Ст. Смольки (1889), А. Прохаски (1890). Лѣтописи писались тоже въ южной Руси, въ Кіевѣ, Львовѣ и др.; см. Сборникъ лѣтописей, относя къ исторіи южной и западной Руси (Кіевъ 1888). Русскими лѣтописями пользовался и Стрыйковскій въ своей литовско-русской хроникѣ; срв. „Славяне“ II. 122.

²⁾ Это слово (*dziakło*) употребляется еще нынѣ около Райгорода (въ польскомъ Подляшѣ), означая т. н. даремщизну (*daremszczyzna*), т. е. работу подданныхъ даромъ (Biblioteka Warszawska 1860, II. 751).

и бояре. Вѣроисповѣданіе—католическое (а прежде и языческое) и также православное у Литовцевъ, и православное у Русскихъ, здѣсь ни чуть не мѣшалось: все писали по-русски. Такъ напр. шляхта жомонтская просила по-русски короля, чтобъ все должности въ жомонтской землѣ давались не Литвѣ, не Руси, не Ляхамъ, а только Жомонти. Католическіе Литовцы, и во главѣ ихъ „князь бискупъ“ (по польскому *ksiądz biskup*) виленскій, заявляли свою преданность „его милости отцу святому папѣ и костелу святому римскому“, брали „Москвитина отщепенца и непріятеля костела святого римского“, возставали противъ „чужоземцовъ Ляховъ, пановъ Поляковъ“, защищали въ собраніяхъ полную самостоятельность Литвы, требуя, чтобы „великое княжество литовское мѣло коруну; тогда не може быти привлащено къ корунѣ польской: бо коруна въ коруну втѣлена быть не може“—все по-русски ¹⁾. Литовцы, конечно, говорили и писали тоже на латинскомъ языкѣ, но никогда по-литовски. Это господство officialнаго русскаго языка въ Литвѣ возбудило въ литовскомъ патриотѣ Михаилѣ (1550) большое негодованіе; онъ, увлекаясь фантазіями польскихъ и литовскихъ лѣтописцевъ о происхожденіи Литвы изъ Италіи, жалуется на употребленіе московскаго письма, не древняго и лишняго, такъ какъ русскій языкъ для Литовцевъ чужой; они —происхожденіемъ Итальянцы, изъ крови итальянской ²⁾.

Ягайловичи на польскомъ престолѣ говорили долго и послѣ

¹⁾ Срв. Акты запад. Россіи II. № 144, 221, III. № 24; Акты южн. и западной Россіи I. № 101, и др.

²⁾ *Literas moscoviticas, nihil antiquitatis complectentes, nullam ad virtutem efficaciam habentes, ediscimus, cum idioma ruthena alienum sit a nobis Libuanis hoc est Italianis, italico sanguine oriundis.* (De moribus Tartarorum, Litvanorum et Moscorum, Basileae 1615). Эти слова Михаила, вѣроятно, дали поводъ къ разсужденіямъ о литовскомъ языкѣ въ такъ наз. дневникѣ Кибурга (конца XIV вѣка, но поддѣлкѣ начала XIX в.); виленскій епископъ разсуждаетъ здѣсь о литовскомъ языкѣ почти такъ, какъ Шлейхеръ или Микуцкій (русскій переводъ дневника у Смирнова: Ягелло-Яковъ-Владиславъ, стр. 26).

соединенія Польши и Литвы (1386) по-русски, тѣмъ болѣе, что сами Поляки не придавали своему родному языку особеннаго значенія, писали почти исключительно по-латыни, и только съ начала XVI в. начали чаще писать и по-польски. Владиславъ Ягайло, не зная ни латинскаго, ни польскаго языка, говорилъ по-русски; это было извѣстно въ Польшѣ долго, до XVII в., и польскіе писатели Орѣховскій и Гербуртъ выводятъ въ своихъ книгахъ короля Владислава Ягайла говорящимъ по-русски ¹⁾. Младшій сынъ Ягайла, Казимиръ, пребывая съ молодости въ Литвѣ и окруженный литовско-русскими папами, привыкъ къ русскому языку и къ русскимъ обычаямъ, тѣмъ болѣе, что его мать Софія была изъ русско-литовскаго рода князей Гольшанскихъ ²⁾. Въ часовнѣ св. Креста въ краковскомъ соборѣ, въ которой похороненъ Казимиръ, до сихъ поръ гласитъ русская надпись, что (вѣроятно 1470 г.) „благоизволеніемъ, мудростью бога отца всемогущаго понесена бысть сия каплица повелѣніемъ великодержавнаго короля Казимира за божьей милости короля польскаго и великаго князя литовскаго и русьскаго (и пр.) и его королевое прѣдвѣдѣнѣйшей паней Елизаветы ис поколѣнья цесарьскаго, внука прецанезвѣтнѣйшей-

¹⁾ Въ лѣтописи монастыря Лысогорскаго (ок. 1536—1540 гг.) Ягайло спрашиваетъ монаховъ лысогорскихъ по-русски: *azto to jest*. Ст. Орѣховскій (Dyalog) рассказываетъ, что Ягайло „z ruska odpowiedzial: Kniaże wid na koli pietuch den i pocz pojet, wozelida korol“. Гербуртъ (Herkules) упоминаетъ о русскихъ словахъ Ягайла, сказанныхъ великому магистру прусскому: „Tu na mene hrametu, a ja na tebe szabloju“. Срв. выше, стр. 142. Съ гуситами Чехами говорили Ягайло и Витовтъ вѣроятно тоже по-русски; срв. „Славяне“ III. 66.

²⁾ Длугоша Historia Polon. IV. 659. На Руси Казимиръ назывался тоже Андрей, напр. въ Воскресенской лѣтописи (II. С. Р. Л. VII. 256: „Ондрѣй Казимиръ“), въ западно-русской Четьи 1489 г. („король Андрей“). К. Стадницкій (Bracia Władysława Jagielly, 144) замѣчаетъ: „Umiano u nas dolożyć starania, aby prawda historyczna zmaconą została, albo nigdy światła nie ujrzała. Ale zastanowieć musi, że kroniki ruskie prawie zawsze Kazimierza Jagiellończyka nazywają Andrzejem, a czasami dodają, że był odszczepieńcem“.

шаго цесаря Жикгимонта пана земли ракусское а чешское, вгорской¹⁾. Сынъ Казимира, король Сигизмундъ I, зналъ кромѣ польскаго языка тоже языки чешскій и русскій; въ его библіотекѣ (1510 г.) находились, кромѣ книгъ латинскихъ, тоже книги чешскія и русскія (словѣско-русскія), и изъ нихъ именно трефологій „сербскаго языка“, часословецъ, молитвы, книга св. Іоанна Златоуста, и разныя книги библіи²⁾. Только король Сигизмундъ Августъ, послѣдній Ягайловичъ, поднялъ пренебрегаемый до тѣхъ поръ языкъ польскій, вводилъ его болѣе въ публичную жизнь, и вообще больше держалъ сторону Поляковъ въ ущербъ Литвѣ и Руси. Поэтому и память объ обоихъ Сигизмундахъ на Литвѣ и Руси не была одинакова; въ началѣ XVII в. въ Литвѣ упрекали короля Сигизмунда Августа, что онъ „Подлясье и Волинь вынищылъ, Ляхомъ мянующися“, но за то хвалили Сигизмунда I: „солодка пачѣть его, бо той Нѣмцевъ якъ собакъ не любилъ, а Ляховъ зъ ихъ хитростями велмѣ не любилъ, але Литву и нашу Русь любительно миловалъ“³⁾.

Названіе „Литва“, первоначально названіе этнографической единицы—области литовскаго племени, принимало все болѣе обширное значеніе, по мѣрѣ распространенія границъ великаго кня-

¹⁾ Срв. Н. Дашкевича, Замѣтки по исторіи литовско-русскаго государства, 107—108.

²⁾ Lelewel: Bibliograficzne księgi II. 97 (изъ Метрики литовской, срв. соч. Владимірова о Фр. Скоринѣ, 15). Срв. тоже „Славян“ III. 242.

³⁾ Эти слова встрѣчаются въ такъ называемой рѣчи пана Ивана Мелешка, кастеляна смоленскаго, произнесенной будто-бы на варшавскомъ сеймѣ 1589 года. Но такія странныя „рѣчи“ на сеймахъ не говорились, а панъ Иванъ Мелешко былъ смоленскимъ кастеляномъ въ 1615—1623 гг. (J. Wolff: Senatorowie i dygnitarze w. ks. litewskiego 1386—1795, Kraków 1885, p. 131). Эту „рѣчь“ сочинилъ по всей вѣроятности какой-нибудь литовско-русскій юмористъ XVII вѣка и приписалъ ее костеляну Мелешку. Она напечатана, изъ рукописи архива Хребтовичей въ Щорсахъ (въ губ. минской), у Вишневекаго *Historya literatury polskiéj* VIII. 480, и вѣроятно оттуда въ Актахъ южной и западной Россіи II. № 158.

жества литовскаго въ югозападной Руси. „Литва“ во второй половинѣ XIV в. — это всё земли по Неману, Двинѣ и Днѣпру, большая половина владѣній Ягайла; меньшая половина — это „Польша“. Но въ самомъ великомъ княжествѣ литовскомъ различали „Литву“ (около Вильны и Троку) вмѣстѣ съ Жомонтю (Жмудью) отъ „Руси“, и великій князь господарь назывался литовскимъ, русскимъ и жомонтскимъ. Въ великомъ княжествѣ литовскомъ были русскія земли: полоцкая, витебская, смоленская, подляшская, волинская, кievская, сѣверская и др. ¹⁾. „Литвинъ“ отличался отъ Полочанина, Витблянина, Смольнянина, Кіянина и вообще Русина. Такъ напр. великій князь Казимиръ (1440) раздѣляетъ „своихъ людей: Ляхъ, Литвинъ, Витблянинъ, Полочанинъ, Смольнянинъ, Русинъ или съ иныхъ нашихъ русскихъ земель“; король Сигизмундъ Августъ (1558) обращается къ своимъ подданнымъ „въ паньствѣ нашомъ великомъ князьствѣ литовскомъ и на Волини, на Руси і Подляшью“; рѣка Двина раздѣляла „стороны литовскую и рускую“, какъ говорилось въ XVI вѣкѣ. Кромѣ того, вслѣдствіе соединенія Литвы и Польши въ 1386 г., названія „Литва — Литвинъ“ и „Русь — Русинъ“ приняли тоже значеніе вѣроисповѣдное: католиковъ и православныхъ, „шляхта литовскаго и рускаго народу“, „панове и шляхта обоюго закону и вѣры христiанское, римскаго закону Литва и греческаго Русь“, совершенно такъ, какъ и въ Польшѣ названія „Ляхъ“ и „Русинъ“. Такой „Литвинъ“ вѣрою (католикъ) могъ быть конечно и „Русинъ“ по языку. Въ южной Руси, въ земляхъ кievской и волинской, подъ названіемъ „Литва — Литвинъ“ подразумѣвали часто вообще сѣверную Русь литовскую, земли бѣлорусскія, какъ и до сихъ поръ Малорусы называютъ Бѣлорусовъ Литвинами. Последнее названіе „Бѣлая Русь“ — форма книжная; оно сначала означало самостоятельную Русь московскую (не-литовскую, не-польскую); такъ и называлась она напр. у прусскихъ крестоносцевъ,

¹⁾ Пограничныя земли назывались вообще *украина*; это названіе осталось особенно въ южной Руси, и въ XVII в. Украина — козацкая поддѣпировская земля — кievская и сѣверская. Срв. ст. Ю. Бартошевича въ ж. Biblioteka Warszawska 1864, II.

у разныхъ книжниковъ средней Европы, въ Польшѣ ¹⁾, да и въ самой Москвѣ; но позже со второй половины XVI в. „Бѣлая Русь“—это земли литовско-русскія по Двинѣ, Березинѣ, Сожи и верхнему Дѣпру, около Мстиславля, Могилева, Рши (Орши), Свислоча, Рѣчицы, Мозыри, Бобруйска, „волостей русскихъ“ въ отличіе отъ западныхъ. „волостей литовскихъ“ около Новгорода, Слонима, Городна, этой „Черной Руси“ ²⁾. Название „Бѣлая Русь“ принята потомъ и въ Москвѣ въ значеніи сѣверной литовской Руси, а „бѣлорусскій языкъ“ сталъ въ Москвѣ означать литературный языкъ литовско-польской Руси вообще. Кромѣ этихъ книжныхъ формъ „Русь Бѣлая и Черная“, въ русскихъ земляхъ приняты по примѣру канцелярскаго стиля въ Византіи и царьградскаго патриархата—тоже книжныя формы „Русь (Россія) Великая“—въ значеніи самостоятельной Руси московской, а „Русь (Россія) Малая“ — въ значеніи польско-литовской южной Руси, часть которой составляла тоже „Русь Червоная“ ³⁾.

¹⁾ Такъ напр. у архіепископа Іоанна Ласкаго (1514), о чемъ см. выше, стр. 2; см. Archiv f. slav. Philologie VIII. 21.

²⁾ У польскаго лѣтописца XIV в., Іоанна Чарниковскаго (Monumenta Polon. histor. II. 719), однако Polock castrum Albae Russiae.

³⁾ О названіяхъ Русь (Россія) Великая, Малая, Бѣлая, см. Archiv für slav. Philologie VIII; срв. тоже выше стр. 2, 161 — Объ отдѣльныхъ земляхъ литовской Руси см.—кромѣ общихъ исторій Литвы и литовской Руси — П. Батюшковъ: Бѣлоруссія и Литва, историческія судьбы сѣверозападнаго края (СП. 1890), его-же: Волинъ, истор. судьбы юго-западнаго края (СП. 1888), Stecki: Wołyń pod względem statyst., histor. i archeolog. (Lwów 1864 — 1871, 2 t.), А. Киркоръ: Полѣсье литовское (!) и бѣлорусское (СП. 1882; замѣтимъ, что все Полѣсье по Припечи—русское, а не „литовское“, и что Городно, Берестье, Свислочь и др.—въ Руси, а не въ „Литвѣ“); Полѣсье, библиограф. матеріалъ по исторіи, статистикѣ, этнографіи и эконом. состоянію Полѣсья; сѣверозападный и югозападный край вообще, и губерніи минская, гродненская, волинская, кіевская и могилевская въ частности (СП. 1883); разныя монографіи въ сборникахъ: Акты виленскіе, Архивъ югозападной Россіи и др. Монографіи Андріяшева (Очеркъ исторіи волинской земли до конца XIV в., 1887), Грушевскаго (Очеркъ исторіи кіевской земли до конца XIV в., 1891), До-

Великое княжество литовско-русское состояло изъ нѣсколькихъ большихъ и меньшихъ княжествъ, въ которыхъ княжили члены рода Гедимица, а въ многихъ еще Рюриковичи. По сѣ начала XV в. эти князья все болѣе исчезаютъ, и вмѣсто князей являются въ городахъ и земляхъ великокняжескіе *намістники* (старые посадники) и ихъ помощники въ судахъ *тивуны* и *дѣтскіе*, все древнерусскія должностныя лица, преимущественно судебныя; помощникомъ намістника сталъ тоже *воевода* (древнерусскій тысячскій), какъ и въ коронной Руси воевода помощникъ старосты. Намістники въ южной Руси, именно въ землѣ волинской (и подольской), назывались уже въ XIV в. также *старосты*, по примѣру польскихъ старостъ—намістниковъ вообще, какіе были въ коронной Руси ¹⁾. Земли раздѣлялись на округа, называемые уже въ XV в. по-польски *повѣты*; но часто слово „повѣтъ“ означало то, что „земля“, и въ концѣ XV в. и въ началѣ XVI в. говорится о „повѣтѣ“ кievскомъ, мстиславскомъ, смоленскомъ, новгородскомъ, берестьевскомъ, слуцкомъ, и пр., что означаетъ землю. Средоточіемъ земли былъ *городъ*, всеословная община; горожане—это бояре, поспольство, чернь. Отъ древнерусскихъ должностныхъ лицъ находились по городамъ великокняжескіе намістники (старосты) со своими помощниками (воеводами, тивунами), и городскіе сотники или сотскіе, десятскіе

внара-Запольскаго (Очеркъ исторіи земель кривичской и дреговичской до начала XIII в., 1891), Багалѣя (Исторія сѣверской земли до половины XIV в., 1882) касаются только древней исторіи этихъ земель. — Пишемъ „Волянъ, Воляня, Волынѣмъ“ (муж. рода), такъ какъ это *adjectivum possessivum*: „Волянъ scilicet городъ, какъ и Володимерь, Изяславль, Перемышль, Ярославль, Брячиславль (Бряцлавль), Всеволожь, Святополчь и пр.; всѣ эти названія въ древнерусскомъ языкѣ были муж. рода: къ Воляню, къ Володимерю, подъ Володимеремъ, до Ярославля, (Святополкъ въ свое имя нарече) Святополчь городъ, и пр. Поляки до сихъ поръ употребляютъ правильныя формы *Wołyń*, *na Wołyniu*, *Wołyniem*, *w Jarosławiu*, *pod Włodzimierzem*, и пр.

¹⁾ Срв. статью З. Радзимицкаго: *O namiestnikach rusko-litewskich* (краков. *Przegląd polski* 1885, ks. 77, p. 355).

или десятичники. Горожане не-бояре, именно лучшіе (называвшіеся уже въ XV в. на польскій ладъ мѣщане) владѣли землями, селами. Жители города собирались по древнерусскому обычаю на вѣча: „мужи Полочане вѣчомъ ся справовали, какъ великій Новгородъ и Псковъ“ — замѣчаетъ еще въ XVI в. литовско-русскій лѣтописецъ. Обыкновенная въ древнерусскихъ городахъ борьба партій, бояръ и черни, людей вятшихъ, добрыхъ и людей меньшихъ, малыхъ, продолжалась и подъ господствомъ литовскихъ великихъ князей. Такъ еще около половины XV в. (1440) Смольняне „чорные люди, кузнецы, кожомаки, шевники, мясники, котельники“, вооружившись зазвонили въ колоколъ и напали на замѣстителя намѣстника великаго князя Сигизмунда, воеводу Андрея Саковича и на его дворянъ и на бояръ, и между обѣими партіями произошелъ кровавый бой ¹⁾. Во второй половинѣ XV вѣка въ городѣ Полоцкѣ происходили споры между боярами и остальными жителями города, мѣщанами (такъ назывались уже лучшіе горожане, хотя городъ не пользовался еще пѣмецкимъ правомъ), городскими дворянами (вѣроятно дворянъ намѣстника), чорными людьми и всѣмъ посполствомъ; король Казимиръ, улаживая эти споры, приказалъ, „абы бояре и мѣщане и дворяне городскіи и все посполство въ згодѣ межи собою были, а дѣла бы наши городскіе вси згодою посполу справляли по давному, а сымались бы вси посполу на томъ мѣстѣ, гдѣ передъ тымъ сыймывались здавна; а безъ бояръ мѣщаномъ и дворяномъ городскимъ и черни соймовъ не надобѣ чинить“ ²⁾.

Князья и бояре были происхожденія русскаго, литовскаго и иного. Князья и бояре землевладѣльцы, по жалованію великаго князя господаря, володѣли наследственными дѣдинами-отчинами, какъ дѣдичи-отчичи, или держали временно помѣстья или выслуги—какъ державцы ³⁾. Русскіе князья Рюриковичи мало по

¹⁾ Литовско-русскія лѣтописи, изд. Попова 54, Нарбута 53.

²⁾ Акты западной Россіи I. № 60; въ варшав. списокѣ Метрики литовской эта грамота означена 1486 годомъ.

³⁾ Срв. Владимірскій - Будановъ: Помѣстья литовскаго государства (Чтенія въ истор. обществѣ Пестора лѣтописца III, Кіевъ 1889 г.).

малу вымирали, уступая свои княжества Гедимниновичамъ—Ольгирдовичамъ; послѣдніе, именно Олельковичи, Слуцкіе, Жеславскіе, Мстиславскіе, Бѣльскіе, Сонгушки (Сангушки), Корецкіе, принимая православіе и русскую народность, сдѣлались такими же Русскими, какими были Рюриковичи: Друцкіе, Любецкіе, Одоевскіе, Ворыцкіе, Ярославичи, Четвертинскіе и др. Происхожденіе многихъ „княжескихъ“ родовъ въ литовско-русскомъ государствѣ неизвѣстно; нѣкоторые изъ нихъ, желая показать родовую связь съ Ягайловичами, стали позднѣе производить себя отъ Гедимина и Ольгирда, а некритическіе генеалоги повѣрили всему, что князья рассказывали. Такъ напр. князья Чорторыйскіе, Вишневецкіе, Збаражскіе, Порыцкіе, Воронецкіе, Ружинскіе, Лукомскіе, Полубенскіе и др. производили себя изъ рода Гедимина-Ольгирда, другіе князья производили себя отъ Рюриковичей; нѣкоторые князья происходили изъ боярскихъ родовъ, какъ напр. князья Гольшанскіе (Ольгимунтовичи), князья Радивилы (Остиковичи, хотя ихъ княжескій титулъ происхожденія не литовскаго, а римско-пѣмцакаго), и др.; происхожденіе нѣкоторыхъ князей (Капушта, Пузыша, Курцевичъ, Соломирецкій и др.) неизвѣстно ¹⁾. Князья

¹⁾ Польскіе генеалоги внесли въ родословіе этихъ князей много путаницы, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ особенно извѣстный Herbarz Несецкаго. Эта путаница начинается только въ новѣйшее время, благодаря критическимъ приѣмамъ К. Стадницкаго (въ монографіяхъ о Гедимниновичахъ и Ольгирдовичахъ), Г. Вольфа (Ród Gedymina), А. Бонецкаго (Poczet rodów w w. ks. litewskiém); срв. тоже Ю. Бартошевича, разныя генеалог. статьи въ Encyklopedyi powszechnéj, и ст. Książ i książę (Dziela X. 368). Но и между этими новѣйшими генеалогами есть разногласія; такъ напр. князей Чорторыйскихъ Вольфъ считаетъ Ольгирдовичами, а Стадницкій, Бонецкій, Бартошевичъ отрицаютъ это. Князья Збаражскіе, Вишневецкіе, Порыцкіе, Воронецкіе считались Корибутовичами (см. „Славяне“ III. 78); но, по изслѣдованіямъ Стецкаго, Вольфа, Бонецкаго, они—потомки князя Ивана Несвицкаго (Несвичъ въ Волинѣ около Луцка) неизвѣстнаго происхожденія; вѣроятно сынъ этого князя Ивана, князь Федько, былъ сторонникомъ Швитригайла (срв. Стадницкаго Synowie Gedymina, 1881, I. 205—212); мы, слѣдуя Длугошу, называли князя Федька ошибочно Острожскимъ („Славяне“ III.

назывались по своимъ городамъ (Жеславскіе, Мстиславскіе, Воротынскіе, Острожскіе), но сохраняли тоже болѣе простыя имена родовыя, напр. Ярославичъ, Сангушко (Сонгушко, Сендюшко, Сенкушко вѣроятно отъ Санко, Сенко и Семко-Семенъ), Олельковичъ (Олелько-Александръ), или даже прозвища, напр. Капуста, Пузына, Одионецъ-Одниневицъ. Такъ было и среди русскихъ бояръ; они долго назывались простыми именами (съ отчествомъ): Олизаръ (Елсазаръ), Глѣбъ, Грицко (Григорій), Олехно (Александръ), Мелешко (Мслетій), Тишко (Тимофей), Ходко, Федоръ, Федко, (Хвѣдко), Федюшко (Федоръ), Костюшко (Константиинъ), или прозвищами: Величко, Громыка, Гарабурда, Бобоѣдъ, Шило, Мукосѣй, Горностаѣй, Туръ, Сопега (Сопига), Кирдей, Кисель, Немира, Салогубъ и др. Нѣкоторыя такія имена и прозвища остались и позднѣе какъ родовыя названія: Мелешко, Олизаръ, Кисель, Сопега, Гарабурда; къ другимъ прибавлено отчество: Тишковичъ, Ходковичъ, Глѣбовичъ, Вологовичъ, Мицковичъ, Гулевичъ, Хребтовичъ, Воловичъ, Волковичъ, Боговитиновичъ, Чапличъ, Немиричъ. Наконецъ многіе бояре, подобно князьямъ, принимали родовыя названія по своимъ имѣніямъ, городамъ и селамъ, напр. Кирдей—Мыльскіе, Мукосѣи—Баковецкіе, Борзобогатые—Красецкіе, Гулевичи—Воютинскіе. Такія родовыя названія по имѣніямъ встрѣчаются въ югозападной Руси, именно въ Подляшѣ и Волынѣ, съ начала XV вѣка, и этотъ обычай сдѣлался потомъ почти господствующимъ. Нѣкоторые такіе бояре пожелали со временемъ быть тоже Гедиминовичами, напр. такъ утверждали, впрочемъ довольно поздно, Сопеги или Сапегы, какъ они стали называться; другіе хотѣли происходить отъ князей русскихъ.

Сельское пародонаселеніе въ литовской Руси называлось до

63). Князей Острожскихъ считаетъ Максимовичъ Рюриковичами, другіе это отрицаютъ. Поляки называли и называютъ этихъ литовско-русскихъ князей и по-польски *kniaź* (а не *książe*), равнымъ образомъ какъ они употребляютъ русскія слова *episkop-wladyka*, *por*, *czerniec*, *cerkiew*, *monaster* etc., какъ бы все это русское было—*podlejszego gatunku*.

конца XIV в. *смерды*; но потомъ это слово считалось браннымъ ¹⁾, и бывшіе смерды назывались разнообразно: люди, мужики, селяне, посполство, и пр. Отъ свободныхъ землевладѣльцевъ не-бояръ, *земцевъ*, остались немногіе до второй половины XV вѣка ²⁾. Селяне, жившіе на земляхъ господарскихъ—великокняжескихъ, далѣе князей, бояръ, городовъ, духовенства, раздѣлялись на много классовъ, смотря по большей или меньшей личной свободѣ, зависимости отъ ихъ господъ, прикрѣпленію къ землѣ, по ихъ повинностямъ, работамъ, данямъ, и пр.; нѣкоторые изъ нихъ владѣли однако тоже поземельною собственностью. Были люди вольные, слободичи — слободники, похожіе — прихожіе — захожіе, сохранившіе свободу вольнаго перехода послѣ исполненія своихъ повинностей; отчичи и дѣдичи, люди отчизные (земледѣльцы на отчинахъ и дѣдинахъ отчичей—дѣдичей землевладѣльцевъ), люди тяглые (на тяглѣ, дворницѣ, службѣ), находившіеся въ значительной зависимости отъ своихъ землевладѣльцевъ или прямо прикрѣпленные къ землѣ ³⁾; наконецъ—невольники, холопы, челядь, закупни, закладни, люди закупные. Въ южныхъ украинскихъ земляхъ русскихъ встрѣчаются въ XV в. люди безземельные, голтяи, поляни-

¹⁾ См. выше, стр. 117. Великій князь Витовтъ назвалъ одного подданнаго смердомъ (Акты южной и запад. Россіи II. 103), а въ началѣ XVI в. одинъ бояринъ жаловался на данное ему бранное слово смердъ (Danilowicza, Skarbice II. 287), и др.

²⁾ „Земець Холѣвичъ“ въ мстиславскомъ княжествѣ (вилен. Археограф. Сборникъ VII. 4). Слово „земець“ въ значеніи „земля“ встрѣчается еще въ западно-русскомъ переводѣ хроники Бѣльскаго (1564 — 1572), какъ видно по древнесерб. въ переводу (см. „Славяне“ II. 425): случи-се прѣше двѣма земьцемъ о дедине (сѣвернорусск.: дворяномъ объ отчинномъ дѣлѣ). „Земцы“ или „своеземцы на своихъ отчинахъ“ (не-бояре, но и не-крестьяне) встрѣчаются тоже въ сѣверовосточной Руси XV — XVI вв., именно въ земляхъ новгородской и пековской; см. Чечулина, Города московскаго государства въ XVI в. (Москва 1889), стр. 43, и срв. „Славяне“ I. 127, II. 135.

³⁾ Въ кievской землѣ встрѣчаются въ XV вѣкѣ „коланные люди“, срв. выше стр. 121, пр.

ки, слуги, обязанные къ военной службѣ, предшественники козаковъ. Эти послѣдніе—тѣже безземельные, бездомные люди, занимавшіеся въ южнорусскихъ степяхъ Украины охотою и рыболовствомъ, и прибывавшіе на время въ украинные города; но впослѣдствіи козаки стали тоже землевладѣльцами въ тѣхъ городахъ и степяхъ ¹⁾. Древнерусское устройство общинъ сохранилось въ литовской Руси очень долго, хотя оно, по мѣрѣ распаденія сословія землевладѣльцевъ, горожанъ, земледѣльцевъ и все усилившейся зависимости подданнаго люда отъ его господъ, лишалось своего прежняго значенія. Округъ города съ селами составлялъ обширную общину волость (жители — волощане) подъ старцемъ села—подъ старостами (въ южной Руси по-татарски атаманы, ватаманы); въ общинахъ встрѣчаются древнерусскіе тивуны, сотники и десятичники; сябры — сосѣди соучастники, нераздѣльные владѣльцы земли; старинный общинный судъ, собирающійся на сходку, копу (оттуда копное право), на вѣче — судить преступленія въ округѣ общины, и пр. ²⁾. Разнообразны были повинности населенія относительно князя — государства и его чиновниковъ, и со временемъ относительно зѣмлевладѣльцевъ, въ пользу которыхъ государство отказывалось отъ многихъ такихъ повинностей, легшихъ преимущественно на подданный людъ; были: военная служба, разныя даны денежныя (грошовая — грошами, рублями, серебромъ, сере-

¹⁾ Татарское слово *козакъ, казакъ* — разбойникъ, встрѣчается въ карпатской Руси во второй половинѣ XV в. (см. выше стр. 65); но Днѣпру около Кіева и Черкасъ въ концѣ XV в.: въ 1493 г. доносятъ московскіе послы изъ Крыма, что около Днѣпра пришли на нихъ *Черкасцы*, и ограбили ихъ; въ 1494 г. татарскіе *казакъ* отъ Бѣлагорода (см. Уляницкаго, Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши и Турціи, стр. 123, 124); въ 1499 г. въ Кіевѣ *козакъ христіане*, которые „зъ верху Днѣпра ходять водою на низъ, до Черкасъ и далѣй“ и привозятъ въ Кіевъ рыбу (Акты западной Россіи I. № 170). О словѣ *голтый* см. выше, стр. 122, 139.

²⁾ Срв. „Славяне“ I. 119. Слово *вѣче* — сходка, судъ волости-общины, встрѣчается въ двухъ волинскихъ актахъ 1538 и 1564 гг.

брежная —серебришна, серебщишна)¹⁾, съ сохи (посощина), съ дворища — дыла (подымщица), дани натуральныя (дань медовая, бобровая, купичная, осынная — дякольная и др.), полюдь (депежная и натуральная), разныя работы относительно городовъ (замковъ), мостовъ, дорогъ, работы полевныя, подводы и содержаніе князю и чиновникамъ (стаціи) и пр.²⁾.

7. *Соединеніе Литвы съ Польшей и его послѣдствія для Литовской Руси. Распространеніе польскихъ порядковъ и польскаго языка въ Литвѣ и отстаиванье Литвою своей отъдельности. Статутъ Литовскій. Литавонизмъ Литвы и Польши, переходящій въ явную вражду. Литовское „Подляшьє“, особое его положеніе и быстрое ополяченье.*

Избраніе Владислава Ягайла въ польскіе короли, переходъ Ягайловичей въ Польшу, въ сферу культуры и политики западноевропейской—все это произвело громадный переворотъ въ дальнейшей судьбѣ русскаго народа на западѣ. До этого важнаго со-

¹⁾ Дани *грошовыя* названы по новому названію денегъ — *гроши* (grossus), принятому въ Польшѣ изъ Чехіи; въ югозападной Руси кромѣ обыкновеннаго *рубля* (100 литов. грошей) встрѣчаются гроши не только литовскіе, но также польскіе (по закону съ 1508 г.), и чешскіе (копы широкихъ грошей чешск. монеты). Что касается позднѣйшей русской золотой монеты *чехъ*, то это названіе происходитъ отъ итальянскаго *сессо*, *зесchino*; такъ напр. въ казѣ запорожскаго войска въ 1687 г. было больше двухъ сотъ тысячъ „золотыхъ чеховъ“; а еще при Петрѣ Вел. въ Сѣвскѣ чеканились „чехи“.

²⁾ Древнерусское полюдь (см. „Славяне“ I. 157) встрѣчается до второй половины XVI в. (въ актахъ 1471—1566 гг.) въ земляхъ кіевской и пинской, въ волостяхъ бѣличской, могилевской, свислочской; срв. тоже выше, стр. 122.—Подробности и внутреннее бытѣ югозападной (именно литовской) Руси см. особенно въ вышеупомянутыхъ сборникахъ кіевскихъ и вилевскихъ, отчасти и варшавскихъ (*Źródła dziejowe*), и у Бестужева Рюмина, Русская исторія II, и у Иловайскаго, Исторія Россіи III, гдѣ указана тоже литература предмета.

бытія можно было ожидать, что со временемъ русское православіе вполнѣ восторжествуетъ и по берегамъ Пѣмана въ собственной Литвѣ и въ Жмуди, что весь литовскій народъ, по примѣру многихъ его князей и вельможъ прикинетъ къ православію и къ русской культурѣ, и что борьба между князьями литовско-русскими Гедиминовичами и московско-русскими Рюриковичами изъ-за первенства на всей Руси будетъ происходить только на политической почвѣ, подобно тому, какъ происходила такая борьба когда-то между Кіевомъ и Суздалемъ - Володимеромъ или между Москвою и Тверью или Рязанью. По внесеніе польско-латинской культуры въ ряды Ольгирдовичей и въ собственную Литву совсѣмъ перемѣнилось положеніе дѣлъ въ югозападной Руси. Поляки, стремясь съ успѣхомъ на русскій востокъ гдѣ подчинилась ихъ вліянію карпатская Русь—съ 1386 года стали всею силою преслѣдовать одну завѣтную цѣль: полное сліяніе Литвы съ Польшею. Важнымъ орудіемъ считали они водвореніе своей культуры и въ остальной югозападной Руси по Двинѣ и по Днѣпру; они и здѣсь справедливо рассчитывали на главное орудіе своихъ плаговъ, на католицизмъ, который съ такимъ успѣхомъ способствовалъ ополяченію карпатской Руси, и на распространеніе въ литовско-русскомъ государствѣ шляхетскихъ привилегій, которыя дѣйствовали бы заманчиво на князей и бояръ литовско-русскихъ, выдѣлили бы ихъ изъ остальныхъ классовъ и образовали бы и въ литовскомъ государствѣ такое-же привилегированное шляхетское сословіе, каковымъ была шляхта въ Польшѣ. Такимъ образомъ возникаетъ и въ Литвѣ, вмѣсто князей и бояръ, привилегированное сословіе по примѣру польской шляхты, такъ называется оно на польскій ладъ и по-русски *шляхта, земляне*, и пріобрѣтаетъ мало по малу все болѣе вліянія и власти рядомъ съ наивысшими сановниками литовскаго великаго княжества, Литовцами и Русскими, князьями и боярами, которые составляли по русскому обычаю боярскую думу великаго князя, по потомъ стали называться на польскій ладъ „*паны рада*“, *радные паны*. Первые шаги къ образованію такой „шляхты“ въ Литвѣ, привилегіи виленская (1387) и городельская (1413), вводящія и въ Литвѣ привилегированное сословіе шляхты, обнаруживаютъ

исключительный вѣроисповѣдный моментъ; только римскіе католики, а не „схизматики“ литовскіе допускались къ правамъ польской шляхты, т. е. дѣлались землянами собственниками со своими судами, урядами (должностями) и съ разными вольностями польской шляхты, съ освобожденіемъ отъ многихъ земскихъ повинностей, и съ важными для тѣхъ временъ вышними знаками шляхетства, гербами ¹⁾. Но Владиславъ Ягайло и его польскіе совѣтники скоро убѣдились, что составъ населенія литовскаго великаго княжества не дозволяетъ такого исключительнаго вѣроисповѣднаго момента въ жалованіи политическихъ привилегій шляхтѣ литовской католической, что въ титулѣ „великій князь литовскій и русскій“ послѣднее слово важнѣе перваго, и что огромное большинство населенія литовскаго государства—вовсе не католики Литва, а православная Русь. По смерти Александра Витовта (1430) Польша убѣдилась въ силѣ литовской православной Руси, которая поддерживала великаго князя Швитригайла Ольгирдовича противъ великаго князя Сигизмунда (Жигимонта, Жидимонта) Кестутевича, кандидата Польши и католической Литвы: „Литва посадиша великаго князя Жидимонта Кестутевича на великое княженъе на Вишн... и князи русїи и бояре посадиша князя Швитригайла на великое княженъе руское“, „Жидимонтъ собра силу многу литовскую и Ляхи, а Швитригайло со всею силою рускою поиде на Литву“—вотъ какъ характеризуетъ литовско-русскій лѣтописецъ положеніе дѣлъ въ литовскомъ государствѣ по смерти Витовта. Тогда король Владиславъ Ягайло и папы польскіе — въ томъ числѣ самъ краковскій епископъ Збыгнѣвъ Олешницкій — убѣдились въ неудобствѣ вѣроисповѣдной исключительности для Литвы и литовской Руси, и особою привилегією (1432) распространены были права, пожалованныя прежде католической шляхтѣ литовской, тоже на православныхъ князей, бояръ и шляхту русскую въ Литвѣ. Кромѣ этой общей привилегіи для православной шляхты всей Литвы, пожалованы эти права особо и для нѣкото-

¹⁾ Привилегіи виленская и городельскія (двѣ) написаны не на офиціальномъ языкѣ Литвы, русскомъ, а на языкѣ латинскомъ; изданы въ сборникѣ Дзялынскаго, *Zbiór praw litewskich*.

рыхъ земель литовской Руси, въ томъ числѣ и для шляхты во-
лышской земли луцкой (*duces, praelati, bojari, milites, nobiles
caeterique indigenae terrae Luceusis tam in fide s. romanae
ecclesiae, quam etiam orientalis seu graecae constitutis*). Въ
томъ же самомъ году уравниены также виленскіе мѣщане вѣры
римской и русской ¹⁾. Впрочемъ, всѣ эти привилегіи, имѣющія въ
виду болѣе тѣсную унію Литвы съ Польшею, имѣли не практи-
ческое, а только теоретическое значеніе, именно вельфдствіе со-
противленія литовскихъ и литовско-русскихъ князей и пановъ,
которые не желали такой уніи и по смерти Витовта всевозможно
мѣшали ея осуществленію. Самъ великій князь литовскій, Си-
гизмундъ Кестутевичъ, ставленникъ и сторонникъ Польши про-
тивъ Швитригайла, одобрявшій унію Литвы и Польши, отстаивалъ
потомъ полную самостоятельность великаго княжества литовска-
го противъ всякихъ притязаній Поляковъ, да онъ даже заключилъ
союзъ съ угорскимъ королемъ Альбрехтомъ противъ польскаго ко-
роля Владислава, добивавшагося чешской короны ²⁾. Этотъ антаго-
низмъ между Поляками и Литовцами сильно проявлялся и при
преемникѣ Сигизмунда, при великомъ князѣ и польскомъ королѣ
Казимирѣ: „стала брань великая и неприязи межи паны литов-
скими и ляцкими, а панове литовскіи зващившися гербы ихъ имъ

¹⁾ Привилегію 15 окт. 1432 г., которой Длугошъ не помѣстилъ
въ своей исторіи (вѣроятно умышленно), сообщилъ изъ древней ру-
кописи по-польски Н. Малиновскій въ польскомъ переводѣ хро-
ники Б. Ваповскаго II. 207. Луцкую привилегію см. въ *Codex
epistolaris saec. XV, t. I. pag. 77*; Архивъ югозападной Рос-
сиі I. 5. № 1; *Inventarium privilegiorum in arce Craeov. (Paris 1862,
p. 271)*. Собраніе грамотъ Вильны, № 4. Слова луцкой привилегіи:
„*ecclesias ruthenicas seu ritus graeci nec demoliri, nec in ecclesias ro-
manae aeclesiae converti faciemus seu permittemus, neque aliquem
hominem ritus graeci praedicti cujuscunque sexus seu status ad fidem
romanae ecclesiae violenter compellemus*“—звучать какъ самообвише-
ніе и всенародное покаяніе короля и его польскихъ пановъ рады за
ихъ прежнія дѣйствія въ русскихъ земляхъ.

²⁾ См. письмо Сигизмунда Альбрехту 1439 г. (*Codex epistol.
saec. XV, t. II. p. 402*). Срв. „Славяне“ III. 84.

(паномъ ляцкимъ) отослани, а своими старыми печатовать стали, и много злого мыслили межн собою чинить, и король Казимиръ въ то ся пыльно вложилъ, и много самъ господарь о томъ мыслить, поки ихъ звелъ у згону“ ¹⁾).

Великій князь Казимиръ въ привилегіи 1457 г., изданной (по-русски и по-латыни) на имя „прелатовъ духовныхъ и свѣтскихъ князей (княжатъ, *ducum*), пановъ (рытеровъ, *baronum*)“ ²⁾, шляхтичовъ (шляхты, *nobilitatis*), боярь (*bojarorum*), мѣщанъ (мѣстичовъ) земель великого княжества литовского и руского, жемонтского“, пожаловалъ имъ какъ ихъ отчичъ и дѣдичъ опять всѣ права и вольности прелатовъ, княжатъ, пановъ (рытеровъ), шляхты, мѣсть коруны польской, относительно свободнаго владѣнія ихъ отчинами, свободнаго выѣзда за границу, правильнаго суда, прикрѣпленія ихъ подданныхъ селянъ къ землѣ и освобожденія отъ многихъ государственныхъ повинностей и отъ непосредственнаго великокняжескаго суда. Кажется, что привилегія пожалована католикамъ и православнымъ ³⁾. Эта привилегія подтверждена и размножена преемниками Казимира, великими князьями Александромъ (1492) и Сигизмундомъ (1506, 1522). Александръ между прочимъ предоставилъ „панамъ радѣ“ литовскимъ большое вліяніе на политическія дѣла относительно сохраненія цѣлости

¹⁾ Литовско-русская лѣтопись, изд. Нарбутомъ, 58; срв. его же *Dzieje narodu litewskiego*, t. VIII.

²⁾ Паны, рытеры, *barones* назывались тогда въ Польшѣ паны высшіе сановники земскіе, члены королевскаго вѣча (прежніе кметы); срв. „Славяне“ I. 145.

³⁾ Слова русскаго текста „право христіанское“ „обычай христіанскій“ переданы въ латинскомъ текстѣ привилегіи (и въ ея подтвержденіи 1492 г.) „*jus catholicum, ritus catholicus*“, а слова „прелаты, костелы (тоже: церкви, клинторы“ едва-ли могутъ означать тоже православные. Только въ литовскомъ статутѣ 1529 г. говорится прямо, что господарь король и великій князь хочетъ „обдаровати правы хрестіянскими всемъ прелатомъ, княжатомъ, паномъ хоруговнымъ, возможнымъ рыцеромъ новыинойой шляхте и всему посполству и ихъ подданнымъ, а тубыльцомъ земли великого князства литовского, которого бы колвекъ стада и стану были, вси ихъ права и привіля костельные такъ литовского закону яко кѣреского“ и

границъ государства, сношеній съ иностранными державами, изданія законовъ, пожалованія и отнятія урядовъ, завѣдыванія финансами и пр. Такимъ образомъ и въ Литвѣ власть государя сдѣлалась ограниченою панами радою, какъ это было и въ Польшѣ, гдѣ королевская власть ограничивалась сенатомъ и депутатами шляхты.

Слова привилегій о судѣ въ извѣстныхъ дѣлахъ „въ подлугъ обычаи и права коруны польскоѣ — *juxta consuetudinem et jura sicut in regno Poloniae*“ могли примѣняться въ жизни не всегда, такъ какъ въ Литвѣ и литовской Руси было свое обычное право литовское и русское. Паны рада, хотя они и добивались политическихъ правъ польскихъ пановъ, все-таки весьма оберегали Литву и ея право отъ разныхъ притязаній „чужоземцевъ“ Поляковъ. Иванъ Литаворъ Хребтовичъ, канцлеръ литовскій, вручая новому великому князю Александру мечъ, потребовалъ отъ имени всѣхъ пановъ литовскихъ, чтобъ великій князь справедливо правилъ и судилъ „не по обычаю италянскому, чешскому, нѣмецкому, а по истинному литовскому и по примѣру Витовта“ ¹⁾. Въ Литвѣ и въ литовской Руси обязательно было право русское, какъ оно является въ разныхъ юридическихъ актахъ и отчасти изложено въ судебникѣ великаго князя Казимира 1468 г., содержащемъ въ себѣ главнымъ образомъ судопроизводство относительно татъбы ²⁾. Кромѣ этихъ общихъ привилегій и судебни-

пр. Въ русскомъ языкѣ привилегіи (по списку начала XVI в., см. Акты западной Россіи I. № 61, Владимірскаго - Буданова, Христоматія по исторіи русскаго права II, 23) третье изд., Кіевъ, 1887 г., замѣтно довольно сильное вліяніе польщины: панство, прелаты, паны, княжата, рытере (рыцере), шляхта, мѣщане, вридники, костелъ, клишторъ, моць, парсуна, привилеи, стацыи, обѣцоемъ и слюбуемъ, плоть или стадио (*pleć, stadlo, sexus*) и пр.

¹⁾ Decius: *De Jagellonum familia* (Cracov. 1521, p. 49); отсюда взялъ Стрыйковскій *Kronika*, p. 667.

²⁾ Языкъ этого судебника (Акты запад. Россіи I. № 67; Владимірскій - Будановъ, Христоматія по исторіи русскаго права, II) гораздо чище, чѣмъ языкъ привилегіи 1457 г.; польское вліяніе замѣтно развѣ въ словѣ „шибѣница“.

ка для всего государства литовско-русского, великіе князья узаконяли юридическія отношенія разныхъ лицъ, корпорацій, сословій, земель, волостей, городовъ особыми привилегіями, грамотами жалованными, уставными, льготными и др. Нѣкоторыя изъ нихъ относятся ко времени Александра Витовта, но большая часть издана во второй половинѣ XV в. Казимиромъ Владиславовичемъ, и подтверждены потомъ его преемниками Александромъ и Сигизмундомъ. Въ этихъ привилегіяхъ, пожалованныхъ землямъ смоленской, полоцкой, витебской, кіевской, воынской и др. узаконяются разные постановленія древняго русскаго права (смоленскаго, полоцкаго, витебскаго, кіевскаго, воынскаго и др.), но вмѣстѣ съ тѣмъ и новыя порядки, возникавшіе подъ вліяніемъ польскаго права ¹⁾. Въ этихъ привилегіяхъ и вообще въ другихъ грамотахъ и юридическихъ памятникахъ XV в. и начала XVI в. является болѣе или менѣе всесословная земля или волость (болѣе въ Смоленскѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ, наименѣе въ Воынѣ), князья, бояре, горожане, старосты и старцы, намѣстники, воеводы, тивуны, дѣтскіе и пр., но вмѣстѣ съ тѣмъ и новыя польскіе порядки и сословныя интересы шляхты, княжата, паны, земяне-шляхта (добрѣ уроженный шляхтичъ), освобожденные отъ многихъ государственныхъ повинностей, мѣщане—мѣстичи, урядники, маршалокъ, староста и воевода (польскіе), воеводство, повѣтъ, замокъ, соймъ (старое вѣче, но потомъ только сходка шляхты, поль. *sjem*, *sejm*), статутъ, и пр.; разные древнерусскіе юридическіе обычаи и постановленія, напр. соки, ябедники, лицо-поличное, головщина, выдавка—выдача—выдавища, полюдьє, и пр. ²⁾. Въ этихъ при-

¹⁾ Привилегіи изданы особенно въ Актахъ западной Россіи, тоже въ сборникѣ Дзялынскаго; см. М. Ямпскаго, Уставныя земекія грамоты литовско-русскаго государства (Кіевъ 1889), срв. тоже Вестужева-Рюмина Русская исторія II. 61 — 87, Владимірскаго - Будапова Христоматія II.

²⁾ Выдавка, выдачка и пр. встрѣчается часто во всей югозападной Руси, въ земляхъ смоленской, полоцкой, витебской, словимской, подлянской, кіевской (и жмудской), не только въ этихъ привилегіяхъ, а также въ другихъ актахъ XVI вѣка. Выдача русская —

вилегіяхъ, пожалованныхъ русскимъ землямъ нѣтъ, конечно, мѣста для вѣроисповѣдныхъ притязаній католицизма—какъ господствующаго исповѣданія, и православные русскіе владыки приводятся вмѣстѣ съ князьями, боярами, землянами и шляхтою, и въ привилегіяхъ даже прямо исключаются всѣ такіа вѣроисповѣдныя притязанія: такъ уже въ вышеупомянутой привилегіи луцкой (1432), потомъ въ смоленской привилегіи, гдѣ великіе князья Казимиръ, Александръ и Сигизмундъ обѣщаютъ, „штожь намъ хрестіанства греческого закону не рушити, налоги имъ на ихъ вѣру не чинити“; подобно тому тѣ же великіе князья обѣщаютъ Витблянамъ: „Которыи будутъ, Литвинъ або Ляхъ, крещены были у Витебску въ рускую вѣру, а хто изъ того роду и тепере живетъ, того намъ не рушити, права ихъ хрестіанского ни въ чомъ не ломити“. Наиболѣе пропикли польскіе порядки въ Вошь, землю на границѣ коронной Руси; здѣсь уже отдѣлены суды намѣтниковъ отъ судовъ старостъ, по польскому праву судей по дѣламъ уголовнымъ, для „разбою, квалту, шляхетскоѣ раны, пожогі“; шляхта собиралась въ Луцкѣ „на соймъ на зборъ“, и судилась „водле права земли водынское“ до тѣхъ поръ, „коли права статута увъ отчизнѣ нашої уставимъ, тогды вси земли наши одного ся права держати мають, и однимъ правомъ сужоны будутъ подлѣ статуту“.

Уже по такимъ разнымъ грамотамъ XV и XVI вв. можно замѣтить постепенное распространеніе польскихъ порядковъ и польскаго языка въ русскихъ земляхъ. Князья и бояре приобрѣтали права польской шляхты, принимали гербы и хоругви (т. е. знамена) и названія: шляхта, шляхтичи, паны, рытере, земяне, шляхта хоруговная (уже въ 1438 г.), которая должна доказывать официально свое шляхетство (уже въ 1507 г.). Названія *паны*,

тоже, что чешское *вданіе*, *взданіе* (срв. Н. Jireček *Slovanské právo* I. 178, II. 217, срв. „Славяне“ I. 177). Въ словѣ витебской привилегіи „выдадутъ ся *въ кольцо* оба“ (Владимірскій-Будановъ, Христоматія II. 49) пельзя предполагать *кольцо*—коло, община (Иловайскій Ист. Россіи III, 615), а *въ кольцо* (*колиць*), т. е. въ сколько (сколько) денегъ.

шляхта, *земляне* постепенно вытѣсняли старинное русское названіе знати *бояре*—прежде всего въ западныхъ земляхъ русскихъ, въ воынской и подляшской, потомъ въ кievской, всего позже въ полоцкой, витебской, мстиславской (напр. въ 1551 г. еще: князи, панове, хоружіе, и вси бояре шляхта). Древнее русское слово бояринъ какъ-то не хотѣло долго уступить новымъ польскимъ словамъ—панъ, шляхтичъ, землянинъ; поэтому до половины XVI в. бояринъ все еще то же, что шляхтичъ, землянинъ, какъ это видно изъ упомянутыхъ земскихъ привилегій, не только подлинныхъ, а тоже ихъ подтвержденій; такъ напр. и въ подтвержденіи кievской привилегіи (1529 г.) въ кievской землѣ находимъ все еще „князи и панове и бояре и земляне, вся шляхта кievская“; въ подтвержденіи полоцкой грамоты (1547 г.)—бояре, въ другихъ грамотахъ—князи и бояре витебскіе, полоцкіе, мстиславскіе, городенскіе, пицкскіе, слоцимскіе и др., а въ другихъ—бояре шляхта; король Сигизмундъ (1534) рѣшаетъ о нѣкоторыхъ боярахъ полоцкихъ, что, подобно тому какъ ихъ отцы были „бояре люди добрыи шляхта, а не слуги городови, и мы мѣли ихъ за бояръ шляхту“, такъ и ихъ сыновей „маемъ за бояръ людей добрыхъ шляхтичовъ“¹⁾. Также и на югѣ около Винницы и Бряцлавля встрѣчаются еще въ половинѣ XVI в. бояре въ смыслѣ шляхты, землянъ, („подлѣйшіе земляне не будучи урожоними боярами шляхтою, боярами называются“, 1545 г.); но болѣе на западѣ, на Руси Черной, подляшской, воынской знать уже называется повсюду земляне, шляхта. Со второй половины XVI в., когда большая часть литовско-русскаго боярства сдѣлалась землянствомъ, шляхтою наравнѣ съ польскою шляхтою, слово *бояре* въ имѣніяхъ государственныхъ, духовныхъ и панскихъ стало означать людей свободныхъ, не-шляхтичей, не-тяглыхъ, обязанныхъ только къ извѣстнымъ повинностямъ, преимущественно къ военной службѣ (бояре панцерные), или къ службѣ замковой и посылочной — путной

¹⁾ Срв. напр. обширный списокъ литовско-русской шляхты 1528 г. въ Метрикѣ литовской, кн. 21 (по варшав. копіи кн. 201, стр. 1—150). О землянахъ въ Литвѣ см. статью Малиновскаго въ ж. *Teka Wileńska* 1857, I.

(бояре замковые, путные, служки). Такіе бояре встрѣчаются до XVIII в., особенно въ пограничныхъ королевскихъ староствахъ, по городамъ и селамъ, рядомъ съ другими служилыми людьми, напр. козаками, и съ людьми тяглыми, или въ особыхъ боярскихъ селахъ ¹⁾).

По образцу польскому учреждались въ Литвѣ и Руси новыя уряды (должности), или древнерусскія должности получали новыя названія, или наконецъ древнерусскія названія получали новыя значенія. Такіе урядники (поль. *urzędnicy*) или даже честники (поль. и мазов. *czestnicy*, по-латин. *honorati*) по образцу польскому являются въ литовско-русскомъ государствѣ уже съ конца XIV в., преимущественно же въ теченіе XV и въ началѣ XVI вѣковъ, не одновременно во всѣхъ земляхъ, какъ-то воеводы (въ польскомъ значеніи намѣстниковъ), кастеляны, старосты (въ польскомъ значеніи намѣстниковъ и позднѣе судей), маршалки, канцлеры, гетманы, подскарбіе, писари и др. Воеводы и кастеляны являются прежде всего въ собственной Литвѣ, именно въ Вильнѣ и въ Трокахъ (1413), между тѣмъ какъ эти урядники въ остальныхъ земляхъ русскихъ встрѣчаются позднѣе, какъ воеводы въ Кіевѣ (1471), въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Новгородкѣ, Смоленскѣ, Подляшѣ (въ началѣ XVI в.), напозже (1566) въ Минскѣ, Мстиславѣ, Берестѣ, Волинѣ и Бряцлавѣ; намѣстникъ Жмуди назывался староста, но былъ такимъ-же воеводою-намѣстникомъ. Воеводства раздѣлялись на повѣты. Пока не учреждены воеводства и не назначены были воеводы, управляли землями древнерусскіе намѣстники и ихъ помощники тивуны; въ другихъ городахъ (замкахъ) и земляхъ правили старосты-намѣстники по образцу польскому, какъ это было и на Руси польской (карпатской), и на Руси литовской, напр. подольской (еще подъ литовскимъ владычествомъ), воынской, кіевской; Александръ Витовтъ, занявъ въ концѣ XIV в. Подолье, „посажалъ на всѣхъ подольскихъ зе-

¹⁾ Срв. напр. описи (люстраціи) королевскихъ имѣній въ русскихъ земляхъ въ XVII в. (*Źródła dziejowe* V., Архивъ югозападной Россіи VI, и др.).

мяхъ и городахъ свои старосты“, какъ разсказываетъ литовско-русскій лѣтописецъ; такіе старосты-намѣстники были въ южной Руси еще раньше, въ Подольѣ при Коріатовичахъ, и позже въ Волинѣ при Швигригайлѣ, въ кievской Украинѣ въ началѣ XVI вѣка, въ Кременцѣ, Луцкѣ, Бряцлавѣ, Винницѣ, Хмельникѣ, Черкасахъ, Каневѣ и др. Со временемъ такіе старосты-намѣстники вообще сдѣлались — опять по образцу польскому — королевскими и великокняжескими намѣстниками-судьями по уголовнымъ дѣламъ, старостами „гродовыми“; власть такихъ старостъ опредѣляется уже въ уставныхъ грамотахъ волинской и бѣльско-подляшской (подтверждены въ 1501 г.), въ послѣдней—такими словами: „Нашъ староста ено чтеры артыкулы на замку ма судить: о розбитъе альбо о злупенье на добровольной дорозѣ альбо о крадежѣ, коли хто квалтомъ на чый домъ найдетъ, о дѣвичьемъ альбо о невѣстьемъ квалтѣ, о пожогу“. Позднѣе, послѣ люблинской уніи, число такихъ гродовыхъ старостъ по воеводствамъ опредѣлено ближе. Кромѣ этихъ старостъ пограничныхъ и гродовыхъ встрѣчаются въ литовско-русскомъ государствѣ — по образцу польскому — тоже старосты негродовые, пожизненные пользователи (державцы, *tenutarii*) и правители королевскихъ имѣній—староствъ. Древне-русскіе воеводы (тысячскіе) сохранились до половины XV в., какъ помощники намѣстниковъ и старостъ, напр. въ Луцкѣ, Кіевѣ, Смоленскѣ ¹⁾. Вмѣстѣ съ воеводами по образцу польскому являются въ началѣ XV в. (1413) въ Вильнѣ и въ Трокахъ кастеляны—папы; въ другихъ воеводствахъ встрѣчаются такіе кастеляны гораздо позже, съ 1566 и 1569 годовъ. Изъ другихъ урядниковъ литовско-русскаго государства и двора, по образцу польскому, является *канцлеръ* уже около Витовта и Швигригайла, а постоянный канцлеръ литовскій съ 1446 г., подканцлеръ (подканцлерій) съ 1566 года; *маршалокъ* великій (министръ двора) съ 1411 года, а маршалокъ надворный или

¹⁾ Срв. выше, стр. 82, 85, и вмѣстѣ съ тѣмъ слово воевода означало тоже военнаго предводителя вообще: *herzog Lingwen und andere unsere woiwoden* — пишетъ Витовтъ маршалу тевтонскаго ордена (1407 г.).

дворскій съ 1494 года, маршалокъ земли волинской съ 1470 года (до образованія волинскаго воеводства наивысшій урядникъ волинской земли), *гетманъ* великій (военный предводитель) съ 1497 г., а гетманъ полевой (польный) съ начала XVI в., *подскарбій* великій съ 1454 г. (а раньше еще подскарбій у Швигайла), а надворный съ 1486 г. (поль. *скарбъ* — казна), а также и другіе литовскіе урядники: хорунжій, писарь (тоже по-русски дьякъ), подчашій, подкоморій, крайчій, кухмистеръ, ловчій, чашникъ, конюшій, мечникъ, отчасти урядники по образцу польскому и съ польскими названіями, отчасти старишныя русскіе и съ русскими названіями ¹⁾).

Эти земскіе и придворные урядники великаго княжества литовскаго составляли совѣтъ великаго князя, древнерусскую думу боярскую, въ родѣ польскаго сената; они уже рано стали называться по-польски *рада*, *паны рада*. Съ этою радою, съ воеводами, кастелянами, старостами, намѣстниками, маршалками, канцлеромъ и подканцлеромъ, гетманомъ, подскарбіемъ, подчашіемъ и другими урядниками, и съ князьями и панами, которые въ то время находились около великаго князя, и съ католическими епископами Литвы, великій князь совѣщался о разныхъ государственныхъ дѣлахъ; власть и вліяніе этой *рады* дѣлались все сильнѣе на дѣлѣ и по праву, подобно власти польскаго сената, тѣмъ болѣе, что въ Литвѣ долго не могло образоваться представительство шляхты, изба пословъ (палата депутатовъ), на подобіе такой избы въ Польшѣ. Образованію такого представительства мелкой шляхты и ея вліянію на государственный дѣла мѣшали тѣ же паны рада, аристократическая олигархія, не смотря на все привлеченіе великихъ князей о правахъ шляхты на соймы (поль. *sejmy*); если шляхта и собиралась на такіе соймы—общіе и земскіе (напр. волинская), то болѣе какъ свидѣтели рѣшенія великаго князя и пановъ рады ²⁾. Такая рада, паны рада, находились не только

¹⁾ См. J. Wolff: Senatorowie i dygnitarze w. ks. litewskiego 1386—1795 (Kraków 1886).

²⁾ Разницу сеймовъ литовскихъ и польскихъ характеризовалъ въ 1 пол. XVI в. литовскій канцлеръ и виленскій воевода Войтѣхъ

около великаго князя литовско-русскаго, но тоже около нѣкоторыхъ другихъ удѣльныхъ князей; такъ напр. около великаго князя Швигригайла († 1452), когда онъ княжилъ въ Волинѣ и кратко-временно также въ Кіевѣ, были паны рада: маршалокъ земскій во-лынскій и другіе маршалки, канцлеръ, подканцлерій, подскарбій, старосты, воеводы и другіе князья и паны волинскіе (и кіевскіе), все — православная Русь, а также православный владыка луцкій; у князя Александра Володимировича († 1454), „государя отчича кіевскаго“ были въ „радѣ“ князья, паны, бояре, маршалки, вое-воды; у князя Ивана кобринскаго (1479) въ „радѣ“ были бояре, и пр.

Новые порядки, которые создавались въ Литвѣ именно въ сословіи шляхетскомъ, являются узаконенными въ ея уложеніи или, какъ оно названо на польскій ладъ, въ *статуты литов-скомъ*, въ трехъ его редакціяхъ 1529, 1566 и 1588 гг. ¹⁾. Въ первомъ статутѣ государь великій князь литовскій подтверждаетъ прелатамъ, княжатамъ, панамъ хоругвнымъ, шляхтѣ (на-зываемой изрѣдка тоже бояре шляхта), „такъ латинскаго (рим-скаго) закону яко греческаго“, всѣ ихъ права и привилегіи; шляхта земляне отправляетъ военную службу, занимаетъ уряды, владѣетъ свободно своими имѣніями, отчизнами-дѣдизнами и вы-слугами, на которыхъ были поселены селяне мужики, кметы, люди вольные и похожіе и подданные, тяглые, отчизные, хлопы, челядь, закупы. Но шляхта все еще не пользуется вліяніемъ на законода-тельство, которое находится въ рукахъ государя великаго князя и пановъ рада. Государь и паны рада на сеймѣ составляютъ наи-

Ганцовъ такими мѣткими словами: *Nostrae longe aliter absoluntur conventiones, et quidquid per majestatem regiam concluditur et domi- nos, nobilitas hoc nostra exequatur necesse est. Vocamus quidem ad nostros conventus etiam nobilitatem tanquam honoris gratia, re vera autem ut singulis palam sit, quidquid concluderimus* (Stadnicki: *Olgierd i Kiejstat*, p. 100).

¹⁾ См. Леонтовича (о русской правдѣ и литовскомъ статутѣ, 1865), Чарнецкаго (Исторія литов. статута, 1867); Владимірскаго-Бу- данова (о третьемъ литов. статутѣ и московскомъ уложеніи, 1877), и др.

высшій судъ; въ остальномъ судятъ воеводы, старосты, державцы (прежніе тивуны), маршалки, съ участіемъ земянь. Въ статутѣ являются рядомъ съ древнерусскими терминами: бояре, тивунъ, дѣтскій, приставъ, люди тяглые, сябры, копы, соки, круговая порука, сводъ, лице, головщина, и пр., тоже новые польскіе термины, напр. названія сословій и урядниковъ, княжата (и князья), пацы, шляхта-земяне, мѣщане, кметы, хлопы, воевода, староста, державца, маршалокъ, а также названія: соймъ, повѣтъ, уфала (ухвала), рокъ завилий, посагъ, и пр., не говоря уже о польской терминологіи военной (хоруговъ, шихъ, гетманъ, хоружій и др.), ремесленной (гафтаръ, маляръ, мураль, машталеръ, и др.), о словахъ въ родѣ кгвалтъ, рѣчь посполная (*res publica*), тестаментъ, персона, екзекуторъ, прокураторъ, комисаръ, артыкуль, и пр.

Между тѣмъ, со времени изданія этого перваго статута, шляхта въ Литвѣ добивалась, по примѣру польской шляхты, все болѣе правъ и пріобрѣтала ихъ; на сеймахъ 1559 — 1565 гг. она пріобрѣла право, которымъ пользовалась польская шляхта уже давно, т. е. выбирать себѣ судей повѣтовыхъ и на соймникахъ или сеймикахъ воеводствъ и повѣтовъ пословъ (депутатовъ) на вальный соймъ, который съ тѣхъ поръ состоялъ не только изъ верхней палаты, сената (пацовъ рады, въ томъ числѣ и епископовъ католическихъ, но не православныхъ), а также изъ выбираемыхъ пословъ земскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ король и великій князь Сигизмундъ Августъ особымъ закономъ (1563) уничтожилъ препятствіе въ пріобрѣтеніи шляхетства, заключавшееся въ городельскомъ привилегіи, постановивши, что не только католики, но и все другія лица христіанской вѣры, Литва и Русь, пріобрѣтаютъ все права шляхетскія. По поводу этихъ важныхъ перемѣнъ въ государственномъ устройствѣ Литвы оказалась потребность исправить и дополнить статутъ; въ этотъ *второй* литовскій статутъ 1566 г. вошли эти новые порядки по образцу польскому: земскіе суды въ повѣтахъ съ судьей и подсудкомъ, писаремъ и вознымъ (стар. дѣтскій), съ земскими судебными книгами; градскіе или замковые суды съ старостою во главѣ и съ градскими книгами; граничные суды съ подкоморіемъ и коморниками; соймники по воеводствамъ и повѣтамъ, гдѣ осѣдая тамъ шляхта выбирала по-

словъ на вальный соймъ: „на которые соймники мають зъѣждатися и бывати тые воеводове и каштелянове, врядники земскіе, потомужь князове, панове, шляхта того же повѣту и воеводства, а намовляти о всѣхъ потребахъ земскихъ и долегластяхъ оного повѣту и воеводства, и обирати пословъ своихъ, то есть отъ каждаго суду земского, колько ихъ у томъ воеводствѣ будетъ, по двѣ особы, послати на соймъ“ ¹⁾).

Со времянь воцаренія Ягайловичей въ Польшѣ переселялись многіе Поляки, шляхта изъ Мазовіи и изъ Польши, особенно Малой, тоже изъ карпатской Руси, въ литовскую Русь. На съѣздѣ въ Городлѣ (1413) польская шляхта разныхъ гербовъ приняла католическую шляхту литовскую въ „братство и родство“; такимъ образомъ распространились въ Литвѣ польскіе гербы: Лелива, Рава, Топоръ, Грыфъ, Пovala, Номянъ, Палѣпчъ, и др. Много Поляковъ участвовало въ военныхъ походахъ Витовта противъ Татаръ и сѣверной Руси ²⁾. По смерти Александра Витовта

¹⁾ Первый и второй статуты тогда не напечатаны, хотя Сигизмундъ Августъ въ 1568 г. говоритъ, что „друкованье того статуту рускимъ языкомъ безъ мѣникальи маеть быти учинено“. Первый статутъ, вмѣстѣ съ современными переводами латинскимъ и польскимъ, напечатанъ (латиницею только Дзялынскимъ (Zbiór praw litewskich, 1841), и по другой рукописи во Временникѣ моск. общества исторіи, кн. 18 (1854). Второй статутъ напечатанъ въ томъ же Временникѣ, кн. 23 (1855); современный польскій переводъ второго статута не напечатанъ и встрѣчается въ многочисленныхъ рукописяхъ въ разныхъ библіотекахъ. Герменегильдъ Пречекъ напечаталъ первый литовскій статутъ въ своемъ сборникѣ *Svod zákonů slovanských*; онъ думаетъ, что литовскій статутъ написанъ Чехомъ, жившимъ въ Литвѣ, или Литвиномъ (Русскимъ), знавшимъ чешскій языкъ и стиль; но это мнѣніе Пречка и тоже Палацкаго совсѣмъ произвольно.

²⁾ Такъ напр. Витовтъ въ занятѣ имъ Смоленскѣ „посади свои намѣстники Ляхы, и тѣмъ Ляхомъ предаеть градъ держати“ (П. С. Р. Л. IV. 145); въ войскѣ Витовта на его походѣ противъ Москвы было „vil volnes us Polen, hauptman der Polen herzog Switergail“ (Codex epist. Vitoldi, 136); такъ и въ войскѣ Витовта противъ Новгорода 1428 г. (Длугошъ IV. 364). Длугошъ говоритъ, что Витовтъ non enim alterius nationis nisi Poloniae homines, per omne

антагонизмъ Польши и Литвы перешелъ въ открытую вражду и войну, и взаимныя отношенія польскихъ и литовскихъ пановъ значительно охладѣли; литовскіе папы не хотѣли признавать городельской уніи, возвращали — какъ уже сказано выше — принятыя тогда гербы; а между Поляками и Русскими проявлялась въ этихъ войнахъ перѣдко закоренѣлая вражда народная и вѣроисповѣдная ¹⁾. Эта целюбовь всѣхъ обывателей великаго княжества литовско-русскаго, католическихъ литовцевъ и православныхъ Русскихъ, къ Полякамъ поддерживалась и раздувалась разными обстоятельствами, пограничными спорами и столкновеніями, стремленіями Поляковъ къ болѣе тѣсному присоединенію Литвы къ Польшѣ, неохотою многихъ Поляковъ, женившихся на Литовкахъ и приобрѣтшихъ въ Литвѣ поземельную собственность, подчиниться литовскому праву, и пр. На литовскихъ сеймахъ часто раздавались жалобы на безправіе, наѣзды, грабежи, причиняемые пограничнымъ литовскимъ земьянамъ со стороны Поляковъ и Мазовчанъ. Литовцы считали Польшу чужою землею и Поляковъ „чужеземцами“, которымъ не дозволяется въ Литвѣ владѣть имѣніями и занимать уряды; если нѣкоторые Поляки вслѣдствіе браковъ съ литовскими и русскими княжнами и шляхтянками приобрѣтали имѣнія въ Литвѣ, то это считалось незаконнымъ и вызывало всегда большое неудовольствіе среди Литовцевъ ²⁾. Только въ 1564 г. на сеймѣ варшавскомъ разрѣшено приобретать имѣнія Полякамъ въ Литвѣ и Литовцамъ въ Польшѣ. Исключеніе составляетъ литовская пограничная область Подляшье; эту землю уже во второй половинѣ XV в. наполняла польская шляхта, и она скоро

tempus aetatis suae visus est in honore amplissimo et reverentia habuisse. О Ляхахъ въ южной Руси см. Архивъ югозападной Россіи VII. 2, стр. 95.

¹⁾ Срв. обширный разсказъ Длугоша о событіяхъ по смерти Витовта (XI книгу).

²⁾ См. такіе акты въ сборникѣ *Zbiór praw litewskich*, въ Актахъ запад. Россіи (напр. II, № 144), въ Актахъ южной и зап. Россіи (напр. I. № 101), введеніе къ I т. 2 части Архива югозапад. Россіи; Mosbach: Początki unii lubelskiej (Poznań 1872).

потребовала и польское право. Но остальная Литва съ какою-то гордостью постоянно указывала на то, что она „подъ право польское, которое собѣ зямие (подляшского) повѣту бѣльскаго упрости, не подданы суть панове рада и вся земля литовская, але овшемъ зъ него вызволены“. Подляшье освободилось уже въ концѣ XV в. отъ литовскаго права, и хотя оно все еще составляло часть Литвы, заняло здѣсь рано нѣсколько исключительное положеніе, какъ раньше и въ большей степени ополяченная земля.

Подляшье, земля „подъ Ляхами“—узкая полоса земли на восточной границѣ Мазовша между среднимъ Бугомъ и Пѣманомъ, гдѣ города: Мухободы, Соколовъ, Венгровъ, Лосичи (Łosice), Межирѣчье (Międzyrzecze), Мельникъ, Дорогичинъ (Drogięzyn), Брянекъ, Бѣльскъ, Суражъ (Саражъ), Бѣлостокъ, Гонязъ (Ганязъ, Ганезъ, поль. Goniądz), Тыкотинъ (Тукосин), Кнышинъ, Райгородъ (Rajgród), и др. Въ этой землѣ съ древнѣйшихъ временъ сосѣднили Ляхи (Мазовшане), Русь и Литва. На сѣверозападѣ Райгородъ, Гоньондзъ; Тыкоцинъ, Цехановець, Высокій Мазовецкій, Августовъ — города польскіе, отчасти старые города мазовскіе; на юговостокѣ по Бугу, Нарви и Бобрѣ жили отрасли русскихъ Дреговичей; въ XII — XIII вв. и вѣроятно еще раньше были здѣсь русскіе города Бѣльскъ, Каменець, Кобринъ, Дорогичинъ, Мельникъ, Берестье (Берестій) и др. Въ сѣверномъ Подляшѣ жили литовскіе Ятьвяги (поль. Jątwegi), которые въ XIII в. соединенными силами Руси и Ляховъ были почти совсѣмъ истреблены ¹⁾. Подляшье лишилось во второй половинѣ XVI в. берестьевской земли, пзъ которой образовано (1566) особое воеводство.

Изъ-за Подляшья спорили потомъ Польша, Мазовія и Литва; послѣдняя наконецъ одержала верхъ. Мѣста истребленныхъ Ятьвяговъ въ сѣверномъ Подляшѣ заняли Ляхи-Мазуры (Мазовшане) и Русь ²⁾. Въ этой колонизаціи Подляшья важное мѣсто

¹⁾ См. выше, стр. 5, 150.

²⁾ До сихъ поръ черезъ бывшее Подляшье идетъ этнографическая граница народовъ польскаго и русскаго, начиная съ Лосичей къ Дорогичину, Брянеку, Бѣльску, Суражу, Бѣлостоку, Кнышину, Гонязю, Райгороду, Августову. См. выше, стр. 5.

занимала мелкая шляхта мазовская, которая вообще распространялась далеко на востокъ въ русскія земли по Бугу и Днѣстру, въ Русь холмскую, белзскую, карпатскую, подольскую. Эта мазовская шляхта поселялась также въ русскомъ Подляшѣ, среди русскаго народа и боярства, и оставаясь вѣрною своему католицизму и своей народности, распространяла польскую народность на востокъ среди Руси; поэтому и въ Подляшѣ встрѣчается много мѣстностей съ такими же названіями, какъ въ сосѣднихъ земляхъ Мазовша, въ визской, ломженской, пурской и др., также и селенія Мазуры ¹⁾).

Вслѣдствіе такой сильной мазурской колонизаціи случилось въ Подляшѣ то же самое, что и въ польской Руси карпатской, т. е. польскій элементъ рано одержалъ здѣсь верхъ—именно среди земянства. Но такъ какъ Подляшье продолжало составлять часть литовско-русскаго государства, то польскій элементъ долго не могъ здѣсь пріобрѣсти такого положенія и значенія, какъ напр. на Руси Червоной и подольской, и принужденъ былъ долго пользоваться правомъ литовско-русскимъ, употреблять въ публичной жизни русскій языкъ, и пр. Также и нѣкоторые древнерусскіе учрежденія и порядки сохранились на Подляшѣ до XVI вѣка, напр. сябры, выдачка, дани грошовыя, медовыя, бобровыя, купичныя (рядомъ съ новымъ чиншемъ), и пр. ²⁾. Такъ какъ польской

¹⁾ Объ этой мазурской колонизаціи см. статьи Глогера въ журн. *Biblioteka Warszawska* 1873, III, *Niwa* 1878.

²⁾ Приводимъ здѣсь изъ Метрики литовской (по варшав. списку кн. 195, стр. 96) примѣръ древнерусской выдачки (см. выше, стр. 181) на Подляшѣ въ началѣ XVI вѣка: „Жаловалъ передъ нами земянникъ бѣльскій Михалъ Гальшовскій на судью бѣльского на пана Юрія Рачка тымъ обычаемъ: Люди бѣльского повѣта забили ми сына моего безвинне, и я о томъ жаловалъ господару его милости, и е. м. писалъ до него, абы ми съ тыми людьми о головщину сына моего справедливость вчинилъ; и онъ съ тыми людьми и до сихъ часовъ справедливости ми нечинилъ. И панъ Рачко мовилъ передъ нами: Съ тыми людьми господарскими было ему въ той головщинѣ право, и тии люди того си справили; на тии люди онъ головщины недовелъ, а я ихъ наполю въ томъ правыхъ, и въ книги земскія то

шляхты на Подляшь все прибывало, то она требовала своего польского права, которымъ она и руководилась. Короли и великіе князья Казимиръ и Александръ признали только существовавшіе порядки, пожаловавъ подляшской шляхтѣ въ земляхъ дорогичской, мельницкой и бѣльской польское право—привилегіями, изданными на языкахъ русскомъ и латинскомъ. Такимъ образомъ съ конца XV в. и съ начала XVI в. на Подляшь вошло въ употребленіе право польское коронное; нѣкоторые остатки прежняго права уничтожены позднѣе, въ 1547 г., и Подляшь уравнено въ правѣ съ короною (Польшею). Но еще на люблинскомъ сеймѣ 1569 г. Подляшане жаловались, что, не смотря на всѣ привилегіи, все еще требуютъ отъ нихъ старыхъ повинностей, и просили снять съ нихъ „литовское рабство“ ¹⁾.

Вслѣдствіе распространенія польского права на Подляшь тамошнее земянство сдѣлалось и по праву шляхтою, со всѣми привилегіями польской шляхты; къ ней прикнули тоже нѣкоторые русскіе бояре; а слово „бояринъ“ стало означать человека свободнаго, но не-шляхтича; подляшскіе бояре исчезаютъ впро-

записано. И тотъ Михалъ мовилъ передъ нами: Тому права невчинилъ еси мнѣ съ тыми людьми, перевелъ ми тое право. И панъ Рачко мовилъ передъ нами: Естли дей буду тебе съ тыми людми не судилъ, и ихъ въ томъ правыхъ ненашолъ, шлю ся до книгъ съ десяти конъ грошей. И на то шапку свою передъ нами ставилъ, и тотъ Михалъ до книгъ на томъ непослалъ ся, и мы въ томъ пана Рачка нашли правого“. Около этого времени (1507) королева вдова Елена получила Бѣльскъ, Саражъ и Брянскъ „съ бояры и слугами путвыми и людми тяглыми и данники, съ даньми грошовыми и медовыми и бобровыми и куничными, и съ капщинами и съ мытными пѣнязьми и съ чиншы“ (Акты зап. Россіи I. № 8).

¹⁾ Привилегія бѣльская 1501 г. (русская и латинская); въ ней упоминается тоже дорогичская привилегія Казимира и Александра, но извѣстная только въ подтвержденіи Сигизмунда 1516 г.; мельницкой привилегіи не знаемъ, но несомнѣнно была и такая. См. *Zbiór praw litewskich* 82, 118, Акты западной Россіи I. № 189, *Volamina legum* I. р. 174 (петербург. изд.), литовскую Метрику по варшав. списку, кн. 213, р. 758, кн. 217, р. 577, Дневникъ люблин. сейма, изд. Кояловича, 274, 290.

чемъ рано въ подданномъ людѣ. Съ начала XVI в. подляшская шляхта — почти вся польская, и послѣдній разъ, кажется, упоминаются русскіе земляне около 1500 г., когда въ дорогичской землѣ въ какомъ-то спорѣ изъ-за границъ присягаютъ „земляне Ляхи и Русь, Ляхове на своей святости, а Русь на своей святости“ ¹⁾. Имена подляшской шляхты и ихъ сель пишутся въ актахъ латинскихъ и русскихъ по большей части по-польски: Gabriel, Gałazka, Rabiszewski, Zadambie, Czarny las, Moczydła, Ирикъ (т. е. Юрикъ), Бартошъ, Якубъ, Миколай, Альжбета, князь (т. е. полъ, поль. książdz) Якубъ и др.; многія польскія названія мѣстностей на русскомъ Подляшѣ остались до сихъ поръ польскія, напр. Drohiczyn (Drohiczyn) — Дорогичинъ, Łosice — Лосичи и др. Въ огромномъ количествѣ польскихъ именъ подляшской шляхты встрѣчаются русскія имена очень рѣдко, напр. Iwan filius Daszko, Chwietko filius Michaelis, Костюшко (т. е. Константинъ) Костомолотскій, Петръ Моношко, Григорей Тимофеевичъ, Васко Глуковскій, Федоръ Витблянинъ (т. е. изъ Витебска), Федко (Хведко) Дашковичъ, Олехъ Скрипокъ, Григоръ Почута, и др. Были ли эти мелкіе земляне около 1528 г. еще „Русь“, не говорится; но если они и были католики и Ляхи, то они, подобно червонорусскому землянству, вѣроятно дома говорили еще на русскомъ нарѣчій или скорѣе на какой-то польско-русской смѣси, равнымъ образомъ какъ они еще употребляли и въ публичной жизни, на судахъ и сеймикахъ, языкъ русскій. Только „бояре“ приводятся иногда какъ люди „греческого и римского закону“; они носятъ русскія имена: Грынь Саковичъ, Тарась Кобятничъ, Федко Ивашковичъ, Иванко Милошевичъ, и др. ²⁾.

¹⁾ Метрика литовская (по варшав. списку) кн. 192, стр. 54.

²⁾ Срв. подробный списокъ подляшской шляхты 1528 г. въ Метрикѣ литов. (варшав. списокъ кн. 201, стр. 69 — 188), именно шляхты мельницкой (37), дорогичской (246), бѣльской (688) и бояръ бѣльскихъ (78). Въ литовской Метрикѣ записано множество подляшскихъ актовъ; акты одного столѣтія (1469 — 1569) наполнили бы большой томъ. Нѣсколько актовъ, напечатанныхъ въ статьѣ Як. Головацкаго: Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшѣ

Польское право ввело въ Подляшье все польскіе порядки; вмѣсто намѣстниковъ въ отдѣльныхъ земляхъ съ начала XVI в. (1513 — 1514) является воевода—онъ управлялъ подляшскимъ воеводствомъ, раздѣленнымъ на три земли,—старосты, судьи и подсудки, писари, возные (вмѣсто бывшихъ дѣтскихъ, которые известны еще въ 1526 г.), подкоморіе, коморники, войскіе и казначеи (этотъ только съ 1566 г.). Все эти урядники должны были быть — по крайней мѣрѣ по подтвержденію дорогичской привилегіи 1516 г.—католиками. Суды и судебныя книги были городскіе и земскіе, и перѣдко говорится, что надо судить „водле статуту права писаного польского“, и что къ шляхтѣ не относится литовское право; судебныя позвы должны были писаться только на латинскомъ языкѣ, что однако не всегда соблюдалось. Мужики на Подляшѣ стали называться по-польски кмети (кмѣти, kmetones)¹⁾, а иногда, какъ православные, тоже „Русины“ (въ русскихъ актахъ), „Rutheni“ (въ латинскихъ актахъ)—въ противоположность „Поляку, землянину (terrigena)“. Повиности сельскаго люда съ теченіемъ времени значительно усилились; между тѣмъ какъ при Витовтѣ „вшелькій кмѣть робилъ зъ волоки 14 дни презъ еденъ рокъ“, въ концѣ XV в. „зъ волоки на тый день мѣлъ робить еденъ день“. „Пѣнязе“, „копы грошей“, употребляемыя на Подляшѣ, были „литовское монеты“, но тоже „личбы лядьской“. Важнымъ средоточіемъ русской народности и православія на Подляшѣ былъ монастырь супрасельскій, основанный въ 1500 г. на рѣкѣ Супраслѣ православнымъ русскимъ папомъ Александромъ Ивановичемъ Ходковичемъ, воеводою новгородецкимъ и великимъ маршалкомъ литовскимъ—„для богомолья нашего и памети душъ зошлыхъ родителей моихъ и всего роду нашего богу милому ку чти и хвалѣ и мнѣ грѣшному на вѣчную

по актамъ XVI стол. (Вильна 1888, вновь напечатаны въ Актахъ виленскихъ, 1890, т. 17), относятся собственно не къ Подляшью, а къ городенскому повѣту, который не входилъ въ Подляшье; въ статьѣ напечатанъ только одинъ подляшскій актъ (изъ книгъ дорогичскаго земскаго суда) 1558 г., о которомъ см. ниже.

¹⁾ Такъ и въ жмудской привилегіи 1492 г.: кмети, kmetones.

наметъ.“ Сынъ его Григорій, каштелянъ виленскій и великій гетманъ литовскій, пріютилъ у себя московскихъ типографовъ Ивана Москвитина и Петра Мстиславца, и основалъ въ Заблудовѣ недалеко отъ Супрасля типографію, или, какъ онъ ее называлъ на польскій ладъ, „варетатъ друкарскій“, гдѣ въ 1568—1569 гг. напечатано Евангеліе на словѣсно-русскомъ языкѣ „на почестъ и похвалу Господу Богу и къ наученію людей христіаньскимъ закону нашего греческаго“ ¹⁾).

Не смотря на то, что на Подляшѣ рано распространилось польское право вмѣстѣ съ латинскимъ языкомъ, русскій языкъ употреблялся, рядомъ съ латинскимъ, въ публичной жизни подляшскаго воеводства, которое все еще входило въ составъ Литвы, а не Польши. Въ первой трети XVI в. въ подляшскихъ судахъ употреблялся преимущественно языкъ русскій, потомъ латинскій; такъ многочисленныя распри подляшской шляхты въ судахъ земскихъ и городскихъ, апелациі къ королю—великому князю, королевскіе декреты 1538 — 1546 гг., числомъ нѣсколько тысячъ,—въ латинскіе ²⁾. Но и прежній officialный русскій языкъ литовско-русскаго государства сохранялъ за собою значеніе и среди польской шляхты Подляшья. Король-великій князь по-

¹⁾ О супрасльскомъ монастырѣ см. виленскій Археограф. Сборникъ IX, гдѣ помѣщено много русскихъ грамотъ Ходковичей. Въ этомъ монастырѣ хранилась между прочимъ драгоценная словѣнская рукопись XI в., которая въ началѣ нашего столѣтія взята отсюда М. Бобровскимъ (см. Ж. М. Н. П., 1887, окт. и нояб.: П. О. Бобровскій, Судьба Супрасльской рукописи; срв. еще тамъ же, 1888, апр. Замѣтка его-же) и нынѣ находится отчасти въ варшавской библіотекѣ графовъ Замойскихъ (см. Варшав. университет. Извѣстія 1872, № 4), отчасти въ библіотекѣ люблянскаго лицея, куда попала съ библіотекою В. Копитара. Эта супрасльская рукопись издана Миклошичемъ (1851). О заблудовскомъ евангеліи см. „Славяне“ II. стр. 600. Григорія Ходковича называетъ королева Варвара Радзивиловна въ письмѣ матери 1549 г.: „Wilk chowany a Rusin chrzesczynu djablą się godzi“. (A. Przewdziecki: Jagiellonki polskie I. 325).

²⁾ Записаны въ Метрикѣ литовской, кн. 35, 42, 47, 55, 58 (по варшав. списку, кн. 207—216).

сылааъ изъ своей канцеляріи русскіе акты подляшскимъ урядникамъ и земянамъ, издавалъ русскія земскія привилегіи, мѣстекія — на нѣмецкое право и др. грамоты; такъ напр. грамоты, касающіяся городовъ Дорогичина, Клещелязей (Клещелей), Парви, Августова и др.—русскія или латинскія; русскій языкъ употреблялся, рядомъ съ латинскимъ, даже въ актахъ, относящихся къ католическимъ „князьямъ“ (т. е. попамъ, поль. ksiądz) въ нѣкоторыхъ городахъ. Русскій языкъ подляшскихъ актовъ, писанныхъ въ королевско-великокняжеской канцеляріи или въ шляхетскихъ судахъ, носитъ на себѣ часто отпечатокъ мѣстнаго нарѣчія и вліянія польскаго языка—мазурскаго нарѣчія, больше, чѣмъ это обыкновенно бываетъ въ русскомъ официальномъ языкѣ литовской канцеляріи. Такъ напр. русскій текстъ бѣльской привилегіи 1501 г. обнаруживаетъ значительное вліяніе польскаго языка; этотъ текстъ писалъ или польскій земянинъ, не знавшій хорошо русскаго языка, или русскій земянинъ, поддавшійся вліянію польскаго языка, и въ этомъ актѣ слово „Русинъ“ означаетъ, какъ уже замѣчено, прямо „кмѣтя“ (мужика), а „Полякъ“ синонимъ „земянина“: кды бы нѣкоторый съ земянъ былъ обвиненъ презъ Русина; если бы нѣкоторый Русинъ позвалъ Поляка; Русиновѣ земянъ нагабали (wexabant, поль. gaбаś); Русиномъ на ся жалуючимъ; если бы кмѣть отъ земянина хотѣлъ ити, и пр. Въ бѣльской привилегіи встрѣчается много польскихъ словъ, писанныхъ русскимъ письмомъ, но невозможныхъ въ малорусскомъ нарѣчіи, напр. ниць, праца, обротитъ (поль. obrócić), быдлетя (род. пад., поль. bydłecia), банде (поль. będzie, мазур. bandze, bandzie), хцуицы (chcący), вѣицей (więcej), допущаючъ (dopuszczając), и пр. ¹⁾. Земяне гонязскіе (Гонязъ—Goniądz), чистые Мазуры, предъявляя жалобу на Радивила по-русски, описывали границы своей земли на томъ же языкѣ, но по певолѣ примѣшивали и

¹⁾ Приводимъ изъ 3 „Члонка“: „Если бы жена не хтяла звротитъ вѣпо, теды право близкости и тежъ часть отцовску тратить, а не матчинску, въ которыхже ту часть мяла была; тыле едпо, бы не мяла родицовъ, братью ани сестры, гдѣжъ теды ко взроценью того вѣна не банде повинна“.

польскія слова: весь (wieś, рядомъ съ обыкновеннымъ село), прилучить (поль. przyłączyć), ма служиць кмети, и пр. Въ приказѣ короля Сигизмунда Августа пану Миколаю Кишкѣ, старостѣ дорогичскому (1558), писанномъ въ великопольскомъ Петровѣ, замѣтно вліяніе русскаго нарѣчія (всехъ, дилати, дысть) и вліяніе польское (земяние, себне, небеспични) даже съ извѣстнымъ „мазуреньемъ“, т. е. употребленіемъ *и* вмѣсто *ч*, *с* вм. *ш*, *з* вм. *ж* (стосъ = штожъ, казесъ = кажешъ, кѣдисъ = кдыжъ, гросей = грошей).

Подляшская шляхта, употребляя свой польскій языкъ или, на сколько знала, латинскій, отвыкала мало-по-малу отъ офиціальнаго русскаго языка и добивалась его замѣны роднымъ языкомъ польскимъ ¹⁾. Такое требованіе было вполне основательно, такъ какъ въ половинѣ XVI в. на Подляшѣ русской шляхты не было; самъ король Сигизмундъ Августъ уже въ 1547 г. въ отвѣтѣ подляшской шляхтѣ употребилъ, какъ исключеніе, не языкъ русскій или латинскій, а польскій. На сеймѣ въ Вильнѣ 1565 г. подляшская шляхта обратилась къ королю съ просьбою по-польски, чтобъ акты изъ королевской канцеляріи посылались въ Подляшье на языкахъ латинскомъ или польскомъ, такъ какъ тамъ не знаютъ уже русскаго письма; король отвѣтилъ по-польски, что изъ его канцеляріи пишутъ по-русски по древнему обычаю, какъ это водится во всемъ великомъ княжествѣ литовскомъ; по вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ, чтобъ въ Подляшье писалось изъ его канцеляріи иногда тоже по-польски. Скоро послѣ того, въ 1568 г., дорогичинская шляхта на сеймѣ въ Городнѣ вновь просила короля, чтобъ изъ королевской канцеляріи посылались имъ акты латинскіе или польскіе, а не русскіе; но король на этотъ разъ отвѣтилъ по-русски, что по древнему обычаю изъ королевской канцеляріи должны быть „листы писанные и выдаваны рускимъ писмомъ и языкомъ по всему панству его королевской милости великому князству литовскому“. Въ 1569 г. на сеймѣ въ Люблинѣ Под-

¹⁾ Такъ напр. описи староствъ брянскаго и саражскаго (1558), кпышинскаго (1561), города Нарви (1560)—составлены по-польски.

ляшье присоединено прямо къ коронѣ, къ Польшѣ, и въ этой королевской привилегіи, изданной по-польски, не говорится уже о русскомъ языкѣ и письмѣ ¹⁾. Съ тѣхъ поръ польскій элементъ и языкъ вполнѣ одержалъ верхъ на Подляшѣ; о прежнемъ официальномъ языкѣ русскомъ нѣтъ ни слуху, ни духу; только если оказывалась надобность, переводились старые русскіе акты на польскій языкъ ²⁾.

Больше и дольше, чѣмъ среди подляшской шляхты, сохранилась Русь на Подляшѣ въ городахъ — *мѣстахъ*, которыя съ XV в. устраивались здѣсь на правѣ нѣмецкомъ (магдебургскомъ, хелменскомъ, сродскомъ); это право замѣнило господствовавшее до тѣхъ поръ въ городахъ право литовское и русское. Такъ устроены мѣста Высокій Мазовецкій, Лосичи, Мукободы, Соколовъ, Дорогичинъ, Брянскъ, Бѣльскъ, Мельникъ и др. Въ городахъ-мѣстахъ жили Ляхи и Русь, — термины, означавшіе не только народность, а также вѣроисповѣданіе: католиковъ и православныхъ (*Graeci seu Rutheni*). Сначала находили иногда препятствія къ принятію Русскихъ во вновь устроенное по нѣмецкому праву „мѣсто“, какъ это бывало и на польской Руси; но вскорѣ фактическое положеніе народностей на Подляшѣ помѣшало примѣненію такихъ препятствій. Такъ напр. въ Бѣльскѣ, по привилегіи Витовта (1430), мѣщане могли быть только католики, Нѣмцы и Поляки; но тѣмъ не менѣе въ концѣ XV в. жили въ томъ городѣ и Русскіе, и въ 1501 г. магдебургское право распространено на всѣхъ мѣщанъ обоихъ обрядовъ, латинскаго и греческаго; въ Лосичахъ въ началѣ XVI в. жили „люди лядскіи и рускіи“, и были „волоки лядскія и рускія“; въ Дорогичинѣ магдебургскимъ правомъ поль-

¹⁾ См. Метрику литовскую (по варшав. списку) кн. 214, pp. 1311 (напечаталъ тоже Hubert: *Pamiętniki historyczne*, Warszawa 1861, I. 60), 1413, кн. 217, p. 577; *Volumina legum* (изд. петербург.) II. 77.

²⁾ Вѣроятно послѣднія русскія строки, выпедшія изъ шляхетской среды Подляшья — это русскія и польскія замѣтки пана І. Трызны (1567 г.) въ его экземпляръ Рея *Wizerunek*; срв. варшав. *Ateneum* 1888, III. 535.

зовались (1494 г.) Ляхи и Русь, и въ городѣ различались „сторона лядская“ (лѣвый берегъ Буга) и „сторона русская“ (правый берегъ), хотя и на лядской сторонѣ были православныя церкви; на происхожденіе дорогичскихъ и др. мѣщанъ указываютъ иногда ихъ прозвища: Русинъ, Словакъ, Чехъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ должны были и православные Русскіе платить десятину католическому священнику, какъ напр. въ Дорогичинѣ, Суражѣ, Брянскѣ ¹⁾. Въ городахъ сохранился православный и потомъ униатскій русскій элементъ болѣе, чѣмъ среди шляхты, но и въ городахъ одержала верхъ, какъ вообще на Руси литовской, польщизна, особенно когда сила русскаго православія на Подляшѣ рухнула подъ тяжестью церковной уніи, и единственнымъ убѣжищемъ православія на Подляшѣ остался монастырь яблочинскій на Бугѣ. Уніаты часто дѣлались прямо католиками, а тѣмъ самымъ и Поляками; такъ напр. въ Высокомъ Мазовецкомъ была когда-то церковь православная, потомъ униатская, но только для нѣкоторыхъ окрестныхъ селеній; въ самомъ городѣ не было униатовъ, но что тамъ прежде жили и Русскіе, видно по названіямъ: русскій рынокъ (ring, площадь), русская улица. Также и въ Тыкоцинѣ была еще въ XVII в. православная церковь и нѣкоторое количество русскіхъ жителей, съ половины этого столѣтія уже униатовъ. Менѣе всего поддался вліянію простой русскій народъ Подляшья, въ южной части по Бугу малорусскій, въ сѣверной части за рѣкою Паровью бѣлорусскій, сначала православный, потомъ униатскій; со временемъ нѣкоторыя униатскія селенія сдѣлались католическими и польскими.

8. *Люблинская унія и ея вліяніе на отношенія литовско-русскаго вел. княжества къ Польшѣ. Укорененіе польскихъ порядковъ въ Литву и югозападной Руси. Распространеніе польскаго элемента и вліяніе польскаго языка въ ущербъ рус-*

¹⁾ См. акты (изъ Метрики литовской) у Поцѣя: Dziejeięcinu na Rusi.

скому элементу и языку. Культурное значеніе польскаго вліянія въ литературу и просвѣщеніи; въроисповѣдное движеніе (распространеніе протестантизма). Польскій языкъ въ западной Руси.

Люблинская унія 1569 г. произвела важныя перемѣны въ отношеніяхъ литовско-русскаго великаго княжества къ Польшѣ, къ коронѣ. Послѣ долгихъ и бурныхъ препирательствъ между Поляками и литовско-русскою аристократіею, которая не желала тѣсной уніи Литвы съ Польшею, эта унія все-таки осуществилась, главнымъ образомъ при помощи литовско-русской шляхты, добивавшейся и добившейся тѣхъ же самыхъ правъ, какъ и шляхта въ коронѣ. Полякамъ удалось наконецъ осуществленіе давнишнихъ завѣтныхъ желаній, лелѣявшихся ими съ 1386 г., по встрѣчавшихъ до 1569 г. непреодолимые препятствія. Южнорусскія воеводства волинское, брянцлавское, кіевское, равнымъ образомъ какъ и воеводство подляшское, присоединены были прямо къ коронѣ, къ Польшѣ, и именпо къ Малой, а ихъ сановники (католическіе епископы, воеводы, кастеляны) вошли въ составъ сенаторовъ польскихъ.

Остальная Литва съ такъ наз. Бѣлою Русью, т. е. воеводства жмудское, троцкое, виленское, полоцкое, витебское, мстиславское, минское, новгородецкое и берестьевское, слились съ короною-Польшею такъ, что лишились прежней самостоятельности. Литовскіе сенаторы (католическіе епископы, воеводы, кастеляны, маршалокъ, канцлеръ, подканцлеръ, подскарбій, маршалокъ дворный) вошли тоже прямо въ ряды коронныхъ сенаторовъ, составивъ съ ними одинъ сенатъ; послы (депутаты) литовскіе засѣли въ избѣ (палатѣ) вмѣстѣ съ коронными послами Польши Великой и Малой и Пруссіи. Польша и Литва сдѣлались однимъ государствомъ (рѣчь посполитая — *rzecz pospolita*—*res publica*), однимъ „народомъ“ (политическимъ), съ однимъ сенатомъ и съ одною избою посольскою ¹⁾.

¹⁾ См. дневникъ люблинскаго сейма, изд. Дзялыпскимъ (1857) и Кояловичемъ (1869), и разные акты 1569 г. въ *Volumina legum*.

Литва и ея русскія земли, присоединенныя къ коронѣ, за исключеніемъ Подляшья, сохранили однако свое старинное право, свой литовскій статутъ, который вскорѣ распространить и наконецъ напечатать въ Вильнѣ въ 1588 г. ¹⁾. Король Сигизмундъ III подтвердилъ этотъ статутъ, какъ просили „панове рада и вридыники наши, послы великого князства литовского на сойме вальномъ щастливое коронацыи наше будучи, именемъ всехъ становъ обывателей вел. кн. литовского“ и приказалъ „тотъ статутъ новопоправленный и привилыями земскими, письмомъ польскимъ и рускимъ друковать, и въ поветы розеслати“. Изданіе русскаго статута (на польскомъ статутъ тогда изданъ не былъ) взялъ на себя литовскій подканцлеръ Левъ Сапега, который гордится, что у Литовцевъ есть „права списаны не обчимъ (т. е. чужимъ, поль. *obcym*) акымъ языкомъ, але своимъ власнымъ“; но такъ какъ „не каждый статутъ могъ мети, для трудного и долгого переписыванья, тогда и въ томъ той потребе каждого обывателя фольгуючи и пожитку речы посполитое служечи, важыломъ се того, тую працу на себе подняти, я кошту и накладу своего не жалуючи, и быхъ то въ друкъ подалъ, а дорогу лацнейшую и спаднейшую каждому ку ведомости права показалъ“. Вскорѣ послѣ того, когда въ Польшѣ учреждены трибуналы, т. е. наивысшіе суды (1578), учрежденъ былъ такой трибуналъ и для Литвы (1581); онъ раздѣлялся на двѣ части или репартиціи: виленскую (для воеводствъ виленскаго, троцкаго, жмудскаго, полоцкаго) и русскую (для другихъ воеводствъ). Для трехъ южнорусскихъ воеводствъ, присоединенныхъ къ коронѣ, учрежденъ сначала особый трибуналъ въ Луцкѣ, но скоро они были подчинены малопольскому трибуналу въ Люблинѣ (1589—1590) ²⁾.

¹⁾ Вновь перепечатанъ въ московскомъ Временникѣ, кн. 19 (1854). Эта третья редакція литовскаго статута принята безъ сомнѣнія тоже тремя южнорусскими воеводствами короны.

²⁾ Книги литовскаго трибунала хранятся въ центральномъ архивѣ виленскомъ; кое-что издается въ Актахъ виленскихъ, начиная съ XI т. Книги люблинскаго трибунала для южнорусскихъ воеводствъ волынскаго, брянскаго и кіевского (и черниговскаго) хра-

Съ люблинской уніи 1569 г. Литва и югозападная Русь мало-по-малу сливались съ Польшею. Польскіе порядки, которые распространялись на Литву и на югозападную Русь (польскую и литовскую) уже въ XIV — XV вв., вкоренялись въ ней потомъ еще больше, и шляхта изъ Литвы и Руси, вполнѣ уравнивая въ правахъ съ шляхтою Польши, совѣщалась съ нею сообща на однихъ сеймахъ о дѣлахъ всей „рѣчи посполитой“ польской, но большей части въ Варшавѣ, но также въ Городнѣ въ Литвѣ. Повсюду въ Литвѣ и въ югозападной Руси уже давно существовали разные урядники по образцу польскому и съ названіями польскими, но съ уніи люблинской число ихъ определено точнѣе, а отъ старыхъ русскихъ урядниковъ осталось очень мало, напр. тивунъ или цивунъ, городничій, стольникъ, конюшій. Остальные великіе (государственные) урядники, сенаторы Литвы, были, какъ уже выше сказано, такіе же, какъ и въ Польшѣ, и назывались по-польски—воеводы, кастеляны, маршалки великій и надворный, канцлеръ и подканцлеръ, подскарбіе великій и надворный, гетманы великій и полевой; далѣе были надворные урядники, секретари, референдари, подкоморіе, писари, хоружіе (поль. *chorągży*), мечники, конюшіе и подконюшіе, кухмистры, стольники, подчашіе, крайчіе, подстолие, чашники, ловчіе и др. Земскіе урядники по землямъ (воеводствамъ) были: тивуны (цивуны), маршалокъ, подкоморій, хоружій, судья и подсудокъ, и проч.

Съ половины XVI в. исчезаютъ въ Литвѣ и югозападной Руси многіе древніе порядки и замѣняются новыми польскими, какъ и вообще государственный строй всей „рѣчи посполитой“ принимаетъ на себя одинаковый характеръ вслѣдствіе общей политической и законодательной дѣятельности сената и посольской избы на общихъ сеймахъ польско-литовскихъ. Въмѣсто старинной серебрицы или серебщицы (посощины и подымщицы) съ сохи и стариннаго полюдья съ дыма встрѣчается поземельная

няются въ главномъ архивѣ варшавскомъ; издано очень мало, напр. въ Архивѣ югозападной Россіи I. 6.

дань (поборъ) съ новыхъ изъ Польши принятыхъ полевыхъ мѣртъ, съ лановъ, волокъ (поль. włoka), морговъ; но однакожь на крайнемъ востокѣ и юговостокѣ эта дань взималась долго еще съ сохъ, такъ какъ земля не была еще измѣрена на волокна ¹⁾. На Литвѣ входятъ вообще въ употребленіе разныя польскія или въ Польшѣ принятая дань: чиншъ — цыншъ (поль. czynsz, изъ census, нѣм. zins), чоповое (поль. czopowe) вм. старой капщины (плата съ напитковъ) и пр. Вообще на Литвѣ и Руси долго встрѣчаются старые порядки возлѣ новыхъ. Сельскіе грунты раздѣляются на волокна, морги и сохи; есть села (и по-польски siola) и фольварки (дворы); съ волокъ или „гдѣ помѣры нѣтъ“ — съ дымовъ, дворницъ платится серебщизна и чиншъ, рублями и грошами, дань медовыя (меды), овсы дякольные (дякло), осыпъ, капщизна, дѣцкованье, пересудъ, купица, десятина; люди тяглые (и по-поль. ciahlі, ciągłi), хлопы отправляютъ роботы, панщину (панщизну), толоки и гвалты; по селамъ были войты (прежніе старцы, начальники войтовствъ, прежнихъ волостей) и лавники, но также древнерусскіе атаманы (ватаманы), тивуны (тивоны), десятники, копные суды и пр. Платы и повинности сельскаго люда возбуждаютъ часто удивленіе къ финансовымъ талантамъ пановъ, которые, вмѣстѣ со своими арендаторами—жидами, перѣдко вторгались со своею жадностью къ деньгамъ даже въ церковную область своихъ православныхъ подданныхъ и взимали разныя платы даже за церковныя требы ²⁾. Этотъ сѣрый сельскій людъ югозападной Руси поддался

¹⁾ „Серебщизна зъ сохи по 30 грошей“ одобрена на виленскомъ сеймѣ 1563 г.; „серебщизна (серебщина) господарская отъ сохи по полкопы“ въ Вольтѣ 1566 г., но уже тогда постановлено, „абы вже серебщины не давано, только поголовщину“; „податокъ зъ волокъ и дымовъ гроши польскими“ 1576 г., и пр. О полюдіи см. выше, стр. 122, 175. Со второй половины XVI в. исчезаетъ въ Литвѣ русскій рубль.

²⁾ Срв. такія „индическія“ картинки изъ быта русскаго люда, парисованныя современниками, у Шайнохи: Dwa lata dziejów naszych 1646, 1648 (Lwów 1865 I. 110), и у Костомарова: Богданъ Хмельницкій (изд. 1870 г., стр. XL и далыне).

господствующему польскому вліянію очень мало и сохранилъ своей родиной—не смотря на отчужденіе высшихъ сословій—характеръ земли русской.

Старые города на Литвѣ и Руси обращались, какъ уже сказано, въ *мѣста*, новыя привилегированныя общины, изъятія изъ земскаго права и пожалованныя особымъ правомъ нѣмецкимъ, магдебургскимъ ¹⁾. Такими „мѣстами“ сдѣлались города Вильна, Луцкъ, Володимѣрь волынской, Кремянецъ, Житомеръ, Кіевъ, Бряцлавъ, Полоцкъ, Витебскъ, Минскъ, Берестье, Новгородокъ, Пинскъ, Могилевъ и др. Жители городовъ-мѣстъ были не только православная Русь, но также католики Литовцы и Ляхи, а далѣе, особенно въ южной Руси,—Волохи, Нѣмцы, Армяне, Татары, Жида. Названія „Русь“ и „Ляхи, Литва“ означали и въ городахъ не только народность, а также вѣроисповѣданіе, т. е. православныхъ и католиковъ; въ послѣднихъ исчезли, какъ это было и въ польской Руси, также Нѣмцы. „Ляхи и Русь“, „*fidei catholicae cultores et Rutheni*“—такъ опредѣляются часто уже въ XV в. мѣстичи въ Вильнѣ, Луцкѣ, Володимѣрѣ, Кремянцѣ, Острогѣ и др. ²⁾. Приверженцы обонхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій жили сначала въ хорошихъ отношеніяхъ, и даже случалось не рѣдко, что „Литвини або Ляхъ крещены были въ рускую вѣру“, какъ это было напр. въ Витебскѣ въ началѣ XVI в., и конечно такіе исчезали потомъ въ русскомъ большинствѣ. Мѣстское представительство было обыкновенно на половину—католики „закоу римского, сторона лядская“ и на половину православные „закоу греческого, сто-

¹⁾ О городахъ (мѣстахъ) югозападной Руси вообще см. Антоновича (Архивъ югозападной Россіи V. I и тоже его Монографіи), Владимірскаго-Буданова: Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ (1868), тоже Röpell: Über die Verbreitung des Magdeburger Stadtrechts im Gebiete des alten polnischen Reiches ostwärts der Weichsel (1857), монографіи Вильны — Васильевскаго, Полоцка—Бѣльева, Витебска—Сапунова, Кіева—Антоновича, и др.

²⁾ Въ Кремянцѣ, по привилегіи Швитригайла (1438), войтъ долженъ судить Русина, Ляха, Нѣмца, Волошина, Армянина, Жида и Татарина; въ 1545 г. жители Кремянца были Чехи, Нѣмцы, Ляхи, Литва, Русь.

роца руская⁴. Мѣста въ литовской Руси получили нѣмецкое право не непосредственно изъ нѣмецкихъ странъ, а уже посредственно изъ Польши и польской Руси; нѣмецкое право было имъ доступно по польскимъ переводамъ, преимущественно по печатному польскому изданію Саксонскаго Зеркала Щербича; но дѣла рѣшались часто не по этому формальному праву нѣмецкому, а просто по обычному праву русскому. Вся терминологія мѣстскаго права и учреждений въ мѣстахъ югозападной Руси—нѣмецкая, но въ польской передѣлкѣ: мѣсто, мѣстичи-мѣщане, бурмистры, радцы (райцы), войтъ, лавники, ратушь, рынокъ, ортелъ, ярморокъ, цехъ, цехмистры и др. и нѣкоторыя названія ремесленныхъ цеховъ: кушперы, рымары, слѣсары, муралы, гарбари и др., но есть тоже кравцы, шевцы, ковали, мечники, котельники, теслы, гоичары, сѣдлари, кожеяки, столярн, золотарн, солодовники, маслобойники, купцы, рѣзники, крашавицники, шапочники и др. Впослѣдствіи, послѣ церковной уніи на Руси въ концѣ XVI в., начались и въ мѣстахъ Литвы и Руси споры и драки между униатами и православными. Положенія членовъ православныхъ „закону греческого“ въ мѣстскомъ представительствѣ и въ цехахъ (цехмистровъ) добивались униаты, которые, съ помощью католиковъ, привилегій и конституцій, достигали обыкновенно желаемого положенія, и право относилось только „*oboju narodom, katolickiemu i greckiemu w jedności świętej z kościołem rzymskim będącemu*“, какъ говорится въ одномъ виленскомъ цеховомъ уставѣ 1666 года ¹⁾. Православные устраивали церковныя братства со школами и типографіями, въ которыхъ печатались книги „по грецку, по словацку (т. е. по церковно-словѣнски), по руску и по польску“, какъ говорится въ привилегіи короля Сигизмунда III виленскому братству. Польская народность,

¹⁾ Еще въ началѣ XVII в. (1615 г.) виленскіе католики и униаты, мѣщане и священники, ссылались на королевскія привилегіи, протестовали противъ допущенія православныхъ старшинъ въ цехъ портныхъ и требовали однихъ только униатскихъ старшинъ. (Акты виленскіе IX. 313).

польскій языкъ приобрьли скоро господство и въ мѣстахъ югозападной Руси. До конца XVI в. въ мѣстахъ употребляется русскій языкъ, привилегіи на нѣмецкое право, разныя королевскія грамоты, мѣстекія книги, уставы цеховъ и др. писаны на русскомъ языкѣ. Но съ начала XVII в. польскій языкъ въ мѣстахъ все болѣе распространялся и въ мѣстекіихъ книгахъ, въ уставахъ и другихъ актахъ цеховъ; русскій языкъ встрѣчается, возлѣ польскаго, еще до тридцатыхъ годовъ XVII в., но гораздо рѣже польскаго; перѣдко случалось, что и въ польскихъ актахъ русскіе мѣщане подписывались еще по-русски. Подобно тому, какъ русскій языкъ мѣстекіихъ актовъ изобилуетъ польскими словами и оборотами, такъ и въ польскихъ актахъ встрѣчаются русскія слова, напр. *miechownicy*, *kraszaninnicy*, *porciszcze*, *porohy*, *liturgia*, *moleben* и др.

Послѣ люблинской уніи многіе шляхетскіе роды польскіе поселялись въ Литвѣ и Руси и дѣлались здѣсь урядниками. Такъ напр. Жолкевскіе, Замойскіе, Потоцкіе, Калиновскіе, Конечпольскіе, Любомирскіе, Яблоновскіе, Браницкіе и др. ¹⁾. Старшинные роды литовскіе и русскіе мало-по-малу принимали тоже польскую народность и польскій языкъ, но все-таки сохраняли долго сознаніе своей политической народности, „литовской“ и „русской“, воспоминаніе о прежней своей господствующей роли на всемъ востокѣ „рѣчи посполитой“ отъ моря балтійскаго до чернаго. Эти папы „литовскіе“ и „русскіе“, католики, протестанты и православные, послѣ прекращенія династіи Ягайла смотрѣли съ недовѣріемъ и изъ-подлобыя на искателей польской короны изъ „Нѣмцевъ“ въ родѣ Сигизмунда шведскаго или Максимиліана австрійскаго, и напротивъ благопріятствовали кандидатурѣ русскаго царя. „У насъ писанное дѣло, что Нѣмецкій языкъ Славянскому языку никакъ добра не смыслить: и намъ какъ Нѣмца взять себѣ въ государи?“—эти слова Радивиля и Глѣбовича, сказанныя московскимъ посламъ въ 1587 г. ²⁾, характеризуютъ политическія

¹⁾ Срв. Szajnocha: *Dwa lata z dziejów naszych*, I 10; Кулинь: *Исторія возсоединенія Руси*, I и *Записки о южной Руси* I. 84.

²⁾ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, VII, 296.

убѣжденія литовскихъ и русскихъ пановъ какъ нельзя лучше. Этотъ антагонизмъ Литвы и Руси къ Польшѣ, нелюбовь къ Ляхамъ и къ „Нѣмцамъ“, т. е. вообще къ западнымъ Европейцамъ, проглядываетъ также въ такъ называемой рѣчи Ивана Мелешка, которую сочинилъ какой-нибудь русскій юмористъ въ началѣ XVII в. во время царствованія „Нѣмца“ Сигизмунда ¹⁾. „Скорожь королѣ больше Нѣмцевъ якъ насъ улюбили, заразъ што наши старшіе собрали, то все Нѣмцомъ роздали нашиѣ господа. Пручь Зигмунта короля — того ничего въ люди личить, бо той Подляшье и Волинь выищилъ, Ляхомъ мянующися — але Зигмунта первого, союдкая намѣть его, бо той Нѣмцевъ якъ собакъ не любилъ, и Ляховъ зъ ихъ хитростями вельмѣ не любилъ, але Литву и нашу Русь любительно мпловалъ... Да уже у насъ змѣшались и по польску такъ умѣють говорити и все лихое королѣмъ паномъ рѣчи посполитой какъ могутъ было баламутять... Кажучи правду, не такъ виноватъ король, якъ гетые радные баламуты, што при нимъ сидятъ да крутятъ. Много тутъ гетакихъ есть, што хоть наша костка, однако собачимъ мясомъ обросла и вопяетъ; тые-то насъ деруть и за ихъ баламутнями не поживаться, рѣчу посполитую губять, и Волинь съ Подляшьемъ пропалъ! Знаю, намъ приступило, што ходимъ какъ подваренные, бо ся ихъ боимъ. А коли бъ гетакого бѣса кулакомъ въ морду, забывъ другой мутити. И то, милостивые панове, не мала шкода, слуги ховаемъ. Ляхи: давай же ему сукню хвалендышовую, кормижь его тлусто, а зъ ихъ службы не пытай, и только убравшися на высокихъ подковкахъ до дѣвокъ дыбле и ходить, а зъ великого кубка трубить; ты пане за столъ, а слуга собѣ за столъ; ты борщикъ, а слуга за пукатую штуку мяса; ты за фляшку, а онъ за другую, а коли слабо держишь, то онъ и ту зъ рукъ вырветъ. Только пильнуетъ, скоро з дому ты, то онъ молчкомъ приласкается до жонки... И такого чертополоха зъ Нѣмцями выгнати, што до насъ влѣзли противъ праву нашему“ ²⁾.

¹⁾ О ней см. выше, стр. 165, пр.

²⁾ См. Акты южной и зап. Россіи, II, стр. 188.

Распространеніе польскаго элемента, его господства и вліянія, и языка на всей югозападной Руси происходило, конечно, въ ущербъ русскому элементу и языку. Польско-литовскіе радные паны могли уже въ первой половинѣ XVII в. (1637 г.) отвѣтить московскимъ посламъ, что „народъ польскій и литовскій, а зважа украинныхъ городовъ воеводы и старосты къ руському письму не звычайны: бо украинные города даваны людямъ рыцерскимъ, которые хоть у воиньскихъ дѣлѣхъ знали ся и умѣли, а письма руського неучились“ ¹⁾. Вслѣдствіе такого недостаточнаго знанія русскаго языка у польскихъ должностныхъ лицъ въ Литвѣ происходили часто недоразумѣнія и затрудненія съ московскими послами и чиновниками, которые были большіе формалисты. Такъ напр. въ 1646 г., въ переговорахъ между польскими панами и московскими послами, эти послѣдніе жаловались на разныя ошибки въ грамотахъ изъ Польши къ царю; польскіе паны извинялись, что такъ случилось не умышленно, и что писари пишутъ не зная русской рѣчи; московскіе послы удивлялись дательному падежу „самодержцы“ въ русской грамотѣ короля къ царю, что-де не правильно, даже не прилично, такъ какъ эта форма скорѣе множественное число; а правильный дательный падежъ „самодержцу“, какъ пишется и въ грамотахъ изъ Польши; польскіе паны увѣряли, что въ ихъ польскомъ языкѣ формы „самодержцы“ (имен. пад. самодержца) и „самодержцу“ (имен. пад. самодержецъ) одно и то же; но если по-русски не такъ, то они впредь будутъ осторожнѣе; вообще было бы лучше, еслибъ король писалъ царю по-польски, и еслибъ также изъ пограничныхъ городовъ писалось въ Москву по-польски; такимъ образомъ не было бы впредь никакихъ ошибокъ. Но московскіе послы отвѣтили: „Издавна повелось, что грамоты королевскія къ великому гоеударю пишутся бѣлорусскимъ письмомъ, и теперь, мимо прежнихъ обычаевъ, по-польски писать не годится; да у порубежныхъ воеводъ и переводчиковъ нѣтъ“ ²⁾. Такъ это и осталось, и дипломатическимъ языкомъ меж-

¹⁾ Акты западной Россіи V. 28.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи X. 136.

ду польскимъ королевствомъ и русскимъ царствомъ до конца XVII в. былъ русскій языкъ.

Распространеніе польскаго элемента на востокъ въ русскія земли имѣло важное *значеніе культурное*. Русь, подавленная страшнымъ татарскимъ разгромомъ и всѣми его злополучными послѣдствіями, задержана на долго въ духовномъ своемъ развитіи. Литературная дѣятельность на всей Руси была незначительна и ограничивалась преимущественно письменностью церковною, богословскою; свѣтская литература не особенно процвѣтала, и главную ея часть составляла лѣтопись. Эта небогатая письменность скрывалась еще долго послѣ изобрѣтенія книгопечатанія въ рукописяхъ и поэтому не могла быть доступною болѣе широкимъ кругамъ народа. Книги церковныя, библейскія, богословскія и литургическія для Руси стали печататься съ конца XV вѣка въ Краковѣ, Прагѣ, Вильнѣ, Львовѣ, Острогѣ, Кіевѣ и др. Разныя эти церковныя книги на языкъ словѣнско-русскомъ составляли главную духовную пищу читающей Руси, прежде всего шляхты и духовенства. Но рано почувствовали на Руси потребность ввести и въ эту церковную письменность народный языкъ русскій, который употреблялся въ государственной и юридической жизни и въ незначительной свѣтской литературѣ: въ лѣтописяхъ, и въ другихъ сочиненіяхъ историческаго содержанія, въ романахъ и пр. При томъ переводчики церковныхъ книгъ на народный русскій языкъ сначала не рѣшались вводить этотъ языкъ вполне, а съ разною примѣсью, церковно-словѣнскою (русскаго и болгарско-волошкаго изводовъ), чешскою и наконецъ польскою; послѣдняя по мѣрѣ сильнѣйшаго опоячанья западно-русскаго языка пріобрѣла полное право гражданства тоже въ церковныхъ книгахъ русскихъ, замѣняя и пополняя „зацный, пенкый, звязный, сунтальный“ языкъ церковно-словѣнскій ¹⁾.

Распространенію польскаго языка среди литовско-русской шляхты способствовало распространеніе въ Литвѣ и югозападной Руси протестантизма разныхъ сектъ, кальвинскаго, лютеранскаго,

¹⁾ Подробно см. „Славяне“ II. 595.

братскаго, соцініанскаго. Къ этимъ новымъ вѣроисповѣданіямъ примкнули не только роды литовскіе католическіе, какъ напр. Радивилы, Пацы, но также православные роды русскіе или давно обрусѣвшіе, какъ напр. Ходковичи, Сопеги, Огинскіе, Воловичи, Зеновичи, Дорогостайскіе, Глѣбовичи, Пузыны, Гольшанскіе, Друцкіе, Соколинскіе, Головчинскіе, Чаплицы, Потѣи, и др. ¹⁾. Русскихъ протестантскихъ священниковъ не было, и попытка Буднаго, Крышковскаго, Пегалевскаго — употребить русскій языкъ какъ орудіе протестантизма — скоро оказалась лишнею. Протестантскіе паны и шляхта въ Литвѣ и Руси приглашали къ себѣ священниковъ изъ Польши: Буднаго, Крышковскаго, Чеховича, Жачича, Хрѣнстовскаго и др., пользовались польскими книгами и сами издавали протестантскія книги на польскомъ языкѣ, печатавшіяся въ Берестѣ, Несвижѣ, Лоскѣ, Вильнѣ. Издатели прекрасной кальвинской библіи на польскомъ языкѣ, напечатанной въ 1563 г. въ Берестѣ, издвигавшій Николай Радзивилла (Radziwiłła), рассчитывали не только на читателей польскихъ, но также на другихъ Славянъ, преимущественно на Русскихъ; а польскія книги С. Буднаго, печатавшіяся въ Несвижѣ, служили не только Полякамъ, а тоже Русскимъ ²⁾. Изъ Польши переходили на Литву и Русь польскія библіи и другія книги, и соцініанскій священникъ Мартынь Чеховичъ въ польскомъ Новомъ Завѣтѣ (въ Раковѣ 1577) прямо говоритъ, что онъ въ этой своей книгѣ ввелъ отдѣленія по русскому способу называемыя *зачала*, такъ какъ объ этомъ просили братья изъ русскихъ земель: въ ихъ рукописныхъ книгахъ пѣтъ обыкновенныхъ у протестантовъ и у католиковъ главъ.

Это новое вѣроисповѣдное движеніе въ Литвѣ и Руси составляло часть того культурнаго движенія вообще, которое тогда проникало съ запада на востокъ Европы при посредствѣ Польши. Русь по разнымъ причинамъ не могла участвовать въ духовномъ движеніи остальной, латинской Европы, — движеніи, которое прио-

¹⁾ См. Łukaszewicz: Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Litwie (Poznań 1842—1843, 2 t.).

²⁾ См. „Славяне“ II. 146—147, 152.

брѣтало именно съ XV в., со временъ гуситства, все болѣе широкое содержаніе и объемъ. Науки и литература, отчасти освобожденныя отъ церковной опеки, стали съ успѣхомъ развиваться, и Поляки заняли въ этомъ отношеніи особенно въ XVI в., не послѣднее мѣсто среди народовъ Европы. Науки и литература разрабатывались въ Польшѣ, равнымъ образомъ какъ и въ остальной западной Европѣ, сначала на языкѣ латинскомъ, потомъ (именно литература) также на польскомъ, причемъ научная дѣятельность находила въ высшихъ школахъ (университетахъ, академіяхъ) краковской, виленской и замостекской свою опору. Въ Польшѣ издавалось множество книгъ латинскихъ и польскихъ разнаго содержанія, научныхъ и по изящной словесности, прозы и поэзіи. Католики и не-католики разныхъ сектъ основывали школы и типографіи, и все они старались въ этомъ превзойти другъ друга ¹⁾).

Положеніе Руси было гораздо хуже. Русская литература XVI в. не могла похвалиться такими сочиненіями, какъ родственная ей литература польская, уже не говоря о латинской. Кромѣ церковныхъ книгъ на языкѣ словѣско-русскомъ и русскомъ было мало русскихъ сочиненій свѣтскаго содержанія: лѣтописей, романовъ, повѣстей и др.; да и эта часть русской литературы скоро очутилась въ зависимости отъ польской, и польская хроника М. Бѣльскаго стала и въ русскомъ переводѣ общимъ достояніемъ русской литературы на западѣ и на востокѣ ²⁾). Кромѣ этой лѣтописной литературы на языкъ западно-русскій переводились романы, повѣсти, легенды и другія произведенія книжниковъ, начинающія появляться въ югозападной Руси съ конца XV и начала XVI вѣковъ — то вслѣдствіе давнишнихъ сношеній Руси съ славянскимъ югомъ то опять вслѣдствіе сношеній Руси съ Польшею. Такимъ образомъ въ западно-русской пись-

¹⁾ О школахъ см. Łukasiewicz: *Historia szkół w Koronie i Litwie* (Poznań 1849—1851, 4 t.).

²⁾ См. „Славяне“ II, 425. Исправляемъ ошибку на стр. 116 (въ послѣдней строкѣ), гдѣ послѣ слова „уже“ пропущены слова: „въ западной Руси во время польскаго короля Сигизмунда Августа (въ 1565—1572 гг.) и списана потомъ въ Москвѣ“.

менности появились переводы съ сербскаго, напр. романы Тристанъ и Бово, съ польскаго, напр. легенда о св. Алексѣѣ, такъ назыв. евангеліе Никодима, повѣсть о трехъ короляхъ-чернокнижникахъ, повѣсть объ Атилѣ, и др. ¹⁾. Но всѣ эти сочиненія оставались въ рукописи; русскія типографіи служили преимущественно цѣлямъ церковнымъ, издавая книги церковныя, богословскія, полемическія и др. Этотъ недостатокъ, эту односторонность духовной пищи чувствовали и сознавали нѣкоторые просвѣщенные Русскіе. Въ началѣ XVII в. одинъ львовскій православный священникъ справедливо жалуется на недостатокъ школъ и наукъ на Руси; вслѣдствіе такихъ печальныхъ обстоятельствъ Русь огрубѣла и попала подъ вліяніе болѣе просвѣщенныхъ Поляковъ въ ущербъ своей народности ²⁾. Въ такомъ смыслѣ высказывается тоже современникъ львовскаго священника, кievскій монахъ Леонтій (1608); въ своей статьѣ о ересяхъ на Руси онъ извиняется передъ читателями, что о другихъ авторахъ „я яко простакъ не вѣдаю, попеже разныхъ языковъ, одно такъ якъ имъ тутъ написалъ рускимъ языкомъ“ ³⁾. Нашлись и на Руси аскеты-ревнители, которые защищали старинную простоту и осуждали всякія новости, приходящія на Русь отъ латинскихъ Ляховъ. Въ такомъ смыслѣ говоритъ современникъ и землякъ львовскаго священника, монахъ Іоаннъ изъ Вишни, который не переставалъ возставать противъ разныхъ поганскихъ латинскихъ хитростей ⁴⁾.

¹⁾ Срв. А. Веселовскій: Изъ исторіи романа и повѣсти (СП. 1888), П. Владиміровъ въ Ж. М. Н. П. 1887, окт., стр. 250, А. Брюкнеръ въ Archiv für Slavische Philologie IX. 345. Въ западно-русской письменности были тоже повѣсти о Троѣ и объ Александрѣ Вел. („о богатырскихъ делехъ во Александрии и во Трои“ воспоминаетъ въ началѣ XVI в. Фр. Скорина). Въ библіотекѣ кн. Чарторыйскихъ въ Краковѣ находилась западно-русская Александреида, какъ видно по каталогу; но теперь ея тамъ нѣтъ (срв. нашъ Отчетъ за 1882 г., стр. 23); о другой западно-русской Александреидѣ 1697 г. вспоминаетъ П. Житецкій: Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. (Кіевъ 1889). Польская Александреида, переведенная съ латинскаго, напечатана въ 1550 г.

²⁾ См. выше, стр. 133.

³⁾ Акты южной и западной Россіи II. 273.

⁴⁾ См. выше, стр. 131.

Простой монахъ изъ Вишни не нашелъ сторонниковъ для своего ученія. Югозападная Русь хорошо поняла, что съ опасною польско-латинскою пропагандою надо бороться равнымъ оружіемъ, просвѣщеніемъ и наукою, и что слабость Руси составляетъ недостатокъ науки и школъ. Это хорошо сознавали тогда, въ концѣ XVI в., оба вождя Руси, митрополитъ кievскій Михаилъ Рагоза и князь Константинъ Острожскій. Митрополитъ Михаилъ жалуется (1592), что „ученіе святыхъ писаній оскудѣ, паче же словенскаго руссійскаго языка, и вси чловѣцы приложишася несьвершенному людскому писанію и сего ради въ различные ереси впадоша, невѣдуще въ богословіи силы совершеннаго грамматическаго словенскаго языка“. Князь Константинъ Острожскій замѣтилъ, что Русь вообще и русская церковь въ особенности нуждается въ наукѣ и въ школахъ; такъ какъ „наукъ нѣтъ, великое грубіяство въ нашихъ духовныхъ умножилось“ ¹⁾. Съ конца XVI вѣка Русь дѣйствительно старалась устранить этотъ недостатокъ, и стала заводить у себя, по образцу польскому, школы преимущественно при церковныхъ братствахъ; въ этихъ школахъ учили не только богословію и грамматикамъ языковъ греческаго, латинскаго, словѣнскаго, также русскаго и польскаго, но и разнымъ „наукамъ“ очень проблематическаго значенія, риторикѣ, діалектикѣ, философiи, мусикѣ, арифметикѣ и др. ²⁾. Такія „русскія“ или „словенскія“ школы „науки еллинскаго и словенскаго письма, наукъ еллино-словенскаго и латинно-польскаго письма“ основаны въ Острогѣ, Львовѣ, Вильнѣ, Кіевѣ, Гощѣ, Берестѣ, Минскѣ, Бѣльскѣ, Могилевѣ, Луцкѣ и др. съ цѣлью—какъ выражаются кievскіе братчики—чтобъ „отрочата православныя не отъ чуждаго источника пьюще смертоопасного яда западныхъ схисмы

¹⁾ Акты западной Россiи IV, 42, 46. О культурномъ состояніи югозападной Руси въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. см. С. Голубева: Петръ Могила (Кіевъ 1883, I. 413), и Исторія кievской духовной академіи (Кіевъ 1886, I. 176), А. Архангельскій: Очерки изъ исторiи западно-русской литературы XVI—XVII вв. (Москва 1888).

²⁾ См. Голубева, Исторія кiev. духовной академіи I. 176, срв. „Славяне“ II. 594.

упившися ко мрачно-темнымъ Римляномъ уклонятся“. Въ дѣлѣ основанія и даренія школъ русская шляхта, духовенство, мѣщане и козаки соревновали другъ другу. Князь К. Острожскій основалъ въ Острогѣ не только школу, а тоже типографію, изъ которой вышла первая полная печатная библія словѣнско-русская (1581); но скоро князь долженъ былъ жаловаться на „скудость учителей и паучный голодъ“ въ своей школѣ. Князь Полубенскій щедро дарилъ вилениское братство (1593 — 94) „на школу для науки руского писменья и греческого и латинского, для твиченья (пол. *ćwiczenia*) и ученія въ оной школѣ дѣтей у наукахъ вшелякихъ, такъ языка греческого и словенского, яко и иныхъ“; козацкій гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный завѣщалъ (1622) братской школѣ львовской капиталъ „на науку, на выхожанье учоного майстра въ греческомъ языку бѣглого, церкви божой и дѣткамъ христіанскимъ народу російскому потребного“. О кіевской школѣ все заботились сами митрополиты, считая ее справедливо важнѣйшимъ училищемъ „всему православному народови російскому“; позже (1632) эта школа соединена съ коллегією, основанною П. Могилою, и возведена потомъ (1701) въ академію. Латинскій языкъ занялъ въ этихъ школахъ выдающееся мѣсто, а въ кіевской коллегій-академіи преподавались почти все предметы на латинскомъ языкѣ, какъ на языкѣ тогдашней европейской образованности вообще и кромѣ того—языкъ очень важнымъ и въ практической жизни Польши. Необходимость латинскихъ школъ, латинскаго языка для Руси усердно защищали сами Русскіе. Латинскій языкъ необходимъ, чтобъ нашей бѣдной Руси не называли глупою Русью, простаками, и чтобъ бѣдняжка Русскій на сеймахъ, сеймикахъ, судахъ понималъ, въ чемъ дѣло, и не подвергался пенямъ (*bez łaciny płaci winy*); языки греческій или словѣнскій никакъ не могутъ замѣнить латинскаго, тѣмъ паче, что латинскихъ книгъ въ разныхъ отрасляхъ науки много ¹⁾.

¹⁾ Sylwester Kossow: *Exegesis to jest danie sprawy o szkołach kijowskich i wiennickich, w których uczą zakonnicy religiej graeckiej* (Kijów 1635), Euzeb Pimin (т. е. П. Могила): *Lithos abo kamień z procy prawdy cerkwie św. prawosławnej ruskiej etc.* (Kijów 1644).

Такимъ образомъ пересажена и на Русь латинско-польская премудрость съ разными Минервами, Аполлонами, Парнасами, Геликонами, средневѣковая схоластика со всеѣмъ своимъ діалектическимъ и риторическимъ пустословіемъ, которое учило „малую часть амплѣфковати, розширяти, придавати до ней приклады, подобенства, сентенцій, фѣгуры, учинити зъ малое части великую“; къ этому присоединялись безсодержательные диспуты, безвкусныя вирши (стихи) и весь тотъ никому ненужный хламъ, который только затемнялъ, а не развивалъ мозги учащихся „спудеевъ“ (студентовъ), не обогащалъ ихъ никакими, полезными положительными знаніями. Напрасно книжники польско-католическіе и ихъ птенцы изъ русскихъ униатовъ насмѣхались надъ русскими школами, что въ нихъ только дымятся, а не горятъ, и дѣти изъ телятъ становятся волами ¹⁾; и въ латинско-польскихъ школахъ іезуитскихъ и другихъ было не лучше, и изъ нихъ выходили тоже *asini asinorum in saecula saeculorum* ²⁾.

Коссовъ полагаетъ, что только школы дадутъ болѣе ученыхъ людей, и что тогда не будутъ правдой насмѣшки враговъ Руси: *Popi ruscy głupi, nie umieją nie jedno az buki; kaznodziejów mało mają, mówić z nami nie umieją, dysputować, dyszkutować, poroim ruskim jak skały gryść.*

¹⁾ Эти слова принадлежатъ М. Смотрицкому (уже униату) въ его соч. 1629 г. *Echaetesis, Paraenesis*; ихъ съ удовольствіемъ повторилъ униатъ Скумиковичъ (*Przyczyny porzucenia disuniej.* 1643).

²⁾ Срв. мѣткій отзывъ о латинско-польскихъ школахъ у Костомарова: *Последніе годы Рѣчи Посполитой* I. 51 (3-е изд.). Недостатки школы въ Цѣлынь хорошо понималъ уже В. Татищевъ; срв. „Славяне“ II. 498. — Какую дребедень приходилось читать и выслушивать отъ кіевскихъ профессоровъ и спудеевъ, можно видѣть напр. на „виршахъ“ 1622 и 1632 гг. (перепечатанныхъ въ „Приложеніяхъ“ къ Исторіи кіев. духовной академіи I). Вотъ напр. „вирши“, которые при открытіи кіевской колегіи 1632 г. говорила напр. „Уранія“:

Ты южъ Атлясь, о Музо, перестань зьстарѣлымъ
Пренлымъ байкомъ вѣрити, внимай сердцемъ смѣлымъ:
Южъ яо крѡль мавританскій сферы модеруетъ,
Лечъ найвышній монарха самъ небомъ керуетъ, и пр. и пр.
Срв. тоже „гексаметры“ Смотрицкаго („Славяне“ II. 363).

Но не смотря на всѣ недостатки школъ того времени, Русь пуждалась въ такихъ школахъ—русскихъ православныхъ, чтобъ не отставать отъ своихъ согражданъ польско-католическихъ и чтобъ не быть вынуждаемою отдавать своихъ дѣтей въ латинскія, іезуитскія школы. Многіе русскіе православные паны думали такъ, какъ бряцлавскій кастелянъ Василій Загоровскій, который въ своемъ завѣщаніи (1577) увѣщевалъ своихъ дѣтей, „абы письма своего руского и мовенья рускими словы и обычаевъ цюотливыхъ и покорныхъ рускихъ не забачали, а набольшей вѣры своее греческого закона не опускали“; пусть они учатся прежде всего „руской наукѣ“, а потомъ латинскому языку, послѣ чего пусть отправляются въ Вильшу къ іезуитамъ ¹⁾. По это послѣднее обстоятельство сопровождалось вредными и роковыми для русской народности послѣдствіями, о которыхъ Загоровскій и другіе русскіе паны не подумали.

Польскій языкъ проникъ—послѣ присоединенія всей южной Руси къ Польшѣ (1569)—далеко на югъ, на нижній Днѣпръ, на Низъ, на Украину, т. е. въ земли у края польскихъ владѣній и Татаръ, къ тамошнимъ русскимъ поселенцамъ, которые изъ бродягъ мало-по-малу устраивались какъ военные колонисты, въ пограничныхъ старостахъ черкасскомъ и каневскомъ, также въ другихъ городахъ Украины: Бряцлавѣ, Винницѣ, Барѣ, Хмельникѣ, наконецъ далеко за порогами Днѣпра. Это—*козаки* (казаки) украинскіе и запорожскіе ²⁾. Украина и Запорожье считались на Руси и въ Польшѣ вообще военною школою, куда отправлялись не только наны русскіе, а тоже польскіе (напр. Самуилъ Зборовскій); за то В. Папроцкій справедливо восхваляетъ этихъ мужествен-

¹⁾ Архивъ югозападной Россіи I. 1. стр. 67.

²⁾ „Козакъ“—слово татарское, разбойникъ; срв. выше, стр. 65 и 174. Въ 1493 г. „Черкасцы“ напали на московскихъ пословъ; въ 1499 г. „козаки“ въ Кіевѣ—люди, занимавшіеся торговлею рыбами; въ 1503 г. „козаки“ кіевскіе и черкасскіе. По Черкасамъ называли въ Москвѣ южнорусскихъ козаковъ, а потомъ Малорусовъ вообще—Черкасами. Слово „козакъ“ приняли тоже Поляки въ значеніи вольнолюбиваго воина, солдата вообще, см. козакъ въ словарѣ Линде.

ныхъ львовъ русскихъ, которые защищаютъ Польшу отъ Турокъ и Татаръ ¹⁾. Съ козаками, съ ихъ вождями, старостами черкасскими и каневскими, старшими и вообще съ ихъ „гетманами“, какъ эти вожди назывались на польскій ладъ ²⁾, съ Дашковичемъ, Тышковичемъ, Вишневецкимъ, Бадовскимъ и др. польскіе короли до второй половины XVI в. переписывались по-русски; но уже Стефанъ Баторій писалъ по-польски не только украиннымъ старостамъ въ Хмельникъ, Баръ, Бряцлавль, Вишиць, Бѣлой Церкви, Черкасахъ, Каневъ, но также зарогозпун толожом ³⁾. Также и козацкіе старшины въ концѣ XVI в. и еще болѣе въ XVII в. пишутъ королю и польскимъ и литовскимъ панамъ по-польски, именно: Палей, Полоусъ, Наливайко, Лобода, Дорошенко, Сулима, Петрыжицкій, Скиданъ, Хмѣльницкій, Выговскій, Ханенко, Сирко и др. Польскій языкъ употреблялся въ переговорахъ и договорахъ между Поляками и козаками, хотя послѣдніе говорили съ Поляками тоже по-русски. Козаки, сносясь и сталкиваясь постоянно съ Поляками, принимали отъ послѣднихъ многія учрежденія и ихъ названія, напр. гетманъ, обозный, хорунжій (cho-гаży), подскарбій, товариство и пр. Козацкіе старшины, не смотря на всю борьбу козаковъ и южно-русскаго народа съ Ляхами, вообще тяготѣли къ шляхетской Польшѣ, стремясь въ Украинъ

¹⁾ Срв. „Славяне“ II. 170. Папроцкій (Herbu rycerstwa polskiego, wyd. 1584, p. 103) подробно описываетъ походы козаковъ подъ Зборовскимъ; срв. Кулишъ: Исторія воссоединенія Руси, I. 146.

²⁾ Это слово „гетманъ“ дало поводъ некритическимъ малорусскимъ лѣтописцамъ XVIII в. возводить разныхъ вождей козаковъ XVI—XVII вв. въ „гетманы“ въ смыслѣ второй половины XVII в., когда „гетманы“ были наивысшими начальниками Малой Россіи. Слово „атаманъ, ватаманъ“ происхожденія татарскаго (см. выше, стр. 119), какъ вообще много другихъ русско-козацкихъ словъ, напр. конгъ, таборъ, асауль-есауль, бунчукъ, булава, паланка, и др.

³⁾ Срв. разные акты о козакахъ въ Актахъ западной Россіи, въ Актахъ южной и западной Россіи, въ Архивѣ югозападной Россіи III. 1, 2, VII. 2, у Кулиша, Исторія воссоединенія Руси (матеріалы), у Явицкаго: Akta histor. do panowania Stefana Batora. 1578—1579 (Warszawa 1881, Biblioteka ordynacyi Krasińskich).

играть роль прогнанной оттуда въ 1648 году шляхты, подражая разнымъ шляхетскимъ обычаямъ, костюму, гербамъ и пр. ¹⁾. Это тяготѣніе козацкой старшины къ шляхетской Польшѣ продолжало свое существованіе и впоследствии, когда Малая Россія сдѣлалась частью русскаго царства, и когда оставшеюся за этимъ царствомъ Малою Россіей на лѣвомъ берегу Дуѣира управлялъ козацкій гетманъ войска запорожскаго Его царскаго Величества. Не смотря на всю національно-религіозную вражду Русскихъ и Ляховъ, не смотря на всю ненависть Русскихъ къ Ляхамъ, которая обнаруживается въ южнорусскихъ пѣсняхъ, лѣтописяхъ и въ другихъ произведеніяхъ литературы, въ разныхъ актахъ козацкихъ ²⁾,—козацкіе старшины лѣвобережной Малой Россіи все обращали свои взоры къ общественному и культурному строю Польши; они учились по-латыни и по-польски, одѣвались въ жупаны и контуши, жаждали гербовъ и подданства „посполитыхъ“ людей, руководились Статутомъ литовскимъ, и вообще страстно

¹⁾ На такіе гербы кіевскіе стихотворцы часто сочиняли, въ духѣ того времени, ужасные „вирии“. Такъ напр. К. Саковичъ со-
стряпалъ въ 1622 г. слѣдующіе „вирии на гербъ сильного войска
Его Кор. Мил. Запорожскаго“ (представляющій вооруженнаго козака):

Кгды мензства Запорожцовъ кролеве дознали,

Теды за гербъ такого имъ рыцера дали.

Который ото готовъ Ойчизнѣ служить,

За вольность ей и свой животъ положить.

И якъ треба землею албо тыжъ водою:

Вшеляко онъ способный и прудкій до бою.

Вирии на гербъ Богдана Хмѣльницкаго (1650 г.):

Абданкъ знакъ есть щодрой повольности,

Крестъ за фараментъ виры Хмельницкихъ мужпости,

Незвытяжоный кролю въ христіанскомъ панствѣ,

Кеды повольность Хмельницкихъ маешъ у подданствѣ.

²⁾ Срв. напр. подложные универсалы гетмановъ Остраница (1638) и Хмѣльницкаго (1748), составленные только въ вѣ XVIII в., подлинный универсалъ гетмана Брюховецкаго (1663), фантастическую „Исторію Русовъ“, приписываемую бѣлорусскому епископу Георгію Конисескому, и др. „Исторія Русовъ“ вліяла до недавна на малорусскую исторіографію, поэзію, повѣсть.

желали и у себя водворенія общественныхъ порядковъ шляхетско-польскихъ. Это стремленіе къ польщизнѣ прекратилось только въ XVIII в., когда козацкіе старшины сдѣлались наконецъ дворянами русской имперіи и владѣльцами крѣпостного народа ¹⁾.

Козаки южнорусскіе, говоря на своемъ русскомъ нарѣчій, писали на обыкновенномъ тогда книжномъ языкѣ западно-русскомъ съ большею или меньшею примѣсью польщизны. Они, главные борцы православной русской религіи, протестовали часто словомъ и мечомъ противъ „кѣвалта въ реліи старожитной православной“, обѣщали (обѣщали) „за церковь восточную и за вѣру греческую головы свои вси положить и боронити словомъ нашимъ рыцерскимъ“; гетманъ Петръ Конашевичъ въ предсмертномъ письмѣ королю Сигизмунду III (1622) благословляетъ „ксіонженца принца Владислава персону“, возстаетъ противъ іезуитовъ и противъ ушіи, и завѣщаетъ деньги православному братству львовскому, „тую вѣчную войска Е. К. М. Запорозского фундацію укгрунтовавши подѣ вышѣ описаною облигацьею и концдыциями“, какъ выражаются душеприкащики Конашевича, кіевскій митрополитъ Іовъ Борецкій и козацкій гетманъ Голубъ ²⁾. Такой языкъ встрѣчается вообще въ козацкихъ актахъ, письмахъ, лѣтописяхъ до начала XVIII в.; даже русскіе демократы-козаки запорожскіе низовые не могли уберечься отъ такого вычурнаго языка; кошевой атаманъ Григорій Сагайдачный, поздравляя гетмана Мазепу (1686) „вельможнаго мосцѣ папа на новомъ гетманскомъ гонорѣ“, обѣщаетъ ему во имя войска низового вѣрную службу: „мы дознавши ласки твоей рейментарской субмѣтуемъ ся зѣ оною щиростью нашою оказоватися, и по ординансу вашомъ на всякую военную потребу пресвѣтлѣйшимъ государямъ царямъ нашимъ готовыми zostавати“ ³⁾. Только съ начала XVIII

¹⁾ См. А. Ефименко: Малорусское дворянство и его судьба (Вѣстникъ Европы 1891, августъ, 515).

²⁾ Срв. въ Актахъ южной и западной Россіи II. № 36, 41, 47, въ Архивѣ югозападной Россіи I. З. № 74, и другіе акты XVII в.

³⁾ Величко (ок. 1720 г.): Лѣтопись событій въ югозападной Россіи въ XVII в., II. 518 (Кіевъ 1851).

вѣка, по мѣрѣ культурнаго усиленія Великой Россіи, и въ Малой Россіи входитъ въ употребленіе литературный языкъ велико-русскій; на немъ писали тоже малорусскія лѣтописи, въ томъ числѣ тоже „Исторія Русовъ“, приписываемая Георгію Конисскому *).

Въ литовско-русской лѣтописи XV в. польскихъ словъ очень мало, напр. панъ, коморникъ, хлопъ, скарбъ, кмотръ, моцъ (и мочъ, помочь), бискупъ и костелъ (въ значеніи католическихъ), мистръ (магистръ ордена тевтонскаго), гиньштъ (нѣмецк. hengst), уму-ровати, кглентовныи листы, рада (и советъ, светъ) и др. Также и въ другой литовско-русской лѣтописи XVI в. польская примѣсь сказалась немногими словами, напр. обѣцати, звияжство, офѣра, сеймъ, рада ¹⁾, господа (въ значеніи постоялаго двора), обфитость, кгвалтъ, моцъ, зрада—здрада, малжонка, малженскій станъ, кроль (обыкновенно: король), вензеніе, гетманъ, жолцеръ, рыцеръ, штурмъ, шихъ, гуфъ, ратунокъ, пацъ (но тоже господицъ, господичичъ), бискупъ, прелать, пробощъ, крижъ, костелъ, кляшторъ, закопъ, т. е. орденъ (въ значеніи католическихъ, а православные: епископъ, архимандритъ, игуменъ, крестъ, церковь, монастырь), звестованіе матки божой, Барбара, Алжбета, и пр. ²⁾.

¹⁾ Лѣтописецъ знаетъ тоже слова *вѣче* и *дума*: мужи Полочане, которые вечомъ ся справовали, какъ Великій Новгородъ и Псковъ; думу вчинили межи собою безъ ведомости пановъ рады.

²⁾ Лѣтопись XV в. издали Дапиловичъ (1827) и А. Поповъ (Ученыя записки второго отдѣл. Имп. акад. наукъ, I); лѣтопись XVI в. — Нарбуттъ (Pomniki do dziejów litewskich, 1846), но по списку XVI в., сдѣланному съ русскаго подлинника латинско-польскимъ письмомъ („z ruskiego języka na polski przetłumaczona“, что однако не вѣрно); нѣсколько отрывковъ изъ этой лѣтописи по русской рукописи познанской сообщилъ Бодянской въ московскихъ Читаніяхъ 1846, I. Нѣкоторые мѣста лѣтописи XV в. вошли и въ лѣ-

*) Въ этомъ мѣстѣ въ рукописи нѣкоторый пропускъ: по всему можно заключить, что здѣсь должна была быть рѣчь о русскомъ языкѣ въ литовско-русскихъ актахъ. *Ред*

Приводимъ здѣсь два прилѣра изъ обѣихъ лѣтописей.

(Лѣтопись XVI в. по изд.
Бодянского):

Кияне змовывшиися одное мыслечи податся великому князю Кгидимину, и пошодши з города со кресты, игумены, попы и дѣяконы, и ворота городовы отворыли, и стрѣтили великого князя честно, и вдарили ему чоломъ, и поддалися служити ему, и присягу свою на томъ дали, и били чоломъ, штобы отъ нихъ отчизны (!) ихъ не отнималъ, и князь Кгидиминъ притомъ ихъ оставилъ, и самъ честно у городъ Кпевъ уѣхалъ.

(Лѣтопись XVI в. въ польской транскрипціи, по изд. Нарбутта):

Kijane zmowiwszysia odno-
myślnie podalisia welikomu
kniaziu Gidyminu, y szedszy
z horoda so kresty, ihumeny,
popu y diakony, y worota ho-
rodowyia otworyli, y stretyli
welikoho kniazia czestno y
wdaryli iemu czolom, y pod-
dalisia służyty iemu, i prysia-
hu swoju na tom dali, y bili
czolom, szto by ot nich ot-
czyn (!) ich neotnimał, y kniaź
Gidymin prytom ich zostawił
i sam czestno w horod Kijew
wiechał.

(Лѣтопись XV в. по изд.
Попова).

И владыка смоленский Се-
мионъ, и князи и бояре и ме-
стиче, и черныи люди целовали
пану Андрею держати у себе
честно воеводою на Смолень-
ску. И по велице дни на свя-
той недели в среду здумали

(Лѣтопись XVI в. по изд.
Нарбутта):

Y władyka smoleński Se-
mien, y kniazi y bojary y me-
styczy y czorny i ludye pry-
siahali Andreiu derżaty ieho
w sobe czestno wojewodoiu na
Smolensku. Y po welice dni
na swiatoy nedeli w sere du

топись XVI вѣка. Въ этихъ лѣтописяхъ встрѣчаются тоже слабые слѣды церковнаго языка словѣнскаго, напр. глава, гладъ, возгласи, злато, серебро, градъ, младъ, младенецъ, пленити, пощъ, дщерь, властели (панове литовскіи) и пр., которыя попадаются очень рѣдко рядомъ съ словами: голова, голосъ, золото, городъ, молодой, полонъ, пощъ, дочка, волость и пр. Вліяніе церковнаго языка замѣтно особенно въ „Похвалѣ“ Витовту въ лѣтописи XV вѣка.—Западно-русскай переводъ всемірной хроники М. Бѣльскаго, сдѣланный въ 1564—1572 гг., срв. „Славяне“ II. 425.

Смолянне чорныи люди, кузне-
ци, кожомяки, (пере)шевники,
мясники, котельники папа Ан-
дрея согнати силою з города;
а цолеваніе преступали и на-
рядилися во избрѣи и с сули-
цами и со стрелами и с косами
и с сокирами и зазвонили в ко-
локоль.

zdmali Smolniane czornyi
ludyie, kuznecy, kożomiaki,
pereszewniki, miasniki, ko-
telniki Andreja siłoiu soslaty
z horoda, a prysiahu prestu-
pity, y naradylisia wo zbroi
so sulicami y so strełami, y
z kosami y so siekierami i za-
zwonili wo zvon.

Въ нѣкоторыхъ западно-русскихъ переводахъ конца XV в.,
сдѣланныхъ съ латинскаго и польскаго (напр. въ легендѣ о св.
Алексѣѣ, въ повѣсти о трехъ короляхъ, въ апокрифическомъ
евангеліи Никодима), польское вліяніе сказалось тоже не особен-
но сильно, напр. въ словахъ: рада, превелебный, капланъ, цесарь,
панъ (и панъ богъ), шляхетный, декую-дякую, огарпennyй, мары,
помощъ, немоцный, узрокъ (wzrok), оплавитость (opłwitość),
манзельство, злото (и золото), здорова и др., тоже въ формахъ: по-
wego (вм.—ого), которему, котореи и др.; новыя польскія слова еще
боролись со старыми русскими: собраніе — зборъ albo рада, ке-
лихъ albo чаша, валка albo воина, лотръ—тать, з его моци albo
волости, крижъ albo крестъ, укрѣжун albo распъши, скаредость
albo смороль, и пр. ¹⁾, Что касается „русскаго языка“ Фр. Ско-
рины въ его библейскихъ книгахъ, то въ немъ польскихъ словъ

¹⁾ Объ этой рукописи см. П. Владимірова въ Ж. М. Н. Ц.
1887, октябрь, 250; въ языкъ этой рукописи есть тоже нѣкоторые
слѣды чешскаго вліянія. Легенда о св. Алексѣѣ находится въ извѣ-
стномъ средневѣковомъ сборникѣ Gesta Romanorum, который пере-
веденъ и на польскій языкъ; неизвѣстно, существовалъ-ли тоже „бѣ-
лорусскій“ переводъ сборника. Языкъ рукописи Римскихъ Дѣяній,
изданной Обществомъ любителей древнерусской письменности въ СП.
въ 1877 — 78 гг., вовсе не „бѣлорусскій“ или словено-польскій или
польскій простой (!), а сѣверно-русскій или славено-россійскій съ
многими польскими словами; эти Римскія Дѣянія переведены въ
XVII в. прямо съ польскаго или „славено-польскаго“; а изъ этого
польскаго текста остались и въ житіи св. Алексѣя напр. слова: об-
любеница, панъ, панья, цесарь, княжа, панежъ, костель, пелgrimъ,
година, мары, възрокъ (wzrok), опутанный (opętany), коштовный и др.

встрѣчается очень немного, напр. обжарство, члонокъ, плотно, взрокъ, звытяжство, скарбъ, покармъ, панъ (и господишъ), писарь (и диакъ), желъперъ (и воишъ), и др.; гораздо больше мѣста Скорина отвелъ въ своемъ русскомъ языкѣ чешскимъ словамъ; онъ употреблялъ ихъ совсѣмъ неорганически противъ духа словѣнско-русского и русского языка, и придерживался вообще самого текста чешской библіи ¹⁾).

Со второй половины XVI в. разговорный и письменный западно-русскій языкъ представлялъ часто какую-то смѣсь русско-польскую; она въ русскихъ письменныхъ памятникахъ обуславливалась не польскимъ подлинникомъ, переводимымъ на русскій языкъ, а просто характеромъ самого западно-русского языка. Такъ напр. западно-европейскіе романы о Тристанѣ и Бовѣ переведены на западно-русскій языкъ не съ польскаго, а съ сербскаго (повесть о витезяхъ с книгъ сѣрбьскихъ); а между тѣмъ русскій языкъ этого перевода изобилуетъ множествомъ полонизмовъ, которые употребляются уже какъ элементъ, присущій тогдашнему западно-русскому языку. Въ переводѣ встрѣчается множество польскихъ словъ, которыя пользовались тогда въ западно-русскомъ языкѣ уже правомъ гражданства даже въ чистой своей польской формѣ, не передѣланной даже на русскій ладъ; напр. кроль, злото, млоденецъ (рядомъ съ обыкновеннымъ русскимъ полногласіемъ), паниць, пани, ктвалтъ, пелкгримъ, працовати, здрадца, эстѣмъ (jestem), эстѣсь, ижемъ ся доведала, ѡ послѣ *ж*, *ш*, *ч* (межы, взямышы, говоречы) и пр. Если же русскій переводъ сдѣланъ съ польскаго подлинника, какъ напр. романъ объ Атилѣ, то русскій текстъ кажется почти простою транскрипціею польскаго со множествомъ неорганическихъ словъ и формъ въ родѣ—кроль, вонтиливый, втаргцене, неогарнены, зацнѣ трыумпы, опатрный, краввое, срокгое, естесмы, поведаломъ (powiedziałem) и пр.; нѣкоторыя слова и формы переведены неправильно или даже совсѣмъ не переведены, такъ какъ переводчикъ ихъ не понималъ;

¹⁾ Обширно въ монографіи П. Владимірова о Фр. Скоринѣ (СП. 1888, см. замѣтки М. Мурка въ Archiv für slavische Philologie XII. 243); срв. „Славяне“ II. 595.

такъ напр. онъ смѣшивалъ польскія *ktore* — которые, которое, *krwawej* — кровавое (о битвѣ, вмѣсто кровавой), перевелъ *siogowu* — крѣпостный (т. е. тоже польское *krnąbrny*), *rostra* — поче-
стность, пыха, и пр. ¹⁾.

Вліяніе польскаго языка проникало все болѣе и въ „русскіе“ переводы библіи, которые дѣлались для простаго народа западно-русскаго ²⁾. Взглядъ на такой „русскій“ языкъ былъ довольно своеобразенъ; переводчики допускали въ этотъ русскій языкъ не только церковный языкъ словѣнскій въ русскомъ и болгарско-волошскомъ изводахъ, а также языки чешскій и польскій. Фр. Скорица изъ Полоцка обращалъ свое вниманіе не только на церковный языкъ словѣнско-русскій, а тоже на языкъ чешскій и, печатая свои библейскія книги въ чешской Прагѣ, руководился текстомъ чешской библіи; на польскій языкъ онъ обращалъ мало вниманія, да и тѣ немногія слова польскія, встрѣчающіеся у Скорины, можно скорѣе считать уже принятымъ достояніемъ западно-русскаго языка начала XVI вѣка ³⁾. Незначительное польское

¹⁾ Эти романы издалъ (изъ познанской рукописи) А. Веселовскій: Изъ исторіи романа и повѣсти (СП. 1888); рукопись и языкъ разсмотрѣлъ А. Брюкнеръ въ *Archiv für slavische Philologie* IX. 345. Въ романахъ о Тристанѣ и Бовѣ встрѣчается тоже нѣсколько сербскихъ словъ: витезь, юнакъ, войшикъ, отокъ, племенита панна (=вроепанна панна), градъ, кралица, белегъ и др. Приводимъ нѣсколько строкъ изъ западно-русскаго и польскаго „Атилы“ (польск. изд. 1574 года въ Краковѣ):

A tak wedle przerzeczonego rachunku ktore się do prawdy więcej stosuje, gdy Atylę kroleм obrano, w ten czas mu było siedm-dziesiąt let i dwie. Stąd się tedy znaczy, iż on w ten czas, gdy Węgrowie z tatarskiej ziemi wyszli, pięćdziesiąt lat miał i dwie. Co wszystko jeśli w jedną liczbę złożysz, pokaże się, że Atyla był żyw lat sto dwadzieścia i cztery.

А такъ водле пререченого рахунку которое ся до прайды болжеи стосуетъ коли Атылю королемъ обрано, втотъ часъ ему было семдесять лѣтъ и двѣ. Оттуль ся тѣды значить ижъ онъ втотъ часъ коли Угрове с татарское земли вышли, пятьдесять мѣлъ лѣтъ и двѣ, што все если въ одну личбу зложишь, покажется же Атыля былъ живъ лѣтъ стодвадцать и чотыры.

²⁾ Срв. „Славяне“ II. 595.

³⁾ См. выше, стр. .

вліяніе на языкъ книгъ Скорины тѣмъ болѣе понятнo, что тогда не было еще польскаго перевода библіи, а рукописныхъ переводовъ нѣсколькихъ библейскихъ книгъ Скорина знать не могъ. Иначе было во второй половинѣ XVI в., когда среди разцвѣтающей польской письменности библія заняла одно изъ первостепенныхъ мѣстъ и могла похвалиться нѣсколькими переводами со стороны католиковъ и протестантовъ. Примѣръ Скорины подѣйствовалъ на двухъ южныхъ Русскихъ, Григорія архимандрита волинскаго монастыря Пересопицы и Михаила Васильевича, сына протопопа изъ Санока; они въ 1556 — 1561 гг. перевели евангеліе „изъ языка бѣлгарскаго на мову рускую для лепшого вырозумленія людю христіанского посполитого“, но совершили свой трудъ довольно оригинально. Переводили они дѣйствительно съ „болгарскаго“ т. е. съ книги извода болгарско-волошскаго (съ сѣвѣшными ерами и юсами), который былъ въ употребленіи тоже на Руси карпатской (краковскія книги Швайполта извода болгарско-волошскаго)¹⁾, но и оставили въ своемъ переводѣ правописаніе болгарско-волошское, которое, конечно, не годилось для южно-русскаго языка; отъ „болгарскаго“ осталось тоже немного словъ церковно-словѣнскихъ (учрѣждение, рождество, глава, дѣщеря, наплѣтити, прѣвѣ, съврѣшена и пр.); къ русскому тексту примѣшаны тоже слова и фразы изъ чешскаго и польскаго евангелій, часто въ скобкахъ какъ-бы синонимы русскихъ словъ; въ самомъ же русскомъ текстѣ встрѣчается много словъ польскихъ, вошедшихъ уже въ русскій языкъ; такъ напр. домъ радецкии або ратушь, владарь (но тоже по-чешски владарь), моць, немоцна, стропа, млоденець, покаръмь, працювати, смакъ, шафовати, зражени, маєтність и др., или какъ синонимы: учрѣжденіе великое (учта або калацѣя—калацыя, пирь, честь), подобѣньство то есть притѣча, господа або подворя, два нѣвезѣ або два галерѣ, два бѣлыи, десять мнась (!) або копъ або гривень або злотыхъ або грошіи, имѣи мене отреченымъ або вымовъ мене, приставникъ або шафарь, гнои (вроды або болячки), съвѣтникъ або нашъ радный, и пр. Кромѣ такихъ польскихъ

¹⁾ См. „Славяне“ II. 572.

словъ или объясненій переводчики прибавляли тоже—изъ чешской библии — чешскія слова, которыя имъ часто больше нравились, чѣмъ польскія, слѣдовали иногда тексту чешскому, иногда тексту польскому (по Новому Завѣту 1556 г.); напр. помаваше имъ (навѣщки давалъ)—*navěštie jim dával*—*mógł mówić do nich*; раслаблень (дною зламаны)—*dnú zlámaný*—*paraliżem zarażony*; абы его оскаржили (обжаловали)—*aby jej obžalovali* — *aby go oskarżyli*; размечу житицу мою (клауно або стодолу) — *zbořím stodoly své* — *pokažę stodoly moje*; з браку (веселя або свадьбы)—*s svatby* — *z wesela*; и глѣдали его межи прироженными и межи знаемыми (чеш. *i hledali ho mezi příbuznými a známými*, пол. *i szukali go między przyrodzonymi i znajomymi*); вышла о немъ повѣсть по всен украинѣ (чеш. *vyšla jest o něm pověst' po všie krajině*, поль. *a sława wyszła po wszystkiej krainie o nim*); мѣру добру и польцу и натопѣтану и потрясеную и зверхомъ опловитымъ—*miarę dobrą a pełną a natłaczoną i potrząsioną i opływającą*; абы теребилъ васъ яко пшеницу—*aby trzebił vás jako pszenicę*—*aby was przesiał jako pszenicę* и пр. ¹⁾).

Нѣсколько лѣтъ спустя землякъ и современникъ переводчиковъ пересопинцакаго евангелія, Лука изъ Тернополя, попытался сдѣлать Ветхій Завѣтъ болѣе понятнымъ „посполитому люду рускаго языка“ и перевелъ Ветхій Завѣтъ въ 1569 г. „по-рускы“ ²⁾. По русскій языкъ тернопольскаго ветхаго завѣта—менѣе народный, чѣмъ языкъ пересопинцакаго евангелія. Лука, употребивъ тоже правописаніе болгарско-волошское, оставилъ церковно-словѣнскій текстъ болѣе нетронутымъ въ формахъ и въ словахъ; онъ пользовался библейскими книгами Скорины, но не списывалъ ихъ, зналъ чешскую библію или ея части (по ческы зеалѣтарь, по ческы присловѣ, по ческому языку учительныа), но самъ чешскій языкъ не повліялъ на языкъ Луки, какъ это было въ языкѣ Скорины; о польской библии — которая въ то время су-

¹⁾ П. Житецкій: Описаніе пересопинцкой рукописи (Кіевъ 1876); вполнѣ издано здѣсь только евангеліе отъ Луки.

²⁾ Срв. „Славяне“ II. 573.

ществовала въ переводѣ католическомъ (краковская 1561) и протестантскомъ (берестьевская 1563) — Лука не упоминаетъ; онъ могъ пользоваться библіею 1561 г., но выполнѣ самостоятельно; о польскомъ вліяніи въ языкѣ Луки трудно говорить, а нѣкоторыя польскія слова, встрѣчающіяся въ языкѣ Луки, вошли тогда уже въ составъ западно-русскаго языка, напр. офѣровати, рѣчь—ges, малженка, змордовати, и др. ¹⁾).

Стремленіе переводить библію или ея части на простой языкъ югозападной Руси продолжалось въ XVI и XVII вв., не безъ сопротивленія со стороны приверженцевъ и защитниковъ словѣнскихъ книгъ церковныхъ. Книжный русскій языкъ югозападной Руси—безъ болгарскихъ, церковно-словѣнскихъ, чешскихъ примѣсей, но съ свойственной ему примѣсью польскою—водворился тоже въ церковной письменности, и на простой русскій языкъ переводились псалтири, евангелія, постилы и др.; нѣкоторые Русскіе считали такія книги даже „польскими“, переведенными съ русскаго на польскій ²⁾. Такіе переводы на простой „подлый“ русскій языкъ стали необходимы, такъ какъ церковный языкъ словѣнскій, „зацифѣйшій, пенквѣйшій, звязнѣйшій, сунтелифѣйшій, достаточнѣйшій“ дѣлался для югозападной Руси все менѣе удобопонятнымъ ³⁾.

Приводимъ здѣсь нѣсколько примѣровъ „русскаго“ языка изъ западно-русскихъ библейскихъ книгъ XVI — XVII вѣковъ, выѣстъ съ текстами чешскимъ, польскимъ и церковно-словѣнскимъ:

Библія Скорины:

Библія Луки:

(изъ книги Судей, 6).

Тогда иде Гедѣонъ и увари козля, и напече хлебовъ пресныхъ съ муки, и вложи мясо въ кошъ и юху влилъ в гор-

Тогда Гедѣонъ вшедши и уварилъ козелца, и опрѣсниковъ напекъ отъ мала мѣки, и мяса накладе в котелець, и по-

¹⁾ Библія Скорины списывалась въ XVI в. и въ южной, карпатской Руси—правописаніемъ русскимъ и болгарскимъ, о чемъ см. Владимірова о Фр. Скоринѣ, 218.

²⁾ Востоковъ, Описаніе рукописей Румянцева, № 335.

³⁾ Срв. „Славяне“ II. 600.

нецъ, и принесе все то подъ дубъ и пода ему. И рече къ нему ангель божии: Возми мясо и хлебы и наклади на оную скалу, и юху на верхъ выли.. И ангель божии зъмизалъ отъ очию его.

ливку зъ мяса вѣлиаль в горнецъ, и принесалъ то вѣсе подъ дуба и офѣроваль ему. И рекль ему аггелъ божіи: Вѣзми мяса и хлѣбы, и положи на тои скалѣ, и поливку на врѣхъ вылѣи.. Тогда аггелъ божіи зникнѣлъ отъ очіи его ¹⁾).

Чешская библия 1506 г. ²⁾: Tehdy šed Gedeon uvařil kozelce, a chlebuov přesných napekl z větele, a masa nakladl v koš, a polévku z masa vliv do hrnce přinesl všecko pod dub, i obětoval mu. Jemužto die anjel boží: Vezi maso a chleby a naklad' na onuho skálu, a polévku svrchu vlij... Tehdy anjel boží zmizel od očí jeho.

Польская библия 1561 г.: Szedszy Gedeon uwarzył kozłatko, i z korca mąki chleba przasnego napiekł, i włożywszy mięso w kosz, polewkę mięsną wylał w garniec, i przyniósł to wszystko pod dąb, i ofiarował mu. I rzekł do niego anioł pański: Weźm to mięso i te przasne chleby, i połóż na onej skale, a zwierzchu polej polewką... A anioł pański zniknął z oczu (!) jego.

Словѣнская библия острожская 1581 г.: Гедеоиъ же вѣи-де и сѣтвори козлище отъ козъ, и четверть ефи муки опрѣсноковъ, и вложи смасомъ въ крошницу, и юху вѣлія въ горнецъ, и изцесе кнему подъ дубъ, о постави. И рече кнему аггелъ господень: Вѣзми мяса и хлѣбы прѣспія, и положи у камени опо-

¹⁾ Съ началомъ I псалма у Луки (см. „Славяне“ II. 573) срв. тоже по западно-русскому переводу псалтири (у Востокова Опис. рукописей Румянцева № 335): Благословенни мужъ, онже не отшолъ въ порадѣ неучастивыхъ, а ни сталъ на дарозе грѣшныхъ, а ни (!) столцу губителскомъ неседель, але в законѣ Господни воля его есть, в томъ же законѣ будетъ ся вѣчилъ день и ночь и будетъ яко дерево саженое ведѣле водъ текущихъ.

²⁾ Тексты чешскій и польскій приводимъ новымъ правописаніемъ.

го, и юху блпзъ проліш... Ангелъ же господень отиде отъ очію его.

Пересопницкое евангеліе: *Евангеліе учительное 1616 г. ¹⁾:*
(отъ Луки, гл. 5).

А онъ стоялъ подлеи езера Генисаретського, и узрѣлъ двѣ лодѣ, который тамъ близько езера стоали а рыболове отишодши отъ нихъ выволоковали мрѣжу. И уступилъ на едину зынихъ, котораа то была Симонова. И просилъ его, абы мало отступилъ отъ землѣ и сѣдючи научалъ съ корабля народы. А коли пересталъ научати ихъ, рекъ къ Симонови: Поступи на глубину и заврѣсте мрѣжу пашу на уловленя рыбъ. А Симонъ отповѣдаючи рекъ ему: Учителю, презъ вѣсю ночь трудилися есмо ся а ничего не поимали, але на слово твое запушу сѣть. А коли тое учинили, множество великое рыбъ загорьнули, ажъ и мрѣжа ся ихъ порывала.

Стоялъ Ісусъ при озерѣ Генисаретскомъ, и обачилъ двѣ лоды, стоячіи при озерѣ, бо рыболове вышедши зъ нихъ полоскали сѣти. А вступивши до одной лоды, которая была Симонова, просилъ его, абы отвезлъ мало отъ землѣ, и сѣдши; училъ зъ лоды людій. А кгда пересталъ мовити, рекъ до Симона: Поступи на глубину а закинте сѣти вашѣ до ловенья. И отповѣдаючи Симонъ рекъ ему: Учителю, цалую ночь, працювавши пѣчогосмо не уловили, але на слово твое запушу сѣть. А кгда то учинили, заняли множество рыбъ великое, ажъ сѣть ихъ падалася.

Чешская библия 1506 г.: A on stál podlé jezera Genezaretského. I uzřel dvě lodie, any stojie podle jezera, a rybáři byli sstúpili a vypierali sieti. Tehda vstúpiv na jednu lodí, kteráž byla Simonova. Prosil ho, aby od země odvezl maličko. A sedě učil jest z lodie zástupy. A když přestal mluvití, řekl k Šimonovi: Vez na hlubinu, a rozestřete sieti své k lovení ryb. A odpověděv Šimon řekl jemu: Příkazateli, přes celú noc pracujícíe nic jsme nepopadli, ale k slovu tvému rozestru sieti. A když to učinili, zahrnuli množství ryb veliké, tak že trhala se siet jich.

¹⁾ Срв. „Славяне“ II. 599.

Польская библия 1561 г.: А он стаѣ при језіерзе Genezaret. I ujѣrzał dwie łodce, kтѣre stały при brzegu, a rybitwi byli z nich wysiedli, i płekali sieci swoje. А wstapiwszy w јedną łodkę, kтѣra była Symonowa, prosił go, aby go maluczko odwiѣzł od ziemi. I siedząc w łodce, nauczał tłuszcze. А gdy przestał mówić rzekł do Symona: Wiedz na głębią, a rozrzućcie sieci wasze, na obłѣw. I odpowiadając Symon rzekł mu: Nauczycielu, całuchną noc працюjąc, niceśmy nie ułowili, ale na twe słowo јeszcze zarzucimy sieć. А gdy to uczynili, zawarli ryb wielką wielkość, tak iż się sieć rwała.

Острожская библия 1581 г.: И тои бѣ стоя при езерѣ Генесаретствѣ, и видѣ два корабли стоаща при езерѣ, рыбаріе же отшедѣше отъ нею плакаху мръжія. Влѣзже въ едінь отъ кораблю, иже бѣ Симоновѣ, моли его отъ земля отступити мало, и сѣдѣ учаше искорабля народы. Якоже преста глаголя, рече к Симону: Поступи въ глубину, и вѣврѣзѣте мрежа ваша вловитву. И отвѣщавѣ Симонъ рече ему: Наставниче, обіиощъ всю трудѣшеся ничесоже ѧхомъ, но глаголуже твоему вѣвергу мрежу. И се сътворше яшя множество рыбъ много, протрѣзашежеся мрежа ихъ.

О характерѣ западно-русскаго языка, книжнаго и народнаго, можно себѣ составить хорошее понятіе по словарямъ церковнаго словѣнскаго языка (русскаго извода) XVI — XVII вв. Лаврентія Зизанія (Лексикъ сирѣчь реченія, вѣкратѣць събранны и изъ словенскаго языка на простый рускій діалектъ истолкованы, въ Вильнѣ 1596) и Памвы Берынды (Лексиконъ славено-росскій, въ Кіевѣ 1627, второе изд. въ Кутеинскомъ монастырѣ 1655), и по рукописному словарю русскаго языка, составленному во второй половинѣ XVII в. въ Кіевѣ по словарю Берынды ¹⁾. Въ числѣ словъ простаго русскаго языка встрѣчается множество польскихъ словъ, принятыхъ въ русскій языкъ вопреки законамъ русской фонетики;

¹⁾ Словари Зизанія и Берынды издалъ вновь (съ ошибками) Сахаровъ: Сказанія русскаго народа (СП. 1849, II); рукописный словарь русскаго языка издалъ Н. Житецкій: Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в. (Кіевъ 1889, приложение).

такъ напр. рядомъ съ обыкновенными русскими полногласными словами: волоцюга, молодой, обороца, пороже, король—употреблялись слова польскія: влочня, млодонецъ, хлоць — хлопецъ, кроль, прожно, бронь; рядомъ съ обыкновенными: възгортитель, полный, толстый—барзо, възгарда, зупеліе, тлустый; слова: кровь, бровь и —кръвавый, крви, брви, трвога, крумбръный (krnąbrny); слова: помочь, честь и —моць, цнота, зацный, учта; къ русскимъ словамъ съ *h* (h) приняты тоже нѣкоторыя польскія съ *g* (g): варкги, вилготность, згелкъ, кгородъ; такъ и польскія слова съ носовымъ звукомъ: пендзный, охендожный, вонтплю, до щенту, дзвенкъ, менжный, ксіонже (но: князь, мужъ, звукъ); слова: малженство, звиязство (польское *zwycięstwo* передѣлано на русскій ладъ), квѣтъ, праца, доцѣпъ, родзай, рядца (rzadca, рядъ—rzad), ольбрымъ-олбрымъ ¹⁾, быдло, опатрный, ростеркъ, albo, кгда, поневажъ, ведлугъ, презъ, завше и пр., много словъ польскихъ, заимствованныхъ изъ латинскаго, нѣмецкаго и др., напр. вѣршъ, вѣишую, гамую, гоноръ, гуфъ, квалтъ, дахъ, деспектъ, друкарня, дяковати, жакгель, жартъ, келихъ, клейноть, коляція, контентъ, ланцухъ, мордерца, офѣра, пелгримъ, примушенье, рада, сакраментъ, смарую, фрасунокъ, пошанованье и пр. ²⁾).

Кромѣ этого усвоенія множества словъ польскихъ, книжники западно-русскіе поддались тоже польскому вліянію въ формахъ,

¹⁾ Берында знаетъ тоже русское слово *велеть* (исполинь=гигантъ, велеть, ольбрымъ); Скорина пишетъ *волотъ*.

²⁾ Берында иногда помѣщаетъ въ словарь и другія славянскія слова, напр.: *пѣтель*, чesки когутъ, воынски пѣвень, литовски пѣтухъ. Берында въ посвященіи „записе урожонымъ и православнымъ паномъ Балабаномъ“ говоритъ между прочимъ: „Широкій и великославный языкъ славенскій, маючи оквитос залеценье не только отъ писемъ богословскихъ и гимновъ церковныхъ, съ еллинского пимъ претлумачонныхъ, але и съ божественныхъ литургій и иныхъ таемницъ, который ся тымъ языкомъ въ Великой и Малой Россіи, въ Сербіи, Болгаріи и по инымъ сторонамъ отправуютъ, ижъ трудности тѣхъ словъ до выразумѣня темныхъ многіи въ собѣ маеть, за чимъ и самая церковь російская многимъ власнымъ сыномъ своимъ въ огиду приходитъ“.

напр. на мѣстцу (вмѣсто:—цѣ, —ці), естемъ, даемъ, далесь и пр.; наконецъ синтаксисъ книжнаго западно-русскаго языка тѣсно примыкаетъ къ польскому, такъ что русскій текстъ кажется часто простымъ переложениемъ польскаго. Такъ это было въ книжномъ языкѣ всей югозападной Руси, не смотря на нѣкоторыя особенности этого языка въ Руси западной (Бѣлой) и въ Руси южной (Малой), напр. формы бѣлорус. хотечи и малорус. хотячи ¹⁾. Это громадное вліяніе польщины на западно-русскій языкъ измѣнило его до такой степени, что его считали просто нарѣчіемъ польскимъ ²⁾. Польское вліяніе въ книжномъ малорусскомъ языкѣ исчезаетъ въ немъ съ конца XVII и начала XVIII в., по мѣрѣ возвышенія великорусскаго племени. Москва и Петербургъ поднялись выше Кіева не только въ отношеніи политическомъ, а также въ отношеніи литературномъ и культурномъ. Это великорусское литературное и культурное движеніе становилось общерусскимъ, и въ немъ стали участвовать тоже многіе западные и южные Русскіе ³⁾.

Распространеніе польской культуры на всю югозападную Русь отъ карпатскихъ горъ далеко на сѣверъ и на востокъ за Двину и Днѣпръ, ополяченіе всѣхъ высшихъ сословій, всей интеллигенціи той Руси,—фактъ важный въ исторіи народа польскаго. Поляки, отраженные на западѣ Пѣмцами отъ Одры и балтійскаго моря, бросились на востокъ—на Русь, и скоро успѣли здѣсь водворить свое политическое и культурное господство. „Ляхами“ сдѣлалась русская шляхта, принявшая католицизмъ, который сталъ синонимомъ полонизма; къ такимъ Ляхамъ присоединилась тоже униатская шляхта, такъ какъ униа была только преддверіемъ католицизма; но такими же „Ляхами“ въ отношеніи политическомъ и отчасти національномъ (*gente Rutheni natione Poloni*)

¹⁾ О книжномъ языкѣ малорусскомъ срв. часто упоминавшееся сочиненіе П. Житецкаго.

²⁾ Срв. выше, стр. 228, и мысли Крижанича („Славяне“ II. 330).

³⁾ Срв. А. Пышина, Исторія славянскихъ литературъ I. 349. срв. „Славяне“ II. 472 и слѣд.

дѣлалась тоже православная шляхта русская, примкнувшая къ политическому и соціальному строю польскому; она, благодаря воспитанію въ латинско-польскихъ школахъ, постояннымъ сношеніямъ съ польскою шляхтою, пребыванію при дворѣ и на сеймахъ, рѣшительному вліянію литературы латинской и польской — которыя просто подавляли незначительную русскую литературу — проникалась все болѣе польскимъ шляхетскимъ духомъ, стала все болѣе дорожить привилегированнымъ положеніемъ шляхетскаго сословія относительно презрѣнныхъ мѣщанъ и хлоповъ, принимать польскіе обычаи, одежду и пр. Вся эта шляхта русскаго происхожденія заговорила на польскомъ языкѣ, оставляя свой родной русскій языкъ только для хлоповъ; да и этотъ русскій языкъ, вслѣдствіе господства и многосторонняго вліянія польщины, скоро сдѣлался какимъ-то безформеннымъ организмомъ, къ которому все болѣе прививались неорганически польскія слова, польскій слогъ, польско-латинскіе макаронизмы, такъ что такой русскій языкъ представлялъ скорѣе какую-то помѣсь русско-польскую, мало отличавшуюся отъ польскаго языка. Такія же перемѣны происходили и въ русскомъ униатскомъ духовенствѣ, именно въ высшемъ, и въ мѣщанствѣ; всѣ эти русскіе униаты: епископы, протоіерей, архимандриты, мѣщане, старались подражать польскому духовенству и мѣщанству, стали принимать польскіе нравы, говорить и писать по-польски, забывая свой родной языкъ, или впадѣя имъ недостаточно, испещряя его полонизмами и макаронизмами. Даже православное духовенство и мѣщанство, крѣпко держась своей „русской вѣры“, поддавалось, подобно православной шляхтѣ, польскому духу, образованію, языку. Если бы удалось Польшѣ вполне уничтожить въ принадлежавшей ей Руси православіе, повсюду ввести унию, какъ временное учрежденіе, имѣющее въ виду полное торжество латинскаго польскаго католицизма, если бы польская и ополяченная шляхта и польское духовенство признавали бѣольшую общность интересовъ своихъ и интересовъ русскихъ хлоповъ, православныхъ и униатскихъ, если бы не сохранился въ Польшѣ соціальныи дуализмъ даже въ области религіи — „вѣры панской, польской“ и „вѣры хлопской, русской“: то несомнѣнно вся югозападная Русь, а не только шляхта, ополячилась бы, всѣ

русскія земли по Днѣпру, Днѣпру и Двинѣ заселились бы новы-
жи Ляхами, и Русь Червоная, Малая и Бѣлая сдѣлались бы такою
же Польшею и въ отношеніи національномъ, кокою были Польша
Малая и Великая, Поморье и Мазовія.

Но вышло иначе: проектъ объ уничтоженіи Руси въ Польшѣ
1717 г. не осуществился, русскіе униатскіе хлопы остались
Русью, а православные русскіе хлопы съ своими „схизматическими
попами“ тоже не вывелись въ Польшѣ. Русский вопросъ въ
Польшѣ остался не рѣшеннымъ. А между тѣмъ въ сосѣдствѣ
Руси Малой и Бѣлой усиливалась Русь Великая, взялась за соби-
раніе русскихъ земель, стала вытѣснять Польшу изъ Руси Малой
и Бѣлой, и такимъ образомъ возстановлять русский характеръ той
югозападной Руси по Днѣпру и Двинѣ, ломать всѣ искусственныя
преграды, воздвигнутыя Поляками съ цѣлью разлучить, разъеди-
нить, сдѣлать другъ другу чуждыми и посорить Русь югоза-
падную и сѣверовосточную.

Ополяченіе высшихъ сословій и интеллигенціи югозападной
Руси состоялось вълѣдствіе силы польской государственности и
западно-европейской культуры въ латинско-польскомъ ея видѣ¹⁾.

¹⁾ Говоря о торжествѣ культуры западно-европейской надъ
восточно-европейской, мы разумѣется, не намѣрены восхлипывать
первою и осуждать вторую. Значеніе „культуры“ вообще условно;
такъ и западно-европейскую культуру и христіанство съ его высоко
гуманнымъ характеромъ безграничной любви къ ближнимъ „укра-
шали“ до недавна фанатическіе походы противъ всякой свободы на-
учныхъ изслѣдованій при полнѣйшемъ ничтожествѣ псевдо-учепаго
пустословія (срв. Коперникъ и Галилей, гг. профессора Саламанки
и Колумбъ), постыдное рабство, мученія и пытки во имя „права“
глубокомысленно толкуемаго властью свѣтскою и церковною (ин-
квизиціею), дикіе крики и драки, войны и рѣзни „правовѣрныхъ“,
„кривовѣрныхъ“, „невѣрныхъ“ (срв. варшавскую ночь, повсе-
мѣстное избиеніе Жидовъ), пылающіе на кострахъ „чародѣи“, „вѣдь-
мы“, „еретики“, „невѣрные“ и другіе „сыны и дочери дьявола“ въ
западной и средней Европѣ (напр. Гусъ и Іеронимъ Пражскій,
Іоанна Д'Аркъ, Савонарола и Джордано Бруно, Серветъ) и въ Польшѣ
(напр. гуситскіе священники, Екатерина Мальхеръ, Лыщинскій)

Руководящіе кружки югозападной Руси, не обладая достаточными средствами для борьбы съ тою и другою силою Польши, долго не имѣя надежной опоры въ Великой Руси, поддались наконецъ польскому вліянію до такой степени, что сами обезличивались и дѣлались Ляхами. Это было несомнѣнно въ пользу народности польской; а съ другой стороны отъ такого распространенія латинско-польской культуры народность русская не выиграла, а проиграла. Эта культура отзывалась зловредно на русской народности, ослабляя и разлагая ее, лишая ее коренныхъ началъ, отнимая у нея высшія сословія, интеллигенцію, отчуждая ихъ отъ народныхъ массъ.

Итакъ, западно - европейская культура, прививаемая покоренной Ляхами Руси посредствомъ господствующей въ ней польской государственности и образованности, приносила польской народности пользу, а русской—вредъ. Польская государственность, латинско-польская культура, католицизмъ, униа — все это были только средства для главной цѣли, т. е. ассимиляціи, колонизаціи югозападной Руси, цѣли вполне понятной у польскаго народа, который за всѣ свои потери на опѣмчивающемся западѣ, искалъ и нашелъ вознагражденіе на востокѣ, въ русскихъ земляхъ. Западно-европейская культура сама по себѣ, конечно, и Руси не опасна и не вредна, а напротивъ полезна, но только въ такомъ случаѣ, когда она прививалась самостоятельной Руси и подчинялась господствующей русской народности и государственности, когда чужіе, не русскіе проводники той культуры вынуждены были служить всецѣло не интересамъ своей народности, а интересамъ народности русской, ея исмилировать, способствовать ея развитію и укрѣпленію. Такъ это было въ Великой Руси при Петрѣ Великомъ, такъ это было и въ присоединенныхъ къ русской имперіи частяхъ Руси Бѣлой и Малой.

и пр. И всѣ эти мерзости и звѣрства прославлялись еще какъ богоугодные подвиги вѣры—*auto da fé, actus fidei!* Всѣ эти „украшенія“ западно-европейской цивилизаціи—чѣмъ же отличаются отъ по-

*Отрывокъ изъ главы о церковной уніи *).*

Унія сдѣлалась настоящею хлопскою вѣрою русскою; почти вся шляхта давно ее замѣнила латинскимъ католицизмомъ, подобно тому какъ она давно замѣнила свою русскую народность польскою, обратилась въ Ляховъ. Но эта хлопская „русская“ унія—униженная, преклоняющаяся передъ пышнымъ зданіемъ шляхетскаго польскаго католицизма, все-таки безпокоила цѣлоторыхъ Поляковъ: унія, не смотря на свое униженное положеніе, была вѣрою „русскою“, а интересы Польши требовали, чтобъ эта униатская Русь исчезла, подчинившись вполне Ляхамъ и латинско-польскому обряду. Въ началѣ XVIII в. одинъ неизвѣстный Полякъ думалъ объ уничтоженіи даже этой уніи и о замѣнѣ ея чистымъ латинскимъ обрядомъ, и этотъ свой проектъ „na zniszczenie Rusi zjednoczonéj“ представилъ даже сейму 1717 г., хотя безъ успѣха. Чтобъ уничтожить унію—разсуждаетъ авторъ этого проекта — оставшаяся русская шляхта, униатская и тѣмъ болѣе схизматическая, не должна быть допускаема до „урядовъ“; Поляки должны сторониться Русскихъ и всевозможно унижать и поносить русскую унію и униатовъ, матеріально и умственно ихъ разорать, довести русское мѣщанство и духовенство до крайней нищеты и униженія, не допускать въ городахъ употребленія officialнаго русскаго языка и требовать употребленія польскаго, запрещать хлопамъ учиться и пр.; если же простой народъ въ Украинѣ, Волинѣ и Подольѣ возстанетъ, то, въ случаѣ если польскія войска не были бы въ состояніи подавить такое возстаніе,

добныхъ явленій на востокѣ, костры Гуса и Савонаролы отъ костровъ митрополита Гераσιма, М. Башкина и пр.? Мѣткія слова поэта: Das schrecklichste der Schrecken ist der Mensch in seinem Wahn—относятся одинаково къ людямъ и народамъ „культурнымъ“ и „некультурнымъ“.

*) Это—все что авторъ успѣлъ написать (вѣроятно конецъ?) изъ заключительной главы о церковной уніи. Сюда же вошло бы—надо думать — и обзоръніе польско-русскихъ политическихъ сношеній въ XVII и XVIII вв. *Ред.*

этихъ Русскихъ выдать Татарамъ, а русскія земли заселить народомъ польскимъ и мазовскимъ. Россія (Москва) не будетъ-де мѣшать, такъ какъ и она ненавидитъ униатовъ, да и кромѣ того можно ее надуть. Такимъ образомъ уничтожится униа и всѣ русскіе униаты сдѣлаются римскими католиками, и Польша окажется заселенною однороднымъ населеніемъ, приобрететъ силу и могущество, а Москва будетъ ослаблена и не будетъ угрожать Польшѣ: „Tymi i tym podobnymi stopniami z Ruśnakami postępując, ten niewątpliwy w czasie odbierzemy pożytek, że lud królestwa polskiego w zobopólnej miłości, zgodzie i jedności zostawać będzie, że Polska szacowniejsza, mocniejsza i postronnym straszniejsza stanie się, że religia rzymska katolicka, więcej jak mil 160 wszere i wzdłuż zakwitnie, słowem, że wszyscy mocni i ocaleni zostaniemy. Jako Ruś w swoim zostawiona obrządku, lub za oderwaniem się od moskiewskiej schyzmy lub za powróceniem do tejże, zdała by się grozić upadkiem Polsce, tak gdy ją przemienimy na Rzymian, odbierzemy najprzód nadzieję Moskalom jej odzyskania, potym, ściśle z nami złączoną, uczynimy Moskwie nieprzyjazną“... Москву можно надуть, показывая ей пріязнь... „Moskwa, będąc nam przyjazną, przyjacielskich naszych kroków, do jakiego zamierzają celu, uważać nie będzie, i rzeczy bez przeszkody swoim pójdą porządkiem, im z większym naszym zmocnieniem, tym znacniejszym Moskwy i całej Rusi osłabieniem“.

„Проектъ уничтоженія униатской Руси“ всплылъ на поверхность публичной жизни еще одинъ разъ, именно уже во время распаденія польской Рѣчи посполитой. Въ 1786 г. шляхта южнорусскихъ земель, сама происхожденія русскаго, но давно уже католическая и польская, рекомендовала сейму опять уничтоженіе униатскаго обряда своихъ русскихъ подданныхъ и обращеніе ихъ прямо въ римскихъ католиковъ; всѣ эти русскіе хлопы, подданные и служащіе своимъ католическимъ польскимъ панамъ, должны съ ними же соединиться и въ обрядахъ, календарѣ и пр. и освободиться отъ своихъ неучоныхъ и простыхъ поповъ, и такимъ образомъ должно водвориться согласіе въ единствѣ. По этотъ курьёзный „Głos obywatelów województw i po-

wiatów ruskich do zgromadzonych obywatelów na sejmiki przedsejmowe i do stanów na sejm zebranych w r. 1786“ вызвалъ протестъ въ средѣ униженнаго русскаго униатскаго духовенства. Самъ униатскій митрополитъ Смогоровскій, разбирая этотъ „голосъ“ ополяченной южнорусской шляхты, замѣчаетъ между прочимъ, что простой людъ русскій, хотя и подданный паповъ, участвовалъ въ рѣзни украинской и еле подавленъ могущественною силою Россіи; а что касается мнѣнія авторовъ этого „голоса“, будто можно принудить народъ къ перемѣнѣ обряда или что онъ не примкнетъ къ не-уніи, то на это очень мало надежды. Изъ среды униатской Русси раздавались, по поводу этого „голоса“, разные возгласы, въ которыхъ выражался старинный антагонизмъ Русси и Ляховъ съ большею и меньшею силою. Пусть униатскіе іерархи — говоритъ одинъ униатъ — обратятъ вниманіе на такіе планы шляхты, жаждущей ихъ имуществъ и мести надъ Русью; уже не-униаты обратились въ своихъ нуждахъ къ Россіи, — что-же мѣшаетъ и униатамъ искать покровительства у Императрицы Русской, которую Польша признала Императрицею всей Россіи и тѣмъ самымъ и покровительницею всей Русси? — *jeśli się udacie do wysokiej protekcyi Najjaśniejszej Monarchini, niezwyciężonej Cesarzowej Rossyjskiej, pełnej laskowości na wszystkich, którą wszakże Najjaśniejsza Rzecz Pospolita uznała całej Rossyi Imperatorową a tym samym wszystkiej Rusi protektorką*“. Другой русскій униатъ въ отвѣтъ на тотъ „голосъ“ разбираетъ его довольно подробно и ѣдко, называя его подкидышемъ темнаго суевѣрія, не знающаго истинной основы ни религіи, ни политики благоустроеннаго государства. Въ древней Польшѣ — разсуждастъ авторъ отвѣта — греческо-русская религія не терпѣла никакихъ преслѣдованій, униженія и насмѣшекъ, и ради нея не было въ отечествѣ никакихъ ссоръ и смутъ. Унія въ концѣ XVI в. не принята всею Русью, а началась травля и вражда между Русью униатскою и неуниатскою; римское духовенство и его приверженцы охотно участвовали въ этой ссорѣ и травлѣ, радуясь тому, что удалось обратить Русскаго противъ Русскаго и что такимъ образомъ они сами другъ друга загубятъ — *puść Rusina na Rusina, a tak sami się*

wygnębia. Русская шляхта приняла изъ-за политическихъ выгодъ римскій обрядъ, названіе „Русскій“ сдѣлалось чуть не синонимомъ „хлопа“, а унія презрѣнною „хлопскою вѣрою“ — *po dziś dzień w szkołach nawet, urągają się z Rusinów, ruska wiara — chłopska wiara, Ruthenus et Rusticus idem sonat* ¹⁾. Уничтоженіе униатской Руси и обращеніе ея въ римскихъ католиковъ предлагалъ уже въ началѣ XVIII в. неизвѣстный авторъ „проекта“ 1717 года. Но это униженіе русской унии не принесло Польщѣ никакой пользы, а преслѣдованіе русской религіи, которая вопреки конститутціямъ называется схизмою, дало поводъ къ кровавымъ козацкимъ возстаніямъ. Напрасно авторы „голоса“ ожидаютъ отъ уничтоженія унии и побѣды римскаго католицизма на Руси „согласія въ единствѣ“, и жаль, что они не прибавили, чтобъ хлопы украинскіе учились-де говорить по-мазовски; ибо такимъ образомъ было бы согласіе въ предлагаемомъ ими единствѣ большее. Поселяне русскаго униатскаго обряда едва-ли могутъ быть припеволены къ принятію римскаго обряда безъ возстанія, а тотъ „голосъ“ не шумъ вѣтра тихаго, а вѣтеръ большой и сильный, разваливающій горы и раздробляющій скалы. А что-же послѣ уничтоженія униатовъ дѣлать съ не-униатами и диссидентами, которые пользуются сильнымъ покровительствомъ сосѣднихъ державъ; и какъ же миліонамъ сельской Руси запретить, если не захотятъ принять латинскій обрядъ, вернуться къ не-унии? ²⁾.

Авторы разныхъ этихъ проектовъ объ уничтоженіи униатской Руси и объ ея обращеніи въ римско-католическихъ Ляховъ ошиблись въ одномъ только: Россія или, какъ они ее называютъ,

¹⁾ Срв. выше стр. 197 въ Подляшѣ (1501) „Rusin“=chłop!

²⁾ Разные эти акты помѣщены въ историческихъ запискахъ о событіяхъ на Волынѣ и Подольѣ 1798 г. Θεοδοσία Бродовича, униат. священника луцкаго: *Widok przemocu na słabą niewinność srogo wywartéj* (изд. во Львовѣ 1861—62, и въ московскихъ Читеніяхъ 1868—1869, съ русскимъ переводомъ). См. тоже *Supplementum ad histor. Russiae monumenta*, 221; Документы объясняющіе исторію западно-русскаго края; срв. *Jekel Polens Staatsveränderungen* III. 132, S. Załęski: *Ojcowie jezuici we Lwowie*, p. 80.

„Москва“ вовсе не была такою, какъ они себѣ ее воображали, и очень трудно, да и невозможно было „надуть“ сильное государство русское, которое — благодаря цѣлому ряду мудрыхъ государей и ихъ совѣтниковъ—въ теченіе многихъ вѣковъ стремилось неуклонно къ одной завѣтной цѣли, къ осуществленію законнаго титула своего царя „всея Руси, Великой, Малой и Бѣлой“.

Одинъ изъ униатскихъ Русскихъ, Θεодосій Бродовичъ ¹⁾, наблюдая тогдашнее настроеніе Поляковъ въ отношеніи къ Руси вообще, уже наканунѣ паденія Польши, задаетъ себѣ вопросъ, откуда взялась такъ сказать врожденная ненависть въ средѣ одного славянскаго народа въ Польшѣ, именно между Поляками и униатскою Русью; да даже какъ только Русскій переходитъ къ римскому обряду, онъ сейчасъ начинаетъ смотрѣть на своего брата Русскаго-униата изъ-подлобья, его ненавидѣть и преслѣдовать. Шляхта русскихъ земель, покинувши русскій обрядъ, болѣе благопріятствуетъ протестантамъ и жидамъ, чѣмъ Русскимъ, соединеннымъ съ нею религіею, родиною и происхожденіемъ. Если во время подчиненія Руси царьградскому патріархату распространялась между Славянами взаимная вражда, то къ этому по крайней мѣрѣ существовалъ предлогъ, т. е. разница главы церкви; но послѣ отдѣленія Руси въ Польшѣ отъ главенства царьградскаго патріарха и соединенія ея съ Римомъ, такая вражда и ненависть просто непонятны; одна разница обряда или войны Поляковъ съ Русью ея не объясняютъ. Поляки не пожелали, рядомъ съ тремя областями—Великою Польшею, Малою Польшею и Литвою, учредить четвертую, Русь, и на всѣ требованія съ презрѣніемъ отказали—чтобъ Русскій зналъ, что онъ не достоинъ занять мѣсто въ гражданскомъ обществѣ равноправно съ другими—*żeby znał Rusin, iż w cywilnym społeczeństwie równie z innemi mieścić się nie godzien*. Вѣковая вражда и ненависть католической шляхты и духовенства (и иезуитовъ) къ Руси, даже униатской, не происходитъ отъ одного пезнація. Униатская Русь, ли-

¹⁾ См. выше, предыд. стр., прим.

шенная на всегда въ своей землѣ правъ и привилегій, напрасно ссылается на свою вѣрность, послушаніе, подданство, постоянство въ униі; никогда ей не повѣрятъ. Ея судьба всегда печальна: Полякъ будетъ преслѣдовать Русь въ томъ убѣжденіи, что она благопріятствуютъ Москвѣ, а Москвитянинъ сдѣлаетъ то же самое потому, что она — униатская. Причина такой ненависти стѣдующая: Русь, хотя и униатская, все-таки вѣтъ того дерева, въ которомъ усмотрѣли ядъ; она принадлежитъ восточной церкви, которая дерзнула когда-то состязаться и сравниваться съ церковью западною. Вотъ непростительный грѣхъ Руси!

IV.

ЧЕХИ И ПРАВОСЛАВНЫЕ СЛАВЯНЕ. *).

Великую мысль возымѣли моравскіе Мойміровичи, когда они, стремясь къ полному освобожденію своего государства изъ-подъ нѣмецкаго вліянія, обратились въ Царьградъ и призывали оттуда апостоловъ вѣры Христовой вмѣсто жадныхъ нѣмецкихъ епископовъ и священниковъ. Прекрасно стало развиваться словѣнское богослуженіе въ Моравѣ, откуда оно распространялось и въ со-сѣднія славянскія земли, въ Чехію, въ полабскую Сербію и къ южнымъ Ляхамъ; оно процвѣтало и въ Паноніи, проникало къ Славянамъ адриатическимъ, къ Хорватамъ, къ Сербамъ, и къ Словѣнамъ въ Болгаріи и въ подунайскихъ странахъ. Римскій патриархъ или папа, къ епархіи котораго принадлежали западнославянскія страны, относился сначала благосклонно къ словѣнскому богослуженію. Можно было надѣяться, что всѣхъ Славянъ соединитъ одно вѣроисповѣданіе, а также одинъ языкъ — надежда тщетная! Моравское государство погибло, Угры раздѣлили Славянъ, и западные Славяне вынуждены были примкнуть къ Нѣмцамъ и къ латинскому Риму; отъ словѣнскаго богослуженія уцѣлѣли тамъ только остатки, да и тѣ скоро исчезли вслѣд-

*) Эта глава, очевидно не конченная и не отдѣланная, написана авторомъ по всѣмъ признакамъ значительно ранѣе предыдущей (въ 1886 г.?). Онъ соби-рался ее обработать, принявъ во вниманіе новыя изслѣдованія по разбирае-мымъ ею вопросамъ (напр. Пальмова—о сношеніяхъ Гуситовъ съ восточною цер-ковью, Д. Цвѣтаева—о Рокитѣ etc.). Ред.

ствіе латинско-нѣмецкой вражды. Когда основана епископія въ Прагѣ (973 г.), то папа прямо потребовалъ, чтобъ епископія была латинская, а не по обрядамъ или сектѣ болгарскаго или русскаго народа или словѣнскаго языка. Латинское духовенство въ Чехіи, въ Моравѣ и Словенщинѣ стремилось къ истребленію словѣнскаго богослуженія, какъ оно это дѣлало и въ другихъ странахъ. Главное участіе въ разрушеніи труда апостоловъ Константина и Меѳодія среди западныхъ Славянъ приписывали на Руси еще въ XV в., несомнѣнно по болѣе древнимъ извѣстіямъ, второму пражскому епископу Войтѣху: этотъ латинскій епископъ разрушилъ-де правую вѣру въ Моравѣ, у Чеховъ и у Ляховъ, отвергъ русскую (т. е. словѣнскую) грамоту, и поставилъ латинскую вѣру и грамоту, а правой вѣры епископовъ и поповъ перебилъ или разогналъ ¹⁾.

Но словѣнскій языкъ въ богослуженіи не исчезъ въ Чехіи тотчасъ послѣ побѣды латинскаго; еще сто лѣтъ спустя послѣ учрежденія пражской епископіи чешскій князь Вратиславъ и народъ любили словенское богослуженіе къ большому негодованію папы. Только съ исчезновеніемъ словѣнскаго монастыря Сазавскаго исчезло и словѣнское богослуженіе въ Чехіи, и Чехи привыкли потомъ смотрѣть на православныхъ христіанъ, Грековъ ли, или Славянъ, съ римско-латинской точки зрѣнія. Греки, Болгаре и Рашане (Сербы) были для Чеховъ „схизматики — роздвоенцы“ (какъ выражается король Премысль Отакаръ II), Русскіе „неутвержденные“ (какъ они называются въ чешской Александреидѣ), и сравнивались чуть ли не съ Татарами, Бесерманами, Литовцами, босенскими Патарепами и пр.

¹⁾ См. приписку къ канонскому житію св. Константина по рукописи XV в. въ москов. Чтеніяхъ 1860-хъ гг., *Fontes rerum bohemicarum* I. 38). Войтѣху приписывалось на Руси то, что вообще случилось въ Моравіи послѣ смерти св. Меѳодія (*Fontes rer. bohém. I. 90*, срв. *Časopis Česk. Mus.* 1881, 286) и въ Чехіи въ XI в. въ Сазавскомъ монастырѣ, какъ это описываютъ Сазавскій монахъ и біографъ св. Прокопія (*Fontes rer. bohém. II. 250, I. 349*). Срв. *Будиловича: Очерки изъ церковной исторіи западныхъ Славянъ. Епископъ Войтѣхъ* (Варшава 1880).

Ошибочно мнѣніе, будто въ Чехіи сохранились тайкомъ остатки словѣнскаго богослуженія до гуситскаго движенія, которое будто-бы выросло на основаніи тѣхъ словѣнскихъ преданій. Это мнѣніе не основывается ни на какихъ достовѣрныхъ современныхъ извѣстіяхъ, и пущено въ обращеніе только нѣкоторыми некритическими лѣтописцами чешскими XVI и XVII вв., со стороны уtrakвистовъ и чешскихъ братьевъ ¹⁾. Гуситство имѣло совер-

¹⁾ По ихъ примѣру утверждаютъ это тоже нѣкоторые новѣйшіе русскіе историки: *Еламинъ* (Объ исторіи Чехіи Палацкаго 1848), *Новиковъ* (Православіе у Чеховъ 1848, Гусъ и Лютеръ 1859), *Клевановъ* (Очеркъ исторіи чеш. вѣроиспов. движенія, въ Читеніяхъ М. О. И. Д. 1869 — 1875), *Надлеръ* (Причины оппозиціи католицизму въ Чехіи 1864), *Бильбасовъ* (Чехъ Янъ Гусъ 1869), *Гильфердингъ* (Гусъ и его отношеніе къ православной церкви 1871), *Невоструевъ* (въ сборникѣ Rad jugoslav. akademije 21), *Ламанскій* (Славян. Сборникъ 1875, I. 549). Но всѣ эти мнѣнія опровергаетъ *Васильевъ*: Причины и характеръ чешскаго религіознаго движенія (Журналъ Минист. Нар. Просв. 1876, июль, августъ); съ нимъ согласенъ *Пальмовъ*: Вопросъ о чашѣ въ гусит. движеніи (1881) *). Срв. *Kalousek*: O historii kalicich v dobách předhusitských (1881), и въ *Časopis Česk. Musea* 1882, стр. 90; *Goll* (contra Denis) въ *Časopis Č. M.* 1878, стр. 590. — О „православіи“ у Чеховъ (Моравіянъ и Словаковъ) можно говорить только съ извѣстнымъ ограниченіемъ. Ученіе, обряды, книги, приписанныя Константиномъ и Меѳодіемъ къ западнымъ Славянамъ, были, конечно, православныя, церкви восточной, греческой; но съ другой стороны не слѣдуетъ забывать, что тогда расколъ обѣихъ церквей, восточной и западной, не былъ еще упроченъ, и что Константинъ и Меѳодій дѣйствовали „въ области св. Петра“, въ области римской патріархіи, и что они признавали римскаго патріарха своимъ духовнымъ начальникомъ.

*) Въ рукописи здѣсь есть отмѣтка автора на поляхъ — со ссылкой на статью г. Пальмова въ „Христ. Читен.“ за 1889 г.: „Къ вопросу о сношеніяхъ Чеховъ-Гуситовъ съ восточною церковью въ пол. XV в.“, въ которой г. П. разсуждаетъ, что выступая съ возраженіями противъ названныхъ ученыхъ, онъ „не отрицалъ приводимыхъ ими въ защиту своего положенія фактовъ и даже нѣкоторыхъ объясненій ихъ, но высказывался только противъ крайностей выводовъ, по которымъ гуситское движеніе представляется незаконнымъ и вполне сознательнымъ стремленіемъ Чеховъ къ православному востоку“, что онъ однакожь при-

шенно другія причины; оно началось оппозиціей нѣкоторымъ злоупотребленіямъ въ католической церкви, а кончилось отдѣленіемъ чешской гуситской церкви отъ римской, и возникновеніемъ разныхъ религіозныхъ обществъ, начиная умѣренными чашниками и кончая радикальными Таборами и пантеистами — Адамитами.

Чехи, начиная свою оппозицію Риму и ведя потомъ упорную борьбу съ нимъ, обратили свое вниманіе и на другую половину христіанства, на церковь восточную или греческую, на тѣхъ „схизматиковъ“ (какъ ихъ называла римская церковь), по большей части Славянъ. Гуситскіе Чехи, освобождаясь все болѣе изъ-подъ власти Рима и наконецъ вполне порвавъ съ нимъ сношенія, стали смотрѣть на православную церковь иначе, чѣмъ ихъ предки. Также и причащеніе подъ обоими видами—обычай, соблюдавшійся и въ западной церкви довольно долго, но потомъ запрещенный—постоянно напоминало гуситамъ восточную церковь, въ которой оно всегда оставалось въ употребленіи. Гусъ, занимаясь разными богословскими вопросами, обращалъ вниманіе и на греческую церковь, хотя онъ не имѣлъ о ней всегда вѣрныхъ свѣдѣній; онъ не думалъ, что Греки, хотя и не признаютъ главенства папы, прокляты, и предполагалъ, что Греки и Латиняне могли бы согласиться и относительно исхожденія св. Духа ¹⁾. Было бы любопытно узнать, почему тогда, именно когда Гусъ писалъ свое сочиненіе „о церкви“, его довѣренный другъ магистръ *Иеронимъ* изъ Праги путешествовалъ въ Польшу и дальше на Русь, гдѣ онъ отнесся очень дружелюбно къ православной

¹⁾ Срв. Гильфердинга: Гусъ, его отношеніе къ православной церкви (Спб., 1871). О „греческой вѣрѣ“ могли тогда Чехи узнать кое-что и въ описаніи путешествій Мапдевиля, переведенномъ по-чешски Лавренгіемъ изъ Брезовой (*Výbor z literatury české* II. 598).

знаетъ важнымъ факторомъ въ чешской реформаци—„первоначальное кирилло-мсеодіевское православіе Чеховъ, которое, не смотря на торжество надъ нимъ латинства, таилось здѣсь въ исторической обстановкѣ какъ преданіе“ и проч. Дѣлая ссылку на эту статью Пальмова, авторъ вѣроятно собирался видоизмѣнить это мѣсто своего примѣчанія, а быть можетъ кое-что и въ самомъ текстѣ своемъ. *Ред.*

вѣрѣ. О цѣли этого путешествія Іеронима не извѣстно ничего достовѣрнаго; можетъ быть, что онъ его предпринялъ по внушенію Гуса,—можетъ быть, что онъ, познакомившись почти со всей западной Европой, пожелалъ узнать также славянскій востокъ.

Весной 1413 г. Іеронимъ былъ въ Краковѣ, и здѣсь онъ своими рѣчами, несомнѣнно богословскаго содержанія, произвелъ среди духовенства и народа такое возбужденіе умовъ, какого не помнили въ краковской епархіи; но простой народъ польскій — утѣшался епископъ краковскій — не былъ въ состояніи понять ученіе такого философа, а еще меньше Литва и Русь ¹⁾. Черезъ нѣсколько дней Іеронимъ отправился дальше на Литву къ великому князю Витовту, и сопровождалъ его по Литвѣ и Руси. Описание этого путешествія представляемъ здѣсь по обвиненію Іеронима инквизиторомъ на Констанцскомъ соборѣ.

„Въ русскомъ краѣ существуетъ многолюдный городъ *Витебскъ*. Въ этомъ городѣ жители по большей части Русскіе или схизматики, придерживающіеся греческой секты, во многомъ уклоняющіеся отъ христіанской (т. е. католической) вѣры и заблуждающіеся. Въ этомъ городѣ есть соборная церковь русскаго закона, и существуетъ также монастырь францисканцевъ, живущихъ по закону истинныхъ христіанъ (т. е. католиковъ). Въ 1413 г., въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, князь Витовтъ, двоюродный братъ короля польскаго, прибылъ въ Витебскъ съ большимъ войскомъ и свитою, въ числѣ которой находился *Іеронимъ Пражскій*. Монахи и благочестивые христіане вышли на встрѣчу къ князю съ процессіей и хоругвями и священными мощами. А Русскіе или схизматики—съ ихъ превратными мощами и иконами, по своему проклятому обычаю, проклятою своею процессіею вышли также на встрѣчу князю и приняли его при вѣздѣ. Іеронимъ же во время вѣзда, покинувъ и презрѣвъ процессію монашествующихъ братій и христіанъ (т. е. католиковъ), пошелъ къ процессіи Рус-

¹⁾ Documenta M. J. Hus, 506. По этому письму епископа Іеронимъ говорилъ въ Краковѣ, что онъ приглашенъ королемъ Владиславомъ и Витовтомъ; но епископъ отрицаетъ это, по крайней мѣрѣ относительно короля.

кихъ, схизматическихъ и невѣрныхъ людей. И тамъ, въ присутствіи четырехъ или пяти тысячъ человѣкъ обоого пола, преклонивъ колѣна, онъ сталъ поклоняться превратнымъ мощамъ и образамъ невѣрныхъ, схизматиковъ и Русскихъ, явно и публично обращаясь къ сектѣ тѣхъ невѣрныхъ схизматиковъ и отвращаясь отъ исповѣданья вѣрныхъ христіанъ. Въ слѣдующее затѣмъ время онъ поклонялся явно и публично превратнымъ мощамъ и образамъ, въ поруганіе христіанской вѣрѣ, говоря и утверждая положительно, на сколько онъ могъ и отъ него зависѣло, что секта Русскихъ и невѣрныхъ народовъ и ихъ вѣра будетъ и есть совершенная. Онъ, на сколько могъ, тщился, работалъ и старался, чтобы великаго князя Витовта, со всѣмъ его христіанскимъ народомъ, отворотить отъ христіанской вѣры и склонить оставаться въ сказанной сектѣ Русскихъ и невѣрныхъ народовъ. И такъ было и есть дѣйствительно, публично и гласно. Затѣмъ Іеронимъ, въ присутствіи преподобнаго отца, епископа Виленскаго, на отеческія его увѣщанія, подтверждая скверными устами свои заблужденія, въ поруганіе христіанской вѣры сказалъ положительно, что схизматики Русскіе суть хорошіе христіане, и онъ пребылъ въ тѣхъ своихъ заблужденіяхъ, одобряя тѣхъ Русскихъ и ихъ превратную вѣру. На Руси есть городъ Плесковъ, въ разстояніи около 100 нѣмецкихъ миль отъ границъ христіанъ. Іеронимъ въ 1413 г. прибылъ въ городъ Плесковъ и вступилъ въ церковь или синагогу тѣхъ Русскихъ и невѣрныхъ, во время службы, для поклоненія превратнымъ ихъ таинствамъ; и въ присутствіи нѣсколькихъ вѣрныхъ христіанъ, тамъ стоявшихъ, въ пренебреженіи ключей Петровыхъ, и въ поруганіе христіанской вѣры, а въ поддержаніе исповѣданья тѣхъ невѣрныхъ народовъ, преклонивъ колѣна, повергался тамъ ницъ предъ мнимыми ихъ дарами, явно, публично и гласно. Поведеніе Іеронима дало поводъ къ соблазну между христіанами и Русскими, тѣмъ болѣе, что Іеронимъ публично одобрялъ невѣру, схизму и ересь Русскихъ и подтверждалъ ихъ въ ихъ заблужденіяхъ. Дабы болѣе поправить невѣрныхъ народовъ и показать имъ, что онъ слѣдуетъ ихъ сектѣ и превратной вѣрѣ, и уподобиться имъ и въ обычаяхъ, также какъ въ вѣрѣ, онъ по обряду невѣрныхъ отпустилъ

себѣ и носилъ длинную бороду и волосы, совершенно отринувъ и оставивъ одѣяніе и тоисуру клирика. Объ этомъ вездѣ публично говорили, особенно въ епархіяхъ Гиѣзенской и Пражской, въ Польшѣ, въ Чехіи и въ другихъ странахъ“. Со всѣмъ этимъ, Іеронимъ соглашался и на Констанцскомъ соборѣ, и собирался защищать все это вновь ¹⁾).

Іеронимъ показалъ себя и на Руси тѣмъ, „благороднымъ, знаменитымъ гениемъ и истиннымъ философомъ“, какимъ его нашелъ три года спустя въ Констанцѣ Итальянецъ Поджо Брачоллини, выдающійся изъ числа остальныхъ его темныхъ судей. И въ самомъ дѣлѣ, относится тогда, въ фанатическомъ XV-омъ вѣкѣ, къ православному вѣроисповѣданію такъ, какъ это дѣлалъ Іеронимъ Пражскій, для этого надо было быть человѣкомъ необыкновенно сильнымъ, благороднымъ и просвѣщеннымъ; низкая брань инквизитора по адресу православныхъ Русскихъ и просвѣщеннаго Чеха выказываетъ этого послѣдняго въ свѣтѣ еще болѣе блестящемъ. Также и Гусъ защищалъ своего друга противъ клеветъ вѣискаго профессора Зибарта, который публично обвинялъ Іеронима въ ереси и въ томъ, что онъ отправился къ польскому королю Владиславу и къ литовскому князю Витовту ради совращенія ихъ съ пути истинной вѣры. „Мало того“, пишетъ Гусъ Зибарту († іюля 1413 г.), „что ты дерзнулъ коснуться зубами почтеннаго магистра Іеронима, ты коснулся и великихъ общинъ; не довольно тебѣ было Чехіи, но ты осмѣлился въ своемъ преподаваніи, съ дьявольскою пагlostью, заклеить обвиненіемъ въ еретичествѣ царство

¹⁾ Hardt: Concilium Constantiense (Francofurti et Lipsiae 1699) IV. 634, 752. Гильфердингъ, Гусъ 16; Пальмовъ, 182. Къ сожалѣнію не сохранилось съ чешской стороны никакого извѣстія объ этомъ любопытномъ путешествіи Іеронима.—Отъ этого магистра Іеронима Пражскаго надо отличать другого *Іеронима Пражскаго*, монаха камальдуенскаго, который послѣ возникновенія гуситскаго движенія бѣжалъ изъ Праги въ Польшу, и оттуда отправился въ Литву, гдѣ онъ, пользуясь благосклонностью Витовта, обращалъ Литовцевъ въ христіанство. Позже онъ былъ на соборѣ Базельскомъ, и здѣсь съ нимъ познакомился Эней Сильвій, и узналъ отъ него многое о Литвѣ. Срв. Aeneae Sylvii Historia de Europa, cap. 26.

Славянъ, но я надѣюсь, живо, по невѣжеству“¹⁾. Подъ этимъ славянскимъ царствомъ Гусъ подразумѣваетъ безъ сомнѣнія не Польшу, которую не пужно было называть еретической,—а скорѣе Литву и соединенную съ нею православную Русь, гдѣ Іеронимъ только-что путешествовалъ. Это путешествіе надѣлало тогда много шума въ Польшѣ, Чехіи и въ другихъ странахъ, и католики въ Литвѣ и Руси навѣрное не преминули оглашать міру предосудительный по ихъ мнѣнію образъ дѣйствій чешскаго магистра, вмѣстѣ съ необходимымъ тогда осужденіемъ „невѣры, схизмы и ереси“ Русскихъ, какъ выразился потомъ инквизиторъ²⁾. Можетъ быть, еслибъ Гусъ и Іеронимъ остались дольше въ жпвыхъ и убѣдились въ невозможности примиренія съ Римомъ, они бы искали сношенія съ восточной церковью, какъ объ этомъ думали позже ихъ ученики. О Гусѣ былъ въ первой половинѣ XV вѣка распространенъ между Сербами слухъ, что онъ былъ въ Іерусалимѣ и на Синаѣ, и здѣсь познакомился съ православіемъ и съ греческимъ письмомъ; потомъ онъ „началъ въ Прагѣ ересь глаголемая Хусъ, ихъже пѣціи близъ православія глаголють быти“³⁾.

Гуситскіе Чехи, умѣренные и усердные, въ послѣдствіи часто указывали симпатично на церковь восточную, греческую, ко-

¹⁾ Documenta M. J. Hus, 63.

²⁾ Подобно тому какъ эти слова и дѣйствія чешскаго магистра казались инквизитору предосудительными, такъ соблазняется въ послѣдствіи польскій каноникъ Длугошъ по поводу словъ императора Сигизмунда, который тотъ сказалъ на сѣздѣ въ Луцкѣ (1429 года): *Nec reductioni Graecorum intendere expedit, cum unam fidem nobiscum profiteantur, barbibus duntaxat et uxoribus a nobis secreti sunt; id tamen illis vitio non est, una enim uxore Graecorum presbyteri contenti sunt, Latini decem et amplius tenent.* (Historia polon. IV. 368).

³⁾ Такъ пишетъ тогда Сербъ Константинъ философъ въ житіи сербскаго князя Стефана /бѣлградскій Гласник 1875, кн. 42, стр. 313). Сербы (Расы, Рацы) бывали тогда въ Чехіи, какъ враги, въ войскѣ императора Сигизмунда. Во всякомъ случаѣ Сербъ зналъ гуситовъ лучше, чѣмъ Греки, которые считали ихъ приверженцами Іисуса, Моисея и Магомеда. (Scriptores rerum hussit. III. 170).

торая-де тоже составляет часть общей церкви, и въ которой сохранился важный символъ гуситства, причащеніе подъ обоими видами; гуситы часто требовали, чтобъ на соборѣ всего христіанства были тоже Греки, Армяне, патріархъ изъ Константинополя, которые причащаются подъ обоими видами. Одинъ чешскій уtrakвистъ, въ концѣ XV вѣка совершившій путешествіе на востокъ до Іерусалима, думаетъ, что — какъ восточные христіане причащающіеся подъ обоими видами не еретики, такъ и Чехи уtrakвисты не еретики, а истинные сыны св. церкви. На греческую церковь ссылались не только уtrakвисты, но тоже Таборы, о соглашеніи которыхъ съ православной церковью цельзя было и подумать; ихъ епископъ Николай изъ Пельгримова называлъ греческую церковь непосредственной дочерью и ученицей апостоловъ и учительницей римской церкви ¹⁾).

Когда чешскіе уtrakвисты, не смотря на всѣ торжественныя обѣщанія базельскаго собора, были Римомъ безпрестанно отталкиваемы, то они, желая выйти изъ этой своей изолированности, а также приобрести законную іерархію и духовенство, стали серьезно думать о соединеніи своей церкви съ греческой: „мысль смѣлая“ — говоритъ Палацкій — „и въ своихъ послѣдствіяхъ, еслибъ она осуществилась, неизмѣримая“. Первые слѣды этой мысли являются около 1447 г., когда чешскіе послы въ Римѣ угрожали, что Чехи обратятся въ другую сторону; годъ спустя сказалъ въ Прагѣ Петръ изъ Младеновицъ, ученикъ Гуса, папскому легату, что въ случаѣ неподатливости Рима—онъ услышитъ стран-

¹⁾ Срв. между прочимъ Archiv český VI. 421; Urkundl. Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges II. 211, 221, 515; Пальмовъ 147; Časopis Česk. Musea 1861, 273; Scriptores rer. hussit. II. 506. Одинъ древній чешскій лѣтописецъ восхваляетъ турецкаго султана за то, что онъ предпочиталъ христіанъ уtrakвистовъ христіанамъ, причащающихся подъ однимъ видомъ—того бога, который даетъ ѣсть и пить, тому, который даетъ только ѣсть, а не пить. Эти слова султана подѣйствовали на пана Яна Стражскаго такъ, что онъ, возвратившись съ востока въ Прагу, сталъ изъ jednušky podobojím. (Starší letopisové čeští, 216).

ныя вещи. Скоро утравнистская консисторія стала сноситься съ Царьградомъ, откуда получила благопріятное письмо, подписанное нѣсколькими архіереями, въ томъ числѣ и позднѣйшимъ патріархомъ Геннадіемъ (1452 г.); греческіе епископы радовались намѣренію чешскихъ утравнистовъ, увѣщевали ихъ соединиться съ восточной церковью, и надѣялись, что это соединеніе возможно, соглашаясь въ томъ съ утравнистами. Одинъ чешскій посолъ принятъ былъ въ Царьградъ очень дружески, и Греки съ радостью прислушивались къ его выходкамъ противъ папы и къ его восхваленію греческой церкви. И въ самомъ дѣлѣ, если взять ученіе чешскихъ утравнистовъ, главная разница котораго отъ римско-католическаго состояла въ причащеніи подъ обоими видами и въ непризнаніи папы, то можно было ожидать, что чешская утравнистская церковь сойдется съ церковью греческой—православной. Но эти переговоры между Прагой и Царьградомъ, столь важные для будущности славянскаго міра, прекратились въ самомъ зародышѣ, именно вслѣдствіе паденія Царьграда и греческаго царства (1453) ¹⁾. По расположеніе къ восточной церкви осталось у чешскихъ утравнистовъ и впослѣдствіи. Послѣ паденія Царьграда прибыли въ Прагу два греческихъ священника; утравнистскій архіепископъ Янъ Рокицана принялъ ихъ любезно, разговаривалъ съ ними о религіи и позволилъ имъ справить литургію ²⁾. Также

¹⁾ Palacký: Dějiny národu česk. IV. č. I. str. 227, 259; Гильфердинга, Гусъ 43, 57; Пальмовъ 186. Письмо администраторовъ консисторіи въ Царьградъ отъ 29 сентября см. у Палацкаго: Urkundl. Beiträge zur Geschichte Böhmens in der Zeit Georgs von Poděbrad, 51. Такое же письмо отъ 14 ноября (Höfler: Scriptores rer. hussit. III. 176) только передѣланное первое.

²⁾ Срв. рукопис. исторію чешскихъ братьевъ, приписываемую Благославу (рукоп. праж. университ. библ., I. 19), и Historia fratrum bohemi. (Halaе 1702, р. 15, приписыв. Коменскому). Оба эти братскіе писателя замѣчаютъ, что здѣсь оказалось, что и греческая вѣра „изобилуетъ суевѣріями, и что нечего искать истину и начало у Грековъ“. Но мы сомнѣваемся, чтобъ обряды греческой церкви показались чешскимъ утравнистамъ столь „суевѣрными“; вѣдь и въ утравнистской церкви было много обрядовъ. Утравнисты не были братья.

и преемникъ Рокицаны, администраторъ Вячеславъ *Коранда*, все желалъ соединенія съ восточной церковью всей чешской церкви, католической и утравкистской. „Желательно, чтобъ Чехи узнали, что папа со своими — церковь западная, и чтобъ ее оставилъ и обратились бы къ восточной, и руководясь ею, поставили бы себѣ епископовъ своего языка, не Шмцевъ, не Итальянцевъ! Пользовались бы лучше свободой христіанской вѣры, и подобно тому какъ въ причащеніи подъ обоими видами, вода бы потекла и здѣсь истиной серединой“. Утравкистовъ тогда упрекали въ томъ, что, когда между ними появлялся какой-нибудь Грекъ, Русскій или Рать (Сербъ), они принимали его съ особенной любезностью, будто онъ лучше другихъ христіанъ ¹⁾. Это, такъ сказать, духовное родство съ православной церковью чувствовали чешскіе утравкисты долго. Когда въ 1554 г. несчастная русская княжна, Елизавета (Гальшка) Острожская и ея женихъ русскій князь Димитрій Сангушко прибыли въ Чехію, то ихъ въ городѣ Яромѣрѣ вѣчали два священника — рассказываетъ неизвѣстный Яромѣрянинъ — одинъ подъ однимъ видомъ (католикъ), а другой подъ обоими видами (утравкистъ) — по той причинѣ, что князь Димитрій держался обряда подъ обоими видами, какъ его соблюдаютъ Греки ²⁾.

Причащеніе подъ обоими видами, общее церквамъ утравкистской и восточной, возбудило въ утравкистахъ мифіе, что этотъ обычай существовалъ въ Чехіи съ самаго начала христіанства, введеннаго тамъ изъ Греціи апостолами Кирилломъ и Меѳодіемъ, и что онъ сохранился здѣсь не смотря на всѣ преслѣдованія до временъ Карла IV. Такимъ образомъ утравкисты старались установить какъ-бы непрерывность причащенія подъ обоими видами съ начала христіанства въ Чехіи почти до Гуса, связывая себя съ церковью греческой. „Историческихъ доказательствъ“ тогда, при полномъ недостаткѣ исторической критики, нашлось вдоволь; если чешскіе лѣтописцы могли рассказывать разныя разности о праотцѣ Чехѣ, то они точно также умѣли по-

¹⁾ Palacký: Dějiny národu českého, V. I. str. 350.

²⁾ Časopis Česk. Musea 1852, str. 19.

томъ разсказывать разныя вещи о зачаткахъ христіанства въ Чехіи. Уже Іеронимъ сказалъ на соборѣ Констанцскомъ, что Чехи пропе-
ходятъ отъ Грековъ и что потомъ въ Чехіи враждовали между собой „Греки“ и „Нѣмцы“, что продолжалось-де до временъ императора Карла IV ¹⁾. Впослѣдствіи уtrakвистская консисторія, зная кое-что о дѣятельности обоихъ славянскихъ апостоловъ, утвер-
ждала, что св. апостолы „Цръга“ (чешская форма имени „Цырилль“), епископъ моравскій и чешскій, и Донать (!) испросили у папы, чтобъ онъ дозволилъ Чехамъ причащеніе подъ обоими видами; это разсказывали пражскіе послы уtrakвисты папскому легату въ Будищѣ (1525 г.), ссылаясь на какія-то „исторіи въ пражской коллегіи въ консисторіи“ ²⁾. Также уtrakвистскій священникъ Богуславъ *Билейвскій* въ церковной хроникѣ чешской (1537) разсказываетъ разныя разности о причащеніи подъ обоими вида-
ми въ Чехіи съ самыхъ зачатковъ христіанства до временъ Карла IV. По примѣру уtrakвистовъ утверждали это также братскіе писатели—Іафетъ, Странскій, Коменскій и др. ³⁾.

Мысль о соединеніи уtrakвистовъ съ греческой церковью исчезла послѣ возникновенія нѣмецкой реформаци, къ которой примкнула большая часть уtrakвистовъ. Ихъ остатки, получивъ отъ папы разрѣшеніе чаши (1564 г.), жили потомъ въ согласіи съ римской церковью.

Кромѣ уtrakвистовъ, о соединеніи которыхъ съ православ-
ными можно было думать, не переставали интересоваться вос-
точною церковью также усердные гуситы, Таборы и впослѣд-
ствіи ихъ духовные преемники, *чешскіе братья*. Эти послѣдніе,
скоро послѣ возникновенія своей церкви (1457 г.), стали искать
первоначальную чистую христіанскую церковь на востокъ, гдѣ

¹⁾ Hardt: Concil. Constant. IV. 758.

²⁾ Современникъ Bartoš: Kronika pražská, 182.

³⁾ Гильфердингъ (Гусъ, 22) совершенно напрасно довѣряетъ
разсказамъ Странскаго, которые имѣютъ такую-же цѣну, какъ подоб-
ныя сказки Гайка, Велеславина, Папроцкаго, Бѣльскаго и др. О при-
чащеніи подъ обоими видами въ западной христіанской церкви, см.
вышеупомянутыя сочиненія Васильева и Пальмова.

они хотѣли получать посвященіе для своихъ священниковъ; они думали, что такая церковь существуетъ въ Индіи, но узнали потомъ, что тамъ нечего искать такой церкви; впоследствии они говорили въ Прагѣ съ Греками, и нѣкоторые Чехи были и сами въ Греціи, Сербіи, Россіи, Арменіи, Молдавіи, но и тутъ обманулись: волошскіе и русскіе священники посвящаютъ-де кого-бы то ни было, только бы онъ имъ заплатилъ, какъ они дѣйствительно недавно посвятили трехъ лицъ изъ Чехіи, не зная какъ они себя ведутъ ¹⁾. Но это желаніе—узнать чистую первобытную церковь христіанскую не оставляло братьевъ и позже; уже тридцать лѣтъ спустя стали они искать ее вновь, и послали (1491 г.) на востокъ особыхъ развѣдчиковъ для отысканія болѣе чистыхъ церквей. „Черезъ Польшу и Русь“, рассказываетъ въ лѣтописяхъ чешскихъ братьевъ, „они отправились въ Константинополь, откуда нѣсколько лѣтъ тому назадъ предлагалось Чехамъ, когда тѣ отказались отъ папы, соединеніе съ греческой церковью. Братья, желая этого соединенія, хотѣли прежде всего посмотрѣть на религію и быть Грековъ. Пробывши въ Константинополѣ, они развѣхались: Лука Пражскій—въ земли греческія, рыцарь *Маретъ Коковецъ* въ Москву и въ другія области славянскаго языка, Мартынь *Кабатникъ*, мѣщанинъ Лютомышльскій, въ Азію, Палестину и Египетъ, а *Каспаръ* изъ Мархіи (марки, вѣроятно Вальденецъ) хвораая ждалъ ихъ въ Константинополѣ, но однакожъ осмотрѣлъ между тѣмъ Θракію. Эти развѣдчики благочестія, возвратившись домой, сообщили своимъ, что они не нашли ничего, чего искали. Такимъ образомъ обманулись въ своихъ надеждахъ всѣ тѣ, кто, желая воспользоваться добрыми примѣрами чужихъ

¹⁾ Братскій трактатъ 1471—73 гг., который Палацкій (Dějiny n. č. IV. I. 431) приписываетъ брату Григорію, что Голль (Quellen u. Untersuchungen zur Geschichte d. böhm. Brüder I. 103) отрицаетъ. Срв. Аяненкова: Гуситы въ Россіи въ XV и XVI стол. (Странникъ 1878, мартъ).—Около этого времени многіе угорскіе гуситы бѣжали въ Молдавію, гдѣ они основали городъ *Гусъ* (*Гушъ*), *Хусъ* (Hus) на Прутѣ. См. Hunfalvy: Ethnographie von Ungarn, 266, I. Иречекъ въ Časopis Česk. Musea 1885, стр. 387.

церквей, не пожалѣвъ труда и денегъ: до такой степени тѣ когда-то процвѣтавшія церкви поблѣкли. Ибо они увидали повсюду людей—христіанъ, которые, точно сговорившись, преданы были разврату, основывали религію на суевѣріяхъ и на поклоне-ніи образамъ, пренебрегали болѣе важными дѣлами въ завѣтѣ; они увидали священниковъ, которые превосходили народъ распутствомъ, но не позволяли никому ихъ наказывать. И убѣдились они, что правы были тѣ, которые говорили имъ объ испорченности всего христіанскаго міра и отсовѣтывали имъ такое путешествіе“¹⁾. Иного результата это путешествіе имѣть не могло; строгіе взгляды чешскихъ братьевъ на разные вопросы вѣры и нравственности нельзя было примирить съ ученіемъ ни церкви латинской, ни греческой, ни утравистской, и братья Лука или Коковецъ не могли смотрѣть на греческую церковь такъ, какъ нѣкогда Іеронимъ Пражскій.

Чешскіе братья, не находя первобытной чистой христіанской церкви и видя повсюду въ мірѣ испорченность, грѣховность и развратъ, стали скоро считать себя такою чистою церковью, и думать о ея распространеніи, преимущественно на славянскомъ востокѣ, въ земляхъ польскихъ и русскихъ. Къ этому ихъ побуждали сами нѣмецкіе реформаторы. „Будьте вы апостолами народа чешскаго и славянскаго, я со своими будемъ апостолами нѣмецкими“, сказалъ Лютеръ братьямъ Августѣ и Израилю (1542), а Буцеръ уже раньше сказалъ брату Червенкѣ, что братья посредствомъ своего славянскаго языка могутъ служить болѣе распространеннымъ народамъ, чѣмъ Нѣмцы своимъ языкомъ²⁾.

Первымъ поприщемъ такой апостольской дѣятельности бра-

¹⁾ По чешскому переводу книги Поляка *Ласицкаго*: *Historie bratří českých* (изд. 1649, 1765, 1869). Объ этомъ разсказываютъ и другіе историки общины чешскихъ братьевъ: Благославъ (срв. *Goll: Quellen* 123), Камерарій, Коменскій, тоже Венгерскій (*Regenvölsci: Systema histor.-chron. eccles. slavon.*) и др. Изъ тѣхъ развѣдчиковъ одинъ Кабатникъ, насколько знаемъ, описалъ свое путешествіе (срв. *Výbor z literatury české II.* 1015). Жаль, что именно Коковецъ не описалъ своего путешествія.

²⁾ Ласицкій 233, 237, Венгерскій 58.

твѣвъ была Польша, куда они, прогнанные изъ родины, обратились—какъ къ своимъ соплеменникамъ (1548). Братское вѣроисповѣданіе приобрѣло тутъ много приверженцевъ, особенно въ Великой Польшѣ, и заняло важное мѣсто рядомъ съ другими двумя некаатолическими вѣроисповѣданіями, кальвинскимъ и лютеранскимъ. Въ Польшѣ, именно на Литвѣ и Руси, братья опять встрѣтились съ церковью греческой, православной. Во время упадка протестантизма и усиленія католицизма въ Польшѣ въ ущербъ „диссидентамъ“ (протестантамъ) и „дисунитамъ“ (православнымъ не принявшимъ уніи съ Римомъ), возникла среди всѣхъ не-католиковъ въ Польскомъ государствѣ мысль войти другъ съ другомъ въ болѣе тѣсныя сношенія противъ общаго противника; да нѣкоторые диссиденты думали о соглашеніи всѣхъ не-католиковъ и о соединеніи протестантовъ и православныхъ въ нѣкое церковное общество,—мысль довольно странная. Для этой цѣли собрались въ Вильнѣ въ 1599 г. старшины всѣхъ трехъ вѣроисповѣданій, соединившихся такъ называемымъ соглашеніемъ (консепсомъ) Сацдонѣрскимъ, т. е. чешскаго, гельветскаго и аугсбургскаго, и нѣсколько православныхъ русскихъ епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ. Были здѣсь Симеонъ Турновскій (чешскаго происхожденія), Миколаевскій, Гличнеръ и др. Но скоро оказалось, что о какомъ-либо болѣе тѣсномъ соединеніи протестантизма и православія нельзя даже и думать; уже въ собраніи у князя Острожскаго какой-то православный монахъ, протягивая тѣмъ старшинамъ руку, сказалъ не очень вѣжливо: „хотя священное писаніе запрещаетъ говорить еретикамъ даже здравствуй, мы все-таки считаемъ васъ достойными такой вѣжливости“. Но не смотря на эти препятствія, старшины изъ Польши и изъ Литвы, Гличнеръ, Турновскій, Миколаевскій, Яницкій и Пётровскій, послали Царьградскому патріарху Мелетію письмо (6 іюня), въ которомъ они заявляютъ свое желаніе соединиться съ церковью болѣе чистою и независимою отъ Рима. „Такою церковью мы считали всегда восточную церковь въ Греціи и между людьми одного съ нами языка въ Москвѣ, Руси и Литвѣ“. Между прочимъ они указываютъ на какое-то письмо патріарха Никомеда (?) чешскимъ братьямъ (*ad fratres Bohemos*), вѣроятно—то письмо изъ Царь-

града утраквистамъ 1452 г.; Турновскій писалъ потомъ патріарху еще особо объ этомъ письмѣ „моимъ предшественникамъ и предкамъ въ Чехіи“. Само собой разумѣется, что все это ни къ чему не повело ¹⁾. Чешскій братъ Турновскій, хотя онъ тогда говорилъ уже по-польски, чувствуетъ себя сдѣсь Чехомъ и думаетъ опять о соединеніи съ „болѣе чистой“ церковью греческою. Любопытно, что еще въ началѣ XVIII в. подобная тому мысль соединенія польско-литовскихъ „диссидентовъ“ съ „дисунтами“, мысль „возобновленія конфедераціи съ старой Русью“, конечно только съ цѣлью политической, вышла также отъ чешскихъ братьевъ, именно отъ ихъ старшины въ Великой Польшѣ, Яблонскаго ²⁾.

Чешскіе братья думали, что они и въ восточной Руси, въ Москвѣ, найдутъ почву для своей апостольской дѣятельности, тамъ, гдѣ въ концѣ XV в. искалъ чистую вѣру ихъ предшественникъ, рыцарь Коковецъ. Чтобъ лучше понять эту мысль чешскихъ братьевъ, надо знать, что тогда, въ половинѣ XVI в., въ Москвѣ появился раціоналистскій толкъ Матвѣя Башкина и Θεодосія Косого, что въ 1552-омъ г. прибыли въ Витебскъ три православныхъ монаха изъ глубины московской Руси и ратовали противъ обрядовъ и образовъ. На съѣздѣ въ Вильнѣ 1599 г. Николай Зеновичъ, русскій кальвинистъ изъ Литвы, сказалъ, что и московскіе Русскіе склонны къ евангелію; сотни ихъ прибываютъ въ Витебскъ и въ другія пограничныя мѣста на богослуженіе, и жадно читаютъ и покупаютъ польскую біблію, изданную кальвинистами въ Берестѣ, и новый завѣтъ, изданный въ Вильнѣ иждивеніемъ Зеновича; и въ Москвѣ-де открывается обильная жатва, только чтобъ не было недостатка въ работникахъ. Обо всемъ этомъ братья несомнѣнно имѣли хорошія свѣдѣнія, и думали о пріобрѣтеніи новыхъ приверженцевъ также въ обширномъ восточно-славянскомъ государствѣ; а старшина великопольскихъ братьевъ, Янъ *Рокита*, Чехъ происхожденіемъ, думалъ даже объ обращеніи са-

¹⁾ Regenvolscius, 487.

²⁾ Łukaszewicz: Historia helweck. wyznania w Litwie, I. 315.

мого царя Ивана. Рокита находился въ польскомъ посольствѣ въ Москву (1570 г.), членами котораго были два великопольскихъ папа братскаго вѣроисповѣданія, Янъ изъ Кротошина и Рафаилъ изъ Лещна (Лещна, Лещинскій), и рѣшился на это путешествіе главнымъ образомъ съ цѣлью миссіонерской. „Одно меня утѣшаетъ“, пишетъ Рокита передъ отъѣздомъ брату Червенкѣ (1569 г.), „что народъ московскій употребляетъ славянскій языкъ, и что, можетъ быть, при этомъ случаѣ богъ можетъ явиться въ томъ густомъ мракѣ“¹⁾. Въ разговорѣ съ царемъ, вѣроятно на польскомъ языкѣ, Рокита излагалъ свое исповѣданіе въ отвѣтахъ на вопросы царя, касающіеся разныхъ статей вѣры. Царь спрашивалъ у Рокиты, чтó онъ учитъ, какого онъ мнѣнія о постахъ, зачѣмъ не кланяется св. образамъ, исповѣдуетъ ли ученіе Лютера и пр. Рокита представилъ царю свои отвѣты также письменно и получилъ отъ него обширное изложеніе православнаго вѣроученія на языкѣ словѣнско-русскомъ, которое лучше всего доказываетъ полную невозможность какого-бы то ни было соглашенія обоихъ вѣроисповѣданій, братскаго и православнаго. Царь Иванъ отнесся къ Рокитѣ и къ ученію его и Лютера („Лютторъ“ — лютъ) съ большимъ презрѣніемъ; онъ сначала не хотѣлъ даже отвѣчать, такъ какъ не слѣдуетъ давать святыя вещи псамъ и метать бисеръ передъ свиньями, и упрекалъ Рокиту, что ученіе его и Лютера противится ученію Христа, и что Рокита не только еретикъ, но и слуга Антихриста дьявольскаго совѣта. „И впредь“, кончаетъ царь, „чтобъ ты этого своего ученія не проповѣдывалъ въ нашей землѣ. Мы же усердно молимся Господу нашему Іисусу Христу всѣхъ спасителю, чтобъ онъ спасъ насъ русскій родъ отъ мрака вашей невѣры“²⁾. Такимъ образомъ,

¹⁾ Gindely: Quellen zur Geschichte der böhm. Brüder, 124. Срв. Časopis Česk. Mus. 1876, 749, и статью Аппенкова.

²⁾ Рокита описалъ свой разговоръ съ царемъ по-польски, и Ласицкій перевелъ его и ту словѣнско-русскую рукопись (ex inculto ac horrido moscovitico) на языкъ латинскій: De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione (Spirae 1582). Та рукопись въ богатомъ переплетѣ хранилась у братьевъ еще въ половинѣ XVII в. (Regen-

разъ—обѣ стороны упрекали другъ друга въ мракѣ, должно было кончиться ничѣмъ всякое апостольство братьевъ въ Москвѣ, и исчезла надежда на возможность какого-либо соглашенія церквей братской и православной. Братья, сѣтуя на печальное положеніе своей церкви послѣ паденія чешскаго государства (1620 г.), утѣшаются по крайней мѣрѣ тѣмъ, что „и церкви другихъ славянскихъ народовъ не въ лучшемъ положеніи, будучи отягчены игомъ папскимъ и турецкимъ, или же полны многочисленныхъ суевѣрій церкви греческой. Помилуй Иисусъ Христосъ свой христіанскій народъ столькими способами изсѣченный и разрубленный!“ ¹⁾).

volsciis, 91). Недавно нашелся отвѣтъ царя Рокитѣ въ двухъ рукописяхъ, въ Холмѣ (напечат. въ Холмско-Варшав. епарх. Вѣстникѣ 1878) и въ Москвѣ (напеч. въ москов. Чтеніяхъ 1878, II).

¹⁾ Historia fratrum bohemi. (Halle 1702, 46), приписываемая Коменскому.

ЮГОСЛАВЯНЕ ВЪ СНОШЕНІЯХЪ МЕЖДУ СОБОЙ И СЪ ПРОЧИМИ СЛАВЯНАМИ.

*Югославяне католики и Славяне православные, патарены
и гуситы *).*

Раздѣленіе христіанской церкви на восточную и западную, со всѣми своими религіозно-культурными послѣдствіями, коснулось особенно южныхъ Славянъ; кромѣ того между ними сильно распространилась секта Богомиловъ или Патаренъ (Павликіянъ). Такимъ образомъ въ одномъ и томъ же народѣ явились приверженцы церкви восточной—греческой православной, церкви западной—римско-католической и церкви богомильской или патаренской; всѣ эти церкви относились враждебно другъ къ другу, православные къ „латинянамъ“, католики къ „схизматикамъ“, и тѣ и другіе къ „еретикамъ“ патаренскимъ. Но всѣ они считали себя истинными христіанами; патарены называли себя не иначе, какъ „кръстіяне, крѣстяне“ (christiani), а у православныхъ и католиковъ установился такой обычай, что первые стали называть себя хришћане (ришћане)“, а другіе „кршћане“ (krštjani,

*) Только этотъ отрывокъ или главу и успѣлъ написать авторъ изъ отдѣла, который очевидно долженъ былъ быть посвященъ сношеніямъ (историч. и культурнымъ) Южныхъ Славянъ между собою и съ прочими Славянами. Оставшіяся еще кое-какія выписки и замѣтки не представляютъ ничего связнаго. *Ред.*

krstjani, или какъ босенскіе фратры писали кириллицею: каретна-ин). Эти два названія сдѣлались на славянскомъ югѣ, у Сербовъ и Хорватовъ, особыми конфесіональными терминами, не говоря о другихъ первоначально браанныхъ, по потомъ безобидныхъ названіяхъ. Такъ католики Хорватин (Славоин), Далмацін и Боснін, не долюбивая православныхъ Влаховъ (Волоховъ, Румынъ, пастуховъ, мужиковъ), стали ихъ именемъ называть въ презрительномъ смыслѣ всѣхъ православныхъ вообще „влахамъ“, а въ сѣверной Далмаціи тоже „хркаһами, ркаһами“ (серб. хрвати—спорить, ркати — храпѣть); православные же называли католиковъ шокцами (вѣроятно по итал. sciocco—дуракъ). Сербы католики въ южной Угріи (въ Бачкѣ) называются Буневцы (Буњевац, переселенцы отъ рѣки Буны въ Герцеговинѣ? или буњак — дрянь), и пишутъ латиницею свой „буњевачки“ языкъ; ихъ соплеменники, католики Болгаре въ южной Угріи (въ Банатѣ) и въ самой Болгаріи сохранили свое старинное конфесіональное названіе Павликіянъ (Паулићане, Палућене), хотя они съ XVII в. католики. У католическихъ Хорватовъ, Далматинцевъ и Босняковъ слово „Сербъ“ означало тоже православнаго (сръблннъ и латининъ, попь сръбьски, въ дубровницкихъ памятникахъ XIV в.); „сербскимъ“ они называли только кириловское письмо, но не языкъ „словенскій“ (илирскій, хорватскій, далматинскій, босенскій, дубровницкій), который однако былъ тоже сербскій. Разница вѣроисповѣданій, вмѣстѣ съ политическимъ и національнымъ раздробленіемъ, породили тотъ печальный партикуляризмъ, который издавна раздѣляетъ и разрываетъ именно Хорватовъ и Сербовъ.

Римская курія, сплотивши всѣхъ католическихъ Югославянъ подъ своею рукою, видѣла въ нихъ, въ ихъ духовенствѣ, важное орудіе для распространенія своей власти и своего вліянія *).

Въ виду католической пропаганды среди православныхъ Славянъ папы Григорій XIII (1580) и Урбанъ VIII основали въ го-

*) Тутъ видимо пропускъ. *Ред.*

родѣ Лоретѣ особую іезуитскую коллегію для „илірской“ молодежи. Папа Урбанъ, возобновляя эту илірскую коллегію (1627 г.), указывасть на огромное распространіе „илірскаго“, т. е. Славянскаго народа (*illyricae gentis*) въ Европѣ и въ Азіи, который нынѣ по большей части находится подъ турецкимъ игомъ и принадлежитъ къ „схизматикамъ“. Воспитанниками лоретской коллегіи должны поступать юноши илірскіе, знающіе языкъ и, если возможно, тоже литературу илірскую, изъ всѣхъ югославянскихъ странъ, изъ Далмаціи и Хорватіи, Босніи, Сербіи (Смедерева, Ниша, Призрена), Македоніи (Скопья) и Болгаріи; послѣдніе должны быть здѣсь тоже воспитываемы среди своихъ илірскихъ соплеменниковъ (*inter connationales illyricos*) ¹⁾.

Со времени уніи одной части русской церкви съ Римомъ, папа могъ рассчитывать, въ своихъ планахъ относительно православныхъ Славянъ, также на содѣйствіе русскихъ уніатовъ, которые съ тѣхъ поръ часто бывали въ Римѣ и увеличили ряды разныхъ Славянъ, Чеховъ и Поляковъ, Словенцевъ и Хорватовъ, католическихъ Сербовъ и Болгаръ. Такимъ образомъ сгруппировались около Ватикана представители разныхъ Славянъ, католиковъ и уніатовъ, готовые исполнять всѣ приказанія папы. Изъ рядовъ славянскаго духовенства папа часто выбиралъ подходящія орудія для своихъ плановъ среди Славянъ не-католиковъ.

Съ конца XIII вѣка францискацы изъ провинціи „Славонія“ (т. е. Хорватіи и Далмаціи) стали дѣйствовать противъ патаренъ въ Босніѣ. Самъ папа выбралъ ихъ именно потому, что они знали языкъ этой страны (*regionis illius idiomatis non ignari*) и такихъ знатоковъ „словенскаго языка“ (*linguae slavicae*) требовали и владѣльцы Босны. Съ тѣхъ поръ францискацы дѣйствовали среди патаренъ и православныхъ въ Босніѣ, Герцеговинѣ, Сербіи

¹⁾ Theiner: *Vetera Monumenta Slavorum meridionalium* II, 124, *Arkiv za povjestnicu jugoslav.* II. 90. Въ лоретской коллегіи воспитывался знаменитый Болгаринъ Парчевичъ. Въ Лоретѣ издалъ іезуитъ Микаля свой „словинскій“ словарь (1649), особенно для священниковъ „илірскаго народа“; словарь напечатанъ на счетъ конгрегаціи *de propaganda fide*.

и Болгаріи, въ пользу католицизма, насколько это въ тѣхъ странахъ было возможно. Они познакомились съ письмомъ кириловскимъ „сербскимъ“ и стали его употреблять въ своихъ „словинскихъ“ или „босенскихъ“ книгахъ ¹⁾. Легче было дѣйствовать въ странахъ подвластныхъ католическимъ государямъ, какъ въ Далмаціи и Хорватіи. Въ приморскихъ владѣніяхъ Дубровника, которыя онъ въ XIV в. приобрѣлъ отъ Босны, проживавшіе тамъ православные и патарены, благодаря рвенію францисканцевъ, обращены въ католицизмъ, и „сербскіе попы“ скоро сдѣлались излишними и ушли на Св. Гору аѳонскую; съ тѣхъ поръ однако Дубровчане платили извѣстныя денежныя вспомошествованія „сербскимъ“ монастырямъ на Лѳонѣ, хилацдарскому и св. Павла; если же, въ концѣ XIV в., кое-гдѣ встрѣчаются „словинскіе“ священники (*presbyter slavichus*), то они не были уже сербскіе, т. е. православные, а далматинскіе католики-глаголяши. Еще до позднѣйшихъ временъ (XVIII в.) употреблялся отчасти и въ латинской литургіи народный языкъ словинскій по переводамъ В. Кашича (*lingua slavonsica B. Cassich ad ragusinam dialectum et usum ab ipso adornata*); такъ было особенно по деревнямъ, гдѣ евангелія и епистолы читались по-латыни и по-словински ²⁾. Въ Хорватіи и Угріи католическая пропаганда имѣла въ виду прежде всего православныхъ Сербовъ (Влаховъ, Ускоковъ), поселенныхъ въ хорватской Военной Границѣ. Въ 1629-омъ г. люблянскій епископъ Кренъ совѣтовалъ туда послать фратровъ босенскихъ, и около этого времени дѣйствовалъ между этими Сербами русскій уніатъ Меѳодій Терлецкій. Здѣсь же дѣйствовалъ въ 1641 г. тоже францискапецъ Рафаиль Леваковичъ, хорватъ провинціи босенско-хорватской (Хервацанни державе Босне

¹⁾ Срв. Rački: *Bogomili i Patareni* (1870), *Batinić: Djelovanje franjevaca u Bosni i Hercegovini* (1881), *Jakić: Bosanski prijatelj* (1850—1853).

²⁾ *Miklošić, Monumenta Serbica* 108, *Vučetić* въ *Starine* XVII, 1. и въ дубровницкомъ журналѣ *Slovinae* 1882, стр. 30; Дубровчанинъ *J. Mattei* у Макушева, *Изслѣдованія объ истор. памятникахъ Дубровника*, стр. 6.

Херватске), который пылалъ усердіемъ распространять католицизмъ среди „схизматиковъ, преимущественно нашего языка“, зналъ въ совершенствѣ сербскій языкъ и письмо (*linguam valachicam et scripturam cyrillicam, qua Valachi utuntur*), и около этого времени, вмѣстѣ съ русскими уніатскими священниками, „неправлялъ“ словѣнскій языкъ въ хорватско-глаголическихъ церковныхъ книгахъ ¹⁾. Послѣ Леваковича дѣйствовалъ между этими „Влахами“ его землякъ и современникъ, Юрій Крижаничъ, который вообще приготовлялся къ мисіонерской дѣятельности среди „схизматиковъ“ Славянъ ²⁾. Къ православному вѣроисповѣданію Сербовъ въ Хорватіи, Славоніи и Угріи придирались хорватскіе и угорскіе католики въ теченіе XVII и XVIII вв. безпрестанно; да опасность угрожала и древнему кириловскому письму Сербовъ, которое правительство хотѣло замѣнить латинскимъ.

Босенскіе и другіе францисканцы повліяли вѣроятно и на временное уніатское движеніе, которое явилось въ самомъ концѣ XVI вѣка среди Сербовъ Турціи, именно въ Герцеговинѣ и Старой Сербіи. Тогда сербскій патріархъ въ Печи Іоаннъ и митрополитъ герцеговинскій Висаріонъ признали главенство папы. Это уніатское движеніе находилось въ связи съ политическимъ движеніемъ турецкихъ Сербовъ, которые (1594 и 1606) предлагали папѣ и императору свое содѣйствіе въ войнахъ съ Турками. Посредникомъ между папою и императоромъ съ одной стороны и Сербами и ихъ духовными и свѣтскими начальниками — съ другой былъ между прочимъ тоже францисканецъ Доминикъ Андріашевичъ ³⁾.

¹⁾ Arkiv za povjestniciu jugoslav. II. 127, IX. 297; Starine XVШ, 211. Унія среди Сербовъ въ хорватской Военной Границѣ привилась, съ помощью военной силы, только въ XVIII вѣкѣ, о чемъ см. статью Швикера въ Archiv für österreich. Geschichtsquellen, Bd. 52, и тоже Фидлера въ томъ же Archiv 37, и въ Sitzungsberichte 1861.

²⁾ См. о Крижаничѣ „Славяне“ т. II, стр. 309 и сл.

³⁾ См. письма папы Климента VIII 1598 — 1600 г. Joanni archiepiscopo Kasianorum. et Bessarioni metropolitae Serviae, и бапскому архіепископу (Theiner: Monumenta Slavorum merid. II. 90—94); P. Balan: Delle relazioni fra la chiesa cattolica e gli Slavi della Bul-

Босенскіе францисканцы распространяли и укрѣпляли католицизмъ также въ Болгаріи, гдѣ центромъ католицизма былъ городъ Чипровецъ (Чипоровцы) въ западной Болгаріи. Въ XVII в. остатки Богомиловъ — Павликіянтъ въ Болгаріи приняли католицизмъ, но сохранили это свое старинное названіе (Паулићане) и какъ католики—въ Болгаріи, въ Семиградіи и Угріи, куда многіе переселились; въ томъ числѣ были тоже боляре Пеячевичи, возведенные впоследствии (1772) въ графское достоинство. Болгарскіе католическіе священники, францисканцы и іезуиты, воспитывались въ Римѣ и Лоретѣ, позже и въ Угріи ¹⁾.

Болгарскіе католики, воспитываясь въ Римѣ, Лоретѣ, а позже и въ Хорватіи и Угріи среди своихъ „словинскихъ соплеменниковъ“ (*inter connationales illyricos*), привыкали къ этому близкому имъ языку словинскому или иллирскому. Такое вліяніе словинскаго языка замѣтно въ первой печатной книгѣ на народномъ

garia, Bosnia, Serbia, Erzegovina (Roma, 1880), p. 207. Этотъ архіепископъ патріархъ сербскій и болгарскій Іоаннъ заявилъ позже (1608) готовность вѣнчать фантастическаго герцога савойскаго Карла Эмануила, мечтавшаго объ освобожденіи христіанскихъ народовъ на балкан. полуостровѣ, въ корони Болгаріи, Сербіи, Герцеговины, Босніи и Македоніи. См. Историческій Вѣстникъ 1889, I. 180. Письма сербскихъ начальниковъ и императора Рудольфа и эрцгерцога Фердинанда (1594 и 1606 гг.) сообщилъ Фидлеръ въ *Slavische Bibliothek* II. 288. Сербскій языкъ этихъ писемъ чисто народный, какъ его употребляли босенскіе францисканцы; поэтому встрѣчаются здѣсь слова Висарионъ бискупъ, свети отаць папа, карьсьтианьсьство, Иезусъ Исукарьсьтъ (!) и пр. Сербское письмо императора Рудольфа „Иовану патриарки од Пећи“ писано какою-то странною орфографіею (у Прази, т. е. Прази; зарбскому, т. е. сарбскому; шивieti, т. е. живieti).

¹⁾ О францисканцахъ (босенскихъ и дубровницкихъ) въ сербскихъ и болгарскихъ странахъ см. записку Матвѣя Гундулича, дубровницкаго посла при Портѣ, 1674 г. (Banduri: *Imperium orientale* II, *animadversiones*, p. 99); Batinić II. 79; К. Иречекъ, *Исторія Болгаръ* 594 — 613 и поправку Е. Ферменджина въ *Starine* XVIII. 210, а также и монографію Пеячевича о П. Парчевичѣ. Одинъ изъ самыхъ выдающихся болгарскихъ католич. священниковъ былъ вышеупомянутый Петръ Парчевичъ.

болгарскомъ языкѣ,—въ молитвенникѣ, напечатанномъ кириллицею въ Римѣ 1651 г. Эту книгу издалъ католическій епископъ болгарскій, Филипъ *Станиславовъ*, „своему народу болгарскому“. Вліяніе словенскаго языка видно въ нѣкоторыхъ словахъ и даже въ правописаніи; авторъ пишетъ напр. кашта (къшта) и кукна (куѣа), сердце и сарце, даже огаги (т. е. огань, по словенско-итал. правописанію *ogagn*), з очень рѣдко. Станиславовъ употребляетъ еще слова христіанской терминологіи православно-греческаго происхожденія: цар и царство, архиперен, попи, калугиери и пр. (хотя онъ самъ называется „бискуп“); въ молитвѣ Господней: хлебъ нашъ васадиши, грехи — далги, далшником, напастъ, сбави ни од лукавога. Впослѣдствіи однако кирилица въ книгахъ для Павликіянъ вышла изъ употребленія и замѣнена латиницею по правописанію илирскому; также устранена церковная терминологія греческо-славянская, а введена терминологія латинско-славянская ¹⁾.

Съ тѣхъ поръ, какъ русскій митрополитъ Исидоръ во Флоренціи принялъ унію (1439), папская курія не упускала изъ виду великій славянскій народъ на востокѣ, Русь, дѣлая надежду, что онъ послѣдуетъ примѣру своего митрополита. Въ Римѣ и на славянскомъ югѣ хорошо знали и понимали значеніе словъ спутника Исидора, суздальскаго инокъ Симеона, что у Хорватовъ —черезъ земли которыхъ Русскіе путешествовали — „языкъ съ Руси а вѣра латинская“ ²⁾. Объ этихъ Хорватахъ или Словѣнахъ вѣры латинской, говорившихъ языкомъ съ Руси, папская курія не разъ вспомнила, строя планы относительно распространенія католицизма на славянскомъ востокѣ. Этихъ „Словѣнъ, Словенъ“ знали тоже на Руси, не только въ польско-литовской,

¹⁾ О книгѣ Станиславова см. статьи М. Петровскаго въ Славянскомъ Сборникѣ II. (1877) и Лескина въ *Archiv für slavische Philologie* III. 518. Примѣры болгарскаго языка писаннаго латиницею (и греческимъ письмомъ) см. въ статьѣ Миклошича о болгар. правописаніи въ вѣнскихъ *Denkschriften* XXXIV.

²⁾ Сахаровъ: Сказанія русскаго народа II. (Путешествія русскихъ людей, стр. 88).

а тоже въ московской. Не даромъ требовалъ великій князь Иванъ III отъ императора Максимилиана (1490) „писати грамоту свою рускимъ письмомъ, будетъ у него писецъ Сербинъ или Словѣнинъ, а не будетъ такого писца, кому по руски писати, ни по латински или по нѣмецки“. А около этого времени въ Новгородѣ проживалъ югославянскій доминиканецъ Веніаминъ „родомъ Словенинъ а вѣрою латинянинъ“, и переводилъ, по повелѣнію архіепископа Генадія, нѣкоторыя библейскія книги „съ латинска языка на руски“ ¹⁾. Въ Римѣ не могло-же остаться тайною, что знаніе какого-нибудь славянскаго языка приноситъ иностраннымъ посламъ въ Москвѣ большую пользу, какъ напр. посламъ римскаго императора Герберштейну и Кобенцелю, знавшимъ краьско-словенскій языкъ. Югославянское католическое духовенство, бѣлое и черное, дѣйствовало въ интересахъ католицизма среди славянскихъ „схизматиковъ“ Сербовъ и Болгаръ, и „еретиковъ“ — патаренъ и гуситовъ: оно могло Риму сослужить службу и среди „схизматической“ Руси, поддержать мысль митрополита Непдора. Здѣсь, на славянскомъ востокѣ давно дѣйствовали уже другіе славянскіе слуги Рима, польскіе епископы, разные монахи, потомъ іезуиты, надѣясь со временемъ заполнить для Рима всю Русь, польско-литовскую и московскую. Эти надежды не были лишены извѣстной доли вѣроятности, такъ какъ вліянію польскаго духовенства и іезуитовъ удалось въ концѣ XVI вѣка (1590 — 1596) привить среди одной части православнаго духовенства въ польско-литовской Руси давно забытую унію восточной церкви съ Римомъ. Такимъ образомъ уніятская Русь сдѣлалась, на равнѣ съ католическимъ польскимъ и югославянскимъ духовенствомъ, важнымъ орудіемъ римской *ecclesia militans* среди православныхъ Славянъ. Русскіе уніаты бывали часто въ Римѣ и сносились съ югославянскимъ католическимъ духовенствомъ; одинъ изъ нихъ, Меѳодій Терлецкій, впоследствии

¹⁾ Памятники дипломат. сношеній древней Россіи съ державами иностранными I. 41; Описаніе славянскихъ рукописей москов. синодальной библіотеки I. 128; Описаніе рукописей Румянцев. Музея, 164.

епископъ холмскій, въ 1628 — 1629 гг., по внушенію папы и римскаго императора, дѣйствовалъ въ хорватской Военной Границѣ среди тамошнихъ православныхъ Сербовъ въ пользу униі, что доставляло люблянскому епископу, Томѣ Крену, большое удовольствіе ¹⁾. Распространеніе униі среди православныхъ Югославянъ возбуждало, конечно, большое удовольствіе и въ Польшѣ, въ рядахъ правительства и духовенства, которыя не преминули указывать и Русскимъ на такіе успѣхи католицизма въ югославянскихъ странахъ. Польскій король Сигизмундъ III въ письмѣ князю Острожскому (1595) указывалъ на готовность „волоскихъ, сербскихъ и болгарскихъ бискуповъ“ подчиниться папѣ, и скоро послѣ того утверждали въ Польшѣ, что въ 1601 г. „Іона“ (т. е. вышеупомянутый Іоаннъ), патріархъ сербскій и болгарскій, со всѣми митрополитами, епископами, воеводами, князьями и главарями королевства сербскаго отступилъ отъ царьградскаго патріарха и поддался папѣ ²⁾.

На новаго папу Климента VIII возлагали католическіе Югославыне большія надежды. Хварскій епископъ Петръ Чедолинъ, поздравляя новаго папу (1592), выражаетъ радость свою и народа словинскаго (*gentis meae et linguae illyricae*) по поводу избранія такого папы, который познакомился еще во время своего посольства въ Польшѣ съ положеніемъ дѣлъ у народовъ славянскихъ (*linguae illyricae*). Славянскія страны (*Illyricum*) отчасти подвластны Туркамъ, отчасти пребываютъ отдѣленными отъ римской церкви; въ тридцати огромныхъ странахъ раздается славянскій языкъ—во Фракіи, Мизіи, Македоніи, Босніи, Дакіи, во всѣхъ странахъ между Дунаемъ и Днѣпромъ, въ Паноніи, Далмаціи,

¹⁾ Arkiv za povjestnicu jugoslav. II. 128. Тотъ же самый Терлецкій принималъ позже въ Римѣ дѣятельное участіе въ исправленіи церковныхъ книгъ у Хорватовъ глаголическѣй, о чемъ срв. последнюю главу II-го тома: Словѣнскій языкъ и его судьбы.

²⁾ Акты западной Россіи IV. 107; *Święte pobudki do jedności św. w cerkwi ruskiej wielce potrzebnej (Prawa i przywileje od królów polskich nadane obywatelom religiei greekiej w jedności z kościołem rzymskim będącym, Wilno 1632, стр. 60—62).*

Хорватин, Истрин, Крапской землѣ, Чехіи, Польшѣ, Руси и въ огромномъ царствѣ Русскихъ (*Ruthenorum imperio*), Порикѣ, называемомъ нынѣ Австріей и повсюду между Альпами и Дунаемъ до его источниковъ и до моря адриатическаго; папа, заботясь о славянскихъ народахъ, навѣрное назначить въ славянскихъ церквяхъ не иноплемениковъ, а людей того же рода и языка. Тотъ же епископъ Чедолинъ представилъ папѣ и записку (1594) о пользѣ союза римскаго императора съ русскимъ царемъ, который можетъ выставить многочисленное войско и пользуется преданностью своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ въ владѣніяхъ султана ¹⁾).

Папа Климентъ поручилъ Далматинцу-Слѣбтянину, члену братства св. Іеронима въ Римѣ, іезуиту Александру *Комуловичу* дѣйствовать въ Польшѣ и въ Москвѣ въ пользу войны съ Турками (1594—1597). Комуловичъ уже раньше, десять лѣтъ назадъ, путешествуя, по порученію папы Григорія XIII на балканскомъ полуостровѣ вмѣстѣ съ іезуитомъ Томою Радичемъ, изучалъ тамошнее положеніе дѣлъ—на случай войны съ Турціею; онъ рассчитывалъ на то, что тамъ живутъ по большей части воинственные Славяне греческаго и латинскаго вѣроисповѣданія. Онъ, по порученію папы, долженъ былъ возбуждать къ войнѣ съ Турками польскаго короля и польскихъ паповъ, волошскихъ господарей, русскихъ козаковъ и русскаго царя. Въ Москвѣ Комуловичъ былъ два раза (1594—95 и 1597) и уговаривалъ царя освободить христіанскіе народы „одного языка съ Русскими или мало отъ него отличающагося“, которые стонутъ подъ турецкимъ игомъ и съ радостью примутъ своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ въ государи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Комуловичъ долженъ былъ имѣть въ виду также унію русской церкви съ Римомъ; папа обѣщалъ царю разныя почести, по примѣру своихъ предшественниковъ, которые отличали королей угорскихъ, польскихъ и чешскихъ, и самыхъ царей западнаго и восточнаго Рима; онъ надѣялся, что русскій царь будетъ дѣйствовать въ такомъ духѣ и ра-

¹⁾ Theiner: *Vetera Monum. Slavorum merid.* II. 83; Zinkeisen: *Geschichte des osman. Reiches* III. 592.

ди самого посла: ибо уже болѣе семисотъ лѣтъ со времени введенія христіанства на Руси не случалось, чтобъ папы туда посылали кого-либо знающаго ихъ языкъ. На это послѣднее обстоятельство папа Климентъ не переставалъ папирать, повторяя царю Федору и Борису Годунову, что къ нимъ послалъ умышленно Славянина, который знаетъ и ихъ языкъ (*Illyricum, qui etiam vestram linguam callet*) ¹⁾. Планы папы на Руси не удались; Комуловчъ съ 1599 г. пребывая въ Дубровникѣ, продолжалъ, по порученію папы, дѣйствовать здѣсь на южныхъ Славянъ и Албанцевъ въ пользу войны съ Турками.

Планы римской куріи относительно насажденія католицизма въ самостоятельной Руси не удавались ни тогда, ни позже, когда въ началѣ XVII вѣка польскіе іезуиты надѣялись, подъ покровительствомъ польскихъ войскъ, крѣпко засѣсть и въ Москвѣ и продолжать здѣсь свою дѣятельность и относительно восточно-русской церкви.

Но на польскихъ епископовъ, монаховъ и іезуитовъ Русскіе смотрѣли не только какъ на враждебныхъ православной вѣрѣ латинянъ, но также какъ на національных и политическихъ своихъ враговъ Поляковъ, которые всевозможно старались вредить интересамъ Руси; польскіе епископы всегда были болѣе сенаторы Поляки, чѣмъ сановники католической церкви, и относились даже къ униатской Руси не особенно дружелюбно. Православная же Русь—въ Польшѣ, Литвѣ и Москвѣ имѣла много причинъ смотрѣть враждебно на наступающую противъ нея польско-католическую часть римской церкви, которая была опасна не только православію, а также національной и политической самобытности русскаго народа. Между тѣмъ южные „Словене, вѣрою латиняне“

¹⁾ Starine, izd. jugoslav. akad. XIV. 86, XVI. 209; Turgenev: Monumenta Russ. histor. II. 46, 48; Theiner: Vetera Monum. Slav. merid. II. 86, 90; Monum. hist. Polon. III. 210; D. Tolstoy: Le catholicisme romain en Russie I. 313 (инструкція папы Комуловичу, по русски уже у Новикова, Древняя россійск. вивлиоѳ. XII. 456); Памятники дипломат. сношеній древней Россіи X. 393. Комуловичъ, пребывая въ Литвѣ (1595), обратилъ польскаго историка Іоакима Бѣльскаго въ католицизмъ.

не представлялись для Руси столь антипатичными и опасными, да они могли, какъ свидѣтельствуется особенно примѣръ Крижанича, посмотреть на Русь съ неменьшими симпатіями, чѣмъ православные Югославыне.

Когда же въ началѣ XVIII вѣка (1719) іезуиты прогнаны изъ Россіи, то предполагалось поручить духовныя дѣла католиковъ югославянскимъ францисканцамъ, особенно тѣмъ, которые отправляютъ богослуженіе на словинскомъ языкѣ (in slavo); этихъ югославянскихъ францисканцевъ имѣли въ виду преимущественно по поводу многихъ Поляковъ, ибо, хотя языки словинскій и польскій отличаются, но всетаки можно ихъ легко понимать ¹⁾. Еще нѣсколько лѣтъ спустя далматинскій священникъ, Матвій Караманъ, посѣтившій нѣсколько разъ Россію (1737, 1739, 1742 — 1743), предполагалъ, что далматинское духовенство можетъ сослужить важную службу въ распространеніи католицизма въ Россіи, такъ какъ у Далматинцевъ и Русскихъ почти одинаковый языкъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ надѣется тоже на уніатское русское духовенство, которое имѣетъ общій обрядъ и языкъ съ Русскими ²⁾. Преемниками іезуитовъ въ Россіи сдѣлались на время францисканцы и капуцины — но не югославянскіе, а позже доминиканцы.

Все мечтанія югославянскихъ патеровъ и фратеровъ въ родѣ Комуловича, Градича ³⁾, Сладича, Милишича, Карамана и др., чтобъ все Русскіе приняли унію съ Римомъ, такъ и остались мечтами.

¹⁾ Письмо русскаго контръ-адмирала Змаевича (Далматинца) его брату задерскому архіепископу, изъ Петербурга 1719 г. (Theiner: Monuments historiques de Russie, p. 518).

²⁾ Донесенія Карамана въ Римъ см. въ Starine XV. 95.

³⁾ Дубровчанинъ абать Стефанъ Градичъ написалъ, послѣ оставленія русскимъ посольствомъ Рима (1670 г.), для кардинала Распони особую статью (1674 г.) „о народахъ славянскаго языка“, т. е. о южныхъ и русскихъ Славянахъ. Съ полуночныхъ странъ — разсуждаетъ Градичъ — выступили храбрые Славяне на югъ, завоевали подунайскія страны между Альпами и Чернымъ моремъ, Хорватію, Сербію и Болгарію; они и Русь приняли потомъ, главнымъ образомъ

Русскіе уніаты рассчитывали тоже на распространіе своихъ церковныхъ словѣнско-русскихъ книгъ среди Югославянъ, тѣмъ болѣе, что словѣнско-русскій церковный языкъ принять и въ церкви болгарской и сербской, да и хорватскими католиками глаголящими. Такъ напр. въ концѣ XVII в. русскіе уніатскіе епископы просили одобренія со стороны римской конгрегациі de propaganda fide для издавнаго ими словѣнскаго служебника, который долженъ служить не только для всей Руси, а тоже для всѣхъ славянскихъ народовъ во владѣніяхъ римскаго цесаря и венеціанской республики. Еще въ XVIII в. уніатскій епископъ холмскій, позже перемышльскій Максимиліанъ Рыло, переведши (1773 г.) *Martyrologium romanum* а *Benedicto XIV editum* съ латинскаго на тогдашній русскій, рассчитывалъ на распространіе этого *Martyrologium slavonicum* среди многочисленныхъ славянскихъ народовъ въ австрійскихъ владѣніяхъ ¹⁾).

Въ интересахъ католицизма югославянскіе священники и монахи дѣйствовали и въ другихъ странахъ славянскихъ. Дубровчанинъ, доминиканецъ Иванъ *Стойковичъ*, усердный ревнитель соединенія церквей, врагъ и обличитель „еретиковъ“ (патаренъ и гуситовъ), сторонникъ идеи о примиреніи всѣхъ христіанъ и соединеніи ихъ противъ Турокъ, дѣйствовалъ въ такомъ смыслѣ въ Базелѣ на соборѣ и въ Царьградѣ. На базельскомъ соборѣ Стойковичъ ревностно спорилъ съ чешскими гуситами (1433), возставая именно противъ причащенія подъ обоими видами. Онъ въ жару спора называлъ ихъ еретиками и возбудилъ этимъ большое негодованіе Чеховъ, тѣмъ болѣе, что они считали его, какъ Славянина, своимъ соплеменникомъ, землякомъ (*conterraneus*), называя его просто Яномъ Славяниномъ, славянскимъ докторомъ (*Johannes Slavus*); когда же Прокопій Великій жаловался на

посредствомъ Грековъ, христіанство съ богослуженіемъ на славянскомъ языкѣ, одобренномъ и нѣкоторыми папами. Желательно, чтобъ всѣ эти „схизматическіе“ Славяне, преимущественно же московскіе Русскіе, приняли унію съ Римомъ. См. *Turgenev: Historica Russiae Monumenta*, II. 236—249.

¹⁾ Theiner: *Monumenta Poloniae et Lituaniae* III. 741; Петрушевичъ: Холмская епархія, стр. 2.

такія оскорбленія со стороны „земляка“, то Стойковичъ возра-
зилъ, что онъ, какъ землякъ Чеховъ по языку и народу (*conterra-
neus vester lingua et natione*), жelaетъ столь сильно ихъ возвра-
щенія къ матери церкви. Въ Царьградѣ (1436) Стойковичъ, зна-
токъ греческаго языка и литературы, трактуя, отъ имени собора
базельскаго, объ уніи съ патріархомъ—Болгариномъ, говорилъ съ
нимъ тоже на родномъ своемъ языкѣ (*Bulgarus est natione et
de lingua mea multum peritus et mihi affectus*) ¹⁾.

Подобно Стойковичу и другой Далматинецъ имѣлъ извѣстное
участіе въ дѣлахъ гуситскихъ Чеховъ, именно докторъ *Фантинъ
de Valle* изъ Трогира, рода Циприаничей. Онъ проживая въ Римѣ какъ
аудиторъ суда такъ назыв. *S. Rota*, былъ въ то же самое время и
прокураторомъ чешскаго короля Юрія Подѣбрадскаго при пап-
ской куріи, и отправился съ чешскими послами изъ Рима въ Прагу
какъ папскій легатъ (1462); чешскіе послы сами выбрали именно
Фантинъ, такъ какъ онъ зналъ-де „чешскій языкъ“ (т. е. посред-
ствомъ своего родного словинскаго) и могъ съ королемъ говорить
безъ переводчика. Но его посольство, имѣвшее цѣлью—примирить
гуситскихъ Чеховъ съ папскою куріею, не имѣло никакого успѣ-
ха, тѣмъ болѣе, что онъ велъ себя въ Прагѣ, на сеймѣ въ при-
сутствіи короля, надменно и рѣзко, обзывая гуситскихъ Чеховъ
еретиками и требуя безусловнаго подчиненія папской куріи ²⁾.

¹⁾ Echard: *Scriptores ordinis praedicatorum* I. 797 — 798. См.
краткую біографію Стойковича у Appendini: *Notizie critiche sulle an-
tichità, storia e letteratura de' Ragusei* II. 74 — 80, и въ сборникѣ
Dubrovnik (u Spljetu) 1866, p. 280—298). Два сочиненія Стойковича:
Initium et prosecutio Basil. concilii, *Tractatus quomodo Bohemi reducti
sunt ad unitatem ecclesiae*, издалъ Ф. Палацкіи въ *Monumenta con-
ciliorum generalium saec. XV* (1857, I.); въ изданномъ здѣсь дневни-
кѣ Чеха Петра Жатецкаго часто говорится о *Johannes Slavus*.

²⁾ О Фантинѣ см. Палацкаго: *Dějiny národu českého* IV. 2. p.
188, 206, 217—226. Фантинъ принималъ участіе въ основаніи вышеупо-
мянутаго словинскаго подворья св. Іеронима въ Римѣ, † 1475. —За-
мѣтимъ, что въ началѣ XVI в. одинъ изъ администраторовъ утра-
квистской консисторіи пражской, магистръ Матвѣй Корамбועъ про-
исходилъ изъ Хорватин; Чехи его называли *mistr Matěj z Charvat*.

Не все югославянскіе католическіе священники и монахи были однако столь исключительными римскими католиками, чтобы изъ-за интересовъ римской церкви забывать о національныхъ узахъ, связывающихъ ихъ съ православными соплеменниками. И дѣйствительно въ рядахъ югославянскаго католическаго духовенства можно встрѣтить такихъ лицъ, которыя относились къ православнымъ своимъ братьямъ съ одинаковою симпатіею, какъ и къ своимъ единовѣрцамъ, видѣли въ нихъ не столько „схизматиковъ“, сколько своихъ единоплеменниковъ. Дубровчанинъ - бенедиктинецъ Л. Црѣвичъ отзывался не очень лестно о нѣкоторыхъ напахъ и смотрѣлъ на споръ обѣихъ церквей, латинской и греческой, довольно равнодушно, считая ихъ препирательства пустяками. Дубровчанинъ-бенедиктинецъ Мавро Орбини и Далматинецъ-францисканецъ Андрей Качичъ-Міюшичъ прославляли одинаково подвиги „словинскихъ“ богатырей католиковъ и православныхъ. Исторія Словинъ Орбини читалась съ удовольствіемъ, въ рускомъ переводѣ, и православными Славянами, Русскими, Сербами и Болгарами, а пѣснями Качича наслаждались католики и православные „словинскаго народа“. Да книги Црѣвича и Орбини попали даже въ число запрещенныхъ Римомъ,—первая по поводу дружелюбнаго отношенія Црѣвича къ православной церкви, вторая—потому, что Орбини пользовался тоже некатолическими авторами ¹⁾. Дубровчане—іезуитъ Иг. Градичъ и священникъ Ст. Ружичъ прославляютъ русскаго царя Петра, какъ освободителя восточныхъ христіанъ, каноникъ Ю. Феричъ—императрицу Екатерину, не замкаясь о ихъ „схизмъ“. Знаменитый Хорватъ, католическій священникъ Ю. Крижаничъ, смотрѣлъ на русскаго царя и русскій народъ, какъ на единственное спасеніе Славянъ ²⁾.

Что касается югославянскихъ мірянъ католиковъ, то многіе изъ нихъ, вслѣдствіе частыхъ сношеній съ разными иновѣр-

¹⁾ Макушевъ: Исслѣдованія объ истор. памятникахъ Дубровника, стр. 98, 219.

²⁾ См. „Славяне“ т. II, стр. 309 и сл. Приводимъ здѣсь любопытные стихи извѣстнаго представителя гуманизма въ Угріи и Хорватіи Ивана Людича (Janus Rapponijs), уроженца Славоніи, епископа пе-

цами или вслѣдствіе бѣльшей образованности и просвѣщенія, смотрѣли на православныхъ Славянъ не съ исключительной точки зрѣнія римской курии. Въ далматинско-дубровницкой поэзіи часто звучитъ славянская, а не римская струна, да Ю. Пальмичъ выставляетъ мудрую Сѣверницу-Русь примирительницею Славянъ, не смотря на ея „схизму“. Дубровчанинъ-католикъ Троянъ Гупдуличъ, пребывая, вѣроятно по торговымъ дѣламъ, въ Бѣлградѣ въ Сербіи, устроилъ здѣсь въ своемъ домѣ типографію, и велѣлъ сербскому православному монаху Мардарію изъ монастыря Меркшиной Церкви напечатать, на словѣнско-сербскомъ языкѣ, православное Евангеліе (1552); въ послѣсловіи Гупдуличъ говоритъ: „Азь Троянъ Гупдуликъ отъ великаго града Дубровника, почехъ и сѣвершихъ сію светую душеспасную книгу, и отъ богоданнаго ми имениа не пощедехъ, ни тѣлу моему покоя дахъ, допдеже придохъ до сѣвершенія дѣлу“.

Между православнымъ сербскимъ духовенствомъ были тоже просвѣщенные лица, которыя сознавали печальное положеніе южныхъ Славянъ, особливо Сербовъ, весь вредъ ихъ раздробленія, политическаго, племеннаго и конфессіональнаго, и видѣли спасеніе въ поднятій общаго уровня просвѣщенія и образованія. Представителемъ такого направленія былъ сербскій писатель и дѣятель, Досиѣей Обрадовичъ, православный монахъ. Онъ зналъ, что есть одна „нація славено-сербска одъ Баната до Албаніе, у Сербіи, у Босни, у Славоніи, у Далмаціи и Ерцеговини“; если же ненавидятъ другъ друга, то по бѣльшей части это „происходи изъ того, що су неки греческаго и неки римскаго закона, и паричу едни друге съ кое-какви ружьи (скверными) и презрител-

чуйскаго, † 1472 въ Загребѣ, куда онъ бѣжалъ передъ королемъ Матвѣемъ Корвиномъ, послѣ неудачнаго заговора, затѣяннаго имъ и его дядею Иваномъ Витезомъ изъ Средны, въ пользу польскаго короля Казимира.

Deridet euntes Romam ad Jubilaeum.
Hispani, Galli, Selavini, Teutones, Hunni,
Clavigeri petitis limina sancta Petri.
Quo ruitis stulti, Latios ditare Telonas?
Salvari in patria siccine nemo potest?

ними именами; први вторе зову или шокци или буніевци или римци или латини, а ови оне власи, ркаи и шизматици. А честно, свето и братско име хрістіани то свако (всякій) само за се држи; или ако кадъ една страна другу назове кршћани или ришћани, то се за особиту милость и учтивость твори и држи; и по пекрехи (несчастью) врло редко бива.... Сербія, Босна и Ерцеговина избавишесе съ временомъ отъ Турака и ослободити: али (но) ако народъ у овимъ земляма не почне отресати одъ себе суевѣріе и неизкорени ону древню и богомрску вражду и мрзость за законъ (ненависть изъ-за вѣроисповѣданія), они ћеду бити (будутъ) сами себе Турци и мучители“ ¹⁾.

Иванъ Мажураничъ, замѣняя утраченную XV вѣсь „Османа“ Ив. Гуидулича своимъ произведеніемъ, сѣтуеть, въ духъ поэта, на это жалкое положеніе южныхъ Славянъ:

О slovenska zemljo liepa,
Što sagrieši nebu gori,
Da te taki udes ciepa ¹⁾
I jadom te viečniem mori?

¹⁾ См. Пыпина, Исторія славянскихъ литературъ I. 208—210, Этнографическою и конфессіальною идимією, какъ ее начерталъ Обрядовичъ сто лѣтъ тому назадъ, можно любоваться на славянскомъ югѣ до сихъ поръ,—и встрѣчаться съ хришћанами, кришћанами, влахами, хрваћами, шокцами, буневцами, паулићанами, помаками (магомет. Болгарами) и пр. Хорваты требуютъ, чтобъ православные Сербы („Влахи“, какъ ихъ называетъ даже хорватскій историкъ Смичикласъ), живущіе въ Хорватіи и Славоніи, считали себя „православными Хорватами“. Въ Босніи, послѣ ея фактическаго присоединенія къ Австріи, тамошніе чиновники выдумали какую-то „bosnische Landessprache“, подражая вѣроятно „босанскому“ языку францисканцевъ, которые однако называли его тоже „словинскимъ“. Извѣстны преслѣдательства Хорватовъ и Сербовъ изъ-за имени (серб. нашу статью въ книгѣ Jihoslované, стр. 7 — 15), литературы, разныхъ областей, политической гегемоніи и пр. „Срби и Хрвати су један народ, само имају два имена“, сказалъ уже Юрій Даничичъ, и подъ его редакцією югославянская академія въ Загребѣ стала издавать словарь „хорватскаго или сербскаго языка“. Это, разумѣется, идеаль всѣхъ болѣе просвѣщенныхъ Хорватовъ и Сербовъ; но иначе — peccatur intra et extra muros.

¹⁾ судьба терзаетъ.

Potišteni tvi sinovi,
Gospodičnoj niegda vlasti,
Izrodi su, il' robovi,
Željui s ovcam' travu pasti.

Ah da je proklet, tko cieć ²⁾ vire
Na svojega reži ³⁾ brata:
Jer nesrieća ⁴⁾ tvoja izvire ⁵⁾
Samo iz toga kalna ⁶⁾ blata.

Tiem istinu rieč čuj paka,
Ku me neco riet nadiše:
Ti si majka od junaka,
Nu robova vele više.

Robovi su tvi junaci,
Tvoji sebri, ⁷⁾ tvá gospoda;
Robovi su tvi vieštaci ⁸⁾
I svi, tvoga ki su roda.

I robstvo će tvoje iz tmina
Na gospodski dan iziti,
Kad paklenieh dno dubina ⁹⁾
Bratinska se mårzos ¹⁰⁾ hiti.

²⁾ ради, ³⁾ скалить зубы, ⁴⁾ несчастье, ⁵⁾ истекасть, ⁶⁾ гряз-
ного, ⁷⁾ мужики, ⁸⁾ интеллигенція, ⁹⁾ адскихъ пучинъ, ¹⁰⁾ непаவிсть
(mrzost).

СОДЕРЖАНІЕ

ПРЕДЫДУЩИХЪ ТОМОВЪ.

ТОМЪ I-Й.

	<i>Стр.</i>
ПРЕДИСЛОВІЕ	I
I. Древнѣйшая исторія Славянъ	1

Племя арійское или индоевропейское и его распространеніе въ Европу. Славяне-Венеты въ странахъ адріатическихъ, альпійскихъ и подунайскихъ (въ Венетіи, Норикѣ, Паноніи, Дакии), полабскихъ, повислянскихъ, поднѣпровскихъ и черноморскихъ (въ Германіи—Свевіи, Скиѣи и Сарматіи). Славянскія племена — народы — государства. Полабско-балтійскіе Славяне, Моравяне, Чехи, Поляки, Словенцы, Хорваты, Сербы, Болгаре, Русь, Христіанство, Римъ и Константинополь, церковно-культурное раздвоеніе Славянъ. Славяне и Нѣмцы и Угры. Мысль о западнославянскомъ государствѣ; моравскіе Мойміровичи, чешскіе Болеславы, польскій Болеславъ Храбрый, чешскій Брячиславъ.

II. Славяне балтійскіе и полабскіе.	15
--	-----------

Ободричи, Велеты-Лютичи, Поморяне, Сербы. Борьба Славянъ съ Нѣмцами. Карлъ Великій и его преемники. Христіанство. Княжество ободрическо-лютичское, Годескалькъ, Крутъ, Генрихъ, Прибыславъ, Никлотъ. Княжество поморско-лютичское. Рава. Покореніе Славянъ полабско-балтійскихъ. Бранденбургъ. Германизація.

III. Чехи.

Моравское государство Моймировичей. Чешское государство Премысловичей. Присоединение Чехии къ Германіи, и водворение и распространение въ Чехіи нѣмецкаго вліянія. Политическое могущество чешскаго государства при Премыслѣ Отакарѣ II, Вичеславѣ II и Карлѣ, императорѣ римско-нѣмецкомъ. Гуситское движеніе, религіозное и національное, чешское, славянское. Юрій Подѣбрадекій. Польскіе Ягайловичи въ Чехіи. Габсбурги. Возстанія 1547-го и 1618-го гг. Падение Чехіи и его печальныя для чешской народности послѣдствія.

IV. Поляки 31

Польское государство Пястовичей. Распаденіе его, потеря Силезіи и Поморья. Возобновленіе польскаго королевства при послѣднихъ двухъ Пястовичахъ, Владиславѣ и Казимірѣ. Борьба съ нѣмецкими крестоносцами и соединеніе Польши и Литвы. Поворотъ Польши съ запада на востокъ и ея движеніе въ русскія земли, и происшедшая изъ этого борьба съ Москвою. Ослабленіе королевской власти и усиленіе шляхты, и водвореніе анархіи. Паденіе Польши и его причины. Побѣда Нѣмцевъ надъ всѣми западными Славянами.

V. Словенцы 44

Племена. Государство Сама. Раздробленіе Словенцевъ, покореніе ихъ Нѣмцами, отнѣмченіе сѣверной половины Словеніи. Габсбурги.

VI. Хорваты 47

Хорваты въ Далмаціи. Верховная власть Фрапковъ и Византіи. Народная династія. Соединеніе Хорватіи съ Угріею. Борьба Хорватовъ съ Уграми, Венеціанцами, Турками. Габсбурги въ Угріи и Хорватіи. Военная Граница. Дубровникъ. Раздробленіе хорватской земли.

VII. Сербы 55

Сербы въ Далмаціи и Мизіи. Сербское государство на сѣверѣ и на югозападѣ. Расскѣе Неманичи и ихъ

завоевательныя стремленія на балканскомъ полуостровѣ. Царь Стефанъ Душанъ. Покореніе Сербіи и Босны Турками. Черная Гора. Сербы въ Хорватіи и въ Угріи.

VIII. Болгаре 62

Задупайскіе Словѣне. Образование болгарскаго государства и его борьба съ Византіею. Царь Симеонъ. Южноболгарскіе Шинмановичи. Паденіе болгарскаго царства и его возобновленіе Асѣевичами. Покореніе Болгаріи Турками. Болгаре и Греки-Фанаріоты.

IX. Славяне въ Угріи и въ Румуніи. 68

Угорское государство. Румыны или Волохи, и ихъ государства Валахія и Молдавія. Словаки, Русскіе, Словѣне. Вліяніе славянскаго элемента на угорскій и румунскій. Возрожденіе угорскихъ Славянъ и начало анти-угорскаго движенія. — Торжество Нѣмцевъ надъ всѣми Славянами западными и многими южными.

X. Русскіе 77

Русь и Варяги. Собраніе восточно-славянскихъ племенъ въ одно политическое цѣлое. Русь. Христіанство. Дробленіе Руси и побѣда сѣвера надъ югомъ. Монголы, Литовцы. Нѣмцы. Сѣверовосточная Русь, Москва, освобожденіе ея отъ монгольскаго ига. Юго-западная Русь — Литва, ея соединеніе съ Польшею. Борьба Литвы-Польши съ Москвою. Москва — царство русское. Иванъ III, Иванъ IV Грозный. Смутное время. Доцареніе Романовыхъ. Распространеніе польскаго вліянія въ югозападной Руси. Уніи. Казаки. Стремленія русскихъ царей осуществить титулъ царя всей Руси и вытѣснить Польшу изъ русскихъ земель. Петръ Великій. Сношенія Россіи съ западною Европою, съ южными Славянами въ Турціи. Паденіе Польши и ослабленіе Турціи. Значеніе Россіи для Славянъ.

XI. Быть Славянъ 91

1. Колонизація 92

Географическая номенклатура. Названія племенъ и народовъ. Переселенія славянскихъ племенъ. Сла-

вянская колонизація востока и юговостока Европы.
Село (весь) и городъ

2. *Родъ* 100

Славянскій родъ, югославянская задруга. Слѣды родового быта у западныхъ и восточныхъ Славянъ. Названія рода, семьи: родъ, племя, челядь, полкъ, вервь, жупа. Названія начальниковъ рода; дѣдъ, башта, господарь, кметъ, старѣшина-староста, владарь, князь, войвода, жупанъ. Женщины въ родѣ, вѣно, похищеніе. „Вражды“ родовъ, междоусобицы, кровавая месть. Имена. Постриги.

3. *Община* 111

Славянская община, жупа, вервь, волость, погость, околица, околина, ополе, миръ, гоштва, губа. Начальники общины, староста, жупанъ, кметъ, князь, ватаманъ. Тысячи, сотни, десятки и ихъ начальники, тысяцкіе-воеводы, сотскіе, десятскіе. Сходки общинъ—вѣча. Польское ополе, русская вервь—околица—волость—кона, западно-славянскія общины—села, югославянскія общины—кнежины—жупы—околины. Нѣмецкое и римское вліяніе.

4. *Сословія* 126

Люди вятшіе и меньшіе. Землевладѣльцы, земляне, земцы, дѣдичи. Простой людъ, чернь, полкъ, холопы, мужи, кмети, сябры, смерды, крестьяне, земледѣльцы, рольники, ратаи, люди пашенные, сошныя, тяглыя, нарочники, урочники, оброчники, серебренники, куничники, половники, мѣропхи, влахи. Купцы—гости, промышленники. Рабы, невольники, холопы, холуи, отроки, челядь, сироты, склавы. Горожане и селяне. Люди вятшіе, знать, земляне, князья, жупаны, паны, владыки, боляре, властеле; други, панюши, дѣтскіе, дворяне, витязи и пр. Шляхта, гербы, рыцари. Знать высшая и низшая. Знать—дѣдичи, владѣльцы дѣдинъ, отчинъ, выслугъ, проній, помѣстій. Знать и людъ.

5. *Государственное устройство* 142

Государства у Славянъ, князя, короли, цари; князья дѣдичи и отчичи своихъ государствъ—дѣдинъ, от-

чинъ, своихъ удѣловъ. Старшинство въ родѣ княжескомъ, первородство, сажаніе на столъ дѣдень и отень, коронація. Савовники и чиновники, совѣтники (думцы, кметы, жупаны, князья) и памѣстники государя. Раздѣленіе на земли, волости, учѣды, жупы, станы, погосты, повѣты, городскіе округа. Государственныя повинности, дани и поборы, деньгами и натурою, распредѣляемыя по плугу, ралу—сохѣ, двору, дыму, люду; военная служба и военные порядки; повинности, относительно государства и двора. Пѣмецкое право.

6. *Народныя собранія* 162

Сходки общинъ, соборы, сѣмы, вѣча, громады, кошы, круги, рады и пр. Вѣчевое устройство на Руси вообще, въ Новгородѣ, Псковѣ, въ югозападной Руси, въ казацкихъ войскахъ; московскіе соборы. Вѣча у Югославянъ, особенно у адриатическихъ, въ Дубровникѣ, Винодолѣ, Керкѣ, Полицахъ и др. Вѣча у балтійскихъ Лютитей и Поморянъ. Сеймы польскіе и чешскіе, соборы хорватскіе, сербскіе, болгарскіе.

7. *Право* 174

Право обычное и писанное. Закопъ. Судъ, судъ присяжныхъ, судъ божій; судопроизводство, вданіе, соки, сводъ, судебный приговоръ.

8. *Мифологія и поэзія* 178

Обожаніе природы. Дуализмъ. Сварогъ небо и Сварожичи солнце, огонь, вѣтеръ. Русалки, вилы, дѣдки—домовые, роженицы и пр. Идолы, храмы, жрецы, жертвы и требы, богослуженіе. Волхвы, чародѣи, вѣдуны, колдуны и др., моры, волкодлаки упыри. Рай, павъ, похороны, тризна, пиръ—страва. Язычество и христіанство. Небесныя тѣла—мѣрильщики времени. Праздники солнца, коляда, русалія, крѣсь. Слѣды старинной религіи въ народной письменности, обычаяхъ и пр. Мифическія преданія. Эпическая поэзія у Сербовъ, Болгаръ, Русскихъ.

9. *Языкъ и письмо* 179

Славянскій праязыкъ и славянскіе языки, ихъ отличительныя черты; фонетика, удареніе, формы, словарь.

Письмо, книги, черты, рѣзы, буквы, доски. Письмо греческое и латинское; письмо греческо-славянское Константина, глаголица, кирилица, гражданка, буквица. Славянской языкъ — свидѣтель древней славянской культуры.

ТОМЪ II-ОЙ.

ВВЕДЕНИЕ 1

I. Славяне балтійскіе и полабскіе 11

Балтійскіе Славяне (Ободричи, Лютичи, Поморяне)— „Словене“ (Венды). Древніе нѣмецкіе лѣтописцы о балтійскихъ Славянахъ, Титмаръ, Адамъ, Гельмольдъ и др.: Кранцъ, Бугенгагенъ, Канцовъ. Полабско-лужицкіе Сербы. Сербскій языкъ и письменность. Вліяніе чешскаго языка. Мих. Френцель и его привѣтъ русскому царю Петру Алексѣевичу. Его сынъ Авраамъ. Антонъ.

II. Чехи.

1. Славянская идея въ публичной жизни 23

Опасное положеніе Чеховъ окруженныхъ Нѣмцами. Роковыя послѣдствія отъ нежеланія Чеховъ и Лютичей примкнуть къ Болеславу Храброму. Воззваніе чешскаго короля Премысла II Отакара къ Польнѣ о помощи противъ „ненасытной пасти Нѣмцевъ“. Движеніе гуситское-славянское. Паденіе чешскаго государства, брошеніе Польшею, и полное торжество Нѣмцевъ въ средней Европѣ. Славянское сознаніе Чеховъ въ публичной жизни.

2. Историческая литература 30

Легенды. Лѣтописи Косьмы, Далимила, Мариньолы, Пулкавы. Собраніе изъ чешскихъ лѣтописей (1437) и жалованная грамота Александра Великаго Славянамъ. Эней Сильвій, Кутень, Гаекъ, Дубравскій, Велеславинъ, Пуховскій, Папроцкій. Мнѣніе о происхожденіи Чеховъ съ славянскаго юга и востока. Споръ объ этомъ въ пражскомъ университетѣ въ па-

чалъ XVII в. между Судетскимъ и Троиломъ. Исторія другихъ славянскихъ народовъ.

3. *Филологическая литература* 46

Знаніе славянскихъ языковъ въ Чехіи вообще, въ статьяхъ Голеновскаго и Гуса, въ сочиненіяхъ Грубаго изъ Еленья, Благослава, Бенешовскаго, Лодерекера. Чешскія книги у другихъ Славянъ.

4. *Славяновѣдѣніе въ чешской литературѣ XVII — XVIII вв.* 60

Чешскіе историки Бальбинъ, Пешина, Стредовскій, Йорданъ и др., филологи Роса, Долежалъ и др. Фрозинъ, Керманъ, Вхинскій, Шимекъ и др. Вопросъ о происхожденіи Чеховъ и о праотцѣ Чехъ. Добнеръ, Пубичка, Пельцель, Добровскій, Славянская идея въ возрожденіи чешскаго народа.

III. Поляки.

1. *Славянское сознаніе Поляковъ въ публичной жизни.* . 70

Выгодное положеніе Польши среди Славянства, ея политика относительно другихъ Славянъ, и неудача этой политики. Поляки и Нѣмцы, наступающіе противъ западныхъ Славянъ. Габсбурги и ихъ планы завладѣть польскимъ престоломъ. Польша и Русь, планы Поляковъ о соединеніи всего восточнаго Славянства, Польши, Литвы, Москвы, и объ избраніи русскаго царя въ польскіе короли. Невозможность соглашенія интересовъ польскихъ и русскихъ, политическо - національныхъ и религіозныхъ, польскаго католичества и русскаго православія. Неудача плановъ Польши относительно Руси. Католическая исключительность Польши мѣшаетъ энергической защитѣ славянскихъ интересовъ въ средней Европѣ: политическія ошибки Польши относительно Чеховъ въ XV, XVI, XVII вѣкахъ. Ошибка Собескаго. Польша и южные Славяне. Мысли Константиновича, Андрашевича, Орѣховскаго, Варшевицкаго, Папроцкаго, Грабовскаго, и др. о роли Польши относительно южныхъ Славянъ. Полная неудача славянской политики Польши. Замѣна Польши Россіею. Торжество Нѣмцевъ въ Польшѣ.

2. *Историческая литература* 100
 Связь польской исторіи съ исторіею Славянъ западныхъ, восточныхъ и южныхъ, и мнѣніе о томъ Длугоша, Мѣховскаго, Сарницкаго. Древніе лѣтописцы, Мартынъ Галль, Викентій Кадлубекъ, Держва, Богухваль-Башекъ, и др. Длугошъ, Григорій изъ Санока, Ваповскій, Мѣховскій, Бѣльскій, Кромеръ, Стрыйковскій, и др. Исторія другихъ славянскихъ народовъ. Полидамъ, Бѣльскій, Константиновичъ. Мысль объ общеславянской исторіи: Сарницкій, Папроцкій, Венгерскій. Географы. Мѣховскій, Бѣльскій, Красинскій, Кромеръ, Гвагнинъ и др. Вопросъ о происхожденіи Поляковъ. Варшевицкій, Орѣховскій, Кохановскій, Дэмболэнцкій и др. Спычинскій. Исторіи XVII—XVIII вв., Пасторій, Ленгвихъ, Яблоновскій, Клечевскій, Вага, Нарушевичъ.
 3. *Филологическая литература* 146
 Зачатки польской славистики. Польскія книги у другихъ Славянъ. Словари Мончинскаго и Кнапскаго. Квятковскій. Вопросъ о польскомъ правописаніи, у Заборьскаго, Кохановскаго, Орѣховскаго, Горницкаго, Янушовскаго. Знаніе славянскихъ языковъ. Пашковскій, Статорій, Бѣльскій. Скарга, Сеяникъ, Будный и др. Горницкій о славянскихъ языкахъ. Клечевскій.
 4. *Славянская идея у польскихъ поэтовъ* 159
 Польскіе поэты—поэты „славянскіе“, ихъ стихи—стихи „славянскіе“, Славянская идея у І. Кохановскаго. Польскіе поэты и западно-славянскій вопросъ и Нѣмцы; Кохановскій, І. Бѣльскій, Гроховскій, В. Потоцкій, Трембецкій. Польскіе поэты и югославянскій вопросъ; Папроцкій, Ваповскій, Стрыйковскій, Клёновичъ, Пашковскій, Твардовскій, Гавинскій, Коховскій, Барановичъ, Нарушевичъ, Князьнинъ, Трембецкій. Польскіе поэты и восточно-славянскій вопросъ, борьба Польши и Руси; Кохановскій, Цельгримовскій, Гроховскій, Мясковскій, Витковскій, Твардовскій и др. Трембецкій — поэтъ панславизма.
- IV. Южные Славяне.
- I. *Югославяне по преимуществу „Славяне“* 198
 Словѣне, Словене подунайскіе и альпійскіе, балкан-

скіе и адріатическіе. „Илиры“ — Славяне, Югославяне. Роздробленіе и разрозненность южныхъ Славянъ. Болгаре, Сербы и Греки. Порабощеніе Югославянъ Турками, и надежды возлагаемыя Югославянами на Угрію, Польшу, римскаго цесаря и русскаго царя. Голоса въ пользу соединенія христіанскихъ государствъ противъ Турціи; Константиновичъ, Андрашевичъ, Георгіевичъ, Чедолини и др. Римскій цесарь Нѣмецъ и русскій царь Славянинъ. Вопросъ югославянскій или „восточный“.

2. *Историческая литература* 218

Болгарскія и сербскія лѣтописи, и отождествленіе въ нихъ древнихъ Илировъ и Оракійцевъ съ Славянами. Далматинско-хорватскія лѣтописи; смѣшеніе Готовъ съ Славянами. Діоклейскій лѣтописецъ, Оома силѣтскій, Црѣвичъ, Вранчичъ, М. Орбини, Раткай, Риттеръ-Витезовичъ, Качичъ-Міошичъ, Бандури, Лучичъ, Дюфренъ. Югославянскіе генеалогіи и географы. Вопросъ и споръ объ имени „Илиръ“ въ илирскомъ подворьѣ св. Іеронима и въ исторіографіи; Леваковичъ, Джорджичъ, Мрнавичъ и др. Герберштейнъ и Вальваторъ. Сербскія лѣтописи, Юрій Бранковичъ, Паисій, Раичъ.

3. *Филологическая литература* 255

Языкъ „словѣнскій“ (церковный), „словинскій“ (адріатическихъ Славянъ), „словенскій“ (альпійскихъ Славянъ), и вообще „славянскій“; языкъ „хорватскій“, „илирскій“. Югославянскіе грамматики и лексикографы. Вранчичъ, Микаля, Занотти, Деллабелла, Белостенецъ, Ямбрешичъ. Югославянское правописаніе, латиница, глаголица, кирилица. Кирилица — орудіе католической пропаганды среди православныхъ; книги Булинича, Матіевича, Маргитича, Цейкича, кириловскія книги іезуитовъ. Мнѣніе о глаголицѣ, письмѣ св. Іеронима. Грубишичъ. Югославянскія подрѣчія, силѣтское, дубровницкое, босенское. Зачатки славистики. Дѣятельность словенскихъ и хорватскихъ протестантовъ и ихъ расчеты на распространеніе ихъ книгъ у другихъ Славянъ. Труберъ, Крелль, Юрій Далматинъ, Антонъ Далматинъ, Стефанъ

Истриянинъ. Влацичъ. Филологи словенскіе, Бохоричъ, Мегизеръ, Иполитъ, Похлинь, Гутеманичъ, Поповичъ, Хорватскіе—Георгіевичъ, Враншчъ, Градичъ, Деллабелла, Сладичъ-Дольчи. Церковный словѣнскій языкъ у Сербовъ и Болгаръ, и языки славено-сербскій и славено-болгарскій. Борьба за кирилицу у Сербовъ угорскихъ. Славено-сербскіе писатели. Языкъ славено-сербскій уступаетъ народному сербскому. Обрадовичъ.

4. *Юрій Крижаничъ, Хорватъ славистъ и панславистъ.* 309

Положеніе славянскаго міра въ половинѣ XVII вѣка. Занятія Крижанича славистикою. Его путешествіе въ Москву черезъ Польшу и Малую Русь, и цѣль его переселенія на Русь. Ссылка въ Сибирь. Его сочиненія: Грамматика идеальнаго общеславянскаго (русскаго) языка, Политика, О божіемъ промыслѣ, Письмо объ освобожденіи, Русская лѣтопись, Описаніе Сибири и др.

5. *Славянская идея у словинскихъ (хорватско-далматинскихъ) поэтовъ* 351

„Словинскіе“ (хорватскіе) поэты—поэты обще-„словинскіе“ (славянскіе); Дубровникъ—гордость и цвѣтъ словинской державы, словинскаго народа между морями адриатическимъ и Чернымъ, балтійскимъ и ледовитымъ, словинскій югъ—гнѣздо сѣверныхъ и восточныхъ Славянъ. Хекторовичъ, Бараковичъ, Гундуличъ, Пальмотичи Ювій и Яковъ, Джорджичъ, Каванянъ, Качичъ-Міопичъ. Драмы Ю. Пальмотича и ихъ славянская подкладка. Словинскіе поэты и порабощеніе Югославянъ Турками; Маруличъ, Ветрапичъ, Мрнавичъ, Минчетичъ. Словинскіе поэты и Польша; И. Гундуличъ, Канавеловичъ, Боганиновичъ, Мрнавичъ, Каванинъ. Словинскіе поэты и Россія; Каванинъ, Витезовичъ, Градичъ, Русичъ—прославляющіе Петра Великаго, Раичъ, Феричъ, Крмпотичъ. Россія въ югославянской народной поэзіи.

У. Русскіе.

1. *Славянская Русь и ея роль въ Славянствѣ* 395

Соединеніе восточно-славянскихъ племенъ въ русскій народъ, Русь. Сношенія Русскихъ съ Славянами за-

падными и южными, и сношенія этихъ Славянъ съ Русскими. Борьба Руси на западѣ съ Варягами и Нѣмцами, на востокѣ и югѣ съ Татарами и Турками. Русь и Польша. Петръ Великій и Славяне. Роль Россіи въ югославянскомъ („восточномъ“) вопросѣ. Цѣды и Россія.

2. *Историческая литература* 420

Начальная русская лѣтопись о Славянахъ. Югославянскіе и польскіе памятники на Руси, хронографы, житія, хроники и др. Русскія лѣтописи и хронографы XVI — XVII вѣковъ. Вопросъ о Варягахъ, Руси, Славянахъ. Южнорусскія хроники и др. сочиненія; Синописецъ. Вопросъ о дѣятельности свв. Константина и Меодія въ русской исторической литературѣ. Русскіе православные и униаты объ этомъ вопросѣ. Космографія.

3. *Зачатки русской славистики* 463

Знаніе славянскихъ языковъ на Руси. Церковный словѣнскій языкъ. Русскій языкъ въ Руси сѣверовосточной и югозападной. Азбуковники.

4. *Славяновѣдѣніе въ русской литературѣ XVIII в.* . . 470

Петръ Великій и его заботы о русскомъ языкѣ и литературѣ. Языкъ славенскій и русскій. Филологическіе труды Коніевича, Поликарпова, Максимова, Максимовича. Славянское сознаніе въ трудахъ Коніевича и Поликарпова. Историческіе труды Мапкіева, южнорусскихъ хронистовъ; Лейбницъ; русскій переводъ славянской исторіи Орбини. Историческіе труды Байера, Миллера, Татищева, Ломоносова, Тредьяковскаго, Щербатова, Болтина. Вопросъ о Варягахъ и Руси. Языкъ славенскій и русскій; Тредьяковскій, Ломоносовъ; словарь академіи. Екатерина II.

VI. *Словѣнскій языкъ и его судьбы у народовъ славянскихъ.*

1. *Распространеніе словѣнскаго языка у славянскихъ народовъ* 515

Словѣнскій языкъ—первый у Славянъ письменный языкъ. Словѣнское богослуженіе у западныхъ Славянъ, его исчезновеніе и слѣды у Моравянъ-Чеховъ,

Поляковъ, Словенцевъ. Словѣнское богослуженіе у Хорватовъ, и въ Болгаріи, Сербіи, Руси. Словѣнскія св. книги, глаголическія и кириловскія.

2. *Словѣнскій языкъ и его изводы* 529

Раздѣленіе славянскихъ языковъ. Вліяніе ихъ на письменный словѣнскій, и его изводы: чешскій, хорватскій, сербскій, болгарскій, русскій. Изводы чешскій и хорватскій. Распространеніе словѣнско-хорватскаго извода въ Прагу и въ Краковъ, въ два монастыря. Словѣнскій языкъ въ Чехіи и въ Польшѣ.

3. *Словѣнскій языкъ и его изводы болгарскій, сербскій, русскій.* 555

Словѣнскій языкъ — соединяющее свено между православными Славянами. Словѣнско-болгарскія книги распространяются къ Сербамъ и къ Русскимъ, подвергаются все усиливающемуся вліянію мѣстныхъ языковъ, а въ Болгаріи—вліянію болгарскаго. Исправленіе книгъ терновскимъ патріархомъ Евѣиміемъ и Константиномъ Костенчскимъ. Изводы болгарскій и сербскій. Русскій изводъ. Разнообразіе текстовъ и правописанія въ словѣнскихъ (словенскихъ, славенскихъ) церковныхъ книгахъ. Библии острожская и московская, и другія словѣнско-русскія книги издаются не только для Русскихъ, а тоже для Сербовъ и Болгаръ. Исправленіе словѣнско-хорватскихъ книгъ и введеніе въ нихъ словѣнско-русскаго извода.

4. *Попытки научной разработки словѣнскаго языка. Переводы св. книгъ на народный языкъ русскій* 584

Отождествленіе словѣнскаго языка съ болгарскимъ, сербскимъ, русскимъ. Мнѣніе терновской школы и Константина Костенчскаго. Мнѣніе русскихъ книжниковъ. Языкъ словѣнско-русскій, „русскій“, благодаря церковнымъ книгамъ, букварямъ, граматикамъ, словарямъ, считается настоящимъ славенскимъ, на Руси, въ Болгаріи, Сербіи и Хорватіи. Русскіе переводы св. книгъ, Скорины, Буднаго, Негалевакаго, Григорія пересопницкаго и Михаила саноцкаго, Тяпинскаго и др.

5. *Чествованіе свв. Кирилла и Меѳодія у Славянъ* 602

Память святыхъ апостоловъ у всѣхъ Славянъ, особенно у православныхъ. Возобновленіе ихъ чествованія у Славянъ католиковъ въ XIV в. Повѣствованія объ апостолахъ, житія и лѣтописи, у всѣхъ Славянъ. Кириллъ и Меѳодій—общеславянскіе учителя.

ТОМЪ III-Й (часть I).

ПРЕДИСЛОВІЕ I

I. Полабско-балтійскіе Славяне, Чехи и Поляки.

1. Связи политическія. Балтійско-полабскіе Ляхи и полабскіе Сербы. Великоморавская держава. Чехи и Лютичи. Балтійско-полабскіе Славяне и Поляки время Болеслава Храбраго. Поморяне, Поляки, Чехи, лужицкіе Сербы и Чехи. Взглядъ Поляковъ и Чеховъ на гибель балтійско-полабскихъ Славянъ. Чешскій и польскій переводъ саксонскаго зеркала о взаимныхъ отношеніяхъ Нѣмцевъ и Славянъ 1

2. Связи культурныя. Христіанство и христіанская терминологія у полабско-балтійскихъ Славянъ. Чешскій языкъ и правописаніе, чешскія книги у лужицкихъ Сербовъ. Сербскій новыи завѣтъ Н. Якубицы. М. Френцель, Я. Тицинь, З. Бирлинь. Католическая сербская семинарія въ Прагѣ. Полякъ І. Потоцкій и его путешествіе въ полабско-балтійскихъ странахъ 12

II. Чехи и Поляки.

1. Западно-славянскія государства моравскихъ Моймировичей; чешскихъ Болеславовъ, польскаго Болеслава Храбраго; неудавшаяся попытка чешскаго Брячислава. Премысловичи и Пястовичи. Чешскій король Премысль Отакаръ II, его отношеніе къ Польшѣ, его борьба съ нѣмецкимъ королемъ Рудольфомъ Габсбургомъ и смерть (1278). Габсбурги на среднемъ Дунаѣ и въ Альпахъ. Чешскій король Вячеславъ II королемъ польскимъ (1300). Люксембурги въ Чехіи, присоединеніе Слезіи къ чешской коронѣ,

ихъ отношеніе къ Польшѣ. Пруско-нѣмецкіе крестоносцы въ балтійскихъ странахъ и ихъ борьба съ Польшею, Литвою и югозападною (литовскою) Русью. 20

2. Гуситское движеніе, національное чешское и славянское. Общіе враги Славянства, Чеховъ, Поляковъ, Литвы и Русскихъ, Нѣмцы въ Германіи и нѣмецкіе крестоносцы въ балтійскихъ странахъ. Чешскій король Вячеславъ IV, тевтонскій орденъ и Польша. Домбровенская (грюнвальдская) битва (1410). Чехи и польскій король Владиславъ Ягайло. I. Гусъ, Іеронимъ Пражскій, ихъ сожженіе на позоръ славянскому народу. Гуситскіе Чехи, ихъ борьба (1419—1434) противъ Нѣмцевъ за славянскіе интересы вообще, ихъ отношеніи къ польскому королю Владиславу Ягайлу и великому князю литовско-русскому Александру Витовту, ихъ желаніе присоединиться къ славянскому востоку. Непониманіе Ягайломъ и Витовтомъ чешскаго вопроса какъ національнаго славянскаго, и тщетныя ихъ попытки примирить чешскихъ гуситовъ съ Римомъ. Литовско-русскій князь Сигизмундъ Корибутовичъ и другіе Поляки и Русскіе въ Чехіи. Національная политика Шафранцевъ. Чехи и литовско-русскій князь Швитригайло. Чешскіе гуситы, союзники польскаго короля противъ нѣмецкихъ крестоносцевъ, въ балтійскихъ странахъ и на базельскомъ соборѣ. Паденіе ревностныхъ гуситовъ, Сиротковъ и Таборовъ (1434). Пораженіе Швитригайла (1435). Славянская партія Чеховъ призываетъ на чешскій престолъ польскаго короля противъ короля нѣмецкаго и ея манифестъ объ отношеніяхъ Нѣмцевъ и Чеховъ и вообще Славянъ. Тревога Нѣмцевъ по поводу предстоящаго соединенія Чехіи и Польши. Неудача плановъ этой партіи и поддерживающей ее Польши (1437 — 1439). Польская партія въ Чехіи (1439 — 1443). Чешскія военныя роты въ Угріи, Польшѣ и Пруссіи, ихъ участіе въ борьбѣ Польши съ тевтонскимъ орденомъ изъ-за балтійскаго приморья и побѣда Польши (1454—1466). Чешскій король Юрій Подѣбрадскій (1458—1471) и польскій король Казимиръ

миръ, ихъ славянское сознаніе, роль Польши примирительницы по чешскимъ дѣламъ. Война Польши съ Угріею изъ-за чешской короны. Ягайловичи въ Чехіи и въ Угріи (1471—1526) 33

3. Габсбурги на престолахъ чешскомъ и угорскомъ. Политическая ошибка Польши. Стремленія Габсбурговъ пріобрѣсти тоже польскую корону. Чешскіе паны въ Польшѣ какъ послы императора и чешскихъ чиновъ, Розенбергъ, Першштейнъ, Лобковицъ и др. и ихъ сношенія съ соплеменными Поляками (1572 --- 1573). Вильгельмъ изъ Розенберга, кандидатъ польской короны (1575). Неудачи Габсбурговъ, именно императора Максимилиана (1576). Неудачная кандидатура Габсбурговъ въ 1587 г., особенно эрцгерцога Максимилиана. Оломуцкій епископъ Ст. Павловскій въ Польшѣ. Замоискій и Розенбергъ. Польскій король Сигизмундъ сближается съ Габсбургами; его отношеніе къ чешскимъ дѣламъ 1618—1620 г. Чехи и Поляки, ихъ славянское сознаніе въ тѣ времена. Польша способствуетъ паденію Чехіи. Лисовчики. Политическая ошибка Польши. Цехи и Поляки послѣ паденія чешскаго государства. Паденіе Польши 119

4. Духовныя связи Чеховъ и Поляковъ. Ихъ государственныи и общественныи строй. Христіанство у Чеховъ и Поляковъ, богосуженіе, словѣнское и латинское. Пражскій университетъ. Гуситство въ Польшѣ, мѣры противъ него; польскіе гуситы, паны Спытекъ изъ Мельштыпа, Авраамъ Збонскій, Николай Сестренецъ и др. Гуситство въ Польшѣ до конца XV и пачала XVI вѣковъ. Польскіе гуситскіе священники. Гуситскія мнѣнія пана Іоанна изъ Остророга. Вопросъ причащенія подъ обоими видами у католиковъ Поляковъ. Чешскіе братья въ Польшѣ (съ 1548 г.) и ихъ сношенія съ другими польскими протестантами. Чешскіе братья въ Польшѣ послѣ 1620 г., І. А. Коменскій въ Лешнѣ. Языки чешскій и польскій, ихъ нарѣчія, фонологія, морфологія, лексикальная часть. Вліяніе чешскаго языка на польскій въ древнепольской письменности.

Церковная терминологія. Чешское духовенство въ Польшѣ. Древнепольскіе переводы библейскихъ книгъ, пѣсенъ, молитвъ, романовъ и др. и чешское вліяніе. Польское и чешское правописаніе. Поляки и Словаки. Чешскій языкъ въ Слезіи—офіціальныи, именно въ княжествахъ опольско-ратиборскомъ, тѣшинскомъ, освѣтимскомъ, заторскомъ, сѣверскомъ, Статуты опольско-ратиборскій и тѣшинскій. Чешскій языкъ въ слезскихъ статутахъ, грамотахъ и пр. Чешскій языкъ въ слезскихъ княжествахъ, присоединенныхъ къ Польшѣ, въ кн. сѣверскомъ, освѣтимскомъ и заторскомъ. Польско-слезскіе памятники. Чешскій языкъ въ самой Польшѣ. Польскій языкъ въ Чехіи. Чешское военное искусство, чешскія наемныя роты въ Угріи и въ подунайскихъ странахъ, въ Польшѣ, Литвѣ, Руси; возовая ограда, названія оружія, военная терминологія и пр. 165

УКАЗАТЕЛЬ

Личныхъ именъ ко всемъ тремъ томамъ *).

А.

Абель, уч. II, 67, 137.
 Августа, чеш. братъ, III¹, 186, III², 256.
 Августъ, кесарь рим. II, 347, 385, 436, 437, 440, 457, 482, 483.
 Августъ II Саксонскій, кор. поль. I, 40, II, 409, 410, III¹, 163, III², 56.
 Августъ III, кор. поль. I, 41, II, 415.
 Авраамовичъ, Феодоръ, II, 305, 307.
 Авраамъ Збонскій, III¹, 176, 183.
 Авраамъ Чарный изъ Гошицъ, III¹, 51, 58, 176.
 Агнеса, абатиса, III¹, 25.
 Адамъ, прарод., II, 138, 139.
 Адамъ Вячеславъ, кн. тѣшин. III¹, 232.
 Адамъ, лѣтопис., I, 15, II, 12, 13.
 Адамъ изъ Радзеёва, III¹, 178.
 Адодуровъ, II, 507.
 Адрианъ II, папа, II, 451, 603, 615.

Адрианъ, патріархъ, II, 597.
 Аксамитъ, III¹, 229.
 Аланъ, II, 104.
 Алегретичъ, II, 389, 398, 399.
 Александръ Великій, II, 4, 5, 30, 33 — 35, 41, 87, 90, 104, 116, 117, 120, 123, 127, 135, 140, 230, 231, 233, 236, 238, 244, 245, 250, 273, 295, 345, 354, 257, 369, 370, 425, 438—440, 482, 503, III¹, 226, 233.
 Александръ I, имп. рус. II, 420.
 Александръ Невскій, I, 80, 81, II, 400.
 Александръ Витовтъ, см. Витовтъ.
 Александръ, кор. поль. и литов. I, 36, 175, II, 406, III¹, 116, 117, 254, III², 6, 47, 113, 179, 180—182, 193.
 Александръ (Олелько) Володимировъ, III², 153, 154, 187.
 Александръ, господарь Молд. II, 551.
 Алексѣевъ Петръ, II, 511, 592.

*) Сюда не вошли лишь имена авторовъ и издателей источниковъ и пособій, цитруемыхъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, да собственные имена приводимыя въ текстѣ—въ видѣ примѣровъ, иногда изъ источниковъ—именно со стороны ихъ формы и т. п. *Ред.*

Алексѣй, св., III², 213, 223.
 Алексѣй Михайловичъ, I, 85, 86,
 194, II, 79, 314, 332, 349, 399.
 Алексѣй Петровичъ, царев. II, 415.
 Алексѣй, сынъ Лазаря пресвит., пи-
 сецъ, II, 532, 577.
 Алеша Поновичъ, богатырь, I, 193.
 Альбертъ, войтъ крак., II, 164.
 Альбрехтъ, импер. нѣм., III¹, 81,
 151.
 Альбрехтъ, австр. герц. и чеш.
 угор. король, III¹, 61, 79—81,
 83, 85—92, 99, 110, III², 178.
 Альбрехтъ, герц. баварскій, III¹,
 89, 91.
 Альбрехтъ, маркграфъ (XV в.),
 III¹, 100, 109.
 Альбрехтъ, прусс.-бранденбур. кн.,
 II, 148, 163, 165, III¹, 119, 120,
 123, 124, 253.
 Альбрехтъ Медвѣдь, маркгр., I, 19,
 III¹, 5, 6.
 Альбрехтъ Костка изъ Поступицъ,
 III¹, 97, 252.
 Альдобрандини, Сильвестръ, II,
 355.
 Альтанъ, III¹, 148.
 Анастасій, ц. II, 223.
 Ангеларъ, св. II, 577.
 Андрашевичъ, Транквилаъ Андро-
 никъ, II, 87, 88, 210.
 Андрей, св., II, 128, 422, 453, 455,
 502.
 Андрей, архіеп. далм.-слав. II, 523.
 Андрей Боголюбскій, I, 79.
 Андрей (Гедимин.), III², 152.
 Андрей, воевода смоленскій, I, 167.
 Андрей Галка, изъ Добчина, III¹,
 179, 180, 206, 214.
 Андрей изъ Дубы, панъ, I, 175.
 Андрей изъ Кокорина, III¹, 173.
 Андрей Русинъ, мон., II, 571.
 Андрей изъ Яшовицъ, III¹, 217,
 222.
 Андриашевичъ, II, 284.
 Андриашевичъ, Дом. III², 265.
 Андроникъ, учит. Конст. Кост.,
 II, 560.
 Андроникъ, уч. св. Павла, II, 219,
 423, 453.

Д'Анжу, дювѣ, III¹, 129,
 Анна, греч. царевна, II, 19.
 Анна Ивановна, имп. I, 88, 89,
 II, 414.
 Анна Сигизмундовна, королева,
 III¹, 126.
 Ансбертъ, III¹, 250.
 Антиохъ, черноризецъ, II, 566.
 Антонъ, Карлъ, ист. II, 21.
 Антопъ Сеняпинъ II, 288.
 Аншіанъ, II, 117.
 Ардалеонъ Св., I, 196.
 Аристотель, II, 34.
 Арнольдъ, лѣтоп., II, 13.
 Арнольдъ изъ Доброславина, II,
 63.
 Арсеній, еп. перемыш., III², 45.
 Арсеній IV, патр. печск. II, 305,
 307.
 Асармотъ, праот. Сарм., II, 6, 103,
 119, 123, 124, 127, 141, 439.
 Ассемани, II, 238, 239.
 Асканій, II, 104.
 Асѣни, II, 426.
 Асѣнь, освобод. болг. I, 64.
 Атила, ц. I, 7, 183, II, 107, 485,
 III², 213, 224, 225.
 Аубанъ, истор. II, 46.
 Аѳанасій, патр. охрид., II, 213.
 Аѳанасій, уч., II, 67.
 Аѳанасій, рус. писецъ, II, 571.

Б.

Бадовскій, гетм., III², 218.
 Базиликъ, Кирианъ, III¹, 190.
 Байда, рыцарь, I, 195.
 Байеръ, II, 303, 489, 490, 500.
 Балабаны (Болобаны), III², 52, 80,
 232.
 Балабанъ Адамъ, III², 104.
 Балабанъ Александръ, III², 104.
 Балицкіе, III², 61, 68, 80.
 Балицкій, панъ, III¹, 40.
 Балшичи, I, 60.
 Бальбинъ, чешск. ист., I, 30, II,
 34, 61—64, 611, III¹, 10, 38.
 Бандуловичъ, II, 264, 265.
 Бандури, Ансельмъ, II, 236, 303.
 Бановецъ, II, 264, 266.

- Бараковичъ, II, 264, 265, 353.
 Барановичъ, Лаз., II, 181, 185, III², 44.
 Барберини, кардин., II, 356, 380.
 Барнимъ, сынъ Лестька, II, 106.
 Бароній, II, 454, 486.
 Бартошевичъ, III², 63—64.
 Бартошекъ изъ Драгоницъ, лѣтопис. III¹, 87.
 Барскій, В. Г. рус. путеш. II, 398.
 Батигоричъ, Марое, II, 355.
 Баторій, Стефанъ, см. это имя.
 Батый, II, 450.
 Бахачекъ, Март. III¹, 190.
 Башкинъ, М. III², 237, 258.
 Башко (Башекъ), лѣтоп. II, 105, 108, 109.
 Баянъ Симеоновичъ, царевичъ болгарск. I, 182.
 Бедрихъ, попъ, III¹, 68, 72, 84, 86.
 Бедрихъ, III², 63.
 Безпремъ Болесл. кн. пол., III¹, 22.
 Бела IV, кор. угорск., I, 57.
 Белостенецъ, II, 269.
 Бемъ, родон. чеховъ II, 38.
 Бенедиктъ, св., III, 366.
 Бенешевичи, III², 75.
 Бенешовскій, филологъ, II, 36, 54—57, 148, 149, 546, 549, III¹, 137.
 Бенешъ изъ Мокровусъ, III¹, 84, 89.
 Бенко изъ Кухаръ, III², 63, 81.
 Березовскіе, III², 68, 80.
 Бериславичъ, I, 50.
 Берковскій, Янъ Павловичъ, II, 552.
 Бернардинъ Оплѣтянинъ, II, 263, 264, 271, 279, 283, 291, 539, 540.
 Бернардъ, абб. клерв., III², 12, 13.
 Бернардъ изъ Цимбурга, III¹, 97, 98.
 Бернолакъ, II, 257.
 Берось, ист., II, 117.
 Бертольдъ изъ Липы, III¹, 125.
 Берында, Памва, II, 435, 460, 579, 592, III², 44, 139, 231, 232.
 Бесъ изъ Колна, панъ, III¹, 233.
 Бецковскій, II, 64.
 Билеѣвскій, ист., II, 542, 546, 611, III², 254.
 Бирецкіе (Берецкіе) III², 63, 64, 68.
 Бирецкій, Анастасій, III², 63.
 Бирецкій Иванъ, III², 63.
 Бирковскій, III¹, 214, III², 138, 139, 144, 148.
 Бирлингъ, Зах., III¹, 17, 18.
 Биронъ, II, 414.
 Бискунескій, Петръ, III¹, 148, 149.
 Благославъ, Я., II, 48 — 53, 148, III¹, 186, 247, 248, 254, III², 252, 256.
 Блажовскій, III¹, 2.
 Блондъ, II, 7, 14, 112, 115, 117, 227, 243.
 Бобаличъ, Маринъ, II, 229.
 Боболинскій, II, 484.
 Богашиновичъ П., II, 178, 381.
 Богорыц, гербъ поль., I, 137, III¹, 167.
 Богушъ, II, 139.
 Богухвалъ, лѣт. II, 105, 108, 109, 111, 137, 421.
 Бодинъ, К., кн. сербск., I, 56, 64.
 Бозо, II, 17.
 Болекъ, кн. опольск., III¹, 62.
 Болеславъ I Храбрый, кн. поль., I, 14, 16—18, 21, 31 — 33, II, 9, 12, 17, 23, 24, 73, 81, 99, 164, 427, 520, III¹, 4—7, 21 — 23, 28, 32, 97, 165, 169, 205, 229, III², 4, 15, 18.
 Болеславъ II, кн. поль., I, 32, II, 74, III¹, 22, 32, III², 15.
 Болеславъ III, кн. поль., I, 19, 32, II, 73, 164, III¹, 7, 22, 23.
 Болеславъ IV, кн. поль., I, 138, III¹, 6.
 Болеславъ (V), кн. крак. и сандом., III¹, 25, 215.
 Болеславы, кн. чеш., I, 14, 23, II, 23, III¹, 3—5, 21, 22, 28, 165, 230, III², 15.
 Болеславъ, сынъ Лестька, II, 106.
 Болеславъ Тройденовичъ, кн. мазов. (см. Юрій II), III², 17, 18.
 Болеславъ, кн. опольскій, III¹, 180.
 Болеславъ, кн. тѣшинскій, III¹, 242.
 Болтинъ, Ив., II, 506.
 Бонары изъ Балицъ, III¹, 243.

Бонарь изъ Балиць, Северинъ, Ш¹, 243.
 Бонарь—, Иоаннъ, Ш¹, 245.
 Бонфина, П, 126, Ш¹, 89, 110.
 Бошланъ, инженер. франц., Ш¹, 258.
 Боратинскіе, Ш², 68.
 Борецкіе, I, 169.
 Борецкій, Іовъ, митр., Ш², 220.
 Боривой I, кн. чеш., П, 125, 425, 449, 451, 604, 608, 610, 611.
 Боривой II Вратисл., чеш. кн. Ш¹, 22.
 Борисъ, кн. рус., П, 346, 569.
 Борисъ (Михаиль), кн. болг., I, 63, П, 468, 589, 590, 609, 614.
 Борисъ, царь болг. (Асѣнев.) П, 585.
 Борисъ Годуновъ, I, 84, П, 192, Ш², 271.
 Боршовскіе, Ш², 68.
 Борута (Борота), папъ, Ш¹, 40.
 Ботеръ, геогр. П, 133, 134, 441, 455.
 Бохоричъ, П, 249, 258, 270, 279, 285, 287, 290, 294—299, 546.
 Боянъ, I, 184, 195.
 Браницкіе, Ш², 62, 207.
 Браницкій, старш. сан. Ш², 81.
 Бранковичи, I, 61, 109.
 Бранковичъ Юрій, десп. I, 59.
 Бранковичъ Юрій, ист. (XVIII в.), П, 218, 226, 251, 253, 307.
 Братковскіе, Ш², 80.
 Брачолини Поджо, Ш², 249.
 Брежевскій Амвр., П, 425.
 Брезакъ изъ Бѣдой, Ш¹, 252.
 Брезанъ Вяч., Ш¹, 135.
 Брѣзовскій Вал. Ш¹, 189, 228.
 Бродовичъ Θεодосій, Ш², 240, 241.
 Бродскій Андрей, Ш¹, 170.
 Брозичъ, П, 267, 582.
 Бронскій, Ш², 44.
 Бруно, Дж., Ш², 235.
 Бруновъ, еп. оломуц. Ш², 75.
 Брунтальскій Николанъ, изъ Вербна Ш¹, 236.
 Брюсъ, ген., П, 478, 490.
 Брюховецкій, гетм. Ш², 219.
 Брячиславъ, кн. чеш. I, 14, 24, П, 23, Ш¹, 22, 24, 28, 165, 169.

Бугенгагенъ, историкъ, П, 15, 16.
 Будиничъ, Сим., П, 153, 264, 267, 270, 272, 275, 276, 278, 279.
 Будный, Сим., П, 152—154, 549, 595, 597, Ш¹, 214, 222, 223, 260, Ш², 139, 140, 211.
 Бужинскій Гавр., П, 473, 479.
 Бужинскій Іосифъ Кеглевичъ, П, 238.
 Буковецъ, Ш¹, 39.
 Букуа, Ш¹, 160.
 Булавинъ, атаманъ, I, 88, 169.
 Буничъ Никол., П, 356.
 Бурцовъ Вас., П, 591.
 Бутовичъ Григор., Ш², 135, 148.
 Бутримы, Ш², 163.
 Буховецъ, таборитъ, Ш¹, 55.
 Вудеръ, Ш¹, 186, Ш², 256.
 Бучацкіе (-Язловецкіе), Ш², 62, 63, 70, 81, 106.
 Бучацкій Мих., Ш², 63, 82, 83.
 Бучацкій Янтъ, Ш², 63.
 Бучацкій Бартошъ, Ш², 63.
 Бучацкій Мужилъ, Ш², 63.
 Бучацкій Федоръ, Ш², 82.
 Буничъ, П, 261.
 Быбельскіе, Ш², 67, 68, 102.
 Быбельскій, Сенко, Ш², 66.
 Быховецъ, лѣтоп., Ш¹, 96.
 Бѣлецкіе, Ш², 63, 67, 68.
 Бѣлецкій Іоаннъ, Ш², 64.
 Бѣлье, Ш¹, 252.
 Бѣлый Павелъ, I, 105.
 Бѣлый I., Ш¹, 253.
 Бѣльскіе, Ш², 171.
 Бѣльскій, Март., истор., П, 34, 42, 45, 72, 101, 103, 106, 109, 112, 115, 116, 119—121, 125, 126, 131—134, 137, 141, 150, 226, 425—427, 435—438, 442, 444, 449, 454—457, 548—550, 610, Ш¹, 2, 156, 209, 245, 254, 256—259, Ш², 117, 138 — 142, 148, 173, 212, 222, 254.
 Бѣльскій Іоакимъ, П, 109, 119, 166, 438, Ш², 271.

В.

Вага, П, 137, 141, 142.

Вазы (польскіе), II, 82.
 Валлисы, III¹, 160.
 Вальвазоръ Іоаннъ, бар., II, 248, 249.
 Вальдемаръ, кор. дат., I, 19.
 Вальдштейны, чеш. родъ, I, 137, III¹, 160.
 Вальдштейнъ Гинекъ (Генрихъ), III¹, 50.
 Вальдштейнъ Альбр. III¹, 160.
 Вальдштейнъ Іоаннъ, III¹, 252.
 Вальдштейнъ, архіеп., II, 59.
 Ванда Краковна, II, 104, 117, 141, 142, 427.
 Вандаль, праот. Вандамовъ, II, 6, 15, 38, 104, 119, 127, 141.
 Ванѣкъ Пиво, III¹, 51.
 Ваповская Екатерина, кастел. перемыш. III², 57.
 Ваповскій, учен., II, 43, 101, 112—116, 121, 140, 172, 186, 187, 207, 209, 442, III¹, 71, 94, 116, 202, 253, 254, 262, III², 178.
 Варвара Радивиловна, вт. ж. Сигизм. Авг., III², 196.
 Варшевицкій Христоф., II, 76, 89, 134, 229, 231, III¹, 139.
 Варсоломей, кн. Минстербергскій, III¹, 242.
 Василий I, моск. кн. I, 81.
 Василій II, моск. кн., 81.
 Василій Иван. III, I, 83, 169, II, 209, 348, III¹, 262, III², 2.
 Василій, виз. императ., II, 19, 203, 454, 480, 609, 613.
 Василій Петровичъ, черног. влад., II, 205.
 Василій Буслаевичъ, богатырь, I, 193.
 Василько Ростиславичъ, кн. рус., II, 401, III², 16.
 Васильковскіе, III², 80.
 Велеславинъ, ист., II, 34, 37, 39, 40, 42, 59, 224, 548, III², 254.
 Велесъ, яз. бож. I, 179, 184, 185, 187, II, 424.
 Величко, II, 484.
 Венгерскій, ист., II, 127, 130, 131, 293, 315, III¹, 186, 191, 192, III², 256.

Венгерскій, поэтъ, II, 196.
 Веніаминъ, доминик., II, 573, III², 268.
 Венява, поль. родъ., III¹, 166, 167, III², 140.
 Вергерій Н., III¹, 190.
 Верещинскій Андрей, III², 69.
 Верещинскій Федоръ, III², 69.
 Верещинскій Іос., II, 89, 91, III², 69, 138, 143, 144.
 Вертба (изъ —), чеш. родъ, III¹, 160.
 Верушъ, поль. гус. III¹, 63.
 Вершовичи, III¹, 22.
 Веста, II, 151.
 Ветраничъ, II, 264, 371, 372.
 Видомиръ, I, 183.
 Видукиндъ, I, 15, 75, II, 11, 13, 117.
 Викентій, лѣт., см. Кадлубекъ.
 Викентій, чеш. лѣтоп., III¹, 6.
 Виклефъ, III¹, 172, 173, 176, 177, 179, 180, 214.
 Викторинъ изъ Вшегрдъ, I, 175.
 Викторинъ, сынъ Юрія Под., III¹, 242.
 Вильгельмъ австрійск., перв. мужъ Ядвиги поль., III¹, 91.
 Вильгельмъ Костка изъ Поступицъ, III¹, 38, 50, 51, 68, 69, 72, 76.
 Вияницкіе, III², 80.
 Виргилій, I, 182.
 Висаріонъ, митр. герцег., III², 265.
 Витвицкіе, III², 69, 80.
 Витезовичъ Риттеръ, Пав., II, 233, 234, 235, 239, 243, 260, 262, 267, 274, 373, 386, 389, 392, 409.
 Витезь Иванъ, изъ Средны, III², 276.
 Витковичи, чеш. родъ, I, 137.
 Витковскій, II, 161, 190, 193.
 Витовтъ Александръ (Ольгердовичъ), I, 82, 207, III¹, 34, 37, 40, 41, 44—48, 51—67, 74, 75, 77, 174, 253, III², 14, 62, 64, 152—154, 156—159, 165, 173, 177, 178, 180, 181, 184, 185, 189, 195, 199, 222, 247—249.
 Витри, франц. посл., II, 84.

Витсенъ Ник., II, 348.
 Вить = Святovitъ, II, 40.
 Вить, св. I, 16.
 Вишмiръ, сынъ Лестька, II, 106.
 Вишневецкіе, рус. родъ, I, 138, 139, 190, III¹, 78, 157, III², 171.
 Вишневецкій Мих., кор. II, 178, 179, III¹, 79, 230.
 Вишневецкій Іеремія, кн., III¹, 78.
 Вишневецкій, гетм., III², 218.
 Вишничъ, сербск. раисодъ, I, 196.
 Вісторъ, III¹, 184.
 Владимiръ Святой, I, 78, 79, 193, 195, II, 19, 312, 431, 443, 445, 447, 453, 454, 457, 528, 589, III², 17, 26, 27, 130.
 Владимiръ Мономахъ, I, 80, III², 15, 17,
 Владимiръ Ярославичъ, кн., III², 97.
 Владиnъ, гот. кор., II, 223.
 Владиславичъ Сава, II, 232.
 Владиславъ I Локотокъ, I, 33, II, 164, III¹, 29, 30.
 Владиславъ II—Ягайло, см. Ягайло.
 Владиславъ III, кор. поль. и угрочеш., I, 35, II, 82, 85, 86, 112, 126, 169, 206, III¹, 76, 83—92, 95, 251, 252, 257, III², 48, 65, 85, 92, 178.
 Владиславъ IV, королев. и кор. поль., I, 39, 84, II, 81, 178, 189, 193, 374—377, 381, III², 220.
 Владиславъ I, кн. чеш., III¹, 23.
 Владиславъ Казиміров., кор. чеш. и угор., I, 28, 73, II, 86, 207—209, 227, III¹, 108, 109 — 118, 121, 131, 180, 231.
 Владиславъ (Ладиславъ) Альбрехтовичъ (постумъ), I, 70, III¹, 89, 91—93, 98—100, 103, 229, 251.
 Владиславъ, кн. серб. II, 450.
 Владиславъ, кн. ополь. (XIII в.), III¹, 27.
 Владиславъ, кн. ополь. (XIV в.), III², 63, 83, 108.
 Владиславъ Грамат., II, 221, 563.
 Власій, св., I, 187.
 Властиславъ, кн. Лучанъ, I, 134.
 Власть Петръ, III², 12, 13.
 Влацичъ Матв., см. Франковичъ.

Водникъ, В., II, 201.
 Водопія, Марое, II, 355.
 Восйковъ, II, 471.
 Войшелкъ Миндовг., III², 152.
 Войтѣхъ, св., II, 28, 30, 47, 140, 426, 448, 449, 452, 453, 518, 519, 541, 548, 604, 605, III¹, 3, 169, 170, III², 244.
 Войтѣхъ, вельм. Славников., III¹, 22.
 Войтѣхъ Ястрембецъ, еп. крак., III¹, 40, 44, 49.
 Войтѣхъ изъ Хлума, III¹, 252.
 Волкъ, жуп. (его еванг.), II, 527, 567, 568.
 Воловичи, III², 211.
 Володимиръ (Ольгерд.), III², 152 153.
 Волчекъ изъ Ченова Вячеславъ, III¹, 251, 259, 262.
 Волчекъ Переслужичъ изъ Рогати-на, III², 118.
 Воронежскіе, III², 171.
 Вороничъ, II, 197.
 Воротынскіе, III², 171.
 Вrameцъ Ант., II, 261, 266.
 Вранчичъ Ф., II, 14, 58, 227 — 229, 243, 268, 290, 302, 510.
 Вратиславъ I, кн. чеш., III¹, 3.
 Вратиславъ II, кн. чеш., II, 518, III¹, 22, III², 244.
 Вратиславъ изъ Митровицъ, II, 223, 555.
 Вратиславъ, кн. мор., III¹, 5.
 Вршовичи, I, 107.
 Врубль В., III¹, 219, 220, III², 140.
 Всеволодъ Юрьевичъ, I, 79, 144.
 Всеславъ Полоцкій, I, 182, 184, III², 150.
 Вукъ, II, 550, III¹, 222.
 Вукашинъ Мрнявичъ, кор. сербск., I, 58.
 Вуковичъ Божидаръ, II, 304, 563.
 Вуковичъ Викеptій, II, 304.
 Вукчичъ Стефанъ, воевода, I, 60.
 Вукъ Бранковичъ, I, 192.
 Вукъ Ст. Караджичъ, см. Караджичъ.
 Вхинскіе, III¹, 160.
 Вхинскій Вячеславъ, III¹, 142.

Выговскій, I, 169, III², 218.
 Вяземскіе, I, 138.
 Вяткоу, праотець Вятичей, II, 6, 111, 124, 439, III², 3.
 Вячеславъ, св., I, 30, 102, II, 28, 30, 59, 60, 61, 64, 423, 425, 429, 442, 447, 451, 458, 460, 518, 548, 604, 605, 607, III¹, 3, 43, 60, 99, 105, 120, 169, 170.
 Вячеславъ I, кор. чешск., I, 24.
 Вячеславъ II, кор. чешск., I, 24, 33, II, 521, III¹, 27 — 29, 131, 208.
 Вячеславъ III, кор. чешск., I, 70, III¹, 29.
 Вячеславъ IV, кор. чеш., I 25, II, 450, III¹, 32, 35, 36, 38, III², 92.
 Вячеславъ, кн. ошавскій, III¹, 70, 242.
 Вячеславъ, кн. тѣшинскій, III¹, 235.
 Вячеславъ изъ Енштейна, III¹, 51.
 Вячеславъ изъ Раунова, III¹, 150.

Г.

Габсбурги, II, 27, 71, 72, 75, 76, 82, 90, 93, 94, 164—166, 213, 418, III¹, 27, 92, 95, 123—165, 247.
 Гавенскій, I, 139.
 Гавинскій, II, 161, 177, 180, III², 144, 147.
 Гавріилъ, инокъ, II, 425.
 Гаекъ, ист. II, 34, 35, 37, 38, 42, 43, 67, 68, 116, 117, 125, 231, 449, 486, 610, 611, III¹, 248, III², 254.
 Гаекъ изъ Годѣтина, III¹, 259, 261.
 Галеотъ М., III¹, 114.
 Галетъ Іоаннъ, гус. попъ, III¹, 180.
 Галилей, III², 235.
 Галка, см. Андрей Галка.
 Галласы, III¹, 159.
 Галлеръ, III¹, 184.
 Гальшовскій Мих., III², 192, 193.
 Галятовскій, III², 44.
 Гаральдъ, королев. норв., II, 432.
 Гарантъ Христоф., II, 200.

Гарасевичъ, II, 451.
 Гартвнохъ, II, 141.
 Гартманъ А., чеш. бр. III¹, 192.
 Гаспила, любовн., III¹, 244.
 Гаштовтъ Войтѣхъ, воен., III², 186, 187.
 Гаштовты, III², 163.
 Гвагнинъ, истор., II, 35, 46, 133, 173, 425, 441, 442, 445, 491, III², 139.
 Гдадіусъ Адамъ, III¹, 240.
 Гедиминовичи, I, 80, 134, III¹, 33, III², 151 — 154, 161, 169, 171, 172, 176.
 Гедиминъ, III¹, 33, III², 2, 19, 150, 151, 152.
 Гедройць Мельхіоръ, II, 292.
 Гедройти, III², 163.
 Гейдель изъ - Рассенштейна, пос. нѣм., II, 398.
 Гейденштейнъ, II, 73.
 Гелиса Іафет., II, 114, 119.
 Гельмольдъ, лѣтоп., I, 15, II, 13, 43, 117, 231, 248, 492, 500, 502, III¹, 73, 74, 250.
 Геннадій, патр., III², 252.
 Геннадій, архіеп., II, 573, III², 268.
 Геннигъ, учен. свящ., II, 13.
 Генрихъ I (Штицеловъ), кор., I, 17.
 Генрихъ II, нмц. нѣм., III¹, 21.
 Генрихъ IV, кор. нѣм., I, 18, III¹, 5.
 Генрихъ д'Анжу (Валуа) кор. поль., I, 38, 139, III¹, 132, 133.
 Генрихъ хорутанскій, кор. чеш., III¹, 81.
 Генрихъ Левъ, герц. сакс., I, 19, III¹, 5.
 Генрихъ, кн. (Годескальков.), I, 18.
 Генрихъ, кн. вратислав., III¹, 26, 27.
 Генрихъ, кн. глоговскій, III¹, 27, 232.
 Генрихъ Здикъ, еп. III¹, 5.
 Генрихъ изъ Манетыня, III¹, 252.
 Генрихъ Пиво, III¹, 252.
 Генрихъ Пуздо, III¹, 252.
 Георгіевичъ Варо., ученый, II, 45, 149, 210, 301.
 Георгій св., I, 187, 189, 193.

- Георгій Амартоль, II, 219, 420, 423.
 Георгій изъ Срѣма, III¹, 122.
 Герасимъ, митр., III², 159, 237.
 Герберштейнъ, II, 35, 43, 45, 117, 119, 124, 132, 190, 230, 245—248, 303, 398, 404, 425, 435—437, 441, 500, III², 2, 268.
 Гербестъ, іев., III¹, 191, III², 54.
 Гербуртъ изъ Фульштына, Іоаннъ, II, 94, 101, 160, 161, III², 23, 75 — 80, 116, 138, 142, 148, 165.
 Гербуртъ изъ Фульштына, Валентинъ, еп., III², 73.
 Гербурты, III², 64, 74.
 Гердери, II, 514.
 Германовскіе, III², 67.
 Герміонъ, праот. пѣмц., II, 15.
 Геродотъ, ист., I, 182, II, 143.
 Гертвикъ изъ Рушинова, III¹, 64.
 Геснеръ, учен., II, 21, 49.
 Гижицкіе, III², 63.
 Гизель, ист., II, 34, 444.
 Гильфердингъ Пантолонъ, II, 415.
 Главачъ изъ Голедча, III¹, 252.
 Главиничъ, истор., II, 34, 245, 264, 276, 281, 285, 389, 440.
 Гласъ изъ Каменецъ, рыц., III¹, 51.
 Гледжевичъ Ант., II, 357.
 Глинскій Мих., кн., II, 436, III¹, 117, 262.
 Глѣбовичи, III², 211.
 Глѣбовичъ, II, 76, III², 207.
 Глѣбовичъ Станиславъ, III¹, 254.
 Глѣбъ, кн. рус., II, 346, 569.
 Гогенцоллерны, II, 27, III¹, 157, 162.
 Гогъ, II, 139.
 Годескалькъ, кн. ободричскій, I, 18, 107.
 Годуновъ Борисъ, см. Борисъ Г.
 Гоздава, родъ поль., I, 137.
 Говій Станиславъ, еп., II, 554.
 Голешовскій Янъ, II, 520, 549.
 Голицкій Алешъ, III¹, 84.
 Голицкій Смиль, III¹, 69.
 Голицынъ В., кн., III¹, 262.
 Головчинскіе, III², 211.
 Голубекъ, II, 160.
 Голубъ, гетм., III², 220.
 Гольшанскіе, III², 156, 165, 211.
 Гомеръ, II, 6, 138, 160.
 Гораздъ, св., II, 577.
 Горайскіе, III², 70.
 Горайскій, поль. панъ., III¹, 138.
 Горацій, II, 62.
 Горбачевскіе, III², 53.
 Гордіенко, I, 169.
 Горки, поль. родъ, I, 139, III¹, 135.
 Горка Андрей, II, 87.
 Горнекъ Оттокаръ, III¹, 27.
 Горницкій Л., II, 51, 57, 149, 155, 158, 549, 550, III¹, 200, 228, 245, III², 36, 138, 141.
 Горничка, лексикогр., II, 65.
 Гостомскіе, I, 138.
 Гостомысль, II, 347, 440.
 Гостоунскій Валтазаръ, III¹, 247, 248.
 Гошовскіе, III², 61, 68.
 Грабовецкіе, III², 53, 80.
 Грабовскій, II, 89, 90.
 Грабянка, II, 484.
 Градичъ Игнатій, II 387, 389, 392, 409, 486, III², 275.
 Градичъ Стеф., II, 284, 302, III², 272.
 Граціани Ант., III¹, 132.
 Григорій Богословъ, II, 529, 533, 565.
 Григорій XIII, папа, II, 278, 611, III², 262, 270.
 Григорій Цамблакъ, II, 221, 222, 224, 560, 571, 572, III², 157, 161.
 Григорій, архим. хил., II, 570.
 Григорій, архим. пересопн., II, 598, III², 226.
 Григорій, митроп. ун. (преемн. Исидора), III², 49.
 Григорій, діаконъ новогор., II, 525, 527, 532, 533.
 Григорій изъ Геймбурга, III¹, 108, 112, 252.
 Григорій изъ Жарновца, III¹, 189.
 Григорій изъ Сапока, II, 112.
 Григорій, чеш. бр., III², 255.
 Гриммъ, франц. энцкл., II, 512.
 Гримултовскіе, I, 138.

Гродецькій, кан. вратисл., II, 550.
 Грозданка, бож. слав., I, 188,
 Гроновичи, чеш. родъ, I, 137.
 Гроховскій, II, 159, 161, 167, 190,
 192.
 Грубишичъ, II, 281.
 Грубый, II, 148.
 Грыфъ, поль. гербъ, III², 189.
 Губачекъ Петръ, III¹, 241.
 Гундуличъ Ив., II, 159, 178, 244,
 257, 264, 267, 322, 352, 354,
 355, 356, 357, 369 — 371,
 374—378, 381, 383, III², 277.
 Гундуличъ Францискъ, II, 357,
 381, 389, 399.
 Гундуличъ Троянъ, III², 276.
 Гундиличъ Матв., III², 266.
 Гурки, III², 154.
 Гусъ Іоаннъ, I, 25, 206, II, 29,
 48, 82, 293, 392, 456, 505, 549,
 III¹, 34, 39—44, 153, 171, 172,
 173, 176, 177, 180, 183, 191,
 215, 227, III², 157, 235, 237,
 246—251, 253.
 Гусъ, воинъ, III¹, 39.
 Гутеманъ Освальдъ, грам., II,
 258, 300.
 Гуэрта, испан., III¹, 161.
 Гюйсонъ, баронъ, II, 482.

Д.

Давидовскіе, III², 67, 68.
 Даждъбогъ (Дажбогъ), I, 179, 184,
 II, 423, 424.
 Далеевскіе, III², 62, 63, 81, 83.
 Далеевскій Іоаннъ, III², 65.
 Далеевскій Кола, III², 83.
 Далимилъ, лѣтопис., II, 31, 33, 42,
 108, 336, 421, 604, III¹, 2, 8,
 9, 10, 24.
 Далматинъ Антонъ, II, 259, 264,
 285, 286, 288, 290, 291, 296.
 Далматинъ Юрій, II, 21, 257 —
 260, 267, 270, 285, 287, 288,
 293, 294, 297.
 Дамалевичъ, III¹ 178, III², 9.
 Даничичъ Юрій, III², 277.
 Данилъ, прор., II, 139.

Данилъ Романовичъ, I, 80, II,
 461, III², 2, 16, 17, 27, 75, 87.
 Данилъ Александровичъ, I., 81.
 Данилъ, серб. лѣтоп., II, 253.
 Дантышекъ Іоаннъ, II, 186, 187,
 III¹, 255.
 Дашковичъ, гетм., III², 218.
 Деллабелла, II, 269, 283, 302.
 Денница, бож. слав., I, 188.
 Державинъ, II, 412.
 Дерславъ изъ Рытвянъ, III¹, 176.
 Децій, III¹, 262, III², 50.
 Джаманичъ, II, 267, 270.
 Джорджичъ Игн., II, 244, 264,
 266, 271, 354, 355, 363—365,
 366, 389.
 Джорджичъ, хорв., II, 210.
 Джурины Іосифъ, II, 275.
 Держва, II, 104, 108.
 Дзѣдушицкій Маврикій, III¹, 49.
 Дивишъ Борець изъ Милетинка,
 III¹, 69.
 Дивковичъ, II, 257, 264, 273, 274.
 Димитрій Донской, I, 81, 82, 184,
 II, 342, III², 26.
 Димитрій Ольгердовичъ Корыбутъ,
 III¹, 54.
 Димитрій изъ Зинкова, III², 135.
 Димитрій Ростовскій, II, 454, 455,
 484, 586.
 Димитрій царевичъ, I, 84, II, 191,
 192.
 Димитрій, дьякъ, II, 564.
 Дитрихштейны, III¹, 159.
 Діоклейскій попъ (Дуклянскій),
 II, 223, 603.
 Діоклетіанъ, имп. II, 244.
 Діонисій, митр. терн., III², 130.
 Длугошъ, истор., I, 183, II, 43, 74,
 75, 101—103, 106, 109 — 111,
 114, 119, 121, 125, 141, 363,
 434, 442, 444, 486, 491, 546,
 550, 610, III¹, 2, 7, 37, 41, 49,
 50, 78, 96, 97, 99, 103, 104,
 111, 156, 170, 173, 175, 176,
 256, 257, 260, III², 9, 10, 14,
 17, 65, 76, 140, 153, 162, 178,
 190, 250.
 Добеславъ изъ Курозвенъ („н. Лю-
 бельчикъ“) III¹, 110.

Добнеръ, II, 67, 68, 108, 137, 142, 612.
 Добрава Болесл., кн. чеш., III¹, 21, 169.
 Добренскіе, III¹, 160.
 Добрилъ, II, 528, 566.
 Добровскій Іосифъ, II, 22, 68, 69, 159, 578, 612, III¹, 18.
 Добрыня Никитичъ, богатырь, I, 193.
 Добрянскіе, III², 81.
 Добрыта, пѣвецъ, I, 196.
 Дойчинъ, юнакъ, I, 192.
 Долгоруковъ, кн., посолъ, II, 455.
 Долежалъ, II, 65, 257.
 Дольчи (= Сладичъ) Севаст., II, 244, 303.
 Домбровка, княжна, II, 427, 451.
 Донагъ, III², 254.
 Дорогостайскіе, III², 70, 211.
 Дорошенко, I, 169, III², 218.
 Дороея изъ Прибѣславицъ, III¹, 59.
 Дороей, патр. охрид., II, 564.
 Доспеей Обрадовичъ, II, 214, 215, 308, 390, 487, 488, III², 276, 277.
 Драгомира, III¹, 3.
 Драгославъ Іоаннъ, II, 443.
 Драгыня, презвит., II, 567, 568.
 Драховскій, II, 555.
 Држичъ Маринъ, II, 284, 355.
 Дрогоѣвскіе, III², 70, 79.
 Друцкіе, I, 138, III², 171, 211.
 Дубовичъ I., II, 451.
 Дубравскіе, III², 53, 81.
 Дубравскій, лѣтоп., II, 37, 39, 43, 46, 117, 125, 231, 248, 303, 611.
 Дубрау Матв., III¹, 17.
 Дуба (изъ—), чеш. родъ, III¹, 160.
 Дудичъ, III¹, 134.
 Дуклянъ, яз. бож., I, 187.
 Дулѣба, II, 111.
 Дунай Ивановичъ, I, 194.
 Дунинъ, панъ, III¹, 40, 135.
 Дурихъ Фортунатъ, II, 66.
 Духинскій, II, 505.
 Духовскій, II, 67.
 Дѣмболѣнцкій Войт., II, 138, 139, 300, III¹, 149.

Дѣмбенскіе, III¹, 243.
 Дюкъ Степановичъ, I, 194.
 Дюфрентъ (Диканжъ), II, 238, 239.
 Дѣдошицкіе (Дзедушицкіе), III², 52, 61, 67, 68, 102, 127.
 Дѣдошицкій Вячеславъ, III², 67.
 Дѣдошицкій Іоаннъ, III², 67.

Е.

Ева, II, 125.
 Евгений IV, папа, II, 402.
 Евдокимъ, рус. книжн., II, 464.
 Евнутій (Явнута), III², 152.
 Евнутьевичи, III², 154.
 Евсевій, II, 571.
 Евстратій, пошъ, II, 563.
 Евѣимій, патр. болг., II, 222, 560, 561, 563, 586, 587.
 Евѣимій, мон., II, 591.
 Ежовскій, III², 142.
 Екатерина II, I, 88, 89, II, 184, 195, 196, 205, 390, 411, 417, 419, 420, 498, 505, 511, 512.
 Екатерина Мальхеръ, III², 235.
 Елагинъ, II, 505, 510.
 Елачичи—Бужимскіе, хорват. родъ, I, 138.
 Елена, св., II, 244, 384.
 Елизавета Петровна, I, 88, 89, II, 414, 415.
 Елисавета, дочь им. Сигизм., III¹, 79, 91, 92, 99, 229.
 Елисавета, дочь кор. поль. Премысла, III¹, 28.
 Елисавета Альбрехтовна, III¹, 97, 99.
 Елиты, поль. р., III¹, 167.
 Елиса, праот., II, 6, 31, 38.
 Еникъ, изъ Мечкова, III¹, 251, 253.
 Ефремъ Сиринъ, II, 566.
 Ешинъ Павелъ, III¹, 10.

Ж.

Жабокруцкіе, III², 63.
 Жабокруцкій (Кухарскій), III², 83.
 Жабчицъ, II, 191, 192.
 Жакъ изъ Свеборовицъ, III¹, 39, 97, 252.

Жатецкій Мартынъ, II, 53.
 Жачичи, III², 211.
 Жебровский, III², 139.
 Желиборскіе, III², 53.
 Желиборскій Арсеній, еп. львов., III², 45, 135.
 Желивскій Іоаннъ, помѣ, III¹, 53.
 Жеротинскій Іоаннъ, III¹, 253.
 Жеротинскій Карлъ, III¹, 186.
 Жеславскіе (Заславскіе), III², 154, 171.
 Жефаровичъ, II, 239, 307.
 Жидекъ Павелъ, III¹, 244.
 Жижка Іоаннъ, I, 27, II, 26, 82, III¹, 37, 43, 50, 55, 56, 62, 63, 72, 94, 153, 158, 191, 251, 255, 256, 259.
 Жолкевскіе, III², 70, 126, 207.
 Жолкевскій, гетм., II, 190, 192, III¹, 146, 149, 258, III², 116, 128.
 Жолковскіе, III², 53, 127.
 Жоховскій, II, 328, 552, III², 44.
 Жугаевъ Василій, изъ Яросл., III², 135.
 Жураковскіе, III², 80.

3.

Заборовскій, II, 148, 149, III¹, 227, 228.
 Завицкій, 161.
 Завиша Чарный, изъ Гарбова, III¹, 38, 40.
 Заглобы, поль. родъ, III, 167.
 Загоровскій Вас., III², 217.
 Загуровичъ, II, 585.
 Зализнякъ, I, 195.
 Замоискіе, I, 139, II, 160, III², 70, 80, 126, 207.
 Замоискій Іоаннъ, II, 72, 166, 167, 190, III¹, 127, 139 — 141, 153, 259, 261, III², 53, 115, 128.
 Замоискій Ѳома (с. Іоанна) III², 53.
 Замостьскіе, III², 53, 68, 102, 127.
 Замостьскій Олехно, III², 53.
 Занотти, II, 265, 269.
 Заславская Елизав., III², 76, 79.
 Збаражскіе, III¹, 78, 150, 157, III², 92, 171.
 Збаражскій Христофоръ, II, 94, 176, 190, III¹, 78, III², 78.

Збаражскій Юрій, II, 94, III¹, 78, 147, 148, 252, 153, 156.
 Збонскій, см. Авраамъ Збонскій.
 Зборовскіе, поль. родъ, I, 139, III¹, 135.
 Зборовскій Самуилъ, III², 217, 218.
 Зборовскій Петръ, воен. позн., III¹, 123.
 Зборовскій Христоф., III¹, 247.
 Зборовичъ, II, 264.
 Збраславскій Петръ, II, 521.
 Збыгнѣвъ Владисл., кн. поль., III¹, 22.
 Збыгнѣвъ Оленицкій, еп. крак., II, 101, III¹, 49, 56, 66, 68, 84, 92—94, 175 — 177, 235, 244, III², 14, 49, 50, 158, 177.
 Збылитовскій Андр., III², 144.
 Звониміръ Димитрій, I, 49.
 Звечичъ, II, 289.
 Зденекъ изъ Рожмиталя, III¹, 119, 122, 243.
 Зденекъ изъ Штернберга, панъ, III¹, 103, 105.
 Зебридовскій, I, 39, III¹, 185, III², 75.
 Зеленко, II, 258.
 Земка Тарасъ, II, 576.
 Зеновичи, III², 211.
 Зеновичъ Ник., II, 147, III², 258.
 Зибартъ Іоаннъ, проф., III¹, 39, III², 249.
 Зизаній Лавр., II, 257, 592, III², 44, 231.
 Зиморовичъ Іос. В., II, 161, III², 18, 45, 112, 128, 138, 144—148.
 Зиморовичъ III., III², 138, 144, 145.
 Зиновій, книжникъ, II, 601.
 Зировскій, III¹, 233.
 Златаричъ, II, 264—266, 271, 322, 357.
 Змаевичъ, II, 389, 471, 583.
 Змаевичъ, контръ-адмир., III², 272.
 Змешкаль, ротм. III¹, 253.
 Змѣй Горыничъ, I, 193.
 Зонара, II, 119, 121, 219, 220, 423, 426, 434, 442, 569.
 Зораничъ, II, 264.
 Зотовъ К., II, 415, 478.
 Зренчицкій Я., III¹, 154.

Зринскій Пик., Сигет. герой (XVI в.), I, 50, 51, 192, 260, 370, 373.
Зринскій Петръ, I, 52, II, 84, 211, 260, 262, 266, 267, 373.
Зринскій Ник., (бр. Петра, XVII в.), I, 52, II, 211, 212, 262, 373.
Зутерь Андрей, III¹, 129.

И.

Иванишевичъ, II, 265.
Иванишъ, кн. цет., II, 271.
Ивановъ Аванасій, дум. дьякъ, II, 188.
Иванъ, св., (Предтеча), I, 189, 190, 191.
Иванъ Калита, I, 84, 166.
Иванъ III, I, 82, 156, 169, II, 208, 209, 398, 406, III¹, II, 117, 118, III², 268.
Иванъ IV Грозный, I, 83, 84, 87, 194, II, 278, 342, 405, 436, 571, 578, III², 259, 260.
Иванъ Алексѣев., ц. м. II, 211.
Иванъ Москвитянинъ, типогр., III², 196.
Иванъ, кн. кобринскій, III², 187.
Ивашко, армян., III², 47.
Иво Сеничинъ, юнакъ, I, 192.
Игнатій, діак., II, 427.
Игорь Рюриковичъ, I, 78, 107, 183.
Игорь Святославичъ, I, 184, 195.
Израэль Георг., чеш. бр., II, 154, III¹, 186, 188, 189, III², 256.
Изяславъ Метиславичъ, кн. русскій, I, 138.
Изяславъ Васильковичъ, III², 150.
Иларіонъ Могленскій, II, 424, 569.
Илья св., I, 187.
Илья Муромецъ, I, 193, 195, III², 26.
Ингевонъ, потом. Твиска, II, 15.
Иннокентій III, папа, II, 537.
Иполитъ, патерь, II, 299.
Исаія, архим. афон. II, 211.
Исидоръ, митроп., I, 85, II, 397, 402, 573, III², 47—49, 136, 267, 268.
Исидоръ Севильскій, II, 4, 104, 109.

Искра Іоаннъ, изъ Брандыса, I, 70, III¹, 95, 97, 229.
Истевонъ, потом. Твиска, II, 15.

I.

Іаванъ, (Іафетов.), II, 6, 38, 104, 110, 111, 114, 119, 141.
Іафетовичи, II, 6, 107, 117, 133.
Іафетъ, II, 4, 110, 111, 113, 119, 138, 139, 231.
Іафетъ, чеш. бр., III², 254.
Іезекіиль, пророкъ, II, 10, 63, 124.
Іеремія Богомилъ, поплъ болгарскій, I, 182.
Іеронимъ св., I, 206, II, 21, 22, 39, 114, 117, 120, 140, 231, 239, 240, 242, 244, 248, 271, 281, 296, 299, 300, 485, 493, 507, 508, 523, 526, 541, 544, 547, 548, 549, 554, 603, 605, III¹, 105, III², 270, 274.
Іеронимъ Пражскій, II, 555, 612, III¹, 39—44, 172, 177, III², 157, 158, 235, 246—250, 254, 256.
Іеронимъ изъ Праги, монахъ, III¹, 41, 74, 75, III², 249.
Іоакимъ, іеродіак., II, 578.
Іоакимъ, патр., II, 204.
Іоанна Д'Аркъ, III², 235.
Іоаннъ св., II, 394.
Іоаннъ Богословъ, II, 526.
Іоаннъ Дамаскинъ, II, 590.
Іоаннъ Златоустъ, II, 466, 526, 563, III², 166.
Іоаннъ VIII, папа, II, 603.
Іоаннъ IX, папа, II, 517.
Іоаннъ X, папа, II, 222.
Іоаннъ XIII, папа, II, 603.
Іоаннъ, патр. печскій, III², 265, 266, 269.
Іоаннъ, архіеп. праж., II, 542.
Іоаннъ Ласкій, арх. гнѣз., см. Ласкій.
Іоаннъ, еп. (канцл. Руд. Габ.), III¹, 24.
Іоаннъ, еписк. вратисл., III¹, 29.
Іоаннъ, еп. мишенск., II, 17.
Іоаннъ Людичъ, еп. печуш., III¹, 114.

Іоаннѣ Шафранець, еписк., см. Шафранець Іоан.
 Іоаннѣ Экзархъ, II, 255, 257, 557, 584, 590, 602.
 Іоаннѣ изъ Львова, свящ., III¹, 222.
 Іоаннѣ, діак., II, 525, 533.
 Іоаннѣ изъ Вишні, мон., II, 594, 600, III², 44, 55, 128, 130—133, 136, 146, 213, 214.
 Іоаннѣ Рыльскій, II, 221, 424, 569.
 Іоаннѣ Цимискій, II, 203.
 Іоаннѣ V Пал., виз. имп., II, 402.
 Іоаннѣ III, ц. моск., см. Иванъ III.
 Іоаннѣ Александръ, царь болгарскій, I, 65, II, 559.
 Іоаннѣ Асѣнь I (Калоянъ), I, 64.
 Іоаннѣ Асѣнь II, I, 64, 203.
 Іоаннѣ Шишманъ, I, 65, 192, II, 560.
 Іоаннѣ Люксембург., кор. чешск., I, 25, 33, III¹, 29—31, 35, 81.
 Іоаннѣ I Альбрехтъ, кор. поль., I, 36, II, 86, 207—209, III¹, 115, 116, 253, III², 47, 113.
 Іоаннѣ Казиміръ, кор. поль., I, 40, 41, II, 78, 79, 95, 194, 381.
 Іоаннѣ Запольскій, I, 51, II, 87, III¹, 121, 122.
 Іоаннѣ Искра, полков. чеш., см. Искра.
 Іоаннѣ, кн. опольск., III¹, 242.
 Іоаннѣ, кн. опав. и ратиб., III¹, 51, 52.
 Іоаннѣ, кн. освѣтѣмскій, III¹, 97.
 Іоаннѣ Малала, II, 219, 423.
 Іоаннѣ Витезь изъ Средны, архіеп. остригом., III¹, 114, 116.
 Іоаннѣ Витезь, еп. Весприм., III¹, 116.
 Іоаннѣ Витовець изъ Гребня, III¹, 95.
 Іоаннѣ изъ Газенбурга, III¹, 184.
 Іоаннѣ Гертвикъ изъ Рушинова, III¹, 89.
 Іоаннѣ Годіовскій, II, 59.
 Іоаннѣ изъ Голешова, II, 47.
 Іоаннѣ изъ Карикова, III¹, 254.
 Іоаннѣ Колда изъ Находа, III¹, 89, 95, 97, 98, 252.
 Іоаннѣ Миротицкій, II, 46.

Іоаннѣ Мѣричка изъ Кръгова, III¹, 252.
 Іоаннѣ изъ Освѣтѣмѣ, III², 49.
 Іоаннѣ Пушкаръ, III¹, 97.
 Іоаннѣ Рогачъ изъ Дубы, III¹, 62.
 Іоаннѣ Соколя, III¹, 37.
 Іоаннѣ изъ Стобницы, II, 131.
 Іоаннѣ Теряка, III¹, 253.
 Іоаннѣ изъ Тѣччина, III¹, 86.
 Іоаннѣ изъ Чижева, III¹, 7.
 Іоаннѣ изъ Шарова, III¹, 252.
 Іоаннѣ Филипецъ, уг. канцл. еписк., III¹, 115.
 Іоахимъ Бѣльскій, см. Бѣльскій I.
 Іовій Пав., II, 35, 40, 45, 200, 201, 404, 425.
 Іорданъ, ист., II, 64—66, 110, 117, 143, 222, 225, 303.
 Іорданы изъ Закличина, III¹, 243.
 Іосифъ, сынъ Іакова, II, 104.
 Іосифъ Флавій, ист., II, 4, 570.
 Іосифъ I, имп., II, 307.
 Іосифъ II, имп., II, 69, 214, 215, 390, 412, 413, III¹, 234, III², 27.

К.

Кабатникъ Март., III², 255, 256.
 Кабога, ист., II, 371.
 Кавечинскій, II, 597.
 Кавка изъ Собѣсукъ, III¹, 97, 252.
 Кадлубекъ Викент., лѣтоп., II, 34, 35, 74, 103, 104, 108, 109, 112, 136, 436, III¹, 167, III², 4, 12, 76.
 Казановскіе, поль. родъ, I, 138.
 Казиміръ I, кн. поль., I, 106.
 Казиміръ III Велик., кор. поль., I, 34, 175, II, 328, III¹, 31, III², 18, 22, 46, 50, 108.
 Казиміръ IV, к. п., I, 36, 82, 166, 169, II, 548, 550, 572, III¹, 7, 84—90, 93, 94, 96 — 115, 121, 151, 171, 239, 241, 242, 247, 252, III², 50, 51, 65, 93, 120, 161, 165, 167, 170, 178—182, 193, 276.
 Казиміръ Казиміровичъ (с. Казиміра IV), III¹, 114.
 Казиміръ, сынъ Лестька, II, 106.
 Казя, княжна чеш., I, 182, 183.

Каяца, воевода, I, 183, 192.
 Кайсаровъ, II, 247.
 Калиновскіе, III², 62, 207.
 Калининскій Іоаннъ, II, 164, 179, 180, 183.
 Каллимахъ, ист., II, 126, 231, III¹, 89.
 Калоіоаннъ (Калоянъ), см. Іоаннъ Асень I, I, 64.
 Кальвинъ, II, 82.
 Кальнофойскій, II, 552, III², 44.
 Камерарій, III², 256.
 Камилъ, III², 54.
 Канавеличъ (Канавеловичъ), II, 178, 264, 369, 378—380, 389, 392.
 Канижличъ, II, 266.
 Кавизій, II, 60, 270, 279.
 Канцовъ, истор., II, 15, 16.
 Каулиръ изъ Сулевицъ, II, 83.
 Капистранъ Іоаннъ, III¹, 93, 94, III², 49.
 Капоунъ изъ Свойкова, Альбр., III¹, 129.
 Капунъ (Капоунъ) изъ Смирлицъ, III¹, 97, 252.
 Капуста, кн. родъ, III², 171.
 Кара-Мустѣфа, II, 84.
 Караджичъ Вукъ, II, 323.
 Каражъ Іоанникій, II, 205.
 Караманъ Матв., II, 275, 291, 389, 583, 584, 593, III², 272.
 Карваялъ, нап. лег., III¹, 179.
 Каріонъ, II, 46.
 Карловичъ, I, 50.
 Карлъ Великій, I, 17, II, 213, 228, 483.
 Карлъ IV (I), кор. чеш., I, 25, 58, II, 29, 31, 57, 89, 148, 234, 296, 299, 303, 357, 535, 541—544, 546, 605, 608, III¹, 31, 32, 35, 81, III², 253, 254.
 Карлъ VI, II, 307.
 Карлъ, кор. неаполь. I, 50.
 Карлъ, герцогъ бургунд., III¹, 109.
 Карлъ, эрцгерцогъ, III¹, 124.
 Карлъ, кн. Минстерберг., III¹, 243.
 Карнковскій Станиславъ, еп. II, 72, 78.
 Карпинскій, II, 435.

Каспаръ изъ Вишавы, свящ., II, 288.
 Каснаръ изъ Мархін, III², 255.
 Каснаръ Шликъ, III¹, 84.
 Катанчичъ, II, 266.
 Качичъ-Міоничъ, II, 233, 235, 236, 243, 244, 264, 369, 371, 374, 385, 392, III², 275.
 Кашичъ, II, 264, 265, 267, 282, 284, III², 264.
 Квятковскій Март., II, 148, 163.
 Кезгайлы, III², 163.
 Кердеевичи (Кирдеевичи), III², 67, 68.
 Кердеевичъ Грицко, III², 63, 82.
 Керманъ Даніилъ, II, 65.
 Кестутій (Кейстутъ), III², 152, 153.
 Кестутъевичи, III¹, 33.
 Кибургъ, еп., III², 164.
 Кизаревичъ, II, 435.
 Кинскій Францъ, графъ, II, 66, III¹, 160.
 Кирианъ, митроп., II, 560, 571, 572, 575, 587, 588.
 Кирдеевичи, см. Кердеевичи.
 Кирдеевичъ изъ Квасилова, Ванко, III², 92.
 Кирдей Ванковичъ, III², 92.
 Кирикъ, новогор., II, 396.
 Кирилъ (Константинъ) св., ап. сл., I, 11, 23, 204—206, II, 5, 28, 30, 31, 40, 47, 66, 79, 120, 124, 126, 128, 223, 231, 239, 242, 248, 251, 252, 256, 257, 271, 275, 280, 281, 291, 300, 303, 328, 338, 397, 422, 423, 426—431, 434, 437, 439, 442, 443, 446—449, 451—459, 468, 469, 482, 484, 486, 493, 498, 507, 508, 515—616, III¹, 170, III², 16, 72, 244, 245, 253.
 Кирилъ Іерусалимскій, св., II, 550.
 Кирилъ, митроп., II, 569.
 Кирхнеръ Аванасій, II, 241, 310.
 Кисель, пис. дух., II, 328, 435.
 Кишка Микол., панъ, III², 198.
 Кій, II, 111, 124, 439, 447.
 Клѣновичъ Севаст., II, 89, 137, 138, 173, 175, III¹, 245, III², 22, 138, 143, 148.

Клечевскій, II, 67, 143, 144, 158.
 Клечковскій, III¹, 150.
 Климентъ, св. (болг.), II, 517, 577, 584, 614.
 Климентъ VI, папа, II, 541.
 Климентъ VIII, папа, II, 210, 404, III², 265, 269—271.
 Кломбнеръ, II, 289, 294.
 Клоць, II, 526, 536.
 Клюверій, ученый, II, 21.
 Ключи (Клюсы), III², 67.
 Ключъ Іоаннъ (Вижнянскій), III², 66.
 Ключъ Иванъ (XVII в.), III², 67, 104.
 Кмита Ахачъ, II, 190, III¹, 246.
 Кмита, старш., III², 81.
 Кмиты, III², 62.
 Кнапскій, II, 148, 152.
 Князьинъ Францъ, II, 183, 184, 196.
 Кобенцель, пос. нѣм., II, 398, III¹, 160, III², 268.
 Кобринскіе, III², 154.
 Кобылянский, III², 81.
 Кобятчъ Тарасъ, III², 194.
 Кованъинъ Іерон. (Каванинъ), II, 254, 355, 357, 366—370, 380, 383—285, 389, 392, 409.
 Кодициль, астрон., II, 36, 40, 242.
 Кожиччъ, II, 267.
 Козубай, каз., III², 148.
 Коковецъ Марешъ, II, 555, III², 255, 256, 258.
 Колальто, III¹, 160.
 Коларъ Янъ, II, 197, 578.
 Коленда, митроп. уніат., III², 52, 80.
 Коллонтай, II, 139.
 Коллоредо, III¹, 160.
 Коловраты, III¹, 160.
 Коломанъ, кор. уг., I, 49, II, 74.
 Колоничи, II, 245.
 Колоничъ, II, 83, 279.
 Колумбъ, III², 235.
 Коль Іоаннъ, II, 507.
 Коменскій, Я. Ам., II, 611, III¹, 186, 190, 192, 193, III², 252, 254, 260.
 Коммендони I., II, 292, III¹, 132.
 Коморовскіе, братья, III¹, 229, 243.

Коморовскій Христофоръ, III¹, 243.
 Комуловичъ, II, 210, 279, 285, 290, 389, 398, 404, 408, 540, III², 270—273.
 Коначъ изъ Годиштова, II, 58, 59, 125, III¹, 243, 244.
 Конашевичъ, гетм., см. Сагайдачный.
 Конецпольскіе, III², 62, 207.
 Конецпольскій Стан., гетм., II, 190, III¹, 153, III², 134.
 Конецпольскій, старш., III², 81.
 Конискій Георг., II, 484, III², 219, 221.
 Конопка Дерславъ, III², 63.
 Конопки, III², 62.
 Конрадъ, кн. оленницк., III¹, 31, 101.
 Конрадъ, кн. чеш. (XII в.), I, 175.
 Конрадъ Бичинъ, III¹, 73.
 Константиновичъ Мих., II, 45, 86, 87, 121, 127, 174, 207, 208, III¹, 36, 113, 202, 259.
 Константинъ Филос., см. Кириллъ.
 Константинъ Костенчскій, II, 221, 257, 560—562, 587—590, III², 250.
 Константинъ Багрянородный, II, 42, 68, 145, 220, 236, 613, III², 4.
 Константинъ, имп., II, 244, 384, 385, 456.
 Константинъ Тѣхъ, II, 328.
 Константинъ Манассія, см. Манассія.
 Констанція, чеш. сестра, III¹, 223.
 Конти, фр. принцъ, III¹, 162.
 Конерникъ, III², 235.
 Коніевскій (Коніевичъ) Илья, II, 473, 475, 479, 480.
 Копитаръ, II, 577, 578.
 Копыстенскіе, III², 81.
 Копыстенскій, II, 94, 329, 435, 442, 449, 450, 452, 573, III², 9, 44, 57, 72, 75, 77.
 Корамбусъ Матвій, III², 274.
 Коранда Вяч., III², 253.
 Корецкіе, III², 154, 171.
 Корецкій Самуиль, III¹, 149.
 Коріштовичи, III², 63, 185.

Коріатовичъ Александръ, кн., III², 50, 61, 63.
 Коріатовичъ Федоръ, I, 70.
 Коріать Мих., III², 152, 154.
 Корибутовичи, III¹, 147, III², 171.
 Корибутъ (Корыбутъ) Дм., III², 152—154.
 Корицинскій, старш., III², 81.
 Корьевичъ, II, 239.
 Косача Стефанъ, см. Стефанъ К.
 Косой Θεодосій, III², 258.
 Коссовъ Сильв., II, 442, 552, III², 44.
 Коста, II, 264.
 Костелакъ, ротм., III¹, 253.
 Косьма, пресв., II, 328.
 Косьма, лѣт., I, 13, II, 12, 24, 31, 42, 421, 604, III¹, 3, 8, 22, 23.
 Кохановскій, повѣтъ, II, 9, 67, 136, 137, 142, 148, 149, 159 — 161, 163, 165, 187, 190, III¹, 209, 214, 228, III², 76, 138, 140, 141, 143, 147.
 Коховскій Іерон. Веспасіанъ, II, 121, 161, 179, 180, III¹, 210, III², 139, 147.
 Коуницы, I, 75, III¹, 160.
 Коуницъ Вяч., II, 413, III¹, 160, 163.
 Коцель, кн., I, 11, II, 428 — 430, 448, 453, 455, 468, 586, 589, 590, 610.
 Коята, пѣвецъ, I, 196.
 Крайковъ Яковъ, II, 304, 564, 585.
 Краковны, княжны чеш., I, 182.
 Кракъ, II, 104, 141.
 Крамеръ I. Ф., 479.
 Кранцъ Альбертъ, истор., II, 14 — 16, 35, 102, 112, 117, 140.
 Красинскій, еписк., III¹, 127.
 Красинскій Іоаннъ, геогр., II, 132.
 Красицкій Игн., II, 180, 183, 196.
 Краснодѣмбскій, II, 99.
 Крашевскій, II, 170.
 Крайчевичъ, II, 261.
 Кревза, см. Креуса.
 Крелль, II, 257, 258, 270, 279, 285, 987, 294, 297.
 Кренъ Оома, еп., II, 257, 266, 297, III², 269.

Кресихлебъ, II, 553.
 Креуса (Кревза) Левъ, II, 441, 442, 451, III², 44.
 Крижаничъ Юрій, II, 3, 4, 34, 205, 211, 212, 240, 241, 260, 285, 309 — 351, 354, 362, 382, 383, 385, 389, 392, 405, 408, 410, 418, 436, 440, 441, 473, 514, 581, 589, III¹, 83, III², 28, 161, 233, 265, 272, 275.
 Крижъ, III¹, 171.
 Кринецкій Вильгельмъ, III¹, 124.
 Криницкій Григ., III², 134.
 Криштянь (Христіанъ), маг., III¹, 57.
 Крмпотичъ, II, 389, 390, 392.
 Кровицкій М., II, 293.
 Крокъ, II, 427.
 Кроликъ, рус. книжн., II, 471.
 Кромеръ Март., ист., II, 35, 41, 43, 45, 54, 101, 103, 106, 109, 112, 113, 117—119, 121, 126, 132, 134, 141, 143, 231, 237, 243, 443 — 445, 452, 454, 486, 491, III¹, 2, 247, III², 103, 140, 148.
 Кропивницкіе, III², 81.
 Кротоскіе, III¹, 187, 189.
 Крумъ, кн., I, 63.
 Крупецкій, еп. ун., III², 75, 78.
 Крупскій, II, 59.
 Крутъ, кн., I, 18.
 Крушала Ив., II, 482.
 Крыскій, поль. пос., II, 408.
 Крышковскій Лавр., II, 154, 596, 597, III¹, 214, III², 211.
 Кръсяміры, I, 49.
 Кулеша, поль. іез., II, 328, 552.
 Кулинъ, баяъ бос., II, 557.
 Кульчинскій Игн., II, 446, 447, 451.
 Кульчицкіе, III², 81.
 Кумердей, II, 577.
 Кунигуида, жена Прем. От. II-го, III¹, 25.
 Куницкій, II, 383.
 Купецкій, живоп. чеш., II, 409.
 Курбскій, кн., II, 578.
 Курлятевъ Нилъ, II, 575, 576.
 Курозвенцкіе, III¹, 243.
 Куропатва изъ Ланцухова, III¹, 175, 176.

Курцевичъ, III², 171.
Кутенъ, лѣтоп., II, 37—39, 548.
Кухарскій (Жабовруцкій,) III², 83.

Л.

Лаврентій Бенедиктъ изъ Пудожеръ, II, 58.
Лаврентій изъ Брезовы, II, 33, III¹, 42, 50, III², 246.
Лаврентій, еп. перемыш., III², 102.
Лаврентій изъ Панёка, III¹, 62, 63.
Лагодовскіе, III², 61, 68.
Ладиславъ Куманъ, кор. уг., II, 450.
Ладиславъ неаполит., I, 50.
Ладиславъ, угор. францискан., III¹, 94.
Лазарь Грбляновичъ, кн., I, 59, 192, II, 370, 394, 571.
Лазарь Бранковичъ, серб. деспотъ, III¹, 92.
Лакозъ, II, 500.
Ламормень, іез., II, 262.
Ламормены, II, 95.
Ланосовичъ, II, 266, 267.
Ласоникъ Халкокондилъ, II, 219.
Ларишъ, павъ, III¹, 233.
Ласи, фельдмарш. рус., II, 412.
Ласицкій, II, 293, 294, III¹, 186, 189—191, III², 256, 259.
Ласкіе, поль. родъ, I, 139.
Ласкій Іоаннъ, архіеп. гнѣз., II, 113, III², 2, 49, 95, 168.
Ласкій Іеронимъ, воев. серадз., III¹, 121, 122.
Ласкій Альбрехтъ, воев. серадз., III¹, 128, 137.
Ласскій Іоаннъ, II, 160.
Лацекъ (Ладиславъ) изъ Краваръ, III¹, 38, 42.
Лашъ Март., II, 553, III¹, 191.
Леваковичъ Раф., учеп., II, 14, 243, 267, 272, 275, 285, 310, 389, 580, 581, 592, III², 264, 265.
Левешкей, II, 45.
Левъ Муд., имп., II, 430, 454, 480.
Левъ Даніиловичъ, кн., III², 17, 64, 103.

Леготскіе, I, 138.
Ледецкий, свящ., II, 555.
Лейбницъ, II, 331, 484, 485, 487, 500.
Леливы, III¹, 167, III², 189.
Ленгнихъ, II, 67, 137, 141, 142.
Леонардъ, доминик., III¹, 222.
Леонтій, монахъ, III², 213.
Леопольдъ, имп., II, 83.
Лепехинъ, II, 511.
Лестько, II, 75, 106, 119, III¹, 16.
Лещинскіе, III¹, 187.
Лещинскій Раф., III¹, 189, III², 259.
Лещинскій, товар. Собеск., II, 383.
Лжедмитрій, I, 84, II, 191, 278.
Либерда, III¹, 233.
Ликий, II, 220, 244.
Лингартъ Антонъ, II, 243, 250.
Линде Сим., II, 159.
Липскіе, III¹, 187.
Лисовскій, II, 190, III¹, 149.
Лисы, поль. родъ, III¹, 167.
Лихтенштейны, III¹, 159.
Лихуды, уч. моск., II, 329.
Лобковицъ Ладиславъ, III¹, 129, 130—132, 136.
Лобковицъ Богуславъ, III¹, 251.
Лобковицы, чеш. родъ. I, 75, III, 160.
Лобода, каз. старш., III², 218.
Лодерекеръ изъ Прошовицъ, II, 57, 58, 228.
Лоевичи, III², 67, 68.
Лозинскіе, III², 68, 80.
Ломоносовъ, II, 412, 500 — 503, 509—512.
Лопатинскій Теофилъ, II, 473, 486.
Лопатици (—Чеперовскіе), III², 64, 65, 68, 102.
Лорбахъ, нѣм. нос., II, 398, 399.
Лубенскій Сталиславъ, еписк., III¹, 148, 156.
Лугвеній (Лыгвеній, Лингвень), Семенъ, III², 96, 152, 153.
Лугвенъевичи, III², 154.
Лудольфъ, II, 465, 485.
Лука, чеш. братъ, III², 255, 256.
Лука изъ Теркополя, II, 573, 598, III², 135, 227—229.

Лука изъ Горки, воев. позн., ІІІ¹, 63.
 Лукарить, ІІ, 303.
 Лукомскіе, ІІІ², 171.
 Лупачъ, ІІ, 546.
 Луцить, ІІ, 264, 267, 270, 322, 352, 357.
 Лучить Иванъ, ІІ, 237, 243, 303.
 Лызловъ Андр., ІІ, 441.
 Лыщанскій, ІІІ², 235.
 Лѣхъ, праотець ляховъ, ІІ, 6, 19, 32, 37 — 43, 64 — 68, 75, 94, 105, 108 — 121, 124, 125, 128, 134—137, 141—145, 160, 161, 199, 201, 229, 231, 233, 238, 242, 243, 245, 369, 427, 439, 443, 447, ІІІ¹, 152, 153, 159.
 Лѣвчицкій Павелъ, ІІ, 134.
 Любартъ Гедиминовичъ, Дм., ІІІ², 150, 152.
 Любельчикъ Яковъ, ІІ, 147, 148, 161.
 Любецкіе, ІІІ², 171.
 Любомирскіе, ІІІ², 207.
 Любомирскій, предвод. возстанія, І, 40, ІІ, 160, 190, 383.
 Любуша, княжна чеш., І, 182, ІІ, 78, 125, 142.
 Людгарда, ІІІ¹, 2.
 Людичъ Ив., еп., ІІІ², 275.
 Людмила, св., ІІ, 30, 31, 125, 423, 429, 447, 451, 452, 458, 518, 548, 604, 605, 608, ІІІ¹, 8, 105.
 Людовикъ І Великій, І, 34, 50, ІІ, 126, 128, 206.
 Людовикъ ІІ, Ягайлов., кор. уг. І, 28, 51, ІІ, 169, 209, ІІІ¹, 118, 119, 121.
 Людовикъ ХІV, ІІ, 83.
 Люидирандъ, ІІ, 119.
 Лютеръ, І, 21, 28, ІІ, 17, 18, 292, 493, ІІІ¹, 15, 186, 225, ІІІ², 256, 259.
 Лютомѣръ, І, 105.
 Лянцкорона, поль. родъ, І, 137.
 Лята (Ляда), мѣщ. крак., ІІІ¹, 262.

М.

Маврикій, св. (нѣм.), І, 17.

Маврикій, имп. виз., ІІ, 341.
 Моголъ, праот., ІІ, 6, 63, 139.
 Магомедъ, султанъ, І, 59.
 Мажураничъ Иванъ ІІІ², 277.
 Мазепа, гетм., І, 88, 169, ІІ, 472, ІІІ², 220.
 Макарій, митроп. рус., ІІ, 428, 429, 436, 586.
 Макарій, намѣстн. гал. еп., ІІІ², 52.
 Макарій, мон. ІІ, 470.
 Макарій, черногор. мон., ІІ, 304.
 Макаровъ, ІІ, 415.
 Максимиліанъ, имп. рим.-гер., ІІІ¹, 115—118, ІІІ², 268.
 Максимиліанъ, чешск. кор. и имп., І, 29, ІІ, 147, 166, 168, 286, 348, 398, ІІІ¹, 124, 126, 129 — 138, 244.
 Максимиліанъ, эрцг., ІІ, 72, ІІІ¹, 138—141.
 Максиминъ, имп., ІІ, 244.
 Максимовичъ Иванъ, ІІ, 475, 476.
 Максимовъ Федоръ, ІІ, 475.
 Максимъ Грекъ, ІІ, 469, 497, 575, 589.
 Малаховскій, ІІ, 98.
 Малецкій Іеронимъ, ІІІ¹, 225.
 Мальцанъ Іоаннъ, ІІІ¹, 124.
 Мальчицкіе, ІІІ², 61, 67, 68, 102, 119.
 Мальчицкій І., ІІІ², 103.
 Мамай, ханъ, ІІІ², 153.
 Манассія Конст., ІІ, 219, 220.
 Мандевиль, ІІІ², 246.
 Мандичъ, еписк. хорв., ІІ, 306.
 Манкіевъ, ист., ІІ, 34, 437, 482.
 Маннъ, сынъ Твиста, ІІ, 6, 14.
 Мануялъ, имп. виз., ІІ, 203.
 Маргарита, жена Конрада Олешницкаго, ІІІ¹, 101.
 Маргитичъ, ІІ, 264, 273, 274, 277, 282.
 Мардарій, монахъ, ІІІ², 276.
 Марина Мнишекъ, ІІ, 191.
 Маринвола, лѣт. ІІ, 29, 31.
 Марія (огненная), І, 187.
 Марія, дочь Людов. Вел., І, 50.
 Марія-Терезія, І, 54, ІІ, 217, 307, 413, ІІІ², 27.
 Марія, жена кн. Тройдена, ІІІ², 17.

Марка Иванъ, II, 283.
 Марко Вукашиновичъ, королевичъ серб., I, 58, 192, 193, 196, II, 174, 370.
 Маркъ, св., евангелистъ, II, 18.
 Маркъ изъ Пётркова, врачъ, II, 151.
 Марнавичъ Ив. Томко, II, 178, 244, 264, 312, 372, 373, 382, 383.
 Мартинидъ изъ Руды, III¹, 233.
 Мартиницы, III¹, 160.
 Мартынъ, св., II, 140.
 Мартынъ, папа, III, 108, 173.
 Мартынъ Бѣльскій, см. Бѣльскій.
 Мартынъ Галль, II, 103, 421, III¹, 21.
 Мартынъ изъ Баворова, III¹, 79.
 Мартынъ Гидзельскій изъ Ценжковицъ, III¹, 242.
 Маршевскіе, III¹, 187, 189.
 Маруличъ, II, 257, 264—266, 270, 283, 322, 371, 372, 389.
 Масальскіе, русскій родъ, I, 138.
 Матвѣй, еп. перемышл., III², 22, 98.
 Матвѣй Корвинъ Хунядъ (Гуніядъ), кор. угор., I, 28, 50, 73, II, 86, 206, III¹, 98, 105, 108 — 117, 251—253, III², 276.
 Матвѣй, чеш. кор. и имп., I, 29, III, 144, 145.
 Матвѣй изъ Мѣхова, см. Мѣховскій.
 Матвѣй Вилькъ изъ Петровицъ, III¹, 236.
 Матіевичъ Стеф., II, 273, 276, 328.
 Матиоли, II, 59, 151.
 Матѣй, св., евангел., II, 18, 293.
 Матѣй, еп. крак., II, 103, 396, III², 12, 21.
 Мегизеръ, II, 250, 258, 298.
 Мелантрихъ Юрій, II, 59.
 Меланхтонъ, II, 148.
 Мелетій, царегр. патр., III², 257.
 Мелешко Иванъ, панъ, III², 166, 208.
 Мельштынскій, см. Спытекъ изъ Мельштына.
 Мельштынскіе (отъ з. Мельштынъ), I, 137, III², 62, 81.
 Менжикъ изъ Домбровы, III², 81.
 Меншиковъ, II, 455

Меркаторъ, II, 425, 441, 455.
 Мечиславъ, кн. поль., II, 446.
 Меѳодій, св., ап. сл., I, 11, 12, 23, 205, 206, II, 5, 17, 21, 28, 30, 31, 40, 47, 66, 74, 124, 128, 231, 235, 242, 248, 249, 252, 256, 257, 271, 280, 281, 303, 323, 397, 422, 423, 426—429, 442, 443, 446 — 459, 484, 486, 493, 507, 508, 515 — 616; III¹, 12, 170, 213, III², 9, 72, 244, 245, 253.
 Микаля Яковъ, II, 268, 279, 284, 371, III², 263.
 Миколаевскій, чеш. бр., III², 257.
 Милетичъ, франциск., II, 275.
 Миличъ Іоаннъ, III¹, 172.
 Милишичъ, III², 272.
 Миллесимо, III¹, 160.
 Милорадовичъ, II, 389, 393, 409, 471.
 Милошъ Кобиловичъ (Кобиличъ), I, 192, 196, II, 174, 370.
 Милошъ Воиновичъ, юнакъ, I, 193.
 Милютинъ Стефанъ, см. Стефанъ М.
 Миндовгъ, кн., III², 152.
 Минихъ, II, 414—415.
 Мянчетичъ Влад., II, 264, 373, 389.
 Мирославъ (его еванг.), II, 527, 557.
 Мисаилъ, ун. митр., III², 48, 136.
 Митисъ, поэтъ, II, 59.
 Митровскіе, I, 138.
 Митуса, пѣвецъ, I, 195.
 Михайлъ, имп., II, 433, 448, 449, 453, 455, 468, 516, 589, 607.
 Михайлъ Федоровичъ, царь, I, 84, 85, III¹, 262.
 Михайлъ болг., см. Борисъ.
 Михайлъ, кн. сербск., I, 56.
 Михайлъ изъ Санока, протоп., II, 598, III², 135, 226.
 Михайлъ, гус. полъ, III¹, 112.
 Михайлъ Литвинъ, II, 436, III², 164.
 Михайлъ Полякъ, III¹, 180.
 Михайлъ Константиновичъ, см. Константиновичъ.
 Михайлъ Потыкъ (Потокъ), богатырь, I, 194, 195.

Мичмаеръ, III¹, 180.
 Младеновичъ Бранко, II, 527.
 Мнишекъ Юрій, II, 160, 190, 191.
 Могила П., II, 328, 329, 435, 552, 599, III², 44, 215.
 Модлибогъ, I, 108.
 Модревскій Фричъ, III¹, 178, 179, 184, 190.
 Моисей, патр. нечск., II, 305.
 Моисей Путникъ, митроп. серб., II, 306.
 Моисей Петровичъ, архіеп. серб., II, 487.
 Моисей (его еванг.), II, 566.
 Моймировичи, кн. моравск., I, 22, 23, III¹, 2, 3, 21.
 Моллеръ, II, 21.
 Момчило, юнакъ, I, 192.
 Монвидъ, с. Гедим., III², 152.
 Монвиды, III², 163.
 Монлюкъ, фр. пос., III¹, 127, 130.
 Мончинскій, II, 147, 148, III², 117, 139, 141.
 Морозенко, I, 195, III², 148.
 Морштынъ Іоаннъ Андр., II, 189.
 Морштынъ Іерон., II, 170.
 Москвитинъ Иванъ Федоровичъ, II, 600, III², 196.
 Мосохъ, праотець, II, 6, 63, 103, 113, 119, 122—124, 127, 141, 144, 438, 439, 441, 443.
 Мошенки, Мошенчичи (— Мальчицкіе) III², 68, 119.
 Мощенскій, II, 67.
 Мукачевскій, кн., см. Фед. Коріатовичъ.
 Мстибогъ, I, 108.
 Мстиславецъ Петръ Тимофѣевичъ, II, 600, III², 196.
 Мстиславскіе, рус. родъ, I, 138, III², 154, 171.
 Мстиславъ Удалой, I, 80, III², 16.
 Мстиславъ Владимір., кн. (его еванг.), II, 528, 532, 565, 567.
 Мужилевскій, II, 328.
 Мурделіоны, поль. р., III¹, 167.
 Мустафа, султ. тур., II, 176.
 Мустафа паша, III¹, 122.
 Мюллеръ Герардъ, II, 415, 489, 499—502, 506.

Мюнстеръ, II, 133.
 Мышковскіе, III¹, 239, 241, 243.
 Мѣшко, кн. поль., II, 451, 520, III¹, 169, 248, III², 14, 15.
 Мѣховскій Матвѣй, истор., II, 35, 45, 101 — 103, 106, 109, 110, 114, 115, 119, 121, 131, 404, 442, 550, 551, III¹, 2, 228, 254, III², 2, 49.
 Мясковскій К., II, 160, 161, 190, 192, III², 76.

Н.

Нагай, іез., III², 54.
 Надажди, II, 84.
 Надобный изъ Рогова, III¹, 175.
 Наленчи, поль. гербъ и родъ, I, 137, 138, III¹, 167, III², 189.
 Налешковичъ, II, 264.
 Наливайко, атам., III¹, 258, III², 218.
 Наперскій Костка, III², 128.
 Наполеонъ I, имп., II, 201, 420.
 Наполеонъ III, имп., II, 420.
 Наримунтовичи, III², 154.
 Наримунтъ Глѣбъ, III², 152.
 Нарушевичъ, ист., II, 137, 141, 143—145, 183, 184, 196.
 Наумъ, св., II, 577.
 Негалевскій Валент., II, 597, III², 211.
 Негно, праот., II, 104.
 Неголевскіе, I, 138.
 Неманичи, I, 103, 143, 220.
 Неманя Стефанъ, см. Стефанъ Н.
 Немоевскій Як., III¹, 189, 191.
 Немродъ, II, 106.
 Ненадовичъ Алексѣй, II, 215.
 Ненадовичъ Павелъ, II, 307, 487.
 Ненній, II, 104.
 Неронъ, имп., II, 437.
 Несвицкій Иванъ, кн., III², 171.
 Несвицкій Федоръ, кн., III², 171.
 Несецкій, III², 63.
 Неслуховскіе, III², 68.
 Несторъ, лѣтоп., II, 443, 446, 453, 486, 490, 492, 499, 501—505, III², 25.
 Нетолицкій, III¹, 134, 135.

Нечай, атаманъ, I, 195, III, 148.
 Нечун, поль. р., III¹, 166.
 Никлотъ, кн., I, 19.
 Никифоръ, патр. цареград., II, 433.
 Никифоръ, митр. кiev., III², 16.
 Никодимъ, чеш. бр., II, 52.
 Никодимъ (его еванг.), III¹, 213, 223.
 Николай, св., I, 187.
 Николай изъ Цельгримова, ен., III¹, 62, 91, III², 251.
 Николай, еп. модруш., II, 523.
 Николай Павловичъ, ямп., II, 85.
 Николай, кн. помор., III¹, 2.
 Николай I Черногорскій, I, 196.
 Николай Брезинка, III¹, 79.
 Николай Богемецъ (Bohemus), III¹, 215.
 Николай изъ Гуси, III¹, 50.
 Николай изъ Брестя, инквиз., III¹, 175.
 Николай изъ Дубовца, III¹, 242.
 Николай изъ Знойма, писарь, III¹, 86.
 Николай Корничъ Сестренецъ, III¹, 52, 57, 60, 63, 66, 176.
 Николай Ланцкоронскій, III¹, 176.
 Николай, миноритъ, III¹, 86.
 Николай изъ Падва, III¹, 244, 249.
 Няконъ, патр., I, 87, II, 574.
 Новаковичъ, сербъ, II, 512.
 Новакъ, вн. крбав., II, 544.
 Новакъ, гайдукъ, I, 193.
 Новакъ Дебелякъ, I, 196.
 Ной, II, 38, 103, 127, 139, 151.
 Нѣпръ, III¹, 171.

О.

Ободзинскій Алекс., II, 121, 161.
 Обрадовичъ, см. Досиоей. Обр.
 Обыховскій, стар., III², 81, 83, 101.
 Овидій, II, 363.
 Огилевичъ, II, 552.
 Огинскіе, III², 211.
 Огинскій Богданъ, II, 599.
 Оглендовскій, III², 81.
 Огончики, поль. р., III¹, 166.
 Одоевскіе, III², 171.

Одровонжи, поль. р., III¹, 166, III², 62, 127.
 Одровонжъ, старш. гал., III², 82.
 Одынцы, поль. р., III¹, 167.
 Окольскій, III², 138, 139, 144.
 Окша, поль. родъ, III¹, 166.
 Олегъ, кн., I, 78, 183.
 Олегъ Святославичъ, III², 17.
 Олельковичи, III², 153, 171.
 Олелько-Александръ Волод., III², 153.
 Олешницкій Збыгнѣвъ, см. это имя.
 Ольга, св., I, 78, 107, 183, II, 142, 447, 569.
 Ольгердовичи, I, 80, III¹, 33, 76, III², 151—154, 158, 159, 161, 171, 176.
 Ольгердъ Гед., I, 82, III², 151, 152, 171.
 Ольгимунтовичи (— Гольшанскіе), III², 156, 171.
 Ольдрихъ изъ Смолотель, см. Ульрихъ.
 Ольшевскій, еписк., II, 83.
 Опалинскіе, III¹, 187.
 Опалинскій Лука, II, 140, III², 139.
 Опець Валтазаръ, III¹, 211, 213.
 Оповровскій Владиславъ, свящ., III¹, 65, 66.
 Орбини Мавро, ист., II, 34, 37, 224, 229—233, 235—238, 242, 243, 245, 284, 303, 308, 315, 486, 487, 490, 494, III², 275.
 Орельскій, Св., III¹, 135, 138.
 Орфей, II, 244.
 Орфелинъ, II, 216, 307, 308, 488, 592, 595.
 Орѣховскій Станиславъ, II, 88, 135, 137, 149, 151, III¹, 36, 126, 202, 209, 214, 245, III², 22, 23; 70—73, 76, 138—142, 147, 165.
 Османъ, султ., II, 382.
 Осталовскіе (— Лопатичи—Чеперовскіе) III², 68.
 Остерманъ, II, 414.
 Остиковичи (— Радивилы), III², 163, 171.
 Остоя Стефанъ, I, 50, 59.
 Острица, гетм., III², 219.

Острожская Елизавета, III², 253.
 Острожскіе, III¹, 157, III², 172, 296.
 Острожскій Конст., II, 190, 574, 577, 578, III², 27, 214, 215.
 Острожскій Вячеславъ, III¹, 62, 63.
 Острожскій Федоръ, III¹, 63, 256, 257.
 Острожскій Фридрихъ (=Федоръ?), III¹, 61—63, 175, 257, 261.
 Острожскій Янушъ, III¹, 149.
 Остромиръ, I, 198, 205, II, 525, 528, 529, 532, 565.
 Остророги, I, 138, III¹, 181, 187.
 Остророгъ Іоаннъ, II, 75, 129, III¹, 108, 179, 181, 183, 189.
 Остророгъ Станиславъ, III¹, 104, 190.
 Ота изъ Робоусъ, III¹, 39.
 Отигъ изъ Лозы, табор. полков., III¹, 71.
 Ортонъ I, кор., I, 17.
 Оттонъ, кн. мор., III¹, 5.
 Оттонъ Бамбергскій, еп., I, 15, 19.
 Охмучевичъ, II, 200.

П.

Павелъ св., апостолъ, II, 18, 128, 219, 235, 423, 453.
 Павелъ II, папа, II, 86, III², 49.
 Павелъ V, папа, III², 78.
 Павелъ Варда, архіеп. остриг., III¹, 122.
 Павелъ, пробошъ здеравскій, III¹, 106, 112, 114.
 Павелъ Діак., II, 117.
 Павловичъ Бернардъ, II, 264, 283.
 Павловскій Станиславъ, еписк., II, 611, III¹, 138, 243.
 Павлюкъ, III², 134.
 Падневскій Филиппъ, еп. врав., III², 123.
 Паисій, болг. ист., II, 233, 251, 307, 585, 588, 595, 609.
 Палацкій, ист., III², 251.
 Палицынъ Авр., II, 406.
 Палій (Палей), I, 195, III², 218.
 Пальмотичъ Ю., II, 159, 264, 273, 284, 302, 352, 354, 356, 357,

361 — 363, 370, 383, 389, 392, III², 276.
 Пальмотичъ Як., II, 353, 370.
 Панинъ, II, 416.
 Панкраць изъ св. Николая, III¹, 95.
 Пантелеймонъ, св., I, 187, II, 570, 571.
 Папанекъ Юрій, II, 66, 68.
 Папроцкій, истор., II, 34, 37, 42, 41, 45, 89, 90, 101, 103, 127, 129, 130, 170, 171, 315, 402, 546, 611, III¹, 139, 233, 246 — 248, 254, III², 63, 69, 117, 139, 217, 218, 254.
 Паркошъ Яковъ, III¹, 227.
 Парчевичъ, болг., II, 177, 192, 210, III², 263, 266.
 Пасекъ, II, 83, 92.
 Насторій, II, 67, 137, 142, 143.
 Пастричъ Іеронимъ, II, 240, 583.
 Пахомій, архіеп. астрах., II, 454.
 Пахомій, серб. мон., II, 571, 572.
 Пацы, III², 163, 211.
 Пашковскій Мартынъ, II, 133, 149, 161, 172 — 175, 302, III¹, 202, 255.
 Пеикичъ, Каретъ, II, 277.
 Пековчикъ, II, 161.
 Пекосинскій Ф., III¹, 166, 167.
 Пельгримовскій Илья, II, 188, 189.
 Пельцель, I, 30, II, 68, III¹, 10.
 Пенёнжекъ, стар. сан., III², 81.
 Перебийнось, I, 195, III², 148.
 Пергошичъ, II, 257, 261, III², 130.
 Перинштейнъ Вильгельмъ, III¹, 119.
 Перинштейнъ Вратиславъ, III¹, 127, 128, 247.
 Перинштейнъ Іоаннъ, III¹, 84.
 Перунъ, I, 108, 179, 185, 187, 64, II, 424.
 Петанчичъ Феликсъ, II, 208.
 Петка, II, 424, 569.
 Петретичъ, II, 257, 261, 262, 266.
 Петровичъ Василій, митр. черног., II, 205, 308.
 Пётровскій, чеш. бр., III², 257.
 Петрыжицкій, каз. ст., III², 218.
 Петръ I Великій, I, 87—89, 194, 206, II, 9, 18, 20, 211, 216, 232, 247, 279, 307, 308, 343,

- 348, 350, 369, 384, 386 — 390,
392, 393, 400, 401, 408—411,
413—415, 420, 470—490, 494,
498, 500, 513, 595, III², 28, 29,
55, 56, 275.
- Петръ П, I, 88.
- Петръ III Теодоровичъ, I, 88, II,
414.
- Петръ, ц. болг., I, 64.
- Петръ изъ Младеновицъ, III¹, 40,
III², 251.
- Петръ Жатецкій, попъ, III¹, 76,
77, III², 274.
- Петръ изъ Враньяго, III¹, 252.
- Петръ Полякъ, III¹, 62, 86, 176.
- Петръ изъ Пробошовицъ, III¹, 249.
- Пешина изъ Чехорода, 63, 64, 611.
- Пеячевичъ Яковъ, II, 239.
- Пилецкіе, II, 151, III², 62.
- Пилецкій Петръ, пис., III¹, 244, 245.
- Пилецкій, стар., III², 81, 83.
- Пименъ, митроп., II, 427.
- Пинскіе, III², 154.
- Планкаръ изъ Кинсперка Іоаннъ,
III¹, 243.
- Плиний, II, 6, 117, 143.
- Повала, поль. гербъ, III², 189.
- Подбузскіе, паны Ранскіе, I, 134.
- Подвысоцкіе, III², 80.
- Погодинскій Варс., III¹, 154.
- Подкова, поль. гербъ, III¹, 233.
- Подманцикіе, I, 138, III¹, 95.
- Подѣбрадскій Юрій, кор. чеш., I, 27,
II, 107, III¹, 98—112, 131, 231,
242, 247, 252, 261, III², 274.
- Полидамъ Валентинъ, II, 125.
- Поликарповъ Федоръ, II, 474—478,
481, 482, 487, 592.
- Поликарпъ (его еванг.), II, 566.
- Полоусъ, каз. ст., III², 218.
- Полубенскіе, III², 171.
- Полубенскій, кн., III², 215.
- Помяны, поль. родъ, III¹, 167, III²,
189.
- Понтанъ, II, 12, 257.
- Понятовскій Ст. Авг., см. Стани-
славъ Авг. П.
- Попели, III², 81.
- Попель Никол., посолъ нѣм., II,
398, III¹, 116.
- Попель, II, 141, 427.
- Поповичъ Іоаннъ, словен. уч., II,
301.
- Порай, поль. г. и. р., I, 137, III¹,
166.
- Порыцкіе, III², 171.
- Посиловичъ, II, 264, 267, 273.
- Поссевицъ, II, 278, 404, 408.
- Потоцкіе, III², 70, 127, 207.
- Потоцкій Вяч., II, 84, 164, 167,
178 — 180, 380, III¹, 170, 198,
211, III², 138, 147.
- Потоцкій (Стан.), гетм., III², 78.
- Потоцкій Ник., гетм., II, 190, III²,
144.
- Потоцкій Андр., тов. Соб., II, 383,
III², 116.
- Потоцкій Іоаннъ, гр., II, 146, III¹,
19.
- Потоцкій Феликсъ, II, 98.
- Потѣи, III², 211.
- Потѣй Ипат. (Потѣй), II, 435, 447,
III², 48, 57, 136.
- Похлянь Маркъ, II, 299, 300.
- Прай, ист. уг., II, 255.
- Предимирскіе, III², 81.
- Прекора Яковъ, III¹, 176.
- Премысловичи, кн. чеш., I, 23, 25,
101, 109, 143, III¹, 21, 22, 230,
231.
- Премысль, родонач., I, 145.
- Премысль (Премыславъ), кор. поль.,
I, 33, II, 427, III¹, 2.
- Премысль Отакаръ I, кн. чеш., I,
24.
- Премысль Отакаръ II, к. ч., I, 24,
25, 45, 57, II, 25, 74, 339, 462,
III¹, 24—27, 35, 107, 159, 254,
III², 244.
- Прецлавскій, III¹, 135.
- Прибосевичъ Вик., II, 229.
- Прибыславъ, кн. I, 19.
- Прибыславъ, сынъ Лестька, II, 106.
- Принцъ Дан., изъ Бухова, II, 246.
- Приемскій, III¹, 135.
- Проконій, св., II, 28, 30, 31, 242,
519, 535, 541, 544, 548, 560,
604, 605, III¹, 105, III², 244.
- Проконій, ист., II, 30, 39, 117,
143, 435, 502, 504.

Прокоповичъ Оеофанъ, II, 232, 473, 486, 494.
 Прокопъ Великій, попъ, I, 27, III¹, 68, 69, 72, 76, 77, 158.
 Протива, еписк., II, 543.
 Прусиновскій Вильг., еп. олом., III¹, 124.
 Прусовскій, панъ, III¹, 233.
 Псевдо-Берось, II, 7, 14.
 Птоломей, II, 6, 39, 117.
 Пубичка, II, 67, 68.
 Пугачовъ, I, 89, 169.
 Пузыны, III², 171, 211.
 Пулкава, лѣтоп., II, 31, 32, 42, 108, 110, 125, 420, 449, 610, 611, III¹, 6, 86.
 Путятинскіе, III², 81.
 Пуффендорфъ, ист., II, 479.
 Пухала Добеславъ, III¹, 62, 64, 65, 68, 69.
 Пухалы, поль. родъ, III¹, 167.
 Пуховскій Іоаннъ, II, 59.
 Пуховскій, лѣтоп., II, 37.
 Пуховскій Сигизмундъ, II, 59.
 Пуцичъ-Солтановичъ, II, 362.
 Пѣтинескій, ротм., III¹, 253.
 Пѣнь, свящ., III¹, 68.
 Пясецкій Павелъ, еписк., II, 74, 93, 101, 167, 248, 441, 520, III¹, 123, III², 23, 74, 75, 138.
 Пястовичи (Пясты), I, 84, 101, 102, 109, 139, 143, 183, III¹, 23, 29, 30, 33, 163, 230, 231, III², 12—14.
 Пясть, I, 31, II, 79, 427.

Р.

Рава, поль. гербъ, III², 189.
 Рагоза Михайлъ, митр. кiev., III², 214.
 Рагозинскій, попъ, III², 162.
 Радзивиль Николай, II, 146, 147, III¹, 222, III², 211.
 Радзивиль Явушъ, III¹, 143.
 Радивиль, II, 76, III², 207.
 Радивилы (Радзивилы), I, 139, II, 152, 190, 292, III², 163, 171, 211.
 Радигость, слав. бож., II, 64.
 Радимъ, I, 105, II, 6, 111, 124, III², 3.

Радимъ, архіеп. поль., III¹, 169.
 Радичъ Оома, іез., III², 270.
 Радничъ, II, 264, 273, 439.
 Радославъ, кн. сербск., I, 56, 450.
 Раду, воевода, I, 69.
 Разинъ Стенька, I, 87, 168, 169.
 Раичъ, II, 37, 233, 238, 253, 254, 307, 308, 390, 512, 595.
 Ракоцы Ф., II, 410, III², 56.
 Ранина Н., III², 38.
 Рановичи, I, 134.
 Раткай, ист., II, 34, 233, 242, 243, 245, 262.
 Ратоміръ, кор. гот., II, 223.
 Рачинскій Вышекъ, III¹, 62.
 Рачко Юрій, панъ, III², 192, 193.
 Рашковичи, серб. родъ, I, 147.
 Рдестъ, I, 139.
 Рева, истор., II, 34, 61.
 Рей изъ Нагловиць, II, 41, 160, 161, III¹, 209, 246, III², 36, 67, 76, 117, 138—141.
 Рельковичъ, II, 266, 267.
 Ремеделли Діонисій, II, 217.
 Ременовскіе, III², 68.
 Рикардъ, уг. монахъ, III², 7.
 Ритеревици (Рытеровскіе), III², 68.
 Риттеръ-Витезовичъ, см. Витезовичъ.
 Ришелье, II, 96.
 Ричарди Петръ, II, 381.
 Роговскій Палладій, II, 473.
 Рожаницы, яз. слав. бож., I, 185.
 Роза (Ружичъ), Март., II, 232.
 Розенберги, чеш. родъ, I, 137, 166.
 Розенбергъ, панъ (его „Книга“), I, 175.
 Розенбергъ Вильгельмъ, II, 72, III¹, 125, 127—130, 134—141.
 Розенбергъ Генрихъ, панъ, III¹, 38.
 Розенбергъ Ульрихъ, панъ, III¹, 84, 179.
 Розвятовскіе, III², 80.
 Рокита Янъ, чеш. братъ, III¹, 189, III², 243, 258—260.
 Рокицана, Янъ, II, 134, 177, III², 252, 253.
 Романовичи, III², 16, 17.
 Романовскіе, III², 67, 68.
 Романовы, II, 77.

Романъ Мстисл., кн. вол., III², 16, 17, 58.
 Роса Вяч., грамм., II, 63—65, 234.
 Ростиславичи, кн. гал., III², 15, 16.
 Ростиславъ, кн. рус., III², 58.
 Ростиславъ, кн. мор., I, 11, 22, 23, 63, II, 9, 23, 30, 428, 430, 448, 453, 455, 586, 589, 590, 607, 609, III¹, 165.
 Росъ, II, 109, 110, 124, 144.
 Рубичъ, II, 200, 239.
 Рудольфъ, еп. лавантскій, пап. легатъ, III¹, 102, 104, 107, 110, 179.
 Рудольфъ Габсбургскій, III¹, 24—26.
 Рудольфъ (австр.) I, кор. чеш., III¹, 81.
 Рудольфъ II, кор. чеш. (и имп.), I, 29, II, 426, 611, III¹, 135, 140, III², 266.
 Рудольфъ, кронпр., III², 27.
 Ружинскіе, III², 171.
 Ружичъ Ст., свящ., III², 275.
 Руликъ Іоаннъ, II, 100, III¹, 164.
 Румовскій, II, 511.
 Русдорфъ Павелъ, III¹, 75.
 Русиновскій, III¹, 152.
 Русичъ Стеф., II, 388, 389, 392, 409, 584.
 Русъ, праот. русовъ, II, 6, 19, 65, 105, 108 — 111, 114, 118, 124, 134, 135, 142, 145, 238, 242, 243, 245, 368, 439, 443, 447.
 Рутскій Венѣям., митр. ун., II, 451.
 Рыба, чеш. братъ, III¹, 188, 189.
 Рыботицкіе, III², 68.
 Рыло Максимиліанъ, еп. холм., III², 273.
 Рысинскій, II, 41, III¹, 247.
 Рюриковичи, I, 80, 102, 103, 109, 134, 143, II, 77, 111, 434, III¹, 116, III², 13, 14, 17, 58, 151, 169—171, 176.
 Рюрикъ, I, 78, 79, II, 433, 434, 436, 437, 440, 445, 447, 449, 457, 483, 500.
 Рѣпинъ, II, 418.
 Рябининъ, рус. рапсодъ, I, 196.

С.

Сабелликъ, ист., II, 7, 112, 117.
 Сава, королева, II, 105.
 Сава (его еванг.), I, 205.
 Сава, св., учит. слав., II, 577.
 Сава, архіеп., I, 57, II, 394, 424, 450, 569, 571.
 Сава Петровичъ, черног. влад., II, 205, 412.
 Сава Владиславичъ (Рагузинскій), II, 387, 389, 409, 471, 486.
 Савва Романовъ, II, 575.
 Савватій, справщ., II, 575.
 Савонарола, III², 235.
 Сагайдачный Конашевичъ Петръ, гетм., II, 178, 374, 453, III², 215, 220.
 Сагайдачный Григорій, атам., III², 220.
 Сакмарди Иванъ, II, 354.
 Саковичъ, К., II, 435, 552, III², 44, 219.
 Саковичъ Андр., воен., III², 170.
 Саковичъ Грынъ, III², 194.
 Саксонъ Грам., II, 117, 492.
 Самуилъ, ц. болг., I, 64, II, 201, 203.
 Самуилъ изъ Праги, III¹, 254.
 Самуилъ Конка, I, 195.
 Самъ (Same), кн., I, 45.
 Сангушки (Сонгушки, Сенкушки), III², 154, 171.
 Сангушко Димитръ, III², 253.
 Сандакъ Храничъ, I, 103.
 Саноцкій, ученый, II, 43.
 Салега Алекс., кн., II, 100.
 Салега, канцл., II, 188, 190, III², 23, 202.
 Салеги (Сопеги), III¹, 157, III², 172, 211.
 Сарбевскій, II, 62, 161.
 Сарницкій, ист., II, 34, 41, 71, 101 — 103, 106, 126—129, 132, 206, 315, III¹, 19, 190, 247, 255, 257.
 Саскій Іоаннъ, II, 238.
 Сатановскій Арс. II, 472.
 Свантоборичи, помор., родъ, I, 134.
 Сварогъ, I, 179, II, 423, 424.

Сварожичъ, сл. бож., I, 17, 179, 185, 187—190, II, 424.
 Сватава, кн. поль., III¹, 22.
 Свачичъ Петръ, I, 49.
 Свевладъ, кор. гот., II, 223.
 Севъ, II, 6, 15.
 Свилоевичъ, юнакъ, I, 192.
 Свистельницкіе, III², 68, 80, 102.
 Свобода Проконій, II, 242.
 Свойше изъ Заградки, III¹, 89.
 Свѣтликъ Юрій, III¹, 18.
 Свѣтъбогъ, I, 108, 179.
 Свѣтовитъ, из. бож., I, 16, 64, 179, 185, II, 39.
 Святогоръ I, 194.
 Святополкъ, кн. мор., I, 17, 23, 107, II, 17, 23, 126, 223, 224, 250, 251, 428 — 430, 448, 449, 453, 455, 520, 531, 586, 610, 611, 616, III¹, 165, 230.
 Святополкъ, кн. мор. (XII в.), III¹, 5.
 Святополкъ Владимировичъ, I, 180, II, 397.
 Святославъ, кн. русс., I, 64, 78, II, 401, 533.
 Святославъ, десп. болг., II, 569.
 Седовскій Яковъ, III², 134, 135, 148.
 Сенковскій, III², 7.
 Секлюціанъ Іоаннъ, III¹, 228, III², 36.
 Секула, юнакъ, I, 192, 193.
 Селява Анаст., архиманд., II, 596.
 Семечка изъ Семчицъ, III¹, 39.
 Семовитъ, кн. поль., II, 251, 610.
 Сендзивой изъ Остророга, III¹, 73, 86, 181.
 Сенникъ Мартынъ, II, 59, 151.
 Сенницкій, III¹, 214, III², 140.
 Сениавскіе, III², 62, 70.
 Сениавскій, тов. Іоан. Соб., II, 383.
 Сениавскій, III², 23.
 Сониавскій Іеронимъ, воев. русс., III², 116.
 Сербъ, праот. серб., II, 6, 106.
 Серветъ, III², 235.
 Сецинскій Стан., еп., III², 74, 75, 78, 79.
 Сибицяннинъ Янко, юнакъ, II, 192.
 Сива, слав. бож., II, 64.

Сигизмундъ I Вел., кор. поль., I, 36, II, 113, 172, 186, 209, III¹, 118 — 121, 142, 215, 223, 238, 341, 242, 247, 252, III², 2, 47, 51, 52, 102, 103, 106, 112 — 114, 166, 170, 179, 181—183, 193.
 Сигизмундъ II Августъ, кор. поль., I, 36, II, 59, 78, 147, 163, 407, 425, 596, III¹, 124 — 127, 185, III², 70, 166, 167, 188, 189, 198, 212.
 Сигизмундъ III, кор. поль., I, 38, 84, 90, II, 72, 178, 189, 192, 193, 381, 453, III¹, 141 — 148, 150, 155, III², 202, 206 — 208, 220, 269.
 Сигизмундъ, кор. чеш. и уг., I, 27, 50, 65, 70, II, 38, 128, 206, 450, III¹, 32, 36—38, 42—47, 49, 50, 58, 64—72, 75—80, 90 — 92, 110, 122, 151, 172, III², 93, 166, 250.
 Сигизмундъ (Жигимонтъ) Кестутевичъ, III¹, 64, 77, 78, 84, III², 159, 163, 177, 178.
 Сигизмундъ (Жигимонтъ) Корибутовичъ, III¹, 52 — 70, 72, 77—79, 92, 150, III², 153, 154.
 Сигизмундъ Грубый изъ Еленя, II, 48, 49, 52, 53.
 Сигизмундъ изъ Пухова, II, 40, III¹, 8.
 Сидичъ, II, 261.
 Сикстъ IV, папа, II, 447.
 Силимѣрь, кор. гот., II, 223.
 Сильвій, см. Эней С.
 Симеонъ, св. (Стефанъ Пѣм.), I, 103, II, 427, 569, 571.
 Симеонъ, мнихъ—писецъ, II, 567.
 Симеонъ, инокъ сузд., II, 402, 573, III², 267.
 Симеонъ Полоцкій, II, 472.
 Симеонъ Борисовичъ, царь бол., I, 63, II, 202, 203, 424, 524, 525, 532, 533, 584, 585.
 Симеонъ, кн. моск., I, 81.
 Симеонъ Логоветъ, лѣт. виз., II, 109, 431.
 Симоновскій, II, 484.

- Симъ, II, 138, 139.
 Сирко, каз. ст., III², 218.
 Ситовичъ Любушкій, II, 264, 267.
 Снѣъ, II, 139.
 Скала Павелъ, III¹, 144, 147, 148.
 Скарга П., II, 71, 94, 95, 99, 150, 549, 550, III², 54, 131, 132, 148, 156.
 Скандербегъ Юр. Кастриотичъ, II, 236, 369, 370.
 Скиданъ, каз. ст., III², 218.
 Скиригайло (Скирыгелло) Ив., III², 152, 153.
 Скорина Франц., II, 152, 292, 595 — 59^м, III², 43, 135, 213, 223, 225—228.
 Скринскій Дунинъ, Петръ, III¹, 139, III², 54.
 Скумиковичъ, III², 216.
 Скутечскій Викторинъ, II, 293.
 Славата Іоаннъ, III¹, 97.
 Славаты, III¹, 160.
 Славиборъ, кн., II, 30, III¹, 8.
 Славинецкій Епиф., II, 457, 460, 472.
 Славниковичи, III¹, 22.
 Славникъ, князь, II, 30.
 Славъ, праот. славянъ, II, 6, 105.
 Сладичъ, III², 272, см. тоже Дольчи.
 Сливскій Яковъ, III², 79.
 Слуцкіе, III², 171.
 Слѣповроны, поль. г. и р., I, 139, III¹, 167.
 Смирицкіе, I, 138.
 Смогоревскій, митр., III², 239.
 Смолька Ст., III², 4, 155.
 Смотрицкій Мелет., II, 257, 322, 332, 363, 435, 451, 452, 465, 474, 475, 477, 487, 552, 579, 592, 593, III², 44, 53, 216.
 Собескіе, III², 126.
 Собескій Іоаннъ, кор. поль., I, 40, II, 83 — 86, 92, 97, 169, 178, 179, 183, 349, 378, 380 — 383, 392, 393, III¹, 162, III², 55, 117.
 Собѣборъ, вельм. Славников., III¹, 22.
 Собѣславъ, сынъ Лестѣка, II, 106.
 Собѣславъ Вратисл., кн. чеш., III¹, 22.
 Совинскій Павелъ, III¹, 69.
 Совичъ, II, 593.
 Соколинскіе, III², 211.
 Соколовскій Станис., II, 606, III¹, 170.
 Соколовскій Іоаннъ, III¹, 253.
 Сокольниковскій Михаилъ, II, 411.
 Соларичъ Пав., II, 278, 593.
 Соликовский, III², 110.
 Соловей Будимировичъ, I, 194, 195, 196.
 Соломирецкій, III², 171.
 Сосновскій Григорій, III², 69.
 Сосновскій Иванъ, III², 69.
 Софія, царевна греч., I, 82.
 Софія, жена Вл. Ягайла, III², 156, 165.
 Софія, королевна поль., II, 148.
 Софія, любовн. армян. Ивашки, III², 47.
 Софоновичъ Θεод., II, 443, 444, 461.
 Спаарій Николай, II, 348.
 Спытекъ изъ Мельштына, III¹, 176, 183, III², 18, 63.
 Спычинскій Іерон., II, 140.
 Срацимиръ, царь болг., I, 65.
 Ставеръ, богатырь, I, 193.
 Ставровецкій, II, 435, 466, 599, III², 44.
 Стадницкіе, III², 62, 70.
 Стадницкій, панъ, III¹, 190.
 Станимирскіе, III², 52, 68.
 Станиславовъ Филиппъ, II, 601, III², 267.
 Станиславъ, св., II, 140, 548, III¹, 25, 68, 105, 170.
 Станиславъ Августъ Понятовскій, I, 41, II, 97, 98, 183, 388.
 Станиславъ Лещинскій, II, 388, 414.
 Станиславъ Горка, III¹, 128, 129.
 Станиславъ, воев. калиш., III¹, 181.
 Станиславъ изъ Доброй Воды, III¹, 39.
 Станиславъ изъ Скарбимѣря, III¹, 173.
 Станиславъ, мон. лѣсн., II, 563.
 Старовольскій Симонъ, I, 162, II, 93, III¹, 156, 202, III², 139, 147.

Статорій (Сторняскій), II, 150.
 Сташиць Стан., II, 97, 98.
 Стефанъ Свят., кор. уг., I, 69, 71, 74, II, 450, III², 15.
 Стефанъ, еп. перм., II, 396.
 Стефанъ Сурожскій, св., II, 430, 431.
 Стефанъ Войславъ, кн., I, 56.
 Стефанъ Неманя, I, 56, 57, 144, II, 220, 221, 224, 394, 557.
 Стефанъ Первовѣнч., сынъ с. Немани, I, 57, II, 224.
 Стефанъ Урошь, кр. серб., I, 57, 58.
 Стефанъ Драгутинъ, I, 57, 71.
 Стефанъ Милутинъ, I, 57, II, 203, 570.
 Стефанъ Дечанскій, I, 58, II, 221, 224, 424, 562.
 Стефанъ Душанъ, I, 58, 175, II, 29, 203, 394, 541, 571, III¹, 31.
 Стефанъ Лазаревичъ, десп., I, 59, II, 394, 424, 562, III², 250.
 Стефанъ Тврдко, кор. босн., I, 50, 59.
 Стефанъ Остоя, см. Остоя.
 Стефанъ Оумичъ, кор., I, 60.
 Стефанъ Баторій, I, 38, II, 312, 408, III¹, 136, 138, 255, III², 218.
 Стефанъ, воев. молдав., III², 101, 106.
 Стефанъ Косача, воев., II, 213.
 Стефанъ Истриявинъ, II, 259, 260, 264, 267, 285, 286, 288, 290, 291, 293.
 Стефанъ изъ Вербовца (Вербѣчи), III², 130.
 Стоенскій, см. Статорій.
 Стойковичъ Иванъ, доминик., III², 273, 274.
 Стоянъ, юнакъ, I, 192.
 Страбонъ, II, 6, 37, 117.
 Стражскій Янъ, III², 251.
 Странскій, II, 611, III², 254.
 Странѣнскій Я., II, 293.
 Страшъ, III¹, 176.
 Страхота=Меоодій, св., II, 31, 605.
 Стредовскій Іоаннъ, II, 64, 611, 612.

Стрезислава, княгиня, II, 31.
 Стрибогъ, дз. богъ., I, 179, 184.
 Стриттеръ, II, 505, 506.
 Струтинскіе, III², 68, 80.
 Стрыйковскій Матв., ист., II, 34, 41, 72, 89, 101, 103, 106, 109, 113, 121 — 127, 169, 173—175, 187, 363, 424, 438, 441, 442, 444 — 446, 454, 483, 505, III¹, 247, 254, 262, III², 14, 139, 147, 163.
 Стряла, III¹, 135.
 Стырь, богатырь, I, 183.
 Суворовъ, полков., II, 512.
 Суворовъ Максимъ, II, 592.
 Судетскій, II, 21, 43, 45.
 Сулима, кав. ст., III², 218.
 Сумароковъ, II, 412, 509.
 Суровецъ, дьякъ, II, 573.
 Сухановъ Арсеній, II, 570, 615.
 Суша Яковъ, еп. холм. униат., III², 55, 58.
 Сыновцы изъ Сандовицъ, бр., III¹, 242.

Т.

Талафусъ, III¹, 229.
 Тамъ Карлъ, II, 69.
 Таннеръ, іез., II, 555.
 Тарло, III¹, 135.
 Тарло Андрей, III², 110.
 Тарлы, III², 62.
 Тарасъ В., III², 134.
 Тарновскій, папъ (у Варшавиц.), II, 134.
 Тарновскій I., III¹, 184, 257, 259, 261.
 Тарновскій Стан., гр., II, 91.
 Тарновскій Спытекъ, III¹, 58, III², 81, 82.
 Татищевъ В., II, 446, 486, 490—499, 506, III², 216.
 Таубертъ, акад., II, 499.
 Тацитъ, II, 6, 14, 15, 117.
 Твардовскій Сам., II, 160, 161, 176, 177, 190, 191, 193, 194, III¹, 78, III², 147.
 Твиско, праот. герм., II, 6, 14, 38.
 Тевкадъ, вождь нѣмцевъ, II, 33, 38.

Тевтонъ, вождь нѣмц., II, 38.
 Текели, II, 84.
 Теодорикъ, III², 10.
 Тержичъ Лука, II, 283.
 Терлепкіе, III², 80.
 Терлецкій Мееодій, II, 310, 581, 582, III², 48, 58, 264, 268, 269.
 Тидагъ, еп. праж., III¹, 4.
 Тисаровскіе, III², 80.
 Титмаръ, еп. праж., III¹, 4.
 Титмаръ мерзебург., лѣтоп., I, 15, II, 13, 17, III¹, 3, 21, 109.
 Тицинь, іез., II, 18, 21, III¹, 17, 18.
 Томицкій Петръ, III¹, 118, 121, 189.
 Тошоръ, поль. гербъ, III², 189.
 Трановскій изъ Тѣшина, III¹, 233.
 Тредьяковский, II, 412, 500, 501, 503, 505—508, 508, 512.
 Трембецкій Стан., II, 98, 168, 183, 184, 185, 195—197.
 Триглавъ, язич. бож., I, 185.
 Троилъ Святопольскій, II, 44, 45.
 Тройдевъ, кн. маз., III², 17.
 Троянь, I, 5, 185, 187, II, 424.
 Труберъ, II, 21, 257, 259, 260, 266, 270, 285 — 288, 290, 291, 294, 296, 297.
 Тугаринъ Змѣевичъ, I, 193.
 Турновскій Симеонъ, II, 553, III¹, 174, 179, 186, 189, 191, III², 257, 258.
 Турпъ Францъ, графъ, III¹, 136.
 Туробойскій Іос., II, 473.
 Тустановскіе, III², 81.
 Тышковичи, родъ, III¹, 157.
 Тышковичъ, гетм., III², 218.
 Тяпинскій Вас., II, 598, 599.
 Тѣнчинскіе, III², 62.
 Тѣнчинскій Андр., II, 165.
 Тѣнчинскій, панъ, II, 135.

У.

Угартъ, III¹, 160.
 Ульрихъ, кн. чеш., III¹, 6, 21.
 Ульрихъ Червенка изъ Ледець, III¹, 97.
 Ульрихъ изъ Смолотель, III¹, 97, 252.

Ульрихъ, схол., III¹, 24.
 Уигнадъ Іоаннъ, бар., II, 285, 290, 292—294.
 Униръ Ляхій, поцъ, II, 528, 573.
 Урбанъ VIII, папа, II, 576, 581, III², 262, 263.
 Урбанъ изъ Старицы, III¹, 252.
 Урбихъ, II, 484.
 Устрицкіе, III², 81.
 Устрицкій Викент., II, 172, 179, 180.
 Уханскій Яковъ, арх., II, 76, 550, III¹, 185.

Ф.

Фабриціусъ Богум., III¹, 19.
 Фабриціусъ Донатъ, III¹, 17.
 Фантинъ de Valle, III², 274.
 Фаренсбахъ, III¹, 149.
 Фарлати, II, 238, 239.
 Федоръ Ивашъ, царь, I, 84, III², 70, 128, 130, 271.
 Федоръ Алексѣевъ, царь, II, 244, 349.
 Федоръ Коріатовичъ, кн. лит.-рус., I, 70; см. Коріатовичъ.
 Федоръ Корибутовичъ, III¹, 78.
 Федоръ Ольгирдовичъ, III², 154.
 Федоръ Любартовичъ, кн., III², 83.
 Феликсъ изъ Панёва, III¹, 63.
 Фердинандъ I, кор. чеш., I, 28, 51, II, 125, III¹, 15, 120—126.
 Фердинандъ II, к. ч., I, 29, II, 276, 580, III¹, 145, 148, 155, III², 266.
 Фердинандъ III, к. ч., II, 262, 310.
 Фердинандъ, братъ имп. Максимилиана, III¹, 133, 136.
 Феричъ, II, 264, 390, 392, III², 275.
 Филалетъ Христоф., III², 53.
 Филипецъ Іоаннъ, еп., II, 208.
 Филиповичъ, II, 266.
 Филиппъ, кор. исп., III¹, 156.
 Фирлей, III¹, 135, 255.
 Фишеръ, совѣт. ярцг. Альбр., III¹, 149.
 Флетчеръ, II, 590.
 Фойгтъ, II, 68.
 Фока, имп. виз., II, 341.

Фотій, патр., II, 453—455, 613.
 Франконанъ, I, 50, 52, 103, 170,
 II, 84, 211.
 Франковичъ Матв. Влачитъ, II, 293,
 294, III¹, 186.
 Францискъ, лѣтоп. чеш., III², 18.
 Францъ Іосифъ, III², 27.
 Фредро Андрей, II, 93.
 Фредро Іоаннъ, III², 80.
 Фредро, воевода, III¹, 123.
 Фредры, III², 62, 63.
 Фрѣлихъ, книгопр., II, 292.
 Френцель Авраамъ, II, 20, 21, 293,
 484.
 Френцель Михаилъ, свящ. сербск.,
 II, 18, 20, 409, III¹, 16, 17, 18.
 Френцель Мих., сынъ его, II, 20,
 21.
 Фридрихъ I, имп., III¹, 6, 250.
 Фридрихъ III, имп., I, 50, II, 86,
 III¹, 91, 95, 103, 115, 116.
 Фридрихъ II, кор. прус., I, 41, II,
 413, 414, 418, III¹, 156, 163.
 Фридрихъ, курф. пфальц. и кор.
 чеш., III, 145, 146, 150, 154,
 158.
 Фридрихъ, бранденб. курфюрстъ,
 III¹, 98, 100, 107, 108.
 Фридрахъ, кн. слезско-легн., III¹,
 120.
 Фрицъ, II, 22.
 Фришъ Іоаннъ, учен., II, 507.
 Фрозинъ Антонъ, II, 65.
 Фьоль Швайполтъ, II, 550, 572,
 573, III¹, 183, III², 226.

Х.

Хабделичъ Юр., II, 262, 266.
 Ханенко, гетм., III¹, 258, III², 218.
 Хвалибогъ, I, 108.
 Хвалъ, табор., III¹, 55.
 Хвальчевскій Станиславъ, II, 109,
 115, III¹, 259, 260.
 Хекторовичъ, II, 264, 265, 355,
 370, 371.
 Хельцикій Петръ, II, 134.
 Херасковъ, II, 412.
 Хервоя, воев. босенск., I, 50.
 Хиленцкіе, III², 68.

Хилковъ, кн., II, 483.
 Хитрей, учен., II, 21.
 Хлебовскій, II, 173—175.
 Хмѣльницкій Богданъ, I, 86, 168,
 195, II, 177, III¹, 258, III², 27,
 127, 128, 148, 218, 219.
 Хмѣльницкій Тимофей, I, 196.
 Ходаковскій, II, 139.
 Ходецкіе, III², 62.
 Ходкевичъ Карлъ, II, 160, 178,
 190, 374.
 Ходковичи (Ходкевичи), родъ, III¹,
 157, 211.
 Ходковичъ Алекс. Иван., III², 195.
 Ходковичъ Григорій, сынъ Ал., II,
 600, III², 196.
 Ходковичъ Ивашка, III¹, 96.
 Ходоровскіе, III², 61, 67, 68.
 Хомутовскій Юрій, III¹, 253.
 Хомяковъ, II, 197.
 Хорсъ-Хръсъ, I, 108, 179, 184, 185,
 II, 424.
 Хотки, чеш. родъ, III¹, 160.
 Хотовскій, шляхт. поль., III¹, 137,
 214.
 Хорпвъ, II, 111, 124.
 Храбръ, чернориз., II, 255, 280,
 468, 584, 588, 590, 602, 614.
 Храповицкій А. В., II, 420.
 Хребтовичъ, II, 98.
 Хребтовичъ Ив., III², 180.
 Хрѣстовскій, свящ., III², 211.
 Христіанъ, кн. легицкій, III¹, 230.
 Хросьцинскій Войтъ, II, 179.

Ц.

Цамблакъ, см. Григорій Ц.
 Цебровскіе, III², 63.
 Цельтесъ Конрадъ, III¹, 244.
 Циприаничи, III², 274.
 Црноевичи, I, 60.
 Цръга = Кирилъ св., II, 31, III²,
 254.
 Цръвичъ (Черва), Илья Людовикъ,
 II, 200, 208, 224 — 226, 242,
 243, 294, 303, III¹, 116, III²,
 275.
 Цтиборъ изъ Цимбурга, I, 175,
 III¹, 111, 248.

Цырусь Іоаннъ, III¹, 125—127.
Цѣхановскій, еп. холм., III², 125.

Ч.

Чайковскіе, III², 68.
Чаки Матвій, I, 70.
Чапекъ Іоаннъ изъ Санъ, III¹, 71,
73, 86, 89, 90, 95, 98.
Чаплицы, III², 211.
Чаряковскіе, поль. родъ, I, 138.
Чариковскій Іоаннъ, лѣт., III², 168.
Чедолини Петръ, еп., II, 210, 404,
III², 269, 270.
Чежелитскій Матіашъ, III¹, 117.
Чеперовскіе (Лопатичи), III², 65,
67.
Черва, ист., см. Црѣвичъ.
Червенка, III¹, 189, 248, III², 256,
259.
Черкаскіе, III², 61.
Чернинъ, графъ, II, 471.
Чернинъ изъ Худениць, III¹, 252.
Чернины, III¹, 160.
Черный, чеш. братъ., III¹, 189.
Черный Іоаннъ, гейт. чеш., III¹,
254.
Четвертивскіе, III², 171.
Чеховичъ М., II, 597, III², 211.
Чехъ, праот. чеховъ, II, 6, 19, 31,
32, 37—43, 45, 65, 67, 68, 94,
105, 108—121, 123—125, 128,
134—136, 141—145, 199, 201,
209, 231, 233, 238, 242, 243,
368, 427, 439, 443, 447, III¹,
152, 153, 159.
Чижевскій Іоаннъ, II, 75.
Чолганскіе, III², 52, 80.
Чорторыйскіе, I, 139, III¹, 157,
III², 171.
Чубрановичъ Андрей, II, 355.
Чурила Пленковичъ, I, 194, III²,
143.

Ш.

Шайноха, III¹, 166, 167, III², 63,
126, 127, 155, 204.
Шалеть Яковъ, II, 380.
Шаникъ Іоаннъ Леонтіевичъ, II,
551.

Шаринскій—Семь Ник., III², 138,
141.
Шарфенбергеръ, III¹, 184, 222.
Шафранецъ Іоаннъ, еписк., III¹, 50,
59, 66.
Шафранецъ Петръ, III¹, 59, 62,
63, 82.
Шафранецъ, его сынъ, III¹, 59, 63.
Шафранецъ Станисл., III¹, 129.
Шафранцы, шляхет. родъ, III¹,
59, 64—67, 135.
Швайцолтъ, см. Фьоль Ш.
Шварценберги, III¹, 159.
Швегла, III¹, 229.
Швитригайло Левъ Болеславъ Але-
ксандръ, в. кн. лит., III¹, 63, 67,
69, 70, 72, 75, 77, 79, 253, III²,
61, 83, 117, 152, 158, 159, 171,
177, 178, 185—187, 205.
Шенлебенъ, II, 250, 298.
Шентяцкіе, III², 52, 68, 80, 102.
Шереметевъ Борисъ, III², 55.
Шидловецкіе, поль. родъ, III¹, 243.
Шидловецкій Николай, III¹, 243.
Шидловецкій Христоф., II, 58, III¹,
120, 243.
Шимекъ, II, 66.
Шимоновичъ Ш., III², 138, 144.
Шимоновскій, II, 161, 191.
Шиншгоричъ Юрій, II, 199.
Шиншковъ, II, 513.
Шиншмановичи, I, 63.
Шиншмановичъ Михаилъ, I, 65.
Шиншманъ, царь, см. Іоаннъ Шиншм.
Шлецеръ Авг., II, 67, 499, 506,
514, 612.
Шомбергъ, фр. пос., III¹, 129.
Шпангенбергъ, II, 287.
Шпарки, III¹, 160.
Штарембергъ, II, 83, III¹, 160.
Штернберги, III¹, 160.
Штернбергъ Вяч., гр., II, 357.
Штернбергъ Ладиславъ, панъ, III¹,
118, 119.
Шуанонъ, III¹, 127.
Шубичи—Зринскіе, хорв. родъ, I,
138.
Шубичъ Павелъ, банъ, I, 50.
Шубичъ Младенъ, I, 50.
Шуйскій Мих., II, 396.

Шульцъ Парумъ, II, 13, III¹, 19.
 Шумахеръ, II, 414.
 Шумлянскіе, рус. родъ, III², 52, 68, 80.
 Шумлянский Іос., еп., II, 328, 435, III², 55, 56, 137.
 Шурцфелейшъ, II, 21.

Щ.

Щекна, III¹, 171.
 Щеконкій, стар., III², 81, 83.
 Щекъ, II, 111, 124, 447.
 Щербатовъ, ист., II, 34, 416, 505, 506.
 Щербичъ, III², 138, 148, 206.

З.

Эггенберги, III¹, 159.
 Эгингардъ, лѣтоп., II, 13, 117.
 Элеонора, австр. эрцгерц., III¹, 79.
 Эльснеръ Іоаннъ, III¹, 193.
 Эмануилъ Карлъ савойскій, III¹, 154, III², 266.
 Эмзеръ, II, 17.
 Эминъ, II, 506.
 Энгель, ист., II, 254.
 Энгельбертъ, III¹, 24.
 Эней (сынъ Анхиза), II, 104.
 Эней Сильвій, II, 7, 35, 37 — 39, 58, 110, 117, 125, 131, 133, 224, 248, 302, 303, 548, III¹, 41, 92, 180, 244, 246, III², 249.
 Д'Эонъ, франц. агентъ, II, 411.
 Эрдеды, I, 52.
 Эрнстъ Австр., сынъ имп. Максим., I, 139, III¹, 125—133, 136.
 Эшенлоэръ Петръ, писарь вратислав., III¹, 102, 104, 106, 107, 109, 113.

Ю.

Юговичи, I, 192.
 Юзетовичъ, III², 128, 138.
 Юлинацъ Пав., II, 307, 595.
 Юлій Цесарь, II, 5, 104.
 Юрикъ, пѣвецъ, I, 196.
 Юричичъ Юрій, II, 288.

Я.

Юрій Подѣбрадскій, см. Подѣбрадскій.
 Юрій II (Болеславъ Тройд.), князь, III², 8, 17, 18, 60, 108.
 Юрій изъ Гуменнаго, III¹, 148.
 Юстиніанъ, имп., II, 34, 113, 244, 341, 548.
 Яблоновскіе, III², 127, 207.
 Яблоновскій, кн., II, 67, 68, 143, 144.
 Яворскіе, III², 81.
 Яворскій Стеф., II, 473.
 Ягайло-Яковъ-Владиславъ, кн. лит. и кор. поль., I, 34, 84, II, 192, 193, 546, 553, III¹, 33—35, 37, 40, 42, 44—72, 75, 76, 78, 91, 108, 151, 170—176, III², 9, 19, 21, 45, 46, 52, 85, 124, 142, 152—159, 165, 167, 175, 177, 207, 247.
 Ягайловичи, I, 28, 84, 85, II, 27, 72, 75, 78, 82, 86, 93, 126, 163, 165, 169, 183, 186, 207, 209, III¹, 33, 34, 110, 114—116, 119, 123, 131, 138, 163, 247, III², 21, 161, 175, 189.
 Ядвига, II, 546, 550, III¹, 91, 171, III², 81, 108.
 Ядвига Фредровна, III², 66.
 Язловецкіе (— Бучацкіе), III², 62, 63.
 Яковъ Свинья, архіеп. гнѣз., II, 74, III¹, 28.
 Яковъ, арх. галич., III², 50, 66.
 Яковъ изъ Дамбна, III¹, 104, 242.
 Яковъ изъ Курелова, III¹, 249.
 Якубицъ Никол., II, 18, III¹, 15.
 Явшичи, юнаки, I, 192.
 Ямбрешичъ, II, 269.
 Яндить, II, 65.
 Яницкій, чеш. бр., III², 257.
 Янко Сибинянинъ (Іоаннъ Хуніядъ), II, 236, 369, 370.
 Янковичъ Миріевскій, II, 306, 595.
 Яновичи, паны чеш., I, 134.
 Янушовекій, III, 137, 148, 149.
 Янушъ изъ Тулишкова, III¹, 40.

Яня, бож. слав., I, 188.
 Янъ, II, 105, 107, 109.
 Янъ изъ Горки, предвод. поль.,
 III¹, 61—63.
 Янъ Заблоцкій, III¹, 215.
 Янъ Пардусъ изъ Горки, табор.,
 III¹, 61.
 Янъ изъ Кротошина, III², 259.
 Япель, II, 577.
 Яролинскіе, III², 52, 64.
 Яровитъ, яз. богъ, I, 179, 185.
 Яромиръ Брячисл., кн. чеш., III¹,
 22.
 Ярославичи, III², 171.
 Ярославна, I, 184.
 Ярославъ, архіеп., III², 93.
 Ярославъ Володимировичъ, I, 79,
 106, 175, 532, 571, III², 3.

Ярославъ Всеволодовичъ, I, 20.
 Ярославъ Святополков., III², 16.
 Ярославъ Омомысль, III², 105.
 Ярославъ, канон. площк., II, 105.
 Ясинскіе, III², 62.
 Ясинскій Варлаамъ, митр. кiev.,
 III², 55.
 Ястрембцы, III¹, 167.
 Язетъ, чеш. бр., II, 611.
 Яцекъ, панъ поль., III¹ 6.
 Яцковскій, III¹, 245.

8.

Теофилактъ, арх. болгар., II, 574.
 Теофанъ, діак., II, 466.
 Оома Сплѣтскій (архид.), II, 224,
 537.
 Оома изъ Пётркова, III¹, 249.

Въ продажѣ имѣются сочиненія того же автора:

- Славяне, ихъ взаимн. отнош. и связи, т. I (В. 1886). ц. 2 р.
„ „ „ „ „ „ т. II (В. 1888). „ 2 р. 50 к.
„ „ „ „ „ „ т. III, ч. I (В. 1890). „ 1 р. 50 к.
Словѣнскій языкъ и его судьба у народовъ Славян-
скихъ, Варшава, 1885 „ 1 р.
Отчетъ о научныхъ занятіяхъ за границу, В. 1883. 50 к.
Германизация Балтійскихъ Славянъ, СПб. 1876. „ 1 р. 50 к.

(Въ книжн. магаз. Карбасникова, „Новаго Времени“, Геруца и др.).

Цѣна 2 руб.

Складъ изданія у Н. Н. Первольфа
(Варшава, Гожая, № 30).

Handwritten signature

2007051276